Отдел Востоковедения.

ТУРКЕСТАНСКІЙ СБОРНИКЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

О ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ ВООБЩЕ

и

СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ СЪ НИМЪ СТРАНЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

В. И. МЕЖОВЫМЪ.

Томъ 91.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А Бенке), по Фонтанкѣ № 99.
1873.

ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ

К. РИТТЕРА

ГЕОГРАФІЯ СТРАНЪ АЗІИ

находящихся

ВЪ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ СЪ РОССІЕЮ

ВОСТОЧНЫЙ или КИТАЙСКІЙ ТУРКЕСТАНЪ

ПЕРЕВЕЛЪ, СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ КРИТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ, И ДОПОЛНИЛЪ ПО ИСТОЧНИКАМЪ ИЗДАННЫМЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ ТРИДЦАТИ ПЯТИ ЛѢТЪ

В. В. ГРИГОРЬЕВЪ

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПО КАѲЕДРѢ ИСТОРІИ ВОСТОКА

ИЗДАНО

ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

НА СЧЕТЪ КАПИТАЛА ПОЖЕРТВОВАННАГО П. В. ГОЛУБКОВЫМЪ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ — ДОПОЛНЕНІЯ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ — ИСТОРИКО ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1873

ВОСТОЧНЫЙ или КИТАЙСКІЙ

ТУРКЕСТАНЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ

		страницы
I.	Древнѣйшія извѣстія о Восточномъ-Туркестанѣ, индѣйскія, греческія и другія	3— 16
II.	Восточный-Туркестанъ по древнѣйшимъ китайскимъ извѣстіямъ	17— 56
III.	О Заимайской Скиѳіи и Серикѣ Птоломея . .	57— 78
IV.	Восточный-Туркестанъ съ прекращенія зависимости его отъ Китая въ концѣ II-го, до возстановленія этой зависимости, съ воцареніемъ Тханской-Династіи, въ первой половинѣ VII-го вѣка по Р. Х.	79—120
V.	Передній и обратный путь Сюань-Цзана по Восточному-Туркестану	121—163
VI.	Восточный-Туркестанъ въ-продолженіе существованія Тханской-Династіи (618—907 по Р. Х.)	164—193
VII.	Сказанія арабскихъ географовъ о Восточномъ-Туркестанѣ за время съ VIII по XI столѣтіе, преимущественно Эдрисіевы.	194—225
VIII.	Насколько дѣйствительно, и можетъ служить источникомъ для исторической географіи по отношенію къ Восточному-Туркестану, путешествіе араба X вѣка, Абу-Долефа	226—251
IX.	Восточный-Туркестанъ со времени паденія Тханской-Династіи до завоеванія его Монголами въ началѣ XIII вѣка	252—296
X.	Восточный-Туркестанъ съ завоеванія его Монголами въ началѣ XIII-го вѣка до покоренія вновь тѣми же Монголами, но подъ именемъ Калмыковъ, во второй половинѣ XVI столѣтія.	297—350

страницы

XI. Калмыцкое господство надъ Восточнымъ-Туркестаномъ, съ конца 70-хъ годовъ XVII-го до конца 50-хъ годовъ XVIII вѣка . . . . . 351—390

XII. Китайское господство надъ Восточнымъ-Туркестаномъ съ половины XVIII вѣка до возстанія страны въ 1826 году . . . . . 391—436

XIII. Восточный-Туркестанъ въ-продолженіе тридцатилѣтней борьбы Китайцевъ съ Ходжами изъ-за владычества надъ этою страною (1826—1857 г.) . . . . . 437—498

XIV. Восточный-Туркестанъ въ-теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ . . . . . 499—525

Настоящій отдѣлъ II-го выпуска „Восточнаго-Туркестана", заключая въ себѣ историко-географическія дополненія къ Риттерову труду по этому предмету на основаніи всѣхъ матеріаловъ сдѣлавшихся извѣстными съ 1837 года, является, съ тѣмъ вмѣстѣ, работою совершенно-независящею отъ Риттеровой, такъ-какъ я, въ дополненіяхъ этихъ, слѣдовалъ собственному моему плану, и, при составленіи ихъ, пользовался весьма многимъ изъ источниковъ которые были изданы до 1837 года, но которыхъ знаменитый берлинскій географъ не зналъ или, по крайней мѣрѣ, не употребилъ въ дѣло. Результатомъ такого отношенія къ предмету вышла книга которую, еслибы не было въ ней слишкомъ много географическаго, можно было-бы назвать „*Исторіею Восточнаго-Туркестана съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго*". По части географіи представляетъ она сводъ и критическій разборъ всѣхъ описаній Восточнаго-Туркестана какія только извѣстны на европейскихъ языкахъ вплоть до 1860-хъ годовъ. Географическій матеріалъ обнародованный въ-теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ будетъ разсортированъ, разобранъ и оцѣненъ нами въ слѣдующемъ отдѣлѣ II-го выпуска „дополненій", причемъ разсмотрѣны будутъ, сообразно съ планомъ Риттера, какъ пути ведущіе съ страну черезъ Памиръ, такъ и всѣ другіе которыми сообщается она съ сосѣдними краями. Такимъ образомъ означенный отдѣлъ представитъ полный трактатъ о Восточномъ-Туркестанѣ въ современномъ его видѣ (на сколько, разумѣется, извѣстна

эта страна по обнародованнымъ объ ней матеріаламъ), съ точнымъ разграниченіемъ того что знаемъ мы дѣйствительно отъ свѣдѣній поверхностныхъ и неосновательныхъ, и съ подробнымъ указаніемъ на пробѣлы которые остается пополнить — Богъ дастъ, трудами русскихъ изслѣдователей.

24-го апрѣля 1873 года.

В. Григорьевъ

ДОПОЛНЕНІЯ

I.

Древнѣйшія извѣстія о Восточномъ-Туркестанѣ, индѣйскія, греческія и другія

Сосѣдя къ востоку съ Китаемъ, вмѣстилищемъ одной изъ древнѣйшихъ въ мірѣ цивилизацій; съ запада примыкая къ Бактріи, промышленное и духовное развитіе которой было, можно думать, еще древнѣе китайскаго; и отдѣляясь отъ Индіи на югѣ лишь полосою нагорныхъ степей Тибета — Восточный-Туркестанъ, вслѣдствіе этой ранней образованности сосѣдей своихъ, долженъ былъ пользоваться у нихъ бо̀льшею или мѐньшею извѣстностію съ самой отдаленной древности. Торговля, важнѣйшій проводникъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, должна была проложить пути свои туда и оттуда еще на зарѣ историческаго существованія культурныхъ народовъ Азіи. Несмотря на то, не находимъ мы у помянутыхъ сосѣдей Восточнаго-Туркестана никакихъ о немъ свѣдѣній изъ глубокой древности. Произошло это по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Бактрійцы сошли съ исторической сцены не оставивъ намъ памятниковъ своей письменности [1]; Индѣйцы не заботились о передачѣ потомству не только свѣдѣній своихъ о чуждыхъ имъ стра-

[1] Что Авеста, о которой принято говорить съ нѣкоторыхъ поръ будто писана она на древне-бактрійскомъ языкѣ, получила существованіе въ Бактріи, это нисколько еще до сихъ поръ не доказано.

нахъ и народахъ, а даже извѣстій о событіяхъ въ собственной землѣ; Китайцы, наконецъ, утратили въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. почти всѣ историческія книги свои, а въ древнѣйшемъ затѣмъ лѣтописцѣ Китая, писавшемъ въ концѣ II-го вѣка до Р. Х., находимъ о краѣ насъ занимающемъ сказанія самыя скудныя, и притомъ не заходящія далѣе того времени когда жилъ самъ этотъ лѣтописецъ.

Сказанія эти приведемъ мы ниже. Что-же касается до стародавняго знакомства Арійцевъ Индіи съ населеніемъ Восточнаго-Туркестана, то нѣкоторые слѣды этого знакомства встрѣчаются въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Санскритской Литературы. Въ Рамаянѣ, Магабаратѣ, Законахъ Ману упомцнаются нерѣдко имена народовъ о коихъ можно думать что жили они въ тѣхъ или другихъ частяхъ изучаемой нами страны. Таковы *Сака, Хаса, Тухара.* Всего чаще упоминанія такого рода встрѣчаются въ Магабаратѣ, а самымъ капитальнымъ мѣстомъ въ этомъ отношеніи является то гдѣ перечисляются предметы принесенные въ даръ разными народами по случаю великаго жертвоприношенія задуманнаго Юдиштирою, царемъ Пандуидовъ [2]. Изъ народовъ тутъ упоминаемыхъ, *Сака, Тухара* и *Канка* принесли въ даръ такія произведенія которыя, по позднѣйшимъ извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей, шли изъ земли Серовъ [3], почему означенные народы можно считать обитавшими въ Серикѣ, а Серика классической древности, какъ увидимъ ниже, заключала въ себѣ частію и Восточный-Туркестанъ.

Разбирая помянутое мѣсто Магабараты, Лассенъ замѣчаетъ что вообще въ поэмѣ этой *Сака* являются какъ

---

[2] Мѣсто это находится въ отдѣлѣ Магабараты называющемся Сабапарва, стихъ 1817 и слѣд. (въ Фошевомъ французскомъ переводѣ Магабараты см. т. II стр. 512-513).

[3] Это замѣчаніе принадлежитъ Лассену, съ которымъ я совершенно согласенъ.

народъ чрезвычайно-храбрый и трудно-побѣдимый, изъ чего, по мнѣнію его, должно заключать что Арійцы Индіи имѣли военныя съ нимъ столкновенія; изъ имени-же города *Сакала* («Жилище Саковъ») въ Пенджабѣ, также упоминающагося въ Магабаратѣ и, сверхъ того, у Арріана и Плотомея, выводитъ онъ что Саки нѣкогда, въ глубочайшей еще древности, проникали до Пенджаба и жили тамъ. За древнѣйшія обиталища народа *Тухара* признаётъ Лассенъ Белуръ-Тагъ, полагаетъ народъ этотъ родственнымъ съ Саками, которыхъ считаетъ за Арійцевъ, и думаетъ что Тухара и Сака, ранымъ-ранò проникали въ Индію. *Канка*, наконецъ, по мнѣнію его, были обитателями Восточнаго-Тибета, тѣмъ же самымъ народомъ который у китайскихъ писателей зовется *Кян*'ами или *Цян*'ами [4]. Отдѣлъ Магабараты въ которомъ заключаются изложенныя свѣдѣнія признаётъ Лассенъ относящимся къ позднимъ частямъ этого творенія, но, во всякомъ случаѣ, древнѣйшимъ временъ Викрамадитьи (I-го вѣка до Р. Х.), самыя-же свѣдѣнія — принадлежащими къ еще болѣе ранней древности [5]. Мною, относительно разсматриваемаго мѣста, и Лассеновыхъ по поводу его замѣчаній, высказано [6]: 1) относительно *Канка* — что народъ именуемый такъ въ Магабаратѣ можно принимать не за Тибетцевъ, не за Кян'овъ древней китайской географіи, а за *Канха* Авесты и Бундегеша, за *Канкъ* или *Гангъ* Шахъ-Намѐ, въ которыхъ имя это упоминается, впрочемъ, какъ имя страны, а не народа, но во всякомъ случаѣ страны находившейся въ предѣлахъ нынѣшняго Восточнаго-Туркестана; 2) относительно *Тухара* — что Сюань-Цзанъ родиною этого народа (который въ его время, въ первой половинѣ VII вѣка по Р.Х.,

---

[4] Indische Alterthumskunde (второе изданіе), I, 801, 1023—1024.

[5] Тамъ же, II, 545—546.

[6] Въ изслѣдованіи о Сакахъ, помѣщенномъ въ XVII-мъ томѣ «Трудовъ» Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, стр. 131—136 (отд. отт. стран. 39—44.

жилъ въ верховьяхъ Аму-Дарьи) называетъ страну въ Восточномъ-Туркестанѣ на югъ отъ рѣки Тарима, на востокъ отъ впаденія въ послѣднюю Хотанъ-Дарьи, и на юго-западъ отъ озера Лобъ: отсюда весьма естественно было Тухарцамъ выселиться въ верховья Аму-Дарьи; 3) относительно *Сака* — что имя этого народа является въ древнихъ памятникахъ Санскритской Литературы обыкновенно на ряду съ именами народовъ жившихъ на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Мадьядесы (Центральной-Индіи); что исконное знакомство и непосредственное когда-то сосѣдство съ Саками Арійцевъ Индіи доказывается несомнѣнно существованіемъ, въ древнѣйшей космографіи Пуранъ, страны *Сака-двипа;* и что колѣна сакскія, въ глубочайшей еще древности, дѣйствительно могли забираться въ Пенджабъ и сталкиваться враждебно съ поселившимися уже тамъ Арійцами-Ведаистами, но что выгодное мнѣніе о мужествѣ Саковъ могло возникнуть въ Индіи и позже, именно вслѣдствіе вполнѣ уже историческаго вторженія туда Саковъ въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х.

Къ числу народовъ искони обитавшихъ въ Восточномъ-Туркестанѣ могутъ быть отнесены и упоминаемые въ древнѣйшихъ памятникахъ Санскритской Литературы *Хаса*. Это — имѣя въ виду Птоломеево извѣстіе что горы къ востоку отъ Имайскаго-Хребта носили названіе *Касійскихъ*, и что въ тѣхъ мѣстахъ и доселѣ существуетъ городъ *Кашгаръ*. Хаса этихъ Лассенъ также считаетъ за Арійцевъ [7].

Сосѣднія съ Восточнымъ-Туркестаномъ страны въ верховьяхъ Аму-Дарьи покорены были македонскимъ оружіемъ еще въ IV-мъ вѣкѣ до Р. Х. Можно было-бы ожидать, потому, что у греческихъ писателей найдутся какія-либо болѣе точныя свѣдѣнія о населеніи Восточнаго-Туркестана и древнѣйшихъ его судьбахъ. Но свѣдѣнія такого рода,

---

[7] Ind. Alterthumskunde (второе изданіе), I, 1023.

если и имѣлись у Грековъ, не дошли до насъ. Изо всѣхъ народовъ тамъ обитавшихъ греческіе историки и географы писавшіе ранѣе временъ Р. Х. упоминаютъ лишь объ извѣстныхъ намъ уже изъ индѣйскихъ источниковъ, *Сакахъ*. По Мегасѳену [8] и Эратосѳену [9], Саки сосѣдили съ Индіею, помѣщаясь къ сѣверу отъ нея, слѣдовательно либо въ Восточномъ-Туркестанѣ, либо въ Сѣверномъ-Тибетѣ. Западною гранью сакскимъ землямъ, отдѣлявшею ихъ отъ согдійскихъ, служилъ, по Эратосѳену, Яксартъ [10] (верховья котораго, какъ представляли себѣ Греки, находились не тамъ гдѣ онѣ дѣйствительно находятся, а въ узлѣ хребтовъ которые нынѣ зовемъ мы Гиндукушемъ и Кхунлунемъ), а это указываетъ на жилища Саковъ именно въ Восточномъ-Туркестанѣ.

Если эти, упоминаемые Мегасѳеномъ и Эратосѳеномъ, сосѣдніе съ Индіею Саки суть тѣ же самые Саки о которыхъ читаемъ у Геродота что они входили въ составъ Ксерксовой рати собранной имъ для похода въ Европу, то относительно одежды и вооруженія этихъ древнихъ обитателей Восточнаго-Туркестана узнаёмъ отъ «отца Исторіи» (VII, 64) что ходили они въ штанахъ, голову покрывали высокими и острыми кверху калпаками, оружіемъже имѣли луки, кинжалы и особаго рода топоры, которые назывались сагарами (т. е. сѣкирами). Такимъ же образомъ, если Саки входившіе, по Геродоту, въ составъ XV-й Даріевой сатрапіи тождественны съ помянутыми Мегасѳеновыми и Эратосѳеновыми, то, въ добавокъ къ извѣстному уже намъ о послѣднихъ, узнаёмъ еще отъ Геродота (III, 93) что, вмѣстѣ съ другимъ народомъ причисленнымъ къ помянутой сатрапіи, вносили они въ казну Дарія-Гистаспа ежегодно по 250 талантовъ. Обстоятельство это могло имѣть мѣсто тогда лишь если они были подданными Дарія. Когда

---

[8] См. у Діодора-Сицилійскаго, кн. II, гл. 35.

[9] См. у Страбона, кн. XI, гл. 8, § 88.

[10] Тамъ же у Страбона.

были покорены Саки Даріемъ, или кѣмъ-либо изъ его предшественниковъ, на это у Геродота прямаго указанія не находимъ, но есть основаніе полагать что иго персское наложено было на нихъ еще Киромъ, въ періодъ между завоеваніемъ Лидійскаго Царства и покореніемъ Вавилона. При Даріѣ, однакоже, какъ видимъ изъ клинописной Бисютунской надписи, возмущались они противу него, но были имъ усмирены, при чемъ взятъ въ плѣнъ одинъ изъ ихъ предводителей, Сакука по-имени [11]. На барельефѣ который сопровождаетъ означенную надпись, изображая Дарія-Гистаспа вмѣстѣ съ девятью уничтоженными имъ бунтовщиками, Сакука этотъ представленъ въ такомъ именно высокомъ и остромъ калпакѣ какіе, по Геродоту, носили Саки находившіеся въ Ксерксовомъ войскѣ. Воюя въ рядахъ Персовъ противу Грековъ, Саки отличились особымъ мужествомъ, какъ въ битвахъ при Платеяхъ и Ѳермопилахъ, такъ и въ Мараѳонской. Объ этомъ читаемъ и у Геродота (VI, 113 и IX, 70), и у Діодора (XI, 7). О походѣ-же Дарія на Саковъ, свидѣтельствуемомъ Бисютунскою надписью, изъ классическихъ писателей упоминаетъ лишь одинъ, весьма поздній, именно Поліэнъ (кн. VII, гл. XI, 6, 8). По его разсказамъ, Саки управлялись тогда тремя государями, и Дарій, со всѣмъ войскомъ своимъ, едва не погибъ въ этомъ походѣ. По тому же писателю (кн. VIII, гл. 26), Саки были извѣстны въ Передней-Азіи уже во времена Семирамиды, такъ-какъ о нихъ упоминается въ знаменитой надписи начертанной будто-бы по повелѣнію этой царицы въ память о дѣлахъ ея и подвигахъ. Отъ Страбона, наконецъ, узнаёмъ о Сакахъ что они, выселившись изъ своихъ обиталищъ за Яксартомъ, были главными разрушителями владычества Грековъ въ Бактріи, и заняли эту страну (кн. XI, гл. 8, § 4).

Тоже говоритъ Страбонъ и о *Тохарахъ*, замѣчая что

---

[11] Шпигеля: Die Altpersischen Keilinschriften (Leipzig, 1862), s. 38—41.

вышли они изъ страны за-яксартской, въ которой сидѣли до нихъ Саки (кн. XI, гл. 8, § 2). Упоминаетъ также о Тохарахъ и Юстинъ (XLII, 2), какъ о кочевникахъ изъ глубины Азіи вторгнувшихся въ предѣлы Греко-Бактрійскаго Царства, и воевавшихъ съ Парѳянами.

Вотъ почти все что находимъ у древнѣйшихъ классическихъ писателей относительно народовъ Восточнаго-Туркестана до временъ Р.Х. [12].

Выше, въ примѣчаніи CXXXI-мъ (стрн. 339), замѣтилъ я что званія о существованіи которыхъ во владѣніяхъ Восточнаго-Туркестана узнаёмъ мы изъ «Исторіи Старшихъ Ханей», не даютъ, въ противность съ мнѣніемъ объ этомъ Риттера, никакого основанія видѣть въ означенныхъ владѣніяхъ «начатки высшей гражданственности» Это не значитъ чтобы я отвергалъ существованіе въ нихъ значительной степени гражданскаго развитія; утверждаю только что этого нельзя выводить изъ китайскихъ извѣстій объ административной іерархіи тѣхъ владѣній. Что-же касается до гражданственности, то мы готовы находить въ Восточномъ-Туркестанѣ не только «начатки» ея, но и весьма высокую степень развитія, и не только за столѣтіе до Р. Х., а за много вѣковъ до начала нашей эры.

Если Памирская-Высь, съ примыкающими къ ней плоскогоріями и спускающимися отъ нея къ западу и востоку долинами, дѣйствительно, какъ полагаютъ [13], была колыбелью Арійскаго Племени, которое отсюда уже разошлось далѣе на югъ и на западъ, то неестественно было-бы ему, при такой эмиграціи, не занять и ближайшихъ скатовъ на востокъ, т. е. западной части Восточнаго-Тур-

---

[12] Извѣстія о Сакахъ изъ Ктесія, Ксенофонта и другихъ древнѣйшихъ писателей, относящіяся, быть можетъ, до другаго отдѣла этого народа, рано отдѣлившагося отъ соотчичей своихъ за Яксартомъ, и потому Восточнаго-Туркестана не касающіяся, желающіе найдутъ въ выше-цитированномъ изслѣдованіи нашемъ «о скиѳскомъ народѣ Сакахъ», Спб. 1871.

[13] А. Шлегель, Лассенъ, Пиктѐ, Шлейхеръ и многіе другіе.

кестана. Въ историческія времена мы не находимъ никакихъ указаній чтобы эта часть Восточнаго-Туркестана заселилась выходцами Арійскаго Племени съ запада или съ юга; между-тѣмъ основное туземное народонаселеніе ея (преимущественно по городамъ) въ настоящее время составляютъ Арійцы, именно точно такіе же Таджики какъ и на западныхъ скатахъ Памира. Что населеніе не только означенной части, но и всего Восточнаго-Туркестана, было такимъ же какъ и нынѣ арійскимъ за тысячу четыреста или тысячу пятьсотъ лѣтъ передъ симъ, видимъ несомнѣнно изъ свидѣтельства «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ» (Бэй-шы), относящагося къ V—VI вѣкамъ по Р. Х., что «отъ *Гао-чан'а на западъ жители всѣхъ владѣній имѣютъ впалые глаза и выпуклый носъ*, причемъ только въ одномъ Хотанѣ походятъ обликомъ болѣе на Китайцевъ» [14]. Впалые глаза и высокій (т. е. горбатый, а не плоскій, какъ у Монгольскаго Племени) носъ — это въ Средней-Азіи характеристичекія признаки Арійскаго Племени. А населялся Восточный-Туркестанъ Арійцами за полторы тысячи лѣтъ назадъ, нѣтъ основаній отвергать чтобы тѣ же Арійцы не занимали его и за три или болѣе тысячи лѣтъ.

Далѣе. Нынѣшнее арійское населеніе Восточнаго-Туркестана совершенно-однородно съ таковымъ же населеніемъ Туркестана Западнаго, или странъ на западъ отъ Памирской-Выси, т. е. древней Бактріаны, Согдіаны, Хоразміи; а въ этихъ странахъ гражданственность въ высокой степени развилась такъ рано, что древность этого развитія мы, даже и приблизительно, опредѣлить не можемъ.

О крайне-ранней людности, политическомъ развитіи и цвѣтущемъ состояніи Бактріи свидѣтельствуютъ положительно Ктесій и Діодоръ [15]. По Ктесіевымъ источникамъ,

---

[14] Histoire de la ville de Khotan, par Abel Rémusat (Paris, 1820), p. 20.
[15] См. у Діодора, въ кн. II, 5. 6.

во времена Нина Ассирійскаго (т. е. около 1200 лѣтъ до Р. Х.) такъ богата и сильна уже была Бактрія, что Нинъ рѣшился напасть на нее не прежде какъ покоривши предварительно многіе другіе народы и государства, и для завоеванія ея долженъ былъ предпринимать два похода. Послѣ перваго, неудачнаго, по причинѣ воинственности жителей, двинулся онъ на Бактрію съ такими силами какими ни ранѣе, ни позже того, не предводительствовалъ ни одинъ монархъ, именно съ 1,700,000 пѣшаго, 210,000 коннаго войска и почти 60,000 военныхъ колесницъ. И, несмотря на такую подавляющую массу непріятеля, царь бактрійскій, Оксіартъ, не побоялся встрѣтить его въ полѣ, и вначалѣ даже поразилъ часть Ниновой рати; затѣмъ, принужденный отступить въ столицу свою, Бактру, славившуюся обширностію и твердостію укрѣпленій, защищался съ такимъ мужествомъ, что осада долгое время оставалась безплодною. Нинъ уже отчаявался въ побѣдѣ, и достигъ своей цѣли лишь благодаря Семирамидѣ. Кромѣ столичнаго, Нинъ овладѣлъ въ Бактріи многими другими городами, и вывезъ изъ этой страны множество золота и серебра. — Другимъ указаніемъ на необыкновенное богатство средствъ всякаго рода въ древней Бактріи, возможное лишь при высокомъ земледѣльческомъ, ремесленномъ и торговомъ развитіи страны, служитъ разсказъ того же Ктесія [16] объ огромныхъ сборахъ и приготовленіяхъ которыя дѣлались тамъ Семирамидою къ походу на Индію. Пусть Нинъ и Семирамида никогда не существовали; пусть цифры войскъ Нина двинутыхъ въ Бактрію, и подробности о заготовленіяхъ тамъ Семирамиды ко вторженію въ Индію, крайне-преувеличены; пусть походы на Бактрію и въ Индію предприняты были какими-либо позднѣйшими ассирійскими государями, какъ думаетъ Лассенъ [17], — сущность Ктесіева представленія о Бактріи, какъ о древнѣйшемъ и могуще-

---

[16] Тамъ же, кн. II, 16, 17.

[17] Indische Alterthumskunde (второе изд.), I, 1030.

ственнѣйшемъ государствѣ, нисколько отъ того не измѣняется, и не вѣрить соотвѣтствію этого представленія съ существовавшей дѣйствительностію не имѣемъ мы никакого права, тѣмъ-болѣе что и въ старобытныхъ былинахъ Восточной-Персіи, переработанныхъ Фирдоусіемъ, Бактрія является уже на первыхъ страницахъ миѳической исторіи этой части Персіи, и потомъ постоянно играетъ въ ней самую видную роль. Основаніе столицы Бактріи, города Балха, приписывается въ этихъ былинахъ Каюмэрсу, древнѣйшему миѳическому государю Персіи; при второй, кеянской, династіи, упоминается о немъ весьма часто по поводу безпрерывныхъ войнъ этой династіи съ Туранцами; кеянидъ Лограспъ переноситъ даже резиденцію свою въ Балхъ и великолѣпно украшаетъ этотъ городъ; наконецъ принимаетъ онъ тамъ ученіе Зердушта (Зороастра), и Балхъ становится центромъ огнепоклонничества.

Но, можно думать что въ числѣ странъ къ западу отъ Памира до Каспійскаго-Моря, Бактрія, по раннему и сильному развитію въ ней гражданственности, не представлялась исключеніемъ, одиночкою; что точно также рано возникла и сильно укоренилась гражданственность и въ другихъ странахъ по долинамъ Окса и Яксарта. По крайнейм ѣрѣ въ послѣднее время сдѣлались извѣстны факты подтверждающіе это несомнѣнно относительно Согдіаны и Хоразміи. Разумѣемъ обнародованныя въ 1866 году извлеченія изъ арабскаго сочиненія о Всеобщей Хронологіи, которое дотолѣ извѣстно было лишь по заглавію, именно изъ «Асаръ-эль-Бакійѐ» знаменитаго астронома Абу-Рихана Альбируни, жившаго въ началѣ XI вѣка по Р. Х. [18]. Альбируни утверждаетъ, между прочимъ, что солнечный календарь хоразмскій — лучшій изо всѣхъ ему извѣстныхъ; что эра отъ которой вели Хоразмійцы свое лѣтосчисленіе 980-ю годами древнѣе селевкидской (значитъ, начиналась

---

[18] Quarterly Review for 1866, № 240, pp. 490-492

она за 678 лѣтъ до Р. Х.); что у нихъ были свои собственныя письмена и лѣтописи: эти лѣтописи видѣлъ-де и почался изъ нихъ исторіи страны знаменитый Кутейба-ибнъ-Муслимъ, когда завоевалъ Хорезмъ; и т. д. Подтвержденіемъ этимъ извѣстіямъ Альбируни относительно высокаго уровня образованности въ Трансоксіанѣ, издревле и вплоть до завоеванія ея Арабами, служитъ несомнѣнно то обстоятельство что когда, послѣ разоренія страны грабительскими и фанатическими шайками этихъ завоевателей, успокоилась она подъ властію Саманидовъ, покровительствовавшихъ возрожденію наукъ и литературы, край этотъ тотчасъ же произвелъ знаменитѣйшихъ ученыхъ: Авиценну, Альфараби, Альбируни и многихъ другихъ. Чтобы это могло произойти, надо чтобы въ странѣ была старая научная закваска. Что-же касается до богатствъ Трансоксіаны, до ея обширной торговли, это свидѣтельствуется огромными, баснословными количествами драгоцѣнныхъ металловъ и товаровъ, полученными тамъ въ добычу мусульманскими ея покорителями, по словамъ ихъ первыхъ историковъ [19]. Свидѣтельствуется это отчасти и древнѣйшими китайскими извѣстіями объ этой странѣ.

А если арійское населеніе по Оксу и Яксарту рано уже достигло высокой степени матеріальнаго благосостоянія и духовнаго развитія, то едва-ли могло оставаться, въ то же время, чуждо этимъ благамъ и однородное населеніе Восточнаго-Туркестана, находившееся относительно всѣхъ условій къ процвѣтанію, преимущественно путемъ торговли, въ такомъ же выгодномъ положеніи какъ и Арійцы на западъ отъ Памира.

Но если такъ, то какимъ-же образомъ не находимъ никакого, даже самомалѣйшаго, указанія на это, напримѣръ, у Геродота? Потому это, съ одной стороны, что Геродотъ

---

[19] Факты и источники см. у Вейля въ его Geschichte der Chalifen (Mannheim, 1846-1851), I, 500, 502.

зналъ о дальней Азіи только то что́ могъ узнать въ Западной-Персіи, въ царствѣ Ахеменидовъ, а страны на востокъ отъ Памира едвали приходили въ близкое соприкосновеніе съ Западною-Персіею, и въ послѣдней должны были имѣть о нихъ весьма смутныя понятія. Съ другой стороны, посмотрите что́ и ка́къ говорится у Геродота даже о Бактрійцахъ, Согдійцахъ и Хоразмійцахъ, которые были ближе извѣстны западнымъ Персамъ. Развѣ изъ тѣхъ свѣдѣній которыя находимъ у Геродота о трехъ помянутыхъ народахъ (при перечисленіи имъ Ксерксова войска въ которомъ находились представители этихъ народовъ, и при перечисленіи Даріевыхъ сатрапій въ составъ которыхъ вошли они) можно составить себѣ хотя малѣйшее понятіе о той степени гражданственности на которой находились они по свидѣтельству Ктесія и Альбируни? Изъ подробностей сообщаемыхъ Геродотомъ объ одеждѣ ихъ и вооруженіи можно заключить, пожалуй, что они, ни въ какомъ отношеніи, не стояли выше какихъ-нибудь кочевыхъ обитателей среднеазіатскихъ степей. Удалось-бы Геродоту лично посѣтить Бактрію или Хоразмію, мы узнали-бы о нихъ отъ пытливаго грека быть-можетъ столько же сколько узнаёмъ объ Египтѣ. Итакъ, молчаніе Геродота о странахъ къ востоку отъ Памира нисколько не можетъ служить основаніемъ къ опроверженію выводовъ нашихъ объ ихъ ранней и значительной гражданственности.

Тоже должно сказать и относительно отсутствія извѣстій объ этихъ странахъ у позднѣйшихъ Геродота греческихъ писателей, послѣ того какъ Греки, при Александрѣ-Великомъ, сами побывали по сосѣдству съ этими странами, въ Бактріанѣ и Согдіанѣ. Въ одинъ походъ сломивши могущество западныхъ Персовъ, три года не можетъ Александръ одолѣть сопротивленія Трансоксіаны — и что́-же, ка́къ говорятъ объ этой странѣ сопутники Александра? Читайте Арріана, повторяющаго ихъ собственныя слова́, и вы ничего не узнаете о Трансоксіанѣ кромѣ того что

она населена «варварами». Если ничего не нашли Греки замѣтить о томъ что́ было у нихъ подъ глазами, ка̀къ-же ждать чтобы могли они дать вѣрное понятіе о странахъ далѣе къ востоку? За 330 лѣтъ до Р. Х. совершается завоеваніе Македонцами странъ по теченію Окса; за 250 лѣтъ основывается въ этихъ краяхъ самостоятельное греческое царство, восточные границы котораго несомнѣнно соприкасаются съ Памиромъ; нѣтъ никакого сомнѣнія что между Греко-Бакрійскимъ Царствомъ и владѣніями Восточнаго-Туркестана ведется оживленная торговля; около времени рождества Христова пишетъ Страбонъ свою «географію»: и чѣмъ-же въ-теченіе 330 лѣтъ увеличились свѣдѣнія Западнаго Міра о странахъ за Памиромъ? — голымъ извѣстіемъ что «за Бактріаною далѣе живутъ Серы и Фрины» (кн. XI, гл. IX, 1).

Какъ однородность древняго населенія Восточнаго Туркестана съ таковымъ же въ странахъ къ западу отъ Памирской-Выси, такъ и одинаковая тамъ и тутъ степень гражданственности и культурности, доказываются всего очевиднѣе былинами Восточной Персіи, сохранившимися въ Шахъ-Намѐ. Источникъ это, конечно, поздній, но основа сказаній составляющихъ его содержаніе несомнѣнно весьма древняя. Стра̀ны къ сѣверу отъ Аму-Дарьи, и стра̀ны въ востоку отъ Памира именуются въ Шахъ-Намѐ одинаково *Туран*'омъ, въ противуположность съ землями къ югу отъ Аму, и доселѣ сохраняющими названіе *Иран*'а. Мы замѣтили уже [20] что это термины чисто-географическіе, не имѣющіе никакого отношенія къ этнографическому характеру населенія въ Иранѣ и Туранѣ, и что борьба между Ираномъ и Тураномъ, воспѣваемая въ Шахъ-Намѐ, представляется не борьбою за существованіе двухъ чуждыхъ другъ другу племенъ, а братскою борьбою за первенство двухъ народовъ одного происхожденія, какъ борьба Аѳинянъ

---

[20] Въ изслѣдованіи о Сакахъ, стрн. 195.

съ Спартанцами, или Польши съ Россіей. Въ настоящемъ случаѣ обращаемъ вниманіе на то что западная и восточная части Турана, т. е. нынѣшніе Западный и Восточный-Туркестанъ, являются въ эпопеѣ Фирдоуси двумя половинами одного цѣлаго, ничѣмъ другъ отъ друга, ни этнографически, ни культурно, не разнящимися: тамъ и тутъ горы, рѣки, города и другія мѣстности, равно-какъ государи, герои и героини, носятъ имена одинаково арійскія; между витязями западной и восточной половины не проглядываетъ никакого соперничества, не обнаруживается никакихъ отличительныхъ особенностей; строй государственный и общественный, нравы и характеры — тамъ и тутъ общіе. Вся разница въ томъ только что, изъ двухъ половинъ, центромъ политическаго могущества является постоянно восточная; западная, часто покоряемая Иранцами, служитъ лишь какъ-бы придаткомъ къ восточной. Въ послѣдней, съ самыхъ временъ Тура (отъ котораго, по Фирдоуси, и страны ему подвластныя получили названіе Турана), находилась и столица туранскихъ государей, Гангъ-или Канкъ-зеръ: туда, за Памиръ, удалялись эти государи когда имъ приходилось плохо отъ Иранцевъ; тамъ собирались они и съ новыми силами для непрерывной борьбы съ послѣдними.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, основывающемуся на изложенныхъ основаніяхъ, Восточный-Туркестанъ, уже въ глубочайшей древности, былъ страною не уступавшею сосѣдней съ нею Бактріанѣ ни гражданственностію, ни культурою, и населялся, если не искони, то по крайней мѣрѣ съ историческихъ временъ, народами Арійской Семьи — вѣроятно прапраотцами Славянъ и Германцевъ.

II.

Восточный-Туркестанъ по древнѣйшимъ китайскимъ извѣстіямъ

Самыми обстоятельными изо всѣхъ древнихъ извѣстій имѣющихся о Восточномъ Туркестанѣ, обязаны мы китайскимъ писателямъ. Извѣстія эти заключаются:

1) Въ донесеніи объ этой странѣ лично проѣхавшаго ею въ 140 — 127 годахъ до Р. Х. китайскаго чиновника *Чжанъ-цян*'я, представленномъ имъ, по возвращеніи въ Китай, тогдашнему императору Ханьской (старшей) Династіи, Ву-ди. Донесеніе это вошло въ составъ древнѣйшей оффиціальной исторіи Китая, подъ заглавіемъ «Шы-цзи», составленной *Сы-ма-цян*'емъ, Несторомъ китайской исторіографіи, въ концѣ II-го столѣтія до Р. Х., и доконченной внукомъ его, *Янь-юн*'емъ, въ правленіе императора Сюань-ди (74—49 до Р. Х.).

2) Въ «Исторіи старшаго дома Хань» (Цянь-хань-шу), составленной *Бань-гу*'емъ, умершимъ въ 92 году по Р. Х. Свѣдѣнія о Восточномъ-Туркестанѣ сообщаемыя этимъ источникомъ собраны были оффиціальнымъ путемъ, для надобностей китайскаго правительства, въ правленіе императоровъ Сюань-ди и Юань-ди (74—39), когда страна эта подчинялась китайскому владычеству.

3) Въ «Исторіи младшаго дома Хань» (Хэу-хань-шу), составленной *Фань-хуа* во второй четверти V вѣка по Р. Х.

Свѣдѣнія о Восточномъ-Туркестанѣ, изложенныя въ этомъ сочиненіи собраны были *Бань-юн*'омъ, правителемъ этой страны, около 125 года по Р. Х. [1].

Вѣрить Янь-юн'ю, такъ до вступленія на престолъ императора Ву-ди (до 141 года передъ Р. Х.), Китайцы не имѣли никакихъ сношеній съ Восточнымъ Туркестаномъ и странами къ сѣверу, западу и югу отъ него, (т. е. тѣмъ что называютъ они общимъ именемъ «Западнаго-Края» —*Си-юй*); даже никакого понятія о немъ не имѣли, такъ-что Чжанъ-цянь, проникшій въ эти страны, и сообщившій кое-какія извѣстія о нихъ, представляется Колумбомъ, открывшимъ существованіе дотолѣ совершенно неизвѣстнаго Китайцамъ міра. Мнѣ кажется что это не такъ, что Китайцы не могли, до Чжанъ-цяня, не знать чего-либо и о Восточномъ-Туркестанѣ, и объ Индіи, и о земляхъ и народахъ къ западу отъ Памирской-Выси. Въ самомъ донесеніи Чжанъ-цяня говорится что въ бытность свою въ Да-ся (Бактріанѣ) видѣлъ онъ тамъ бамбуковыя трости изъ Цюн'а и тростниковые холсты (цыновки?) изъ Шу, которые доставлялись туда черезъ Шень-ду (Индію) [2]. Стало-быть юго-западныя области Китая находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Индіею уже до Чжанъ-цянева времени; а когда Чжанъ-цянь былъ въ Да-ван'и (Ферганской-Долинѣ), то владѣтель этой страны изъявилъ желаніе войти въ сношенія съ Китаемъ, «наслышавшись о бо-

---

[1] Всѣми тремя указанными источниками пользовались мы въ извлеченіи изъ нихъ, переведенномъ на Русскій Языкъ въ «Собраніи свѣдѣній о народахъ обитавшихъ въ Средней-Азіи въ древнія времена», изданномъ о. Іакинѳомъ Бичуринымъ (Спб. 1851). Кстати сказать, изданный имъ сборникъ о. Іакинѳъ назвалъ своимъ «сочиненіемъ», тогда-какъ ему принадлежитъ только введеніе и небольшое число примѣчаній; самыя-же свѣдѣнія имъ переведенныя—извлечены изъ источниковъ не имъ самимъ: онъ перевелъ готовый уже китайскій сборникъ такихъ извлеченій, извѣстный подъ заглавіемъ: «Вай-го-чжуань».

[2] «Собр. Свѣд.» III, 9—10, 11.

гатствахъ дома Хань»[3]: тѣ которые разсказывали ему про эти богатства точно также должны были, находясь въ Китаѣ, разсказывать тамъ что̀ знали о Ферганѣ, Согдіанѣ, Бактріанѣ и т. д. Названіе Thinai, подъ которымъ узнали Греки Южный-Китай, также, по мнѣнію нѣкоторыхъ, свидѣтельствуетъ что знакомство это произошло еще при Циньской династіи, предшествовавшей Ханьской, во второй половинѣ III-го вѣка до Р. Х.[4]. Янь-юнь, думаемъ мы, придалъ значеніе открытій извѣстіямъ Чжанъ-цяня — для вящаго прославленія Ханьской Династіи, при которой оба они жили: вотъ-де про какія вещи, прежде видомъ невиданныя, слыхомъ неслыханныя, прознали мы подъ Ханьскимъ правленіемъ!

Такъ или иначе, свѣдѣнія о Восточномъ-Туркестанѣ заключающіяся въ «донесеніи» Чжанъ-цяня (на сколько оно извѣстно намъ) весьма кратки. Онъ упоминаетъ о существованіи тамъ «Соленаго-Озера» (Лобъ-норъ), опредѣляя разстояніе его отъ Чанъ-ан'и (тогдашней столицы Китая) въ 5,000 ли (2,500 верстъ), и говоря что въ озеро это впадаютъ всѣ рѣки текущія восточнѣе Юйтян'и (Хотана), а по берегамъ этого озера находятся города подвластныя владѣніямъ *Лэу-лань* и *Гу-шы*. Изъ прочихъ въ томъ краю владѣній упоминаетъ о *Гань-ми* и *Юй-тян*'и, опредѣляя положеніе ихъ на западъ отъ Даван'и. По части произведеній края, говоритъ только что тамъ много камня *юй*. О политическомъ положеніи — что зѐмли западнаго крыла Хунновъ простираются отъ Соленаго-Озера на востокъ до Великой Стѣны въ Лунъ-си, а на югъ — до

---

[3] Тамъ же, III, 2.

[4] Потому-что Китай, какъ извѣстно, мѣняетъ имя съ каждою новою династіею въ немъ воцаряющеюся, почему Thinai, т. е. *Цинь*, могъ именоваться лишь подъ правленіемъ Цинь'ской Династіи: съ 206 года до Р. Х., съ воцареніемъ въ Китаѣ новой династіи, принявшей себѣ имя *Хань*, сталъ онъ называться уже «Ханскимъ-Царствомъ».

Цян'овъ (восточныхъ Тибетцевъ), почему Хунны преграждаютъ дорогу изъ Китая на западъ [5].

Изъ дальнѣйшаго повѣствованія Янь-юн'я о событіяхъ послѣдовавшихъ за «открытіемъ» Западнаго-Края узнаёмъ что результатомъ этого открытія было отправленіе изъ Китая во владѣнія о которыхъ разсказывалъ Чжанъ-цянь— именно въ Кханцзюй (нынѣшняя Тургайская область), Яньцай (нынѣшняя Уральская область), Давань (нынѣшнее Коканское ханство), къ Большимъ-Юечжи (въ Согдіану), въ Дася (Бактріану), Аньси (Парѳію), Тяочжи (Царство Селевкидовъ?), Лиганъ (Римская имперія?) Шеньду (Индію), Юйтянь, Ганьми и другія — посольствъ, или, вѣрнѣе будетъ сказать, торговыхъ каравановъ съ посольскимъ характеромъ, какъ это издревле водилось въ Азіи, которые везли съ собою произведенія китайской промышленности и обмѣнивали ихъ, подъ названіемъ «подарковъ», на произведенія тѣхъ странъ откуда возвращались. Въ составъ большихъ изъ такихъ «посольствъ» входило по нѣскольку сотъ человѣкъ, но и самыя малыя состояли не менѣе какъ изо ста лицъ. Изъ отдаленныхъ государствъ посланники возвращались по прошествіи 8—9 лѣтъ, изъ ближнихъ — черезъ нѣсколько годовъ, привозя съ собою изъ тѣхъ и другихъ тоже посольства, т. е. возвращаясь вмѣстѣ съ торговцами изъ тѣхъ странъ. Такихъ «посольствъ» на Западъ отправлялось ежегодно пять-шесть, а въ иные года и болѣе десяти. Первоначально посольства направлялись изъ Китая въ Землю-Усун'ей (нынѣшній Семирѣченскій-Край), и оттуда уже направляемы были далѣе по назначенію. Потомъ стали направляться преимущественно на Дася (Бактріану), слѣдуя туда изъ области Цзю-цюань, образованной въ 121 году до Р. Х. изъ земель отнятыхъ тогда у Хунновъ (область эта переименована была впослѣд-

[5] «Собр. Свѣд.» III, 5.

ствіи въ Су-чжеу, и подъ этимъ именемъ составляетъ доселѣ уѣздъ нынѣшней Ганьсу'ской Губерніи). Изъ Цзю-Цюан'и двигались «сѣверною дорогою», пролегавшею у подножія южнаго ската Тхяньшаньскаго Хребта, и до Дася добирались по-видимому обходомъ — черезъ Ферганскую-Долину и по долинѣ Зерэфшана — а не прямо черезъ Памирскую-Высь. Въ посланцы — такъ-какъ путь былъ далекъ и опасенъ — набиралась всякая сволочь. «Иностранцы — цитируемъ собственныя слова Янь-юн'я — жаловались на китайскихъ посланниковъ, и отзывались о нихъ съ невыгодной стороны; разсчитывая-же, что китайскія войска, по отдаленности, не могутъ дойти до нихъ, отказывали посланникамъ въ съѣстныхъ припасахъ, и тѣмъ доводили ихъ до крайности. Томимые голодомъ, посланники, въ свою очередь, ожесточались до того что дѣло доходило до взаимныхъ ошибокъ. Въ малыхъ владѣніяхъ, каковъ Лэулань и Гушы, грабили посланниковъ на степныхъ дорогахъ. Летучіе отряды Хунновъ нападали на нихъ то-и-дѣло». Такое положеніе сношеній съ Западомъ, при желаніи продолжать ихъ, естественно привело китайское правительство къ желанію подчинить себѣ попутныя владѣнія Восточнаго-Туркестана, о которыхъ притомъ посланники доносили что «войска въ нихъ слабы, и нападеніе на нихъ не встрѣтитъ большаго затрудненія». Вслѣдствіе этого, уже въ 108 году до Р. Х., отрядомъ изъ 700 человѣкъ легкой конницы покорено было владѣніе Лэулань, а вслѣдъ затѣмъ подчинено и Гушы, послѣ чего, для упроченія сообщеній, въ области Цзю-цюань учреждены были военные посты вплоть до существовавшей уже крѣпости Юй-мынь-гуань (называющейся такъ и понынѣ). Къ дальнѣйшему распространенію китайской власти на Восточный-Туркестанъ повело нежеланіе Даваньцевъ продавать Китайцамъ лошадей своей страны, очень нравившихся императору Ву-ди. Чтобы добыть лошадей этихъ силою, отправленъ былъ на Давань, въ 104 году до Р. Х., значительный отрядъ войскъ. «Какъ скоро войско перешло

за рѣку Янь-шуй, жители мелкихъ владѣній лежавшихъ по дорогѣ заперлись въ своихъ городахъ, и отказались доставлять жизненные припасы. Осада городовъ производима была безъ успѣха; въ городахъ взятыхъ приступомъ находили съѣстные припасы, а жители невзятыхъ городовъ черезъ нѣсколько дней уходили (?). Наконецъ войско пришло къ городу Ю (пограничному съ востока даваньскому городу); но осталось лишь нѣсколько тысячь, и тѣ всѣ голодные. Они взяли городъ приступомъ, и побили множество жителей». Не надѣясь, вслѣдствіе такого истощенія силъ, добраться до столицы Даваньскаго Владѣнія и взять ее, военачальники китайскіе предприняли обратный походъ. Всего, въ движеніи впередъ и назадъ прошло два года. До Дунь-хуан'а (области учрежденной въ 111 году до Р. Х. восточнѣе крѣпости Юй-мынь-гуань) добралась только пятая часть выступившихъ отсюда въ походъ. Но неудача эта послужила лишь къ тому что императоръ Ву-ди рѣшилъ предпринять новый походъ на Давань съ такими огромными силами какихъ никогда уже послѣ того не высылалъ Китай въ этомъ направленіи. «Вся имперія приведена была для этого въ движеніе» — говоритъ Янь-юнь. Войско, сформированное преимущественно изъ молодыхъ негодяевъ (преступниковъ) и пограничной конницы, выступило изъ Дунь-хуан'а (въ 102 году до Р. Х.) въ числѣ 60,000 ратниковъ, не считая прислуги и маркитантовъ, подъ главнымъ предводительствомъ Ли-гуанъ-ли, начальствовавшаго и въ первомъ походѣ. Подъемнаго и порціоннаго скота было въ этой арміи 100,000 быковъ, около 30,000 лошадей, и до 10,000 ословъ, лошаковъ и верблюдовъ. Съѣстными припасами, преимущественно вареным и высушеннымъ рисомъ, снабжена была она въ огромномъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе, опасаясь недостатка въ продовольствіи, главнокомандующій направилъ ее на Давань двумя дорогами: «сѣверною», о которой уже говорено, и «южною»—стало-быть въ то время извѣстна была и дру-

гая дорога изъ Китая по Восточному-Туркестану, пролегавшая южнѣе «сѣверной». «Въ бо́льшей части владѣній лежавшихъ на пути — продолжаемъ разсказъ Янь-юн'я — встрѣчали его съ съѣстными припасами. Когда армія подошла къ Лунь-ту (гдѣ нынѣ городокъ Бугуръ), городъ этотъ не хотѣлъ сдаться; почему, послѣ нѣсколькихъ дней осады, былъ взятъ и вырубленъ. Отселѣ до столицы Даваньской армія спокойно продолжала путь». Пограничный городъ Ю взятъ былъ отдѣльнымъ отрядомъ. Подъ столицею своей Даванѣцы вступили въ бой съ Китайцами, но были разбиты. Столицы этой Китайцамъ не удалось однакоже взять. Лигуанли, удовольствовавшись окупомъ въ нѣсколько тысячь лошадей, полученіемъ большаго количества съѣстныхъ припасовъ, и замѣною царствовавшаго тамъ, враждебнаго Китайцамъ, владѣльца другимъ лицомъ, повернулъ во-свояси. «Мелкіе владѣльцы земель лежавшихъ на обратномъ пути его — читаемъ у Янь-юн'я — по полученіи извѣстія о побѣдѣ надъ Даваньцами, отправили съ нимъ въ Китай своихъ родственниковъ, для представленія Сыну Неба въ видѣ заложниковъ... Въ Дунь-хуан'ѣ и Цзю-цюан'и поставлены были гарнизоны. На западъ оттуда до рѣки Янь-шуй учреждены повсюду военные посты, а въ Луньту поселено нѣсколько сотъ военнопоселенцевъ, съ приставомъ надъ ними, какъ для охраненія полей, такъ и для сбора хлѣба, чтобы снабжать имъ посланниковъ отправляемыхъ въ иностранныя государства» [6].

Такимъ образомъ, вслѣдствіе описаннаго похода, признали надъ собою власть Китайцевъ, если не всѣ владѣнія какія находились на пространствѣ Восточнаго-Туркестана, то по крайней мѣрѣ тѣ которыя лежали на протяженіи «сѣверной дороги».

Что́-же за владѣнія это были? Разъясненіе предложен-

---

[6] Тамъ же, III, 14—15, 16—19, 21, 24—31.

наго вопроса находимъ въ «Исторіи старшаго дома Хань,» которая отдѣлъ приложеній своихъ о Западномъ-Краѣ открываетъ слѣдующею общею характеристикою Восточнаго-Туркестана:

«Когда, при государѣ Ву-ди, открылись первыя сношенія (Китая) съ Западнымъ-Краемъ, число владѣній въ немъ простиралось до 36-ти; впослѣдствіи, отъ постепеннаго раздробленія, возрасло оно выше 50-ти, которыя всѣ лежатъ отъ Хунновъ къ западу, отъ Усуней къ югу. По южную и сѣверную сторону онаго лежатъ большія горы; въ самой серединѣ протекаетъ рѣка. Отъ востока къ западу содержитъ около 6000, отъ юга къ сѣверу — около 1000 ли протяженія. На востокѣ смеженъ съ Китаемъ, отъ котораго отдѣляется крѣпостями Юй-мынь-гуань и Янъ-гуань; на западъ прилежитъ къ Луковымъ-Горамъ (Цунъ-линъ). Южныя-Горы (Нань-шань) уходятъ на востокъ въ область Цзинь-ченъ, и соединяются съ Южными-Горами въ Китаѣ. Рѣка имѣетъ два истока: одинъ выходитъ изъ Луковыхъ-Горъ, другой — изъ Юйтяни. Юйтянь (Хотанъ) лежитъ при подошвѣ Южныхъ-Горъ, а рѣка его, направляясь на сѣверъ, соединяется съ рѣкою изъ Луковыхъ-Горъ, и на востокѣ впадаетъ въ Пху-чанъ-хай, иначе «Соленое Озеро». Озеро это отъ крѣпостей Юй-мынь-гуань и Янъ-гуань отстоитъ къ западу на 300 слишкомъ ли, въ длину содержитъ также до 300 ли; вода въ немъ стоячая, лѣтомъ не прибываетъ, зимою не уменьшается, а, пробираясь подъ землею, выходитъ наконецъ на югѣ, у подошвы хребта Цзи-ши, и составляетъ источникъ Желтой-Рѣки (Хуанъ-хэ) протекающей черезъ Срединное Государство (Китай). Изъ Юй-мынь-гуань и Янъ-гуань ведутъ двѣ дороги въ Западный-Край. Одна, пролегая черезъ Шань-шань, по сѣверную сторону Южныхъ-Горъ, идетъ по направленію рѣки на западъ до Со-цзюй (Яркяни), и называется «южною дорогою»; по переходѣ черезъ Луковыя-Горы на западъ, она ведетъ къ Большимъ-Юе-

чжи и въ Аньси. Другая дорога, пролегающая отъ мѣстопребыванія западнаго чешы'скаго владѣтеля подлѣ Сѣверныхъ-Горъ, идетъ по рѣкѣ на западъ до Су-лэ (Кашгара), и называется «сѣверною дорогою»; по переходѣ черезъ Луковыя-Горы на западъ, она ведетъ въ Давань, Кханьцзюй, Яньцай и Яньци. Вообще во всѣхъ владѣніяхъ Западнаго-Края ведутъ осѣдлую жизнь, имѣютъ города, землепашество, скотоводство, и въ обычаяхъ не сходствуютъ ни съ Хуннами, ни съ Усунями» [7].

«Въ прежнее время — продолжаемъ разсказъ «Исторіи старшихъ Ханей», сокращая его мѣстами — владѣнія Западнаго-Края находились подъ зависимостію Хунновъ. Князь хуннской западной границы опредѣлилъ для управленія этимъ краемъ пристава, который и собиралъ съ тѣхъ владѣній значительныя подати. Шы-хуанъ, первый государь династіи Цинь, вытѣснивъ инородцевъ Жунъ и Ди, которые заняли мѣста къ сѣверу отъ рѣкъ Цзинъ-шуй и Вэй-шуй, оградилъ Срединное-Государство «великою стѣною», но на западъ проникъ не далѣе Линь-тхао. Лишь по возвышеніи дома Хань и пораженіи Хунновъ полководцемъ Хо-цюй-бин'омъ, начали строить города къ западу отъ Линъ-цзюй. Во-первыхъ открыли область Цзю-цюань, и мало-по-малу заселили ее ссыльными преступниками; потомъ, на отдаленныхъ отъ этой области земляхъ, открыты были еще три области: Ву-вэй, Чжанъ-ѣ и Дунь-хуанъ, и построены двѣ крѣпости: Юй-мынь-гуань и Янъ-гуань. Послѣ того какъ полководецъ Ли-гуанъ-ли воевалъ въ Давани, Западный-Край пришелъ въ трепетъ, и многіе владѣтели его отправили въ Китай посольства съ данью. Тогда же назначены были въ этотъ край и китайскіе чиновники. Отъ Дунь-хуана къ западу до Соленаго-Озера учреждены были частые военные посты; въ

---

[7] Тамъ же, III, 33—34.

Лунь-тхай и Цюй-ли поставлено по нѣскольку сотъ военныхъ поселянъ, и опредѣлены пристава, какъ для завѣдыванія этими поселеніями, такъ и для заготовленія продовольствія чиновникамъ посылаемымъ въ иностранныя государства. При государѣ Сюань-ди (съ 74 по 49 до Р. Х.), для завѣдыванія владѣніями отъ Шаньшан'и на западъ, владѣніемъ Гушы и шестью княжествами по сѣверную сторону горъ (Тхяньшаньскаго-Хребта) отправленъ былъ особый генералъ. Въ это время Китай имѣлъ подъ собою только «южную дорогу», а «сѣверною» еще не всею владѣлъ. Послѣ-же того какъ князь лѣваго крыла Хунновъ отложился отъ шаньюя (титулъ хуннскихъ императоровъ), и съ народомъ своимъ поддался Китаю (за 59 лѣтъ до Р. Х.), приставъ за-шаньшаньскихъ владѣній получилъ въ управленіе свое и «сѣверную дорогу», съ титуломъ «охранителя Западнаго-Края». Затѣмъ заведено было военное поселеніе въ сѣверномъ Сюй-цзянь, отрѣзанномъ отъ соцзюй'скихъ земель. Пристава военныхъ поселеній подчинены были «охранителю», который, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ надзоръ за Усунями, Кханцзюйцами и другими иностранными владѣніями, донося Двору о ихъ движеніяхъ, мирныхъ успокоивая, немирныхъ усмиряя оружіемъ. Мѣстопребываніемъ «охранителю» служилъ Улей, въ 2738 ли отъ Янъгуан'и, и неподалеку отъ военнаго поселенія въ Цюй-ли. Вообще, со времени государей Сюань-ди и Юань-ди (74—39 до Р. Х.), когда шаньюи (хуннскіе) признали себя вассалами Китая, Западный-Край остался подъ Китайскою Державою: почему учинено было описаніе тамошнимъ землямъ, владѣтелямъ, народонаселенію, и опредѣлено взаимное разстояніе мѣстъ [8].

По этому «описанію», значились въ означенное время на пространствѣ Восточнаго-Туркестана, вокругъ него, и далѣе

---

[8] Тамъ же, III, 35—37.

на югъ и на западъ, всего 50 отдѣльныхъ владѣній (*го*); изъ нихъ перечислимъ мы здѣсь лишь тѣ которыя находились въ предѣлахъ Восточнаго-Туркестана, т. е. къ югу отъ Тхянь-шаня, къ сѣверу отъ Нань-шаня (или Кхунъ-луня), и къ востоку отъ Памирской-Выси, сообщая только свѣдѣнія о границахъ этихъ владѣній, и разстояніи ихъ отъ тогдашней столицы Китая и отъ мѣстопребыванія завѣдывавшаго ими китайскаго сановника, которое, какъ мы видѣли уже, находилось во владѣніи Улей. Это:

1. *Жоцянь* — ближайшее за крѣпостію Янъ-гуань, въ разстояніи 1800 ли отъ нея, и 6000 ли отъ столицы ханьской Чанъ-ан'и; на ЮЗ. отъ дороги («южной»); на З. смежно съ Цзюймо; дорога отсюда въ Шаньшань направляется на СЗ.

2. *Шаньшань*, прежде именовавшееся *Лэулань*. Мѣстопребываніе владѣтеля, городъ Юни, отъ Янъ-гуан'и отстоитъ на 1600, отъ Чанъ-ан'и — на 6100 ли; на СЗ. до Улея 1785 ли, до владѣнія Чешы 1890 ли, до владѣнія Шаньго 1365 ли; на З. до Цзюймо 720 ли. Большая дорога изъ Китая на Западъ пролегаетъ черезъ Шаньшань.

3. *Цзюймо*. Мѣстопребываніе владѣтеля, городъ Цзюймо, находится отъ Чань-ан'и въ 6820 ли; на СЗ. до Улея 2258 ли; на С. смежно съ Юйли; на Ю. около трехъ дней пути до Сяован'и; на З. до Цзиньцзюэ 2000 ли.

4. *Сяованъ*. Мѣстопребываніе владѣтеля, городъ Улинъ, отъ Чанъ-ан'и въ 7210 ли; на СЗ. до Улея 2558 ли; на В. смежно съ Жоцянь'ю. Отъ большой дороги уклоняется къ югу.

5. *Цзиньцзюэ*. Мѣстопребываніе владѣльца, городъ Цзиньцзюэ, отъ Чанъ-ан'и въ 8820 ли; на С. до Улея 2723 ли; на Ю. до Жунлу четыре дня пути; на З. до Уми 460 ли. Зѐмли гористы.

6. *Жунлу*. Отъ мѣстопребыванія владѣтеля, города Бипин'и, до Чанъ-ан'и 8300 ли. На СВ. до Улея 2858 ли; на В. смежно съ Сяованъ'ю, на Ю. съ Жоцянь'ю, на З. съ Цюйлэ. Отъ большой дороги уклоняется къ югу.

7. *Уми, Гюйми* или *Сюйми*. Мѣстопребываніе владѣтеля, городъ Уми, отъ Чанъ-ан'и въ 9280 ли; на СВ. до Улея 3556 ли [9], на З. до Юйтяни 390 ли; на Ю. смежно съ Цюйлэ, на СВ. съ Гюцы, на СЗ. съ Гумо. Позже владѣніе это стало называться *Нинми*.

8. *Цюйле*. Мѣстопребываніе владѣтеля, городъ Цзяньду, отъ Чанъ-ан'и въ 9950 ли. Къ СВ. до Улея 3852 ли. На В. смежно съ Жунлу, на Ю. съ Жоцянь'ю, на С. съ Уми.

9. *Юйтянь*. Отъ мѣстопребыванія владѣтеля въ «западномъ-городѣ» *(си-ченъ)* до Чанъ-ан'и 9670 ли; на СВ. до Улея 3947 ли, на Ю. смежно съ Жоцянь'ю, на С. съ Гумо. Къ З. до Пишан'и 380 ли.

10. *Пишань* или *Пишинай*. Мѣстопребываніе владѣтеля, городъ Пишань, отъ Чанъ-ан'и въ 10,050 ли. На СВ. до Улея 4292 ли, на ЮЗ. до Уто 1340 ли; на Ю смежно съ Тяньду; на С. до Гумо 1450 ли; на СВ. до Соцзюй 380 ли. Черезъ это владѣніе пролегаетъ дорога на юго-западъ въ Чжибинь и Угэшаньли.

11. *Уто* [10]. Отъ мѣстопребыванія владѣтеля, города Уто [11], до Чань-ан'и 9950 ли. На СВ. до Улея 4892 ли. На С. смежно съ Цзыхэ и Пули; на З. съ Наньду. Лежитъ въ горахъ. На западъ отъ этого владѣнія находится висячій переходъ, разстояніемъ отъ Янъ-гуан'и въ 5888. Отъ Улея въ 5020 ли. «Висячій переходъ» лежитъ черезъ каменную гору въ которой нѣтъ ущелій для прохода, почему переправляются черезъ нее взбираясь и спускаясь по веревкѣ.

---

[9] Такъ по «Собр. Свѣд.»; по переводу-же о. Іакинѳа въ «Описаніи Чжуньгаріи и Восточнаго Туркестана» (Спб. 1829), 3553 ли. На картѣ къ «Собр. Свѣд.», вмѣсто *Уми* значится *Гюйми*.

[10] Такъ по «Собр. Свѣд.»; а въ «Описаніи Чжуньгаріи» это владѣніе Уто, во всѣхъ мѣстахъ гдѣ объ немъ упоминается, названо *Ячжа*.

[11] По «Опис. Чжуньгаріи» тоже *Ячжа*.

12. *Сіѣ*. Владѣлецъ сіѣ'скій носитъ титулъ цзыхэ'скаго владѣтеля, и живетъ въ долинѣ Хуцзянь, отъ Чанъ-ан'и въ 10,250 ли. На СВ. до мѣстопребыванія Намѣстника 5046 ли. На В. смежно съ Пишинаемъ, на ЮЗ. съ Уто, на С. съ Соцзюй, на З. съ Пули. Цзыхэская земля производитъ камень *юй*.

13. *Пули*. Отъ долины Нули, мѣстопребыванія владѣтеля, до Чанъ-ан'и 9550 ли На СВ. до мѣстопребыванія Намѣстника 5396 ли, на В. до Соцзюй 540, на С. до Сулэ 550 ли. На Ю. смежно съ Цзыхэ; на З. до Улея [12] 540 ли.

14. *Инай*. Мѣстопребываніе владѣтеля, отстоитъ отъ Чанъ-ан'и въ 10,150 ли. На СВ. до мѣстопребыванія Намѣстника 2730, до Соцзюй 540, до Улей 540; на С. до Сулэ 650 ли. На Ю. смежно съ Цзыхэ.

15. *Улей*. Мѣстопребываніе владѣтеля, городъ Лу, отстоитъ отъ Чан-ан'и въ 9950 ли. На СВ. до мѣстопребыванія Намѣстника 2465, на В. до Пули 540 ли. На Ю. смежно съ Уто, на С. съ Гюаньду, на З. съ Большими-Юечжи.

О четырехъ послѣднихъ владѣніяхъ замѣчено что жизнь въ нихъ ведутъ кочевую, и народонаселеніе одноплеменное, подходящее къ Цян'амъ и Ди, причемъ въ Улеѣ одѣяніе носятъ похожее на усуньское.

16. *Гюаньду*. Мѣстопребываніе владѣльца, въ долинѣ Яньдунь, отъ Чанъ-ан'и въ 9860 ли. На С.В. до Давани 1030 ли. На С. смежно съ Усунями.

17. *Соцзюй*. Мѣстопребываніе владѣтеля, городъ Соцзюй, отстоитъ отъ Чанъ-ан'и на 9950 ли. На С. В. до мѣстопребыванія Намѣстника 4746, на З. до Сулэ 460, на ЮЗ. до Пули 740 ли.

---

[12] Это владѣніе *Улей* не должно смѣшивать съ тѣмъ *Улеемъ* гдѣ жилъ Намѣстникъ имѣвшій, какъ сказано выше, титулъ «охранителя».

18. *Сулэ*. Городъ Сулэ, мѣстопребываніе владѣтеля, находится отъ Чанъ-ан'и въ 9350 ли. На В. до мѣстопребыванія Намѣстника 2210, на Ю. до Соцзюй 560 ли. Черезъ это владѣніе пролегаетъ большая дорога на Западъ, въ Давань, Кханцзюй и къ Большимъ-Юечжи.

19. *Юйту* или *Юйтхеу*. Владѣлецъ живетъ въ долинѣ Юйту, отъ Чанъ-ан'и въ 8650 ли. На В. до мѣстопребыванія Намѣстника 1411 ли. На Ю. смежно съ Сулэ, но черезъ горы нѣтъ дороги. На З. до Гюаньду 1314 ли, но прямою дорогою два дня конной ѣзды. Образъ жизни кочевой. Одѣяніе походитъ на усуньское.

20. *Гумо*. Отъ мѣстопребыванія владѣльца, въ «южномъ-городѣ» (*нань-ченъ*) до Чанъ-ан'и 8150 ли; на В. до мѣстопребыванія Намѣстника 2021 ли; на Ю. до Юйтян'и конной ѣзды 15 дней. На С. смежно съ Усунями. На В. до Гюцы 670 ли.

21. *Выньсу*. Городъ Выньсу, мѣстопребываніе владѣтеля, отстоитъ отъ Чанъ-ан'и въ 8350 ли На В. до мѣстопребыванія Намѣстника 2380, на З. до Юйту 300, на В. до усунькой столицы, Чигу, 610 ли, на В. до Гумо 270 ли.

22. *Гюцы*. отъ города Янь, мѣстопребыванія владѣтеля, до Чанъ-ан'и 7480 ли На Ю смежно съ Цзиньцзюэ, на ЮВ. съ Цзюймо, на ЮЗ. съ Сюйми, на С. съ Усунями, на З. съ Гумо; на В. до мѣстопребыванія Намѣстника 350 ли.

23. *Улей*. Здѣсь мѣстопребываніе Намѣстника. На Ю. до Цюйли 330 ли.

24. *Цюйли*. Земли этого округа смежны на СВ. съ Юйли, на ЮВ. съ Цзюймо, на Ю. съ Цзиньцзюэ, на З. имѣетъ границею рѣку. До Гюцы 580 ли, до Юйли на В. 650 ли.

25. *Юйли*. Городъ Юйли, мѣстопребываніе владѣльца, отъ Чанъ-ан'и въ 6750 ли. На З. до мѣстопребыванія Намѣстника 300 ли. На Ю. смежно съ Цзюймо и Шаньшанью.

26. *Вэйсюй*. Мѣстопребываніе владѣльца, городъ Вэй-

отъ Чанъ-ан'и въ 7290 ли. На З. до мѣстопребыванія Намѣстника 500, до Яньци 100 ли.

27. *Яньци*. Городъ Юаньцюй, мѣстопребываніе владѣльца, отъ Чанъ-ан'и въ 7300 ли. На ЮЗ. до мѣстопребыванія Намѣстника 400 ли, на Ю. до Юйли 100 ли. На С. смежно съ Усунью. Лежитъ неподалеку отъ озера изобилующаго рыбою.

28. *Гѣ* [13]. Долина Данцюй, мѣстопребываніе владѣльца, на восточной сторонѣ Снѣжныхъ-Горъ, отъ Чанъ-ан'и въ 8570 ли. На З. до мѣстопребыванія намѣстника 1486 ли

29. *Хуху*. Долина Гюйшылю [14], мѣстопребываніе владѣльца, отъ Чанъ-ан'и въ 8200 ли; на З. до мѣстопребыванія Намѣстника 1147 ли, до Яньци 770 ли.

30. *Шаньго* (Горное-Царство). Владѣлецъ живетъ въ горахъ за 7170 ли отъ Чанъ-ан'и. На З. до Юйли 240, на СЗ. до Яньци 160, на З. (на С?.) до Вэйсюй 260 ли. На ЮВ. смежно съ Шаньшанью и Цзюймо.

31. *Чешы* Переднее, иначе Западное. [15] Городъ Цзяохэ, мѣстопребываніе владѣльца, отъ Чанъ-ан'и въ 8150 ли. На ЮЗ. до мѣстопребыванія Намѣстника 1808, до Яньци 835 ли.

На основаніи изложенныхъ данныхъ относительно взаимнаго положенія и разстоянія поименованныхъ владѣній, ихъ отдаленности отъ Чанъ-ан'и, и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, попробуемъ, на сколько окажется возмож-

---

[13] Это владѣніе названо въ «Опис. Чжунг.» *Цюго*, и разстояніе его отъ Улея показано въ 1487 ли.

[14] Въ «Опис. Чжунг.» эта долина названа *Чешилю*.

[15] По переводу извѣстій Баньгу въ «Опис. Чжунг.» показано два Чешы: *Западное* и *Восточное* (стр. 70 — 71); по переводу тѣхъ же извѣстій въ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», западное Чешы является съ эпитетомъ *переднее*, а восточное — съ эпитетомъ *заднее*, или *сѣверное* (III, 88—89). Въ пересказѣ-же Баньгуевыхъ извѣстій у Мадуаньлина по переводу Ст. Жюльена читаемъ на-оборотъ: «Чешы переднее или восточное» и «Чешы заднее или западное» (см. Journ. Asiat. за 1847 годъ, t. IX, p. 189—90).

нымъ, пріурочить эти владѣнія къ пунктамъ осѣдлости нынѣ въ Восточномъ-Туркестанѣ существующимъ.

Но, предварительно, замѣтимъ что на совершенную точность означенныхъ данныхъ разсчитывать при этомъ не слѣдуетъ, какъ потому что и въ первоначальномъ своемъ видѣ данныя эти могли быть не совсѣмъ точны, такъ, и еще болѣе, потому что проходя въ теченіе двухъ тысячь лѣтъ черезъ руки множества переписчиковъ и ксилографовъ, необходимо должны были онѣ исказиться болѣе или менѣе вслѣдствіе описокъ. Къ этимъ ошибкамъ въ текстѣ могли прибавится новыя еще со стороны переводчика, per lapsum calami или вслѣдствіе недостаточно-внимательной корректуры [16].

Въ «Собраніи свѣдѣній о народахъ Средней-Азіи» о. Іакинѳа Бичурина, онъ пріурочилъ бо́льшую часть перечисленныхъ владѣній къ нынѣшнимъ въ Восточномъ-Туркестанѣ мѣстностямъ, другія-же обозначилъ на картѣ приложенной къ этому сборнику. Тождественность нѣкоторыхъ изъ его пріуроченій не можетъ подлежать сомнѣнію; но остальныя нисколько не согласны съ данными заключающимися въ «Исторіи Старшихъ Ханей», и должны быть исправлены по-возможности.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ владѣній только четыре пріурочиваются несомнѣнно къ нынѣшнимъ мѣстностямъ: *Юйтянь* — къ Хотану, иначе *Ильци; Соцзюй* — къ Яркяни; *Сулэ* — къ Кашгару, и *Гуцы* или *Гуйцы* — къ Кучѣ [17].

---

[16] Образчикъ послѣдняго приведенъ выше, въ прим. 9 и 13-мъ, и ниже въ прим. 26, 27 и 30-мъ.

[17] Тождественность поименованныхъ пунктовъ, основывающаяся на многочисленныхъ соображеніяхъ разнаго рода и на положительныхъ показаніяхъ позднѣйшихъ китайскихъ писателей, признана уже издавна европейскими орьенталистами. Только Гобиль принималъ ошибочно *Юйтянь* за *Яркянь*, и *Гуйцы* за *Кашгаръ* (Mémoires concernant les Chinois, XVI, 404 и 409—411), да Абель-Ремюза столь же ошибочно полагалъ будто *Яньци* означаетъ *Яркянь*, а *Гуйцы* — *Бишбалыгъ*, что въ Джунгаріи (Recherches sur les langues tartares, I, 290—292).

Основываясь на несомнѣнной тождественности Юйтяни, Соцзюя, Сулэ и Гуцы съ Хотаномъ, Яркянью, Кашгаромъ и Кучею, постараемся размѣстить сначала владѣнія показанныя лежащими между этими пунктами.

Пишань, на основаніи положенія этого города въ 380 ли къ З. отъ Хотана, и 380 ли къ ЮВ. отъ Яркяни, причемъ изъ владѣнія этого показана дорога въ Чжибинь (Кабулистанъ), приходится пріурочивать къ станціи *Пишанъ*, между станціями Гумо и Чулакъ, на дорогѣ изъ Хотана въ Яркянь (см. Клапротову Carte de l' Asie Centrale). Только помѣщаемое въ этихъ мѣстахъ окажется оно прямо на Ю. отъ Гумо. Тутъ же помѣщаетъ его и о. Іакинѳъ.

Владѣніе *Юйту*, по смежности его къ югу съ Кашгаромъ, по сосѣдству на З. съ Гюаньду, и по отдаленности его отъ Кашгара на 700, а отъ Кучи — на 1170 ли, пріурочивалось-бы, всего лучше, къ западной части нынѣшняго Ушъ-Турфанскаго округа въ верховьяхъ Аксурѣки, туда гдѣ находился нѣкогда ancien Pidjan ruiné Клапротовой карты Средней-Азіи; но можно согласиться и съ мнѣніемъ которое отождествляетъ Юйту съ нынѣшнимъ Ушъ-Турфаномъ.

Гумо показано въ разстояніи 8150 ли отъ Чанъ-ан'и, а *Выньсу* — въ 8350 ли, считая отъ востока къ западу; поэтому Гумо на 200 ли должно быть восточнѣе Выньсу; и подъ статьею о Выньсу дѣйствительно говорится что на востокъ отъ него до Гумо 270 ли. Такимъ же образомъ и по отношенію къ разстоянію отъ мѣстопребыванія «охранителя», Гумо показано въ 2021, а Выньсу въ 2380 ли, т. е. послѣднее западнѣе перваго на 359 ли; наконецъ и по отношенію къ Кучѣ, показано Гумо въ разстояніи 670 ли, тогда-какъ Выньсу должно было находиться въ 870 ли отъ послѣдней (8350 минусъ 7480), слѣдовательно на 210 ли западнѣе Гумо. Такимъ образомъ разстояніе между Гумо и Выньсу рознится отъ 200 до 270 ли, но по всѣмъ тремъ показаніямъ первое полагается

къ востоку отъ послѣдняго. Посему, еслибы Выньсу соотвѣтствовало нынѣшнему Аксу, то Гумо приходилось бы пріурочивать къ какому-либо пункту между Аксу и Кучею; такъ и поступаетъ авторъ китайскаго сочиненія Синь-цзянь-чи-ло» (Sin-kiang-tchi-lio), пріурочивая Гумо (Kou-me) къ Кара-юргун'у (на картѣ Клапрота Kara-youlghen), урочищу въ 640 ли отъ Пая, и въ 160 ли отъ Аксу [18]; но тогда Гумо не могло-бы приходиться на С. отъ Пишани, какъ значится въ статьѣ о послѣдней. Да и по другимъ соображеніямъ, остается либо нынѣшнее Аксу считать тожественнымъ съ Гумо, а Выньсу пріурочивать западнѣе, именно къ Ушъ-Турфану (который о. Іакинѳъ считалъ за Юйту), либо полагаетъ что Гумо находилось гдѣ-либо на Аксу'ской-Рѣкѣ, сотни на двѣ ли юговосточнѣе Аксу, и что дорога изъ Кучи къ западу шла на Гумо, а отсюда уже подымалась къ Аксу. На ЮЗ. гумо'скія зѐмли должны были простираться, во всякомъ случаѣ, до кашгарскихъ, слѣдовательно заслонять собою съ юга и юйту'скія и выньсу'скія, почему приходились къ С. отъ пишаньскихъ, хотанскихъ и умискихъ.

Будемъ продолжать теперь пріуроченіе владѣній показанныхъ къ В. отъ Кучи.

Улей, мѣстопребываніе «охранителя», пріурочиваемъ мы, согласно съ о. Іакинѳомъ, къ нынѣшнему Бугур'у, отъ коего до Кучи къ З. считается 300 ли, что̀ совпадаетъ съ разстояніемъ Улея на 350 ли къ В. отъ Гуцы. Улей, соотвѣтствуя Бугуру, могъ быть выбранъ мѣстопребываніемъ для главнаго начальника «Западнаго-Края» вслѣдствіе обстоятельства что — по свидѣтельству «Сю-юй-выньцзянь-лу» — «изъ Яркяни, Хотана, Аксу, Кашгара и Харашара можно ѣхать разными дорогами и степями, но наконецъ неминуемо должно пріѣхать къ Бугуру, гдѣ че-

[18] Отрывокъ изъ означеннаго сочиненія, переведенный Ст. Жюльеномъ, см. въ Journ. Asiat. за 1846 годъ, t. VIII p. 243—244.

резъ камышевыя займища сдѣлана земляная гать: *кромѣ сей дороги нѣтъ нигдѣ другаго проѣзда»* [19].

Цюйли показано въ 330 ли къ Ю. отъ Улея, и въ 580 ли отъ Гуцы; по этимъ и другимъ показаніямъ, приходится помѣщать это владѣніе на самомъ Таримѣ, къ ЮВ. отъ озера Баба-Куль, какъ это и сдѣлано о. Іакинѳомъ. По нашимъ соображеніямъ зѐмли цюйлій'скія могли прилегать къ Тариму не только съ сѣвера, но даже и съ юга.

Юйли, въ 300 ли отъ Улея къ В., и во 100 ли къ Ю. отъ Яньци, расположено было, полагаемъ, по низовью Хайду-гола, причемъ самый городъ *Юйли* могъ находиться тамъ гдѣ нынѣ *Корла*.

Городъ *Юаньцюй*, владѣнія *Яньци*, въ 400 ли на СВ. отъ Улея, и во 100 ли на С. отъ Юйли, неподалеку отъ озера, совпадаетъ какъ-разъ съ нынѣшнимъ *Харашар*'омъ невдалекѣ отъ Босту-нора. Сюда же пріурочиваетъ его и о. Іакинѳъ.

Вэйсюй'ское владѣніе въ 500 ли къ В. отъ Улея, и 100 ли отъ Яньци, пріурочивается, по этимъ даннымъ, къ *Чуху*'ю (Tchoukhoui) Клапротовой карты, или, что̀ тоже, къ *Чаганъ-Тунгэ* по о. Іакинѳу.

Владѣніе *Гѣ* (Цюго) пріурочиваемъ къ Чжахо-Хота, въ Турфанскомъ округѣ (по картѣ Клапрота), или къ самому Турфану.

Владѣніе *Хуху* можетъ, скорѣе всего, соотвѣтствовать положенію *Токсум*'а, тоже въ Турфанскомъ округѣ. О. Іакинѳъ пріурочиваетъ его къ Пичану.

Владѣніе *Шанью*, по точному опредѣленію смежныхъ съ нимъ отовсюду владѣній и разстоянія его отъ нихъ, помѣщаемъ мы смѣло на сѣверномъ берегу Лобъ-нора, около впаденія въ это озеро рѣки Таримъ [20].

---

[19] «Опис. Чжунг». Стр. 120.

[20] Въ обозначеніи что владѣніе *Вэйсюй* находится отъ *Шанью* «на западъ» — явная описка: должно быть «на сѣверъ», такъ-какъ къ западу показано уже, дѣйствительно приходившееся на западъ, владѣніе *Юйли*.

Чешы-Переднее, иначе Западное, ближе всего могло-бы соотвѣтствовать нынѣшнему *Пичан*'у [21]. Авторъ «Синь-цзянь-чи-ло» полагаетъ что столица этого владѣнія находилась въ нынѣшнемъ Турфанѣ [22].

Покончивъ съ пріуроченіемъ владѣній на «сѣверной дорогѣ», отъ запада къ востоку, обратимся теперь ко владѣніямъ лежавшимъ между этою «сѣверною» и «южною» дорогами, къ З. отъ Кашгара и Хотана.

Владѣніе *Гюаньду*, преимущественно по расположенію его на ЮВ. отъ Даван'и, и по сосѣдству на В. съ Юйту, помѣщаемъ мы, необинуясь, подъ Памирскою-Высью, въ верховьѣ р. Аратумена (текущей къ Кашгару), на В. отъ Алайской-Степи (по Уокеровой картѣ Туркестана).

Владѣніе *Улей*, показанное къ Ю. отъ Гюаньду и къ С. отъ Пули, пріурочивается, скорѣе всего, къ верховью долины р. Япуара (по картѣ Уокера).

Владѣніе *Инай*, такимъ же образомъ, занимало, должно полагать [23], долину рѣки Чаганъ-усу, между хребтами Духаръ-Тау и Чичекъ-Тау (по картѣ Уокера).

Владѣнію *Пули* [24] отводимъ мы мѣсто въ верховьѣ *Чарлен*'ской долины около *Кургани-Тогарма* (по картѣ Уокера).

---

[21] Разстояніе обоихъ Чешы отъ мѣстопребыванія «охранителя», Передняго — въ 1807, Задняго — 1237 ли, при отдаленности отъ Чанъ-ан'и, перваго — на 8150, послѣдняго — на 8950 ли, показываетъ что дорога въ оба Чешы шла изъ Китая, не съ востока на западъ, а съ запада на востокъ, то есть что оба Чешы лежали не на дорогѣ изъ Китая въ «Западный-Край», а, чтобы добраться до нихъ, надо было съ этой дороги, именно въ Шаньго или въ Юйли, сворачиваетъ вправо. Оба Чешы возникли изъ раздѣленія на двое владѣнія именовавшагося дотолѣ *Гушы* («Собр. свѣд.» III, 36).

[22] Journal Asiatique, l. c. p. 237.

[23] На томъ основаніи что дорога въ это владѣніе должна была пролегать черезъ Сулэ (Кашгаръ), почему разстояніе показанное отъ послѣдняго должно быть вѣрнѣе чѣмъ показанія о разстояніи отъ другихъ пунктовъ. По «Синь-цзянъ-чи-ло» нынѣшній Ингасаръ (Енишегръ) входилъ въ предѣлы Инай'скаго Владѣнія (Journ. Asiat. l. c. p. 246).

[24] Показаніе, что владѣніе это отстоитъ отъ Чанъ-ан'и на 9550 ли представляется явно-ошибочнымъ.

Владѣніе-же *Цзыхэ*, или *Сіѣ*, помѣщаемъ на Яркянь-Дарьѣ и Тизнифѣ, около Якрыка и Кукъяра (по картѣ Уокера).

Наконецъ, владѣніе *Уто* [25] должно, по нашему мнѣнію, соотвѣтствовать нынѣшнему владѣнію *Ташкурган*'скому (по картѣ Уокера).

На востокъ отъ Хотана по пути къ Китаю ближайшимъ къ хотанскому владѣніемъ показывается *Уми*, или *Гюйми*, позже *Нинми*, въ 390 ли отъ него. О. Іакинѳъ отождествляетъ Уми съ нынѣшнею *Керіею*. Мы согласны съ этимъ, и прибавимъ отъ себя что, по Сюань-Цзану, Уми должно соотвѣтствовать городу именуемому имъ *Бимо*, въ 330 ли къ В. отъ Хотана. Пріуроченіе Уми къ Керіи согласуется и съ расположеніемъ къ СЗ. отъ него — владѣнія Гумо, а на СВ. — владѣнія Гуцы.

Къ югу отъ Уми значится владѣніе *Цюйлэ*, пріурочиваемое о. Іакинѳомъ къ *Сукет*'у (Sughat Кипертовой карты Средней-Азіи). Мы ничего не можемъ сказать противъ этого пріуроченія по совершенной въ настоящее время неизвѣстности странъ къ В. и Ю. отъ Керіи.

Но напрасно о. Іакинѳъ ведетъ дорогу изъ Хотана въ Китай черезъ это Цюйле. Оно несомнѣнно лежало въ сторонѣ отъ дороги, къ югу.

Дорога изъ Хотана въ Китай, направившись на Уми (Бимо), оттуда склонялась на СВ. Слѣдующимъ по этому пути владѣніемъ за Уми было *Цзиньцзюэ*, въ 460 ли къ В. отъ него, и смежное на С. съ Гюцы и Цюйли. По Сюань-Цзанову маршруту Цзинцзюэ сооотвѣтствуетъ «древнему царству *Тухоло*», куда прибылъ онъ черезъ 600 ли пути отъ Бимо, встрѣтивъ на границахъ хотанскаго и тухолоскаго владѣній городъ *Ни-янъ*.

Въ четырехъ дняхъ пути къ югу отъ Цзиньцзюэ пока-

---

[25] Въ 9950 ли отъ Чанъ-ан'и не могло находиться *Уто* ни въ какомъ случаѣ, такъ-какъ дорога туда шла черезъ Пишань, а уже это-послѣднее показано въ разстояніи 10.050 ли отъ Чанъ-ан'и.

зано владѣніе *Жунлу*, уклонявшееся къ Ю. отъ дороги въ Китай, и смежное къ З. съ Цюйлэ. При невозможности, въ нынѣшнемъ состояніи свѣдѣній нашихъ о Сѣверномъ-Тибетѣ, пріурочить Цюйле, тѣмъ менѣе еще представляется возможнымъ пріуроченіе Жунлу.

За Цзиньцзюэ по дорогѣ въ Китай слѣдовало владѣніе *Цзюймо*, резиденція котораго отстояла отъ резиденціи цзинцзюэской на 2000 ли къ В. Къ СЗ. показано оно смежнымъ съ Цюйли, а къ СВ. съ Юйли. Это Цзюймо соотвѣтствуетъ Сюань-Цзанову «древнему царству Чемодона», или *Нимо*, въ которое прибылъ онъ черезъ 600 ли пути изъ Тухоло.

Отъ Цзюймо на Ю. въ трехъ дняхъ пути, всторонѣ отъ дороги, показано владѣніе *Сяованъ*, пограничное къ З. съ Жунлу. Относительно пріуроченія его приходится повторить сказанное о Жунлу и Цюйлэ.

Къ В. или, точнѣе, къ СВ. отъ Цзюймо лежало на дорогѣ владѣніе Шаньшань, прежде звавшееся Леулань'ю, столица котораго, городъ Юни, показанъ въ 720 ли отъ города Цзюймо. Къ СЗ. владѣніе это граничило съ Юйли и Шаньго. Разстояніе отъ послѣдняго на 1365 ли, а отъ Чешы на 1890 ли заставляетъ думать что Юни находился гдѣ-нибудь къ ЮВ. отъ Лобъ-нора. Сюань-Цзанъ, направляясь изъ Цзюймо (Нимо) на СВ., прибылъ въ Шаньшань (Леулань), которую называетъ онъ также «древнимъ царствомъ Набобо», сдѣлавъ около 1000 ли пути.

Наконецъ, еще далѣе къ ЮВ. отъ Лобъ-нора и Юни, лежало, къ югу отъ дороги, владѣніе *Жоцянь*, къ З. смежное съ Цзюймо, отъ Янъ-гуан'и отстоявшее на 1800 ли. О пріуроченіи этого владѣнія не можетъ быть рѣчи тѣмъ болѣе что эта же или другая Жоцянь показана прилегающею съ юга не только къ Жунлу, но и къ Цюйлэ, и даже къ Хотану, такъ-что Жоцянью звался по-видимому вообще весь Сѣверный-Тибетъ.

Теперь когда мы знаемъ, отчасти навѣрное, отчасти

приблизительно, какъ размѣщались на пространствѣ Восточнаго-Туркестана 31 владѣніе входившее въ естественные его предѣлы (за исключеніемъ Задняго-Чешы), разсмотримъ другія свѣдѣнія сообщаемыя объ этихъ владѣніяхъ «Исторіею Старшихъ Ханей».

Источникъ этотъ знакомитъ насъ весьма подробно съ количествомъ населенія въ нихъ, показывая число семей, душъ и войска въ каждомъ владѣніи. Совокупляемъ эти свѣдѣнія въ слѣдующей таблицѣ.

	семей.	душъ.	войска.
Жоцянь. . . .	450	1750	500
Шаньшань [26] . .	1500	14100	2912
Цзюймо . . .	230	1610	320
Сяовань . . .	150	1050	200
Цзиньцзюэ. . .	480	3360	500
Жунлу	240	1600	300
Уми [27]	3440	20040	3540
Цюйлэ [28] . . .	310	2170	300
Юйтянь [29] . . .	3300	19300	2400
Пишань . . .	500	3500	500
Уто	490	2723	740
Цзыхэ	350	4000	1000
Пули	650	5000	2000
Инай	125	670	350
Улей	1000	7000	3000
Гюаньду . . .	380	1100	500
Соцзый	2339	16373	3049

[26] Семей въ Шаньшан'и показано въ «Опис. Чжунг.» не 1500, а 1570: гдѣ опечатка?

[27] Въ «Опис. Чжунг.» семей въ Уми значится, не 3440, а 3340; число же душъ, не 20.040, а 2040 (т. е. менѣе числа семей): опечатка въ послѣднемъ числѣ несомнѣнна.

[28] Этого *Цюйлэ* не должно смѣшивать съ владѣніемъ *Цюйли*, что́ на сѣверъ отъ Цзинь цзюэ.

[29] По переводу Абель-Ремюзы, число семей въ Хотанѣ показано, не 3300, а 2300 (Hist. d. l. ville de Khotan, p. 2).

	семей.	душъ.	войска.
Сулэ	1510	18647	2000
Юйту	300	2300	800
Гумо	3500	24500	4500
Выньсу	2200	8400	1500
Гюцы	6970	81370	21076
Улей	110	1200	300
Цюйли	130	1480	150
Юйли	1200	9600	2000
Вэйсюй . . .	700	4900	2000
Яньци	4000	32100	6000
Гѣ	99	500	150
Хуху	55	264	45
Шаньго [30] . .	450	5000	100
Чешы-Переднее .	700	6050	1865

Такимъ образомъ, общее народонаселеніе Восточнаго-Туркестана въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. состояло изъ 39,455 семей въ 314,220 душъ. Не говоря уже о томъ что цифры воиновъ въ «описи», для того чтобы имѣть смыслъ, должны означать не воиновъ, а собственно взрослыхъ мужчинъ способныхъ носить оружіе; не говоря и о томъ, равномѣрно, что цифры семей въ «описи» — чтобы не считать ихъ нелѣпыми по отношенію къ цифрамъ душъ, имъ соотвѣтствующимъ — надо принимать за цифры, не сѐмей, а хозяйствъ: неужели-же въ самомъ дѣлѣ народонаселеніе такой обширной страны какъ Восточный-Туркестанъ простиралось въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. лишь за триста съ небольшимъ тысячь душъ? Мы полагаемъ, и постараемся доказать ниже, что «опись» сильно грѣшитъ преуменьшеніемъ; а произойти это могло, весьма естественно, отъ того что когда «охранитель» потребовалъ отъ владѣній списковъ народонаселенію, владѣнія, полагая что численности народонасе-

[30] Число войска въ Шаньго показано, по «Опис. Чжунг.», въ 1000 человѣкъ: полагаю что это-послѣднее показаніе правильнѣе, и что опечатка въ настоящемъ случаѣ сдѣлана «Собраніемъ свѣд.».

ленія въ нихъ будетъ соотвѣтствовать со временемъ и количество дани, сочли благоразумнымъ, на всякій случай, уменьшить, кто вдвое, кто въ трое, а кто и въ пятеро, дѣйствительную свою людность; и списки по этому способу составленные весьма легко могли быть приняты «охранителемъ» безъ возраженій — при помощи приложеній къ нимъ «мѣстныхъ произведеній». Поэтому мы думаемъ что цифры «описи» не даютъ вѣрнаго понятія, не только о народонаселеніи края вообще, но и объ относительной людности отдѣльныхъ владѣній; ибо, напримѣръ, въ Хуху могли показать людность впятеро меньше дѣйствительной, въ Сулэ, въ Соцзюѣ, въ Юйтяни — втрое, въ Выньсу — вдвое, а въ Гюцы, Яньци, Уми — настоящую цифру ихъ населенія или около того.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ, самыхъ мелкихъ, владѣній, показанныхъ кочевыми — каковы: Жоцянь на югѣ, Цзыхэ, Пули, Инай и Гюаньду на западѣ, и Юйту на сѣверѣ — во всѣхъ остальныхъ имѣлись города или по-крайней-мѣрѣ, вели жизнь осѣдлую. О городахъ и селеніяхъ страны не получается изъ «Исторіи Старшихъ Ханей» никакого понятія; правительственный-же строй владѣній представляется въ высшей степени однообразнымъ: всюду перечисляются одни и тѣже чиновники, только въ многолюдныхъ владѣніяхъ является ихъ по нѣскольку, а въ малолюдныхъ — по одному. Какіе были это чиновники, показано нами уже выше [31]; выше же разъяснено и то что существованіе этихъ чиновниковъ — самыхъ первообразныхъ какіе только могутъ возникнуть въ осѣдломъ обществѣ при переходѣ его изъ кочеваго быта: дворецкій или везирь при владѣтелѣ, староста надъ правою, и староста надъ лѣвою стороною владѣнія, городничій, переводчикъ — никакъ не можетъ служить свидѣтельствовать о зачаткахъ тамъ «высшей гражданственности», какъ полагалъ Риттеръ.

---

[31] На стр. 338—339 перваго выпуска, прим. CXXI.

Кое-какія свѣдѣнія сообщаются также «Исторіею Старшихъ Ханей» какъ о естественныхъ произведеніяхъ, такъ и о промышленности нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ владѣній. Именно, о *Жоцян*'и сообщается что въ мѣстныхъ горахъ находится желѣзо, изъ котораго жители выдѣлываютъ себѣ оружіе, не только копья и сабли, но и латы; земледѣліемъ жители не занимаются, а заимствуютъ хлѣбъ изъ Цзюймо; о *Шаньшан*'и — что почва тамъ песчана и солонцевата, почему землепашества мало и хлѣбъ получается изъ сосѣдственныхъ владѣній; много растетъ камыша, ракитника, клена; есть и камень юй; населеніе ведетъ кочевую жизнь, разводитъ ословъ, лошадей и, преимущественно, верблюдовъ; умѣетъ, такъ же какъ и Жоцяньцы, дѣлать оружіе; о *Цзюймо* — что тамъ есть виноградъ и другіе плоды; о *Юйтян*'и и *Цзыхэ* — что тамъ много камня юй; объ *Уто* — что лежитъ въ горахъ, и хлѣбопашество производится тамъ между каменьями; дома̀ строятъ изъ камня; страна производитъ хорошихъ лошадей; есть и ослы, а крупнаго рогатаго скота нѣтъ; о *Соцзю*'ѣ — что тамъ есть желѣзная гора производящая зеленоватый юй; о *Сулэ* — что тамъ есть базары [32]; о *Гумо* — что страна производитъ мѣдь, желѣзо, оперментъ; о *Гуцы* — что тамъ находятся рудники, и жители умѣютъ плавить металлы; о краѣ отъ *Улея* до *Цюйли* сообщается что зе́мли тамъ привольны травою и водою: однѣхъ поливныхъ пашенъ насчитывалось тамъ 5000 циновъ [33]; теплота умѣренная, хлѣба̀ созрѣваютъ въ одно время съ хлѣба̀ми въ Китаѣ, и можно̀ разводить ихъ всякаго рода; въ

---

[32] Какъ ни кратко это указаніе, оно свидѣтельствуетъ что изо всѣхъ городовъ Восточнаго-Туркестана Кашгаръ былъ, въ 1-мъ вѣкѣ до Р. Х., самымъ торговымъ, такъ-какъ о прочихъ городахъ страны, въ каждомъ изъ коихъ были, конечно, базары, не упоминается о нихъ.

[33] Китайская поземельная мѣра *цинъ* равняется, по объясненію отца Іакинѳа, 2449 русск. саженъ, слѣдовательно немногимъ болѣе нашей десятины.

сосѣднихъ владѣніяхъ недостатокъ въ иглахъ и ножахъ; дорого цѣнятся золото и шелковыя ткани; о *Шаньго* — что въ тамошнихъ горахъ добываютъ желѣзо, хлѣбъ-же покупаетъ страна изъ Яньци и Вэйсюй. Вообще-же о странѣ замѣчается что на западъ отъ Цзюймо всюду сѣютъ хлѣбъ, а почва, произрастѣнія, скотъ, мѣстныя произведенія и оружіе — мало разнятся отъ китайскихъ [34].

Вотъ и все — одни голые очерки; нѣтъ ни красокъ, ни тѣней. Немного болѣе живой видъ получитъ страна, если къ изложенному прибавимъ и кое-какія свѣдѣнія о событіяхъ въ ней сообщаемыя «Исторіею Старшихъ Ханей».

О прошломъ страны, до доклада объ ней Чжанъ-цянемъ императору Вуди, «Исторія Старшихъ Ханей» не знаетъ ровно ничего. Въ означенное время она болѣе-или-менѣе зависѣла отъ Хунновъ, которымъ платила дань. Когда Хунны начали ослабѣвать, и состоялся знаменитый походъ на Давань въ послѣднихъ годахъ II-го вѣка до Р. Х., страна подчинилась китайскому господству: владѣльцы ея должны были получать престолъ съ утвержденія китайскаго императора, выставлять, по требованію, войска свои въ распоряженіе китайскихъ военачальниковъ, и въ обезпеченіе покорности своей посылать заложниками въ Китай сыновей или родственниковъ, которые въ-продолженіе пребыванія своего въ столицѣ Имперіи болѣе-или-менѣе окитаивались. Другою мѣрою къ обеспеченію зависимости этихъ владѣній отъ Китая служили военно-земледѣльческія поселенія изъ Китайцевъ водворенныя въ разныхъ мѣстахъ страны. Отдаленнѣйшихъ пунктомъ этихъ поселеній на западѣ были яркяньскія зѐмли [35]. Такія отношенія къ Китаю, при

---

[34] «Собр. свѣд.» III, 43.

[35] Тамъ же, III, 36 и 80. Первое военное поселеніе заведено было въ *Цюйли* (Khiu-li), слѣдующее — въ *Лунъ-тхай* (Lun-thaï); позже, въ 77 г. до Р. Х. устроено было такое же поселеніе въ И-сюнь (I-siun), на земляхъ Шаньшаньскаго Владѣнія. См. Bio: Sur les colonies militaires et agricoles des Chinois (въ Journ. Asiat. за 1850 годъ, t. XV, pp. 342—344).

частомъ слѣдованіи черезъ страну китайскихъ посольскихъ каравановъ, не могли, разумѣется, не содѣйствовать къ распространенію въ ней китайскихъ произведеній, вкусовъ и понятій. Въ тоже время, видимъ, владѣнія по сѣверной дорогѣ, сосѣдившія съ Усунями (занимавшими тогда Южную-Джунгарію и Семирѣченскій-Край), находились съ послѣдними въ весьма частыхъ и близкихъ сношеніяхъ. Такъ, сынъ усуньскаго владѣльца Ун'а, по имени Ваньнянь, возведенъ былъ на престолъ въ Яркяни, по желанію мѣстныхъ старѣйшинъ, когда государь ихъ, «любившій этого Ваньняня», умеръ бездѣтенъ [36]; а Дишы, дочь того же Ун'а, находилась въ замужествѣ за куча'скимъ владѣтелемъ Цзянбин'омъ [37]. Неизлишне замѣтить, впрочемъ, что и Ваньнянь, и Дишы — были дѣти Уна отъ брака его съ китайскою царевною. Вслѣдствіе женидьбы своей на Дишы, Цзянбинъ ѣздилъ (въ 65 г. до Р. Х.) съ супругою въ столицу Китая, откуда возвратились оба богато одаренные: пожалованная титуломъ «царевны», княгиня кучасская повезла съ собою въ мужнины владѣнія, между прочимъ, нѣсколько десятковъ музыкантовъ, коляски китайскія, множество шелковыхъ тканей и разныхъ дорогихъ вещей. Мужу ея такъ понравилось все видѣнное имъ при дворѣ въ Чанъ-ан'и, что онъ и дома у себя сталъ заводить китайскіе порядки. Это, впрочемъ, другимъ туркестанскимъ владѣтелямъ не понравилось, и навлекло ихъ насмѣшки на Цзянбина [38]. Видимъ, какъ это и само собою предполагается, что владѣльцы В. Туркестана вступали въ родственныя связи и между собою: такъ изъ разсказа о событіяхъ въ Чешыскомъ Владѣніи оказывается что одинъ изъ владѣльцевъ онаго женатъ былъ на дочери владѣльца харашарскаго (Яньци). Видимъ, наконецъ, что однѣ изъ владѣній находились иногда въ вассальныхъ отношеніяхъ къ другимъ, какъ, напримѣръ,

---

[36] «Собр. свѣд.» III, 62—63

[37] Тамъ же, III, 68.

[38] Тамъ же, III, 84—85.

Гюйми къ Кучѣ, до похода Китайцевъ на Давань, и что случалось одному изъ владѣній подчинять себѣ другое: такъ въ началѣ II вѣка до Р. Х. гумо'скій владѣтель убилъ выньсу'скаго, и овладѣлъ его землями [39].

Когда императору Вуди вздумалось посылать посольства во владѣнія далекаго Запада, посольства эти потянулись туда черезъ Восточный-Туркестанъ, явно, по путямъ существовавшимъ уже въ этой странѣ. Изъ показаній «описи» о разстояніяхъ владѣнія ея отъ Чанъ-ан'и и мѣстопребыванія «охранителя», видно что исходнымъ изъ Китая пунктомъ дороги на западъ служила крѣпость Янъ-гуань. Отсюда надо-ли было ѣхать въ Давань или въ Дася и Чжибинь, направлялись одинаково во владѣненіе Леулань (переименованное впослѣдствіи, по китайскому обычаю, въ Шаньшань) вдоль «Песчаныхъ-Грядъ» (*Бай-лунъ-дуй*), гдѣ, при недостаткѣ въ водѣ и подножномъ кормѣ, Леуланьцы, нерѣдко, препровождая китайскія посольства, и съѣстные припасы для нихъ тащили на собственныхъ плечахъ [40]. Изъ Леулани-же (6100 ли отъ Чанъ-ан'и, 1600 отъ Янъ-гуан'и) дорога раздѣлялась уже на-двое: на даваньскую и на дася'скую съ чжибинскою. Ѣхавшіе на Давань и далѣе сворачивали отсюда къ СЗ. въ Юйли; ѣхавшіе въ Дася и далѣе сворачивали на ЮЗ. въ Цзюймо. Первая дорога звалась «сѣверною», послѣдняя — «южною». Южная дорога изъ Цзюймо (6820 ли отъ Чанъ-ан'и) шла далѣе на Цзиньцзюэ (8820 ли), Уми (9280), Юйтянь (9670) и Пишань (10,050 ли отъ Чанъ-Ан'и). Слѣдовавшіе въ Чжибинь (Кабулистанъ и далѣе) поворачивали отсюда на ЮЗ.; слѣдовавшіе въ Дася (Бактріану) продолжали путь на Уто. Сѣверная дорога изъ Юйли (6750 отъ Чанъ-ан'и) шла далѣе на Улей (7130 ли), Гюцы (7480) и Гумо (8150). Изъ Гумо далѣе ѣздили прежде черезъ Усуньскую-Землю, сворачивая на сѣверъ, а потомъ стали ѣздить продолжая путь къ западу

[39] Тамъ же, III, 90, 83 и 77.

[40] Тамъ же, III, 41.

на Сулэ (9350 ли). Путь въ Соцзюй (Яркянь) измѣренъ былъ по-видимому отъ Сулэ (Кашгара), по сѣверной дорогѣ, а не отъ Юйтяни (Хотана), по южной, такъ-какъ разстояніе Соцзюя (при отдаленности его отъ Сулэ на 560 ли) отъ Чанъ-ан'и показано въ 9950 ли, тогда-какъ отъ Юйтяни (по разстоянію Соцзюя отъ Пишани на 380 ли, и Пишани отъ Юйтяни на столько же) долженъ былъ онъ находиться въ 10,430 ли.

Что касается до владѣній къ сѣверу и востоку отъ Юйли, то за исключеніемъ Шаньго (7170 ли отъ Чанъ-ан'и), имѣвшаго непосредственное сообщеніе съ Шаншанью, ѣздили въ нихъ, должно полагать, черезъ Юйли, поворачивая оттуда къ С. СВ. и В., сначала на Яньци, потомъ на Вэйсюй, далѣе на Хуху и Чешы. Прямая дорога изъ Юй-мынь-гуан'и въ Заднее-Чешы, помимо Шаньшани, открыта была лишь впослѣдствіи, именно въ 3-мъ году по Р. Х. [41].

Въ какомъ невѣдѣніи относительно историческихъ судебъ Восточнаго-Туркестана до присоединенія его къ Китаю, оставляетъ насъ «Исторія Старшихъ Ханей», столь же мало разъясняетъ она и этнографическій вопросъ: къ какому племени или какимъ племенамъ принадлежало народонаселеніе этой страны? Лишь относительно населенія горныхъ долинъ къ В. отъ Памирской-Выси, т. е. владѣній Цзыхэ, Пули, Иная и Улея замѣчаетъ она что населеніе это одноплеменно и подходитъ къ Цян'амъ и Ді'йцамъ (т. е. къ Тибетцамъ и Монголамъ ?); да относительно Гюаньду — что жители его составляютъ отрасль Сэ'сцевъ. Народъ-же по имени Сэ — сказываетъ «Исторія Старшихъ Ханей» — обиталъ нѣкогда на усуньскихъ земляхъ (т. е. въ Южной-Джунгаріи и Семирѣченскомъ-Краѣ), но вытѣсненъ былъ оттуда (въ первой половинѣ II-го вѣка до Р. Х.) Юечжійцами; когда-же послѣдніе заняли далѣе и государство Дася (Согдіану съ

---

[41] Тамъ же, III, 93

Бактріаною), Сэсцы выселились тѣмъ временемъ на югъ въ Чжибинь (Аррахосію); но при этихъ выселеніяхъ все далѣе-и-далѣе на западъ и югъ, часть Сэ'сцевъ осталась на прежнихъ кочевьяхъ занятыхъ впослѣдствіи Усунями, равно-какъ въ Гюаньду и Сюсюн'и (нынѣшнемъ Каратегинѣ). Кромѣ того, объ одѣяніи жителей Гюаньду и Юйту замѣчается что оно сходно съ усуньскимъ [42].

«Исторія Младшихъ Ханей», повторяя отчасти извѣстія о Западномъ-Краѣ заключающіеся въ «Исторіи Старшихъ Ханей» [43], дополняетъ ихъ преимущественно историческими свѣдѣніями объ отношеніяхъ этой страны къ Китаю за первые полтора вѣка по Р. Х.

Мы видѣли что со времени императовъ Ханьской Династіи, Сюань-ди и Юань-ди, Восточный-Туркестанъ вполнѣ подчинялся китайской власти. «Въ царствованіе государей Ай-ди и Пхинь-ди (съ 7 г. передъ до 5 г. послѣ Р. Х.) — читаемъ въ «Исторіи младшихъ Ханей» — Западный-Край, содержавшій въ себѣ при Вуди 36 владѣній, самъ собою раздѣлился на 55 владѣній. Ванъ-Манъ (знаменитый мятежникъ, властвовавшій надъ Китаемъ въ 9 — 23 годахъ по Р. Х.), похитивъ престолъ, унизилъ достоинство владѣтелей и князей, послѣ чего Западный-Край вознегодовалъ и отложился. Онъ прервалъ связь съ Срединнымъ-

---

[42] Тамъ же, III, 46, 48, 62, 64, 65. Ср. въ изслѣдованіи моемъ о Сакахъ стр. 46—47 и 127—130.

[43] Въ «Исторіи Младшихъ Ханей» разстоянія осѣдлыхъ пунктовъ Восточнаго-Туркестана показываются уже отъ столицы ихъ въ Ло-ян'и, и отъ мѣстопребыванія намѣстника ихъ въ Я-чжун'ѣ, причемъ въ означеніи этихъ разстояній встрѣчается много ошибочныхъ цифръ. Такъ *Уми*, или *Гюйми*, показано отъ Лоян'и въ 12.800 ли, тогда-какъ *Юйтянь*, куда дорога лежала черезъ Гюйми — только въ 11.700 ли отъ Лоян'и. Такъ *Сулэ* значится въ 5000 ли отъ Ячжун'а, а *Дежо* (куда дорога шла черезъ Кашгаръ)—только въ 3530 ли («Собр. свѣд.» III, 110, 114 и 128). Мѣстечко *Ячжунъ*, мѣстопребываніе намѣстника при Младшихъ Ханяхъ, находилось на сѣверъ отъ *Иву* (тамъ же, III, 109).

Государствомъ и опять поддался Хуннамъ. Но Хунны наложили такую тяжелую подать которой владѣнія (Восточнаго-Туркестана) не въ состояніи были вносить. Почему, въ правленіе Гуань-ву (38 г. по Р. Х.), отправили въ «Срединное-Государство» посланника съ прошеніемъ принять ихъ въ подданство и по-прежнему дать имъ «охранителя». Просьба эта не получила удовлетворенія. Императору Гуань-ву слишкомъ еще много было дѣла внутри своего государства, чтобы заботиться объ отдаленной его окраинѣ. Возвращеніе Восточнаго-Туркестана подъ скипетръ китайскихъ императоровъ стало осуществляться лишь съ послѣдовавшимъ ослабленіемъ Хунновъ: въ 73 году по Р. Х. Китайцамъ удалось отнять у нихъ И-ву (плодородный оазисъ къ ЮЗ. отъ нынѣшняго Комуля и почти въ 1000 ли къ С. отъ Янъ-гуан'и) и завести здѣсь военное поселеніе [44]. Такимъ образомъ открылся новый путь сообщенія съ Восточнымъ Туркестаномъ, и затѣмъ хотанскій и другіе его владѣльцы, послѣ 65-лѣтняго разрыва съ Китаемъ, опять прислали туда сыновей своихъ въ заложники. Вслѣдствіе этого, въ слѣдующемъ 74-мъ году снова опредѣлены были въ В. Туркестанъ «охранитель» и военные пристава. Но возмущеніе харашарскаго (Яньци) и кучаскаго владѣтелей, отложеніе Чешысцевъ и набѣги Хунновъ снова заставили Китай отказаться отъ господства въ В. Туркестанѣ. Возобновилось оно въ третій разъ лишь въ 91 году по Р. Х., послѣ сильнаго пораженія нанесеннаго Хуннамъ: тогда управлять этою страною посланъ былъ знаменитый военачальникъ Бань-чао, съ назначеніемъ мѣстопребыванія ему въ Кучѣ; вмѣстѣ-съ-тѣмъ основано было новое военное поселеніе при укрѣпленіи *Гао-чанъ*, на чешыскихъ земляхъ. Результатомъ урока даннаго помянутымъ военa-

---

[44] Оставленное въ 77 году, *Иву*'йское военное поселеніе возобновлено было въ 112, и устроено окончательно въ 131-мъ. («Собр. свѣд.» III, 102, 103, 104, 108; Bio: Sur les colonies etc. l. c. p. 349).

чальникомъ строптивому Харашару и его сосѣдямъ было — разсказываетъ «Исторія Младшихъ Ханей» — то что «всѣ 50 владѣній Западнаго-Края признали себя зависимыми отъ Китая, и представили заложниковъ, а Тяочжи, Аньси и другія государства, до самаго моря за 40,000 ли, прислали съ переводчиками дары ко Двору. Въ 9-е лѣто правленія Хо-ди (97 по Р. Х.), Гань-инъ, посланный отъ Бань-чао на западъ, доходилъ до Западнаго-Моря (Каспійское? Средиземное?) и возвратился. Въ прошлое время никто изъ Китайцевъ не проникалъ такъ далеко. Гань-инъ удовлетворительно описалъ климаты и рѣдкія произведенія пройденныхъ имъ странъ» [45]. Царствованіе Хо-ди было апогеемъ китайскаго могущества въ Западномъ-Краю, но со смертію этого императора, въ 105 г. по Р. Х., возмущеніе опять охватило Восточный-Туркестанъ, Хунны снова овладѣли имъ, и властвовали здѣсь цѣлыя десять лѣтъ. Въ четвертый разъ владычество Китая надъ этою страною возстановлено было лишь въ 127 году по Р. Х. сыномъ Бань-чао, Бань-юн'омъ, но опять не надолго: со 132 года вліяніе Китая въ краю начинаетъ упадать, владѣнія его предаются междоусобіямъ, а затѣмъ послѣ 150 года возстаютъ противу Китайцевъ и совсѣмъ отлагаются [46], вслѣдствіе чего прекращаются и свѣдѣнія о нихъ въ «Исторіи Младшихъ Ханей».

Изъ владѣній Восточнаго-Туркестана, отдѣльныя статьи въ этомъ источникѣ встрѣчаемъ лишь о слѣдующихъ одиннадцати, съ такимъ въ каждомъ изъ нихъ числомъ:

	семей	душъ	войска
Гюйми (Уми) . . .	2.173	7.251	1.760
Юйтянь	32.000	83.000	30.000
Сіѣ	2.500	10.000	3.000
Цзыхэ	350	4.000	1.000

[45] «Собр. свѣд.» III, 101—103.
[46] Тамъ же, III, 104—108.

	семей	душъ	войска
Дэжо	100	670	350
Соцзюй	—	—	
Сулэ	21.000	—	30.000
Яньци	15.000	52.000	20.000
Цзюйми (восточное) .	3.000	5.000	2.000
Чешы (переднее). .	1.500	4.000	2.000
Чешы (заднее) . .	4.000	15.000	3.000

О Сіѣ и Цзыхэ объясняется что «это два разныя владѣнія, которыя «Исторія Старшихъ Ханей» напрасно слила въ одно»; о Дэжо — что «зѐмли этого владѣнія смежны съ цзыхэ'скими, и обыкновенія въ обоихъ одинаковы». Относительно приведенныхъ цифръ народонаселенія приходится замѣтить: 1) что по числу семействъ въ нѣкоторыхъ изъ владѣній представляются онѣ болѣе вѣродобными чѣмъ цифры «Исторіи Старшихъ Ханей»: такъ народонаселеніе Юйтяни показано въ 32 000 семей (вмѣсто 3.300), Сулэ — въ 21.000 семей (вмѣсто 1510), Яньци — въ 15.000 семей (вмѣсто 4000 по «Исторіи Старшихъ Ханей»); а какъ оно не могло возрасти естественно съ такою силою въ промежутокъ 175 лѣтъ, раздѣляющій хронологически «описи» этихъ источниковъ, то, какъ уже замѣчено, показанія перваго изъ нихъ должны считаться преуменьшенными; 2) что-же касается до отношенія между числомъ семей и числомъ душъ, то оно является еще менѣе вѣроятнымъ чѣмъ въ показаніяхъ «Исторіи Старшихъ Ханей»: тогда-какъ въ Цзыхэ и Дэжо, на-примѣръ, является оно въ пропорціи $1:11^3/_7$ и $1:6^7/_{10}$, для Яньци пропорція эта измѣняется въ $1:3^7/_{15}$, для Юйтяни — въ $1:2^{14}/_{32}$, а для Цзюйми — въ $1:1^2/_3$. Такія несообразности не объясняются уже и тою поправкою которая предложена выше въ оправданіе пропорціи числа семей къ числу душъ въ показаніяхъ «Исторіи Старшихъ Ханей»; 3) такимъ же образомъ выходятъ совершенно изъ предѣловъ возможности и отношенія народонаселенія къ числен-

ности войска, принимая даже послѣднее не за войско, а за «взрослыхъ мущинъ»: въ Чешы (переднемъ) приходится одинъ воинъ на 2 души населенія, а въ Цзыхэ и Дэжо число воиновъ превосходитъ число семей почти втрое и даже въ $3^1/_2$ раза.

Кромѣ цифръ о народонаселеніи и войскѣ въ помянутыхъ владѣніяхъ, «Исторія Младшихъ Ханей» сообщаетъ и кое-какія извѣстія о политическихъ въ нихъ переворотахъ. Сущность этихъ извѣстій заключается въ томъ, что владѣнія сильнѣйшія притѣсняли владѣнія слабѣйшія, подчиняли ихъ себѣ, и такимъ образомъ усиливались на время, но затѣмъ все распадалось опять на основныя единицы, и приходило почти въ прежній видъ. Главную роль играло владѣніе яркяньское. Когда, при Ванъ-Манѣ, Хунны, какъ уже сказано, вновь подчинили себѣ Восточный-Туркестанъ, не покорился имъ только Янь, князь Яркяни (Соцзюй), жившій долго заложникомъ при китайскомъ дворѣ и пристрастившійся къ китайщинѣ. Въ благодарность за это и за другія услуги, сынъ Яня, по имени Канъ, объявленъ былъ отъ Китайскаго Правительства «главнымъ правителемъ Западнаго-Края, съ подчиненіемъ ему 55-ти владѣній». Это имѣло мѣсто въ 29 году по Р. Х., когда Китайское Правительство не пользовалось ни малѣйшимъ авторитетомъ, не только въ Западномъ-Краѣ вообще, но и въ ближайшихъ къ нему частяхъ Восточнаго-Туркестана, и Китайцы не смѣли носу показать изъ Хэ-си [47]. Преемникъ Кана, младшій братъ его по имени Хянь, убивъ владѣльцевъ въ Гюйми и Сіѣ, подчинилъ себѣ эти владѣнія; да и вообще «всѣ (кромѣ Шаньшани) владѣнія на востокъ отъ Цунлин'а находились подъ зависимостію Хян'я», говоритъ «Исторія М. Х.». Несмотря на это, Хяню хотѣлось получить

---

[47] Такъ, по объясненію отца Іакинѳа, звался край отъ Ордоса на западъ, нынѣ заключающій въ себѣ области Лянъ чжеу, Гань-чжеу, и округъ Ань-си-чжеу въ губерніи Гань-су.

отъ Китайскаго Правительства титулъ «главнаго правителя», которымъ тщеславился его отецъ. Титулъ этотъ, вмѣстѣ съ печатью, коляскою, знаменами и другими дарами, былъ ему пожалованъ; тогда, возгордившись, Хянь сдѣлалъ нѣсколько нападеній на Кучу и другія владѣнія, и наложилъ на нихъ тяжелую дань. Харашаръ, Шаньшань и другія, всего въ числѣ 18-ти владѣній, бросились искать защиты у Китая, отправивъ туда отъ себя заложниковъ и подарки. Но пользы отъ этого не пріобрѣли: Хянь (въ 46 году по Р. Х.), недовольный непокорствомъ ему шаньшанскаго владѣльца, напалъ на него, поколотилъ и заставилъ его бѣжать въ горы, а затѣмъ напалъ на Кучу, убилъ тамошняго владѣльца и владѣнія его присоединилъ къ своимъ. Шаньшань, Чешы, Куча, не видя защиты отъ Китая, поддались опять Хуннамъ. Такимъ образомъ въ описываемое время только Хунны да Яркяньцы и властвовали въ Восточномъ-Туркестанѣ. Кромѣ того, власть Хяня простиралась еще и на Давань: владѣлецъ тамошній платилъ ему дань, и когда вздумалъ уменьшить ее, былъ за это наказанъ переводомъ въ Гюйми, а гюймискій владѣлецъ посланъ былъ управлять, на его мѣсто, Даванью. Хотанъ находился въ полной зависимости отъ Хяня: не угодилъ на него владѣлецъ этой страны, онъ перевелъ его правителемъ въ другой край, а управленіе Хотаномъ поручилъ своему брату. Но затѣмъ перетасовка владѣльцевъ показалась ему средствомъ не достаточно-надежнымъ къ обезпеченію власти своей надъ ихъ владѣніями: всѣхъ ихъ предалъ онъ смерти, а управленіе землями ихъ возложилъ на своихъ военачальниковъ. Тотъ изъ нихъ который былъ посаженъ въ Хотанъ — тиранствовалъ. Хотанцы возстали (въ 60 г. по Р. Х.); къ нимъ присоединились Гюймисцы. Соединенными силами освободили они отъ яркяньскаго правителя и владѣніе Пишань. Хянь два раза пытался возстановить власть свою надъ Хотаномъ, но овладѣвшій тамъ престоломъ, Хюлюба, разбивая на-голову многочи-

сленныя войска противника (до двадцати и болѣе тысячь), истреблялъ ихъ на половину. Видя ослабленіе Хяня, стали воевать съ нимъ и Хунны. Кончилось тѣмъ, что Хотанцы, при содѣйствіи самихъ Яркяньцевъ, недовольныхъ жестокостями Хяня, осадили его въ Яркяни, захватили и предали смерти [48].

Преобладающимъ между владѣніями Восточнаго-Туркестана сдѣлалось теперь Хотанское: «ему подчинились 13 владѣній на протяженіи отъ Цзиньцзюэ до Сулэ». Хунны сочли это невыгоднымъ для себя, какъ прежде усиленіе Яркяни, и двинули противъ Хотана 30,000-е войско изъ вассальныхъ имъ Кучи, Харашара и другихъ, всего 15-ти, владѣній. Владѣльцу хотанскому, Гуанъ-дэ, не подъ силу было справиться съ этою ратью: онъ подчинился главенству Хунновъ, отдалъ имъ сына своего въ заложники, и обязался платить ежегодно дань шерстяными и бумажными тканями, но сохранилъ за собою владычество надъ Яркянью [49].

Между тѣмъ, подобно Хотану, начала усиливаться и Шаньшань: владѣлецъ шаньшаньскій присоединилъ въ владѣніемъ своимъ (между 61 и 65 по Р. Х.) Цзюймо, Цзиньцзюэ, Сяовань и Жунлу, такъ-что «съ этого времени по южной дорогѣ отъ Цунлина на востокъ только Юйтянь съ Шаньшанью считались большими владѣніями» [50].

По сѣверной-же дорогѣ преобладаніе принадлежало тѣмъ временемъ владѣнію Чешы, которое подчинило себѣ Юйли, Хуху и другія владѣнія не только по южную, но и по сѣверную сторону Тхяньшаньскаго Хребта, и Кучѣ, владѣтель которой, вступивъ въ войну съ кашгарскимъ (въ 73 г. по Р. Х.), убилъ его и сталъ распоряжаться Кашгаромъ по своему усмотрѣнію [51].

---

[48] «Собр. свѣд.» III, 111 и 122—127.
[49] Тамъ же, III, 111 и 128.
[50] Тамъ же, III, 102 и 111.
[51] Тамъ же, III, 102 и 128.

Возстановленіе китайскаго владычества надъ Восточнымъ-Туркестаномъ въ 74 г. по Р. Х. возвратило самостоятельность, какъ Яркяни и Кашгару, такъ и мелкимъ владѣніямъ захваченнымъ, съ одной стороны Чешы'сцами, съ другой — Шаньшаньцами [52]. Что̀ послѣдовало затѣмъ, изложено уже выше, а со 129 года владѣнія Восточнаго-Туркестана начинаютъ опять враждовать между собою. Въ означенномъ году хотанскій владѣлецъ убилъ гюймискаго и подчинилъ себѣ его владѣніе; но Китайцы, съ помощію Кашгарцевъ, возстановили самостоятельность этого владѣнія; зато усилившіеся Кашгарцы возобладали временно надъ самимъ Хотаномъ. Въ 170 году, чтобы усмирить непокорствовавшій Кашгаръ, китайскіе военачальники, съ 30,000-мъ войскомъ изъ Харашара, Кучи и обоихъ Чешы, осадили этотъ городъ, но взять его не могли; а въ 175 году хотанскій владѣлецъ, видимъ, нападаетъ снова на Гюймы и производитъ во владѣніи этомъ такую рѣзню, что тамъ остается не болѣе 1000 душъ жителей. Китайцамъ удается, однако, снова исторгнуть этотъ край изъ рукъ Хотанцевъ, и поставить тамъ покорнаго Китаю владѣтеля [53]. Это — послѣднее изъ событій въ Восточномъ-Туркестанѣ о которомъ узнаёмъ изъ «Исторіи Младшихъ Ханей». Въ восточной части края, оба владѣнія Чешы, то враждовали между собою, то, по сосѣдству съ Хуннами, передавались послѣднимъ, то снова признавали надъ собою власть Китая [54].

Чѣмъ по отношенію къ владѣніямъ и владѣльцамъ Восточнаго-Туркестана были китайскіе «охранители», ка̀къ вели они себя тамъ иногда, и ка̀къ интриговали между собою владѣльцы, можетъ дать понятіе слѣдующій разсказъ «Исторіи Младшихъ Ханей», помѣщенный въ статьѣ

---

[52] Тамъ же.

[53] Тамъ же, III, 110—111 и 129—130.

[54] Тамъ же, III, 133—135.

о Хотанѣ. «Въ первое лѣто правленія Янь-гя [55] охранитель Чжао-пхинъ умеръ въ Хотанѣ отъ злаго вереда. Сынъ его, провожая гробъ *(отца)* на родину *(въ Китай)*, проѣзжалъ черезъ земли гюймискаго владѣльца, Ченъ-го. Этотъ - послѣдній, будучи въ ссорѣ съ хотанскимъ владѣльцемъ Гян'емъ, внушилъ сыну покойнаго что отецъ его умеръ отъ яда, который былъ положенъ въ рану врачемъ по приказанію Гяня. Сынъ повѣрилъ этому, и, по вступленіи въ предѣлы Имперіи, донесъ на Гяня воеводѣ дуньхуанскому, Ма-да'ю. На слѣдующій годъ преемникомъ Чжао-пхину въ званіи «охранителя» назначенъ былъ Ванъ-гинъ. Ма-да, сообщивъ новому правителю о помянутомъ доносѣ, совѣтовалъ ему разъузнать про обстоятельства дѣла. Когда-же Ванъ-гинъ проѣзжалъ черезъ Гюйми, владѣлецъ тамошній сталъ и ему внушать что старѣйшины хотанскіе желаютъ имѣть государемъ у себя его, Ченъ-го, и что теперь если казнить Гяня за совершенное имъ преступленіе, то Хотанъ покорится. Ванъ-гинъ, желая отличиться заслугами *(Хотанъ въ это время, должно быть, считался у Китайскаго Правительства «неблагонадежнымъ»)*, поддался внушеніямъ Ченъ-го. По прибытіи въ Хотанъ, изготовилъ онъ пиръ, и пригласилъ на оный Гяня, съ намѣреніемъ захватить его. Гяня увѣдомили объ умыслѣ «охранителя», но онъ не повѣрилъ доносу, говоря что «охранитель» не имѣетъ никакой причины искать его смерти, и на слѣдующій день отправился къ Ванъ-гину въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ своихъ чиновниковъ. За столомъ, какъ только Гянь началъ пить вино, Ванъ-гинъ подалъ знакъ своимъ служителямъ схватить его, что̀ и было исполнено, свита-же его бросилась бѣ-

---

[55] Такъ читаемъ въ «Собр. свѣд.» (III, 112), съ обозначеніемъ что это соотвѣтствуетъ 132 году по Р. Х. У Абель-Ремюзы-же значится «въ первое лѣто правленія Юань-гя» (Youan-kia), и годъ показанъ 151-й (Hist. d. l. ville de Khotan, p. 6).

жать. Ни офицеры, ни солдаты *(китайскіе)* не имѣли мысли убить Гяня. Но Цинь-му, письмоводитель Ченъ-го'евъ, находившійся въ свитѣ охранителя, обнажилъ саблю, и говоря «дѣло рѣшено уже, чего еще раздумывать»?— отсѣкъ голову Гяню. Вслѣдствіе этого Шу-цзи, воевода хотанскій, собралъ на-скоро войско, и окружилъ домъ Ванъ-гина. Этотъ, взявъ голову Гяня, вышелъ на крышу, и, показывая ее народу, сталъ кричать что казнить Гяня приказалъ ему Сынъ Неба *(императоръ)*. Но воевода хотанскій *(не убѣдившись этимъ)* велѣлъ зажечь домъ, перебилъ тамъ начальниковъ и стражу, кинулся на крышу, отрубилъ Ванъ-гину голову, и велѣлъ вывѣсить ее на рынкѣ. Послѣ этого Щу-цзи вздумалъ-было объявить государемъ себя самого, но старѣйшины убили его, а государемъ поставили Ань-го, сына Гянева. Ма-да, получивъ извѣстіе обо всемъ этомъ, хотѣлъ-было съ подчиненными ему войсками выступить за границу и ударить на Хотанъ; но императоръ не дозволилъ этого и даже отозвалъ Ма-да'я, назначивъ на его мѣсто воеводою въ Дунь-хуанъ Сунъ-лян'а. Сунъ-лянъ, по прибытіи на должность, потребовалъ отъ Хотанцевъ чтобы они сами убили Щуцзія и прислали ему его голову. Въ это время было уже болѣе мѣсяца какъ Шуцзи умеръ. Потому отрубили голову другому человѣку, и послали ее въ Дунь-хуанъ безъ всякихъ объясненій. Сунъ-лянъ уже послѣ узналъ объ этомъ подлогѣ, но не могъ предпринять похода на Хотанъ, а Хотанцы вслѣдствіе того получили довѣріе къ своимъ силамъ и стали ужасно важничать»[56].

---

[56] Приведенный разсказъ разнится нѣсколькими подробностями въ переводахъ отца Іакинѳа и Абель-Ремюзы: мы слѣдовали то одному, то другому, выбирая что́ казалось намъ лучшимъ.

III.

О За-имайской Скиѳіи и Серикѣ Птоломея.

По вышеизложеннымъ китайскимъ извѣстіямъ, посольско-торговые караваны съ произведеніями «Срединнаго-Царства» стали проникать въ страны къ западу отъ Памира, и такіе же караваны изъ Западной-Азіи приходить въ Китай — съ конца II вѣка до Рождества Христова. Съ этого времени, стало быть, начала представляться возможность услышать что-либо о Китаѣ и любознательнымъ людямъ Греко-Римскаго Міра. О городахъ и народахъ Восточнаго-Туркестана должны были они узнать кое-что еще ранѣе, вслѣдствіе подчиненія Грекамъ, въ послѣдней трети IV-го вѣка до Р. Хр., сосѣднихъ съ этимъ Туркестаномъ, Бактріаны и Согдіаны: не могло-же быть чтобы страны къ западу и востоку отъ Памира, однородныя по народонаселенію, не находились дотолѣ въ сношеніяхъ между собою, или чтобы сношенія эти были совершенно прерваны вслѣдствіе водворенія греческаго владычества на западъ отъ Памира. Не только должны были продолжаться сношенія торговыя, но, по Страбону (кн. XI, гл. II, § 1), цари греко-бактрійскіе даже подчинили власти своей страны къ востоку отъ Бактріаны «до самыхъ Серовъ и Фруновъ», слѣдовательно все пространство Восточнаго-Туркестана. Со-всѣмъ-тѣмъ, какъ замѣчено уже выше, это знакомство азіатскихъ Грековъ со странами къ востоку отъ Памира

не оставило почти никакихъ слѣдовъ въ дошедшихъ до насъ памятникахъ Греческой Литературы предшествующихъ эпохѣ Р. Хр. У Страбона ни слова еще не встрѣчаемъ объ этихъ странахъ, а равно и какихъ-либо подробностей объ упомянутыхъ имъ Серахъ и Фрунахъ; отъ Діонисія-же Періегета узнаёмъ не болѣе того, что «за искусными стрѣлометателями Саками живутъ далѣе Тохары, Фруны и варварскія колѣна Серовъ, которыя ни быковъ, ни овецъ не разводятъ [1], а занимаются тканьемъ разноцвѣтныхъ узоровъ, и съ такимъ искусствомъ изготовляютъ драгоцѣнныя одежды, пестротою своею превосходящія усѣянные цвѣтами луга̀, что и паукамъ такихъ не соткать» (стихи 752—757). Это — характеристика шелковыхъ китайскихъ матерій, которыми, во времена Августа, римскія матроны прельщались столько же сколько въ тоже время китайскія дамы восхищались жемчугомъ, страусовыми перьями и всякими чужеземными птицами и собачками, привозившимися съ далекаго Юга и Запада. Первыя извѣстія о Восточномъ-Туркестанѣ встрѣчаемъ лишь у Плинія-натуралиста, но до того скомканныя, до того сбивчивыя, что, видно, самъ онъ не имѣлъ никакого, хотя сколько-нибудь отчетливаго, представленія о томъ что̀ писалъ. Ученый римлянинъ очень хорошо сознавалъ такое неловкое положеніе свое, и потому оправдывается тѣмъ, что «nec in alia parte major auctorum inconstantia» (кн. VI, гл. 19). По крайней мѣрѣ узнаемъ отъ него что былъ какой-то Амометъ, который спеціально писалъ объ Аттакорахъ, народѣ также жившемъ, по Плинію, въ Восточномъ-Туркестанѣ, а не то такъ въ Тибетѣ. По означенной причинѣ, мы считаемъ совершенно напраснымъ трудомъ разбирать Плиніевы извѣстія, съ цѣлію привести ихъ

---

[1] Такъ понимаю я выраженіе Діоносія: anainontai; но быть можетъ и то что онъ хотѣлъ сказать будто Серы «не употребляютъ въ пищу, ни рогатаго скота, ни овецъ».

въ какой-либо порядокъ [2]. Немного болѣе толковыми представляются и тѣ свѣдѣнія какія находимъ о предметѣ въ самомъ подробномъ изъ древне-классическихъ о немъ источниковъ, въ «Географіи» Птоломея. Но огромная разница между Плиніемъ и Птоломеемъ заключается въ томъ что послѣдній, задавшись размѣщеніемъ имѣвшихся у него данныхъ на градусной сѣти имъ составленной, необходимо

---

[2] Вотъ, впрочемъ, все что находимъ у Плинія по части нашего предмета, въ 19-й и 20-й главахъ VI-й книги его Historiae Naturalis:

XIX. Ultra (т. е. за Яксартомъ) sunt Scytharum populi. Persae illos Sacas in universum appellavere a proxima gente, antiqui Aramaeos. Scythae ipsi Persas, Chorsaros, et Caucasum montem, Graucasum, hoc est, nive candidum. Multitudo populorum innumera, et quae cum Parthis ex aequo degat Celeberrimi eorum Sacae, Massagetae, Dahae, Essedones, Ariacae, Rhymnici, Paesicae, Amardi, Histi, Edones, Camae, Camacae, Euchatae, Cotieri, Antariani, Pialae, Arimaspi, antea Cacidari, Asaei, Oetei. Ibi Napaei interiisse dicuntur, et Apellaei. Nobilia apud eos flumina Mandragaeum et Caspasium. Nec in alia parte major auctorum inconstantia: credo propter innumeras vagasque gentes....

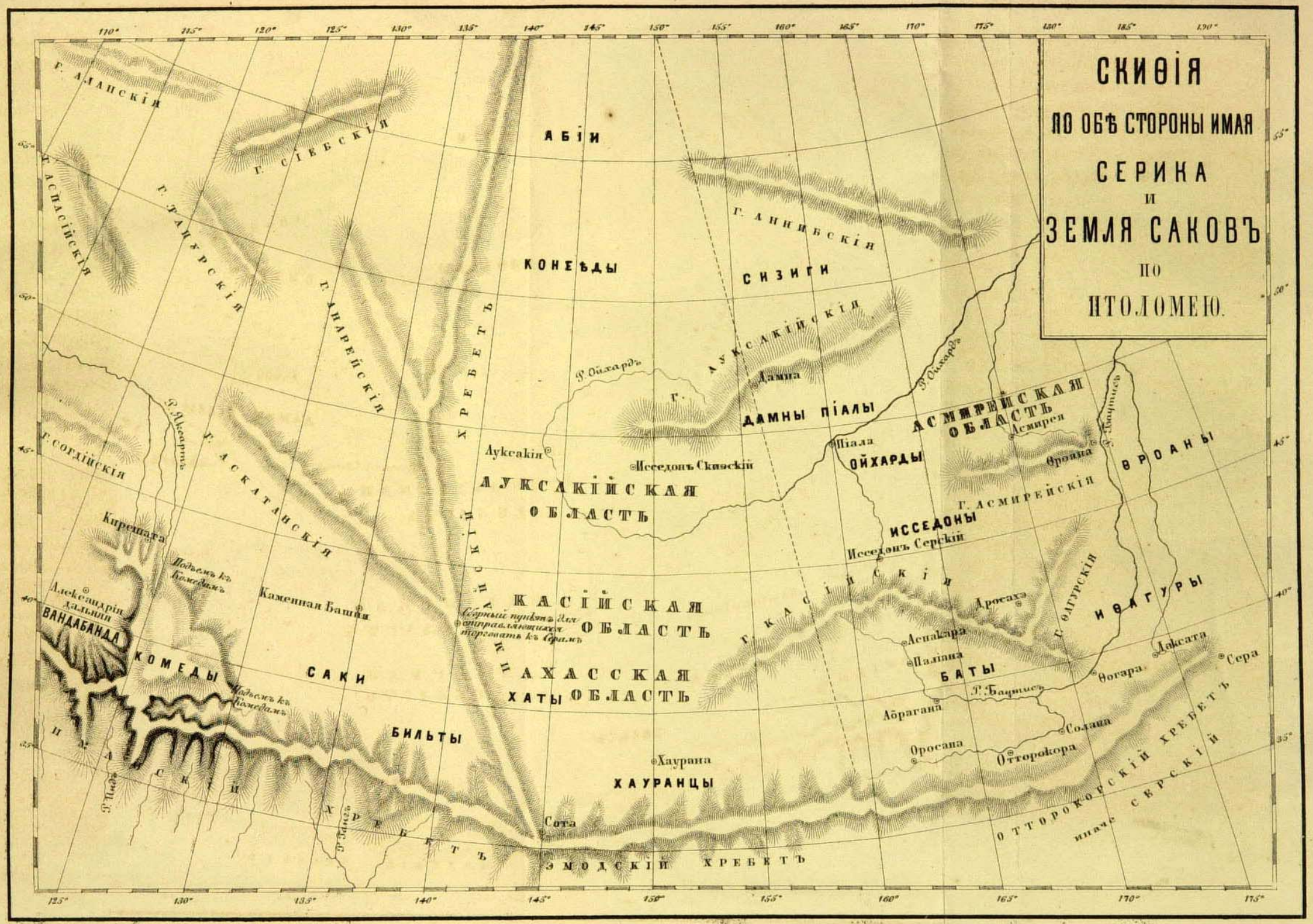
XX. A Caspio mari Scythicoque oceano in Eoum cursus inflectitur, ad orientem conversa littorum fronte. Inhabitabilis ejus prima pars a Scythico promontorio, ob nives; proxima inculta, saevitia gentium. Anthropophagi Scythae insident, humanis corporibus vescentes. Ideo juxta vastae solitudines ferarumque multitudo, haud dissimilem hominum immanitatem obsidens. Iterum deinde Scythae; iterumque deserta cum belluis usque ad jugum incubans mari quod vocant Tabin. Nec ante dimidiam ferme longitudinem ejus orae quae spectat aestivum orientem, inhabitatur illa regio. Primi sunt hominum qui noscantur, Seres, lanitio silvarum nobiles, perfusam aqua depectentes frondium canitiem: unde geminus feminis nostris labor redordiendi fila, rursumque texendi. Tam multiplici opere, tam longinquo orbe petitur, ut in publica matrona transluceat. Seres mites quidem, sed et ipsis feris persimiles coetum reliquorum mortalium fugiunt, commercia expectant. Primum eorum noscitur flumen Psitaras, proximum Cambari, tertium Lanos, a quo promontorium Chryse, sinus Cyrnaba, flumen Atianos, sinus et gens hominum Attacorum, apricis ab omni noxio afflatu seclusa collibus, eadem, qua Hyperborei degunt, temperie. De iis privatim condidit volumen Amometus, sicut Hecatäeus de Hyperboreis. Ab Attacoris gentes Phruri, et Tochari, et jam Indorum Casiri, introrsus ad Scythas versi, humanibus corporibus vescuntur. Nomades quoque Indiae vagantur. Sunt qui ab aquilone contingi ab ipsis, et Cicones dixere, et Brysanos.

долженъ былъ, несравненно болѣе чѣмъ Плиній, вникать во взаимное соотношеніе этихъ данныхъ, и давать себѣ, при нанесеніи ихъ на карту, болѣе-или-менѣе строгій въ этомъ отчетъ, отъ котораго Плиній преспокойно отдѣлывался употребленіемъ нарѣчія ultra, нисколько не заботясь о проясненіи, ни себѣ, ни читателямъ, куда движется это ultra — на востокъ, на сѣверъ или на югъ. Вслѣдствіе такого неодинаковаго отношенія къ предмету, Птоломей имѣетъ для насъ то преимущество что, хотя онъ и ошибочно комбинировалъ свои данныя, мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, какимъ образомъ разставлялись онѣ въ собственной его головѣ, можемъ, поэтому, пытаться открыть причины его ошибокъ, и, обладая бо̀льшимъ чѣмъ онъ (хотя все-еще крайне-поверхностнымъ) знакомствомъ съ краемъ о которомъ идетъ рѣчь, можемъ расположить его данныя соотвѣтственно тому ка̀къ онѣ дѣйствительно располагались, и тогда найти, быть можетъ, въ этихъ данныхъ свидѣтельства знакомства Грековъ съ дальнею Азіею гораздо бо̀льшаго, нежели какъ доселѣ о томъ думали.

Сообщаемое Птоломеемъ о Восточномъ-Туркестанѣ заключается преимущественно въ 15-й главѣ VI-й книги его «Географіи», содержащей въ себѣ описаніе «Скиѳіи За-имайской». Кромѣ этой главы, относится къ Восточному-Туркестану и часть данныхъ вошедшихъ у Птоломея какъ въ слѣдующую 16-го главу, трактующую о Серикѣ, такъ и въ 13-ю, гдѣ идетъ рѣчь о Землѣ-Саковъ. Чтобы читатели могли понять дальнѣйшія объясненія наши, прилагаемъ у сего карту За-имайской Скиѳіи съ сопредѣльными ей къ западу и востоку странами, въ которой всѣ подробности нанесены совершенно согласно съ текстомъ Птоломеевой «Географіи» [3].

---

[3] Въ основу этой карты положили мы извѣстныя карты Меркатора къ его изданію Птоломея (вышедшему въ 1605 году, въ Амстердамѣ, съ поправками Петра Монтана), вполнѣ соотвѣтствующія тексту Птоломеевой «Географіи», измѣнивъ въ нихъ лишь нѣкоторыя подробности по позднѣйшимъ, лучшимъ изданіямъ этого текста.


СКИѲІЯ
ПО ОБѢ СТОРОНЫ ИМАЯ
СЕРИКА
И
ЗЕМЛЯ САКОВЪ
ПО
ПТОЛОМЕЮ.
АБІИ
КОНЕѢДЫ
СИЗИГИ
Г. АНИИБСКІЯ
Г. СІЕВСКІЯ
Г. ЛАЦИРСКІЯ
Г. АНДРЕЙСКІЯ
Г. АЛАНСКІЯ
Г. АСПАСІЙСКІЯ
Г. СОГДІЙСКІЯ
Г. АСКАТАНСКІЯ
Г. АУКСАКІЙСКІЯ
Г. ОЙХАРДЪ
Г. ЯКСАРТЪ
Г. ЛАНЗА
Г. ЛАНЗА
Г. ЛАНЗА

Вникая въ тотъ отдѣлъ «Географіи» Птоломея, въ которомъ описывается Средняя-Азія, я пришелъ къ заключенію что ошибочное распредѣленіе данныхъ замѣчаемое въ западной половинѣ этого пространства (странъ къ западу отъ меридіаннаго Имайскаго хребта), проистекало у него преимущественно изъ двухъ обстоятельствъ: 1) изъ того что верховья Яксарта, въ-дѣйствительности простирающіяся на востокъ къ озеру Иссыкулю, представлялъ онъ себѣ (какъ и другіе писатели греческіе) загибающимися на югъ, т. е. заставлялъ течь эту рѣку не съ востока, изъ окрестностей Иссыкуля, а съ юга, изъ Комедскихъ-Горъ, соотвѣтствующихъ у него Памирской-Выси; и 2) изъ того что хребетъ именующійся у него Имайскимъ, счелъ онъ, съ заворота его на сѣверъ, цѣпью горъ отдѣльною отъ Комедскихъ (т. е. отъ Памирской-Выси), и отнесъ ее на восемь, на десять градусовъ къ востоку отъ послѣднихъ [4]. Уничтожьте на картахъ по Птоломею эти восемь, десять градусовъ, слейте меридіанный Имай съ Комедскими-Горами, т. е. проведите его по 127-му Птоломееву градусу долготы, заверните затѣмъ верховья Яксарта вправо, къ востоку,—и разсматриваемое простран-

---

[4] Отнесенъ у Птоломея меридіанный Имай слишкомъ далеко на востокъ потому, между прочимъ, что онъ крайне удлинилъ путь до него отъ Бактръ, представляя себѣ ошибочно что путь этотъ идетъ отъ Бактръ до Комедскихъ-Горъ — на сѣверъ; потомъ Комедскими-Горами — на югъ; затѣмъ до «Каменной-Башни» — опять на сѣверъ; и уже только оттуда до Имая — на востокъ (кн. I, гл. 12), тогда-какъ общее направленіе всего пути этого — сѣверо-восточное, безо всякихъ зигзаговъ, существованіе которыхъ предполагалъ Птоломей. См. объ этомъ также у Маннерта, въ Geographie der Griechen und Römer (втор. изд. Лейпцигъ, 1820), т. IV, стр. 474. — Что «страна Комедовъ» у Птоломея соотвѣтствовала Памирской-Выси оказывается несомнѣннымъ, кромѣ другихъ на то основаній, изъ того что на Памирской-Выси имя Комедовъ сохранялось еще въ VII-мъ вѣкѣ по Р. Х. Знаемъ это изъ Сюань-цзана, который владѣніе Kiu-mi-tho помѣщаетъ въ самомъ центрѣ Цунлина, на востокъ отъ владѣнія Kho-tou-lo (*Хуттеля* арабскихъ географовъ). См. Mémoires sur les contrées occidentales, 1, 27.

ство получитъ у него видъ весьма близкій къ тому въ какомъ представляется оно на картахъ нашего времени. При такомъ исправленіи Птоломеевой карты, станетъ совершенно яснымъ почему Восточная Согдіана завернулась у него на югъ, а знаменитая Ферганская-Долина уѣхала, подъ именемъ Вандабанды, въ сосѣдство съ Гиндукушемъ, на пространство занимаемое въ-дѣйствительности Вахаиомъ и Кафиристаномъ, а вслѣдствіе того и Бактріана съ верховьемъ Окса отошла у него на западъ далеко отъ Комедскихъ-Горъ (Памирской-Выси), къ которымъ въ-дѣйствительности примыкала, — отъ чего, въ свою очередь, съузилось протяженіе всѣхъ областей показанныхъ между Бактріаною и Каспійскимъ-Моремъ: одна ошибка вела за собою естественно цѣлый рядъ другихъ. Станетъ яснымъ и то, почему Массагеты у Птоломея отодвинулись такъ далеко на юго-востокъ противу тѣхъ мѣстъ за Яксартомъ которыя занимали они по Геродоту, Страбону, Арріану, и т. д.; и какимъ образомъ, вслѣдствіе такого помѣщенія Массагетовъ, спустилъ онъ всѣхъ Саковъ, жившихъ частію къ востоку отъ послѣднихъ, исключительно на югъ.

На За-имайскую Скиѳію Птоломея указанное исправленіе отразится тѣмъ, что она подастся къ западу на все то пространство которое выкидываемъ мы между Имаемъ и Комедскими-Горами, вслѣдствіе чего окажутся помѣщающимися въ ней, къ востоку отъ Имая, какъ Саки, такъ и Бильты, которымъ Птоломей ошибочно отвелъ мѣсто къ западу отъ Имая. Но протяженіе За-имайской Скиѳіи не будетъ, и за этою прирѣзкою съ запада, соотвѣтствовать дѣйствительному долготному протяженію Восточнаго-Туркестана: для этого надо прирѣзать къ ней еще нѣсколько градусовъ съ востока, отнявъ ихъ отъ Серики, которую Птоломей подвинулъ слишкомъ далеко на западъ, въ ущербъ За-имайской Скиѳіи. Засимъ, чтобы уразумѣть отъ чего произошло у Птоломея ошибочное и въ другихъ отношеніяхъ изображеніе За-имайской Скиѳіи, а затѣмъ и Серики,

надо прежде всего принять въ соображеніе что означенная Скиѳія соотвѣтствуетъ у него не только Восточному-Туркестану, но и (въ южной части своей) Западному-Тибету, и (въ сѣверной части) Западной-Джунгаріи, а Серика, такимъ же образомъ, въ юго-западномъ ея углу — Восточному-Тибету, въ средней ея части — восточной оконечности Восточнаго-Туркестана, Тангуту и Гоби на востокъ отъ Лобъ-нора, въ сѣверной — Восточной-Джунгаріи и западной части сѣверной Гоби. Затѣмъ слѣдуетъ принять въ соображеніе что свѣдѣнія свои о Серикѣ и За-имайской Скиѳіи почерпалъ Птоломей изъ дорожниковъ тѣхъ торговцевъ которые пробирались въ эти страны (какъ самъ онъ положительно о томъ говоритъ въ 11-й главѣ I-й книги своей «Географіи»), а торговцы, конечно, проходили ихъ путями изстари проложенными. Такихъ путей въ Восточномъ-Туркестанѣ, какъ видѣли мы изъ древнѣйшихъ китайскихъ о немъ извѣстій, было два: одинъ — по южной сторонѣ Тарима, другой — по сѣверной сторонѣ этой рѣки. Первый велъ изъ Китая на западъ, и обратно изъ западныхъ странъ въ Китай, черезъ Бактріану и Кабулистанъ; второй — черезъ Ферганскую-Долину. Находимъ указаніе на существованіе двухъ путей этихъ и у Птоломея: именно на высокую страну Комедовъ (Памирскую-Высь) показано у него съ востока два подъёма: сѣверный — близь истоковъ Яксарта, и южный — у сѣверной подошвы горъ отдѣляющихъ Землю-Саковъ отъ Индіи по-сю-сторону Ганга. Торговцы, сказаніями которыхъ пользовался Птоломей, ходили, должно полагать, тѣмъ изъ этихъ путей который пролегалъ черезъ Ферганскую-Долину (это и донынѣ употребительнѣйшій), такъ-какъ изъ Согдіаны направлялись они къ «Каменной-Башнѣ», показанной у Птоломея въ одной широтѣ съ сѣвернымъ спускомъ изъ земли Комедовъ. Слѣдовавшіе этимъ, сѣвернымъ, путемъ, торговцы показывали что спустившись съ горъ за помянутою «Каменною Башнею», выходишь на обширнѣйшую равнину, окайм-

ленную съ юга и сѣвера высокими горными хрбетами (*Кхунлунь* и *Тхяньшань*), а посереди прорѣзываемую рѣкою (Ойхардъ = *Таримъ*); что рѣка эта протекаетъ сначала Касійскою областію, но беретъ начало свое изъ горъ съ сѣвера (за верховье Тарима принимали они, весьма естественно, тотъ притокъ Кашгаръ-Дарьи, именуемый Кокъ-су, по берегу котораго пролегала ихъ дорога до Кашгара), и затѣмъ наибольшій притокъ свой получаетъ изъ южныхъ горъ (*Хотанъ-Дарья*); что у подошвы, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ горъ, много городовъ: по лѣвую сторону рѣки—прежде всѣхъ Ауксакія, потомъ Исседонъ-Скиѳскій, тамъ Дамна, тамъ Піяла (*Аксу? Куча? Харашаръ?*); по правую сторону — прежде Исседонъ-Серскій (*Хотанъ?*), потомъ Дросахэ (*Керія?*); что къ сѣверо-востоку отъ Касійской (*Кашгарской?*) области лежитъ область Ауксакійская (*Аксуская*), а сѣвернѣе ея, за горами Ауксакійскими (*Тхяньшанемъ*)—разные скиѳскіе народы, одни, что лошадинымъ мясомъ питаются (*Усуни?*), другіе, еще сѣвернѣе, о которыхъ слышали что они уже людоѣды; на югъ-же отъ Касійской области живутъ Скиѳы зовущіеся Хатами (*Хотанцы*) и городъ по-имени Сага (*Согюй* Китайцевъ, *Яркянь?*); что на югъ отъ горъ окаймляющихъ равнину справа — другая страна, тоже съ большою рѣкою, прорѣзывающею ее вдоль (Баутисъ = *Яру-Цзамбу*), гдѣ къ сѣверу живутъ Баты (*Бота*: такъ зовутъ себя сами Тибетцы), къ югу — Отторокоры (*Уттара-кара* индѣйскихъ сказаній, жившіе на сѣверъ отъ Гималаевъ, въ Южномъ Тибетѣ), и т. д. Всѣ эти предполагаемыя показанія торговцевъ, проѣзжавшихъ Восточнымъ-Туркестаномъ, были совершенно-согласны съ дѣйствительностію, и всѣ эти, сообщенныя ими, данныя находимъ мы у Птоломея нанесенными на его карты За-имайской Скиѳіи и Серики, но какъ? бо́льшею частію далеко несогласно съ дѣйствительностію. Главною причиною невѣрнаго имъ изображенія этой, восточной, части Средней-Азіи является у него повтореніе

тутъ той же самой ошибки которая повлекла за собою тьму невѣрностей и въ изображеніи странъ къ западу отъ Имая — именно ошибочнымъ образомъ представилъ онъ себѣ направленіе обѣихъ рѣкъ о существованіи которыхъ въ Серикѣ и За-имайской Скиѳіи сообщили ему его источники. Обѣ рѣки эти, Таримъ (*Ойхардъ*) и Яру-цзамбу (*Баутисъ*), текутъ на востокъ (послѣдняя поворачиваетъ потомъ на югъ), а Птоломею, смѣшавшему ихъ со сказаніями торговцевъ о Хуанъ-хэ, вообразилось что, протекши нѣсколько къ востоку, поворачиваютъ онѣ потомъ на сѣверо-востокъ и на сѣверъ: отсюда и перепутались у него вѣрныя показанія его источниковъ, и, какъ За-имайская Скиѳія, такъ, и еще болѣе, Серика получили тотъ фантастическій видъ въ какомъ являются онѣ на его картахъ этихъ странъ.

Переходя къ частностямъ, замѣчу:

а. Относительно рѣкъ:

1) Что сколь ни страннымъ кажется изображеніе верховья рѣки *Ойхарда* (Тарима), изображено оно относительно-вѣрно, если за верховье рѣки этой принимать (какъ принимали по-видимому источники Птоломея, а почему, объяснено выше) рѣчку Коксу, которая дѣйствительно беретъ начало въ сѣверномъ склонѣ Тхяньшаня, течетъ первоначально съ востока на западъ, и лишь затѣмъ, прорвавшись черезъ этотъ хребетъ, поворачиваетъ на югъ. Изобразивъ такимъ образомъ верхнее теченіе Ойхарда, слѣдовало только горы Ауксакійскія (Тхяньшань) продолжить далѣе на юго-западъ и связать ихъ съ Имаемъ.

2) На сѣверо-востокъ потомъ и, окончательно, на сѣверъ заставилъ Птоломей течь рѣку *Ойхардъ* по той, быть можетъ, причинѣ что въ дорожникахъ торговцевъ нашла мѣсто слышанная ими отъ Китайцевъ гипотеза, будто Хуанъ-хэ есть продолженіе Тарима, гипотеза, какъ видѣли мы (вып. перв. стр. 294 — 295), забравшаяся въ китайскія головы съ перваго знакомства Китая съ Западомъ.

3) Съ тою же Хуанъ-хэ, текущею по Западному-Китаю (который только и былъ извѣстенъ чужеземнымъ торговцамъ проникавшимъ въ Китай черезъ Туркестанъ), но берущею начало около Восточнаго-Тибета, могъ смѣшать Птоломей и свой *Баутисъ*, почему и его также заставилъ течь на сѣверъ.

4) Притокъ *Ойхарда*, который выводитъ Птоломей изъ Касійскихъ-Горъ, изображаетъ, по всей вѣроятности, Хотанъ-дарью; только онъ отодвинулъ этотъ притокъ восточнѣе чѣмъ-бы слѣдовало по отношенію къ прочимъ даннымъ на его картѣ.

5) Другой притокъ *Ойхарда*, ниже въ этотъ-послѣдній вливающійся, и начало свое берущій, по Птоломею, въ Асмирейскихъ-Горахъ, можетъ изображать Булунгиръ, исчезающій, по-видимому, въ тѣхъ же болотахъ которыя образуются водами Тарима къ югу отъ Лобъ-нора.

6) Что изъ числа верховьевъ Тарима не зналъ Птоломей о Яркянь-дарьѣ — нисколько не удивительно: мы видѣли что не упоминаютъ о ней отдѣльно отъ Кашгаръ-дарьи даже и древніе Китайцы, которымъ Восточный-Туркестанъ былъ извѣстнѣе чѣмъ Птоломею.

б. Относительно горъ:

1) Что тѣ которыя именуетъ Птоломей *Аукакій*'скими, соотвѣтствуютъ Тхяньшаню, и даже до нѣкоторой степени вѣрно изображаютъ направленіе этого хребта. Главная ошибка тутъ въ томъ только, что, какъ уже замѣчено, горы эти не продолжены на западъ такъ чтобы сливались съ Имаемъ.

2) Горы которыя именуются у Птоломея *Касій*'скими соотвѣтствуютъ Кхунлуню;

3) Его *Асмирей*'скія-Горы изображаютъ горную цѣпь тянущуюся между Гашъ- и Хуху-норомъ, на юго-востокъ отъ перваго, на сѣверо-западъ отъ послѣдняго — цѣпь называемую Китайцами Сюѣ- или Нань-шань т. е. «Снѣжныя» или «Южныя» горы. Положеніе этой цѣпи относительно

Тхяньшаня и Кхунлуня передано у Птоломея съ замѣчательною соотвѣтственностію дѣйствительности, несмотря на ошибочность въ изображеніи теченія Тарима (Ойхарда).

4) Гóры *Анниб*'скія должны изображать, по-видимому, горный кряжъ отдѣляющій Джунгарію отъ Тарбагатая и Халхи.

в. Относительно городовъ:

1) *Аукакія*, по сходству въ звукахъ, соотвѣтствуетъ у Птоломея нынѣшнему *Аксу (Выньсу*, по Баньгу). Торговцы, вѣроятно, сказывали что это первый большой городъ къ сѣверо-востоку отъ Кашгара на пути изъ послѣдняго въ Серику: Птоломей и помѣстилъ его первымъ къ востоку отъ Имайскаго-Хребта, только уже слишкомъ далеко на сѣверъ.

2) Скиѳскій *Исседонъ* соотвѣтствуетъ, по всей вѣроятности, *Кучѣ* (только отнесенъ онъ нѣсколько далѣе на западъ, чѣмъ бы слѣдовало) а *Дамна — Харашару (Яньци*, по Баньгу). Отсюда караваны шедшіе въ Китай «сѣверною дорогою», сворачивали на юго-востокъ къ Лобъ-нору, и мы видимъ у Птоломея что слѣдующій за Дамною городъ *Піала* помѣщенъ у него къ юго-востоку отъ Дамны. Піала эта изображаетъ какой-либо изъ несуществующихъ нынѣ городовъ, бывшаго около Лобъ-нора, Леуланьскаго (иначе Шаньшаньскаго) Владѣнія, черезъ которое шла дорога изъ Харашара на Юй-мынь- или Янъ-гуань, въ пограничной китайской области Дунь-хуан'ѣ, около рѣки Булунгира; и мы видимъ что тотъ притокъ Ойхарда, который показанъ у Птоломея выходящимъ изъ Асмирейскихъ-Горъ, и который, выше, признали мы за Булунгиръ, занимаетъ, по отношенію къ Піалѣ, точно такое же положеніе какое въ дѣйствительности занимаетъ Булунгиръ относительно Лобъ-нора. *Асмирея* Птоломеева у этого притока въ Асмирейскихъ-Горахъ изображаетъ несомнѣнно либо *Юй-мынь*, либо *Янъ-гуань*, а *Ѳроана*, пока-

занная къ востоку отъ Асмиреи — *Су-чжеу; Даксата*-же, куда, полагаемъ мы, направлялись изъ Ѳроаны — какой-либо изъ большихъ городовъ въ Сѣверозападномъ-Китаѣ (скорѣе всего *Лань-чжеу-фу*, гдѣ переправляются черезъ Хуанъ-хэ), которыми пролегала дорога въ столицу Старшихъ-Ханей, *Чанъ-ань* (нынѣ Си-ань-фу), которая и есть Sera metropolis Птоломея; только онъ помѣстилъ ее слишкомъ далеко на югъ, увлекшись, быть можетъ, разсказомъ торговцевъ что дорога изъ Ѳроаны въ Серу (изъ Су-чжеу къ Чанъ-ан'и) идетъ склоняясь къ югу. На этой дорогѣ торговцамъ приходилось переправляться черезъ Хуанъ-хэ, рѣку текущую (какъ, вѣроятно, сказывали имъ туземцы) изъ тибетской стороны: Птоломей принялъ эту рѣку за тибетскій Баутисъ, и вотъ почему заставилъ послѣдній поворотить на сѣверъ. Затѣмъ торговцы видѣли[5] что Чанъ-ань стоитъ на рѣкѣ, о которой сказывали имъ что это притокъ Хуанъ-хэ, черезъ которую переправлялись они на пути къ Чанъ-ан'и: и вотъ Птоломей ведетъ изъ-подъ Серы притокъ который заставляетъ впадать въ Баутисъ, такъ-какъ уже призналъ предварительно Хуанъ-хэ за сѣверное продолженіе Баутиса. Такимъ образомъ, кажется мнѣ, всѣ промахи Птоломея имѣютъ въ основаніи несомнѣнную дѣйствительность, и объясняются весьма просто.

3) *Исседонъ*-Серскій соотвѣтствуетъ несомнѣнно Хотану, какъ по положенію при подошвѣ Касійскихъ-Горъ (принимаемыхъ нами за Кхунлунь), такъ по положенію при истокѣ рѣки соотвѣтствующей Хотанъ-Дарьѣ; «Серскимъ» прозывался онъ у торговцевъ, быть можетъ, потому, что подчинялся Китаю, тогда-какъ Исседонъ-Скиѳскій пользовался относительною независимостію.

---

[5] Что посольско-торговые караваны съ Запада не были останавливаемы гдѣ-либо на границѣ или въ одномъ изъ большихъ городовъ между границею и столицею, а допускаемы были въ послѣднюю, видно изъ того мѣста у Янь-юня въ которомъ онъ описываетъ послѣдствія установившихся сношеній съ Западомъ. См. «Собр. свѣд. о Средн. Азіи», III, 99.

4) *Дросахэ* и *Ѳогару* можно принимать за какіе-либо изъ городовъ Восточнаго-Туркестана лежавшихъ на южной дорогѣ изъ Хотана въ Китай.

г. Относительно народовъ и областей:

1) Къ востоку отъ Имайскаго-Хребта, противъ мѣста изъ котораго спускались торговцы слѣдовавшіе въ Серику, значится у Птоломея область *Кас*'ійская, несомнѣнно, по этому собственно обстоятельству, соотвѣтствующая нынѣшней *Каш*'гарской, не говоря о звуковомъ сходствѣ въ ихъ названіяхъ.

2) За Касійскою выше (т. е. сѣвернѣе), значилось въ дорожникахъ, лежитъ область *Ауксакій*'ская съ городомъ *Ауксакіею*: и дѣйствительно нынѣшняя Аксу'ская (Выньсу'ская, по Баньгу) территорія сѣвернѣе, т. е. на сѣверо-востокъ отъ Кашгарской. Ошибся Птоломей только въ томъ что помѣстилъ Ауксакійскую область прямо надъ Касійскою, т. е. къ сѣверу отъ послѣдней.

3) Южнѣе Касійской, значилось въ дорожникахъ, лежитъ область *Ахасса* (Яркяньская) и живутъ Скиѳы-*Хаты* (Хотанцы): Птоломей и помѣстилъ ихъ южнѣе, только перестановилъ, т. е. вмѣсто того чтобы Ахассу помѣстить западнѣе, а Хотанцевъ восточнѣе, поступилъ наоборотъ.

4) За Ауксакійцами, на пути къ Китаю, по сѣверную, или лѣвую, сторону р. Ойхарда, встрѣчали торговцы, судя по тому что видимъ у Птоломея, сначала народъ по-имени *Дамны*, потомъ народъ по-имени *Піалы*. Послѣдній упоминается и у Плинія [6]. Трудность пріурочить эти народы, равно-какъ и другіе упоминаемые Птоломеемъ, о которыхъ пойдетъ рѣчь ниже, заключается въ томъ что

---

[6] Pialae. Потому и предпочли мы писать имя этого народа такимъ образомъ, а не Піады (Piaddai), какъ читается въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Птоломеевой Географіи.

никакихъ по этому предмету свѣдѣній не встрѣчаемъ въ китайскихъ источникахъ о странѣ. Все что можно заключать относительно мѣсторасположенія ихъ, это (принимая Дамну за Харашаръ) что Дамны сидѣли къ сѣверу и западу отъ Босту-нора, а Піялы — къ юго-востоку отъ нихъ, на сѣверъ отъ Лобъ-нора.

5) На правомъ побережьѣ Ойхарда помѣщаются у Птоломея, по-видимому въ сосѣдствѣ съ Піялами на лѣвомъ берегу, *Ойхарды*, по имени которыхъ, должно полагать, звалась и самая рѣка эта. По Баньгу находились въ этихъ мѣстахъ владѣнія Цзюймо и Цзиньцзюэ. Какъ звался Таримъ у туземцевъ въ древности, этого, ни отъ Баньгу, ни отъ Фань-хуа, не узнаёмъ: у обоихъ Таримъ обозначается просто «рѣкою текущею изъ Цунлина и впадающею въ Лобъ-норъ». Очень можетъ быть потому, что Таримъ дѣйствительно звался въ древности именемъ похожимъ на Ойхардъ; самый же-народъ Ойхарды весьма могутъ быть *Уйгурами*, какъ это давно уже высказано [7].

6) *Асмир*'ейская область, помѣщаемая о-бокъ съ Ойхардами, лежала, должно полагать, къ востоку отъ озера *Гашъ* (Гашъ-норъ), въ имени котораго слышится даже сохранившимся первый слогъ имени *Ас*-мирея.

7) *Ѳроаны* Птоломея, помѣщаемые имъ къ востоку отъ Исседоновъ, конечно около города Ѳроаны, и по сосѣд-

---

[7] На-примѣръ Реннелемъ, въ Geographical System of Herodotus examined and explained (втор. изд. London, 1830), I, 173, 276, 279. Отождествленіе Ойхардовъ съ Уйгурами тѣмъ вѣроподобнѣе, что Уйгуры, какъ увидимъ ниже изъ другаго источника, занимали сѣверо-восточную часть В. Туркестана, т. е. почти тѣ самыя мѣста гдѣ помѣщаетъ Птоломей своихъ Ойхардовъ, и въ IV-мъ вѣкѣ по Р. Х. Но мало того что Уйгуры сидѣли въ означенномъ краю въ Птоломеево время, я увѣренъ что тутъ же, въ долинахъ и по скатамъ Восточнаго-Тхяньшаня, обитали они съ глубочайшей древности, и, во всякомъ случаѣ, въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. составляли населеніе тѣхъ владѣній о которыхъ упоминается въ «Исторіи Старшихъ Ханей», какъ о Чешы, Цзюйми, Билу, Пулей, и подъ другими именами («Собр. свѣд. о Ср. Азіи», Ш, 86—89).

ству съ рѣкою Баутисомъ (тамъ гдѣ она уже изображаетъ у него Хуанъ-хэ), суть, несомнѣнно, одинъ и тотъ же народъ съ *Фрунами* Страбона и Діонисія-Періегета, съ *Фрурами* Плинія. Особенно убѣждаетъ въ этомъ тождествѣ выраженіе Страбона что цари греко-бактрійскіе простерли завоеванія свои на востокъ «*до* Серовъ и Фруновъ»; значитъ, по представленію Страбона, Фруны, какъ и Серы, были самыми - крайними на востокѣ народами [8]: и мы видимъ что Ѳроаны, вмѣстѣ съ Серами, помѣщаются Птоломеемъ на крайнемъ востокѣ, за которымъ начиналась уже для него terra incognita. На пространствѣ отводимомъ у Птоломея Ѳроанамъ (около Су-чжеу, по нашему пріуроченію), по китайскимъ извѣстіямъ (у Яньюня и Баньгу) помѣщался, до второй половины II вѣка до Р. Х., сильный народъ по-имени Юети (или Юечжи), который, въ это время, вытѣсненъ былъ изъ кочевьевъ своихъ народомъ по-имени Хунну, и частію ушелъ на югъ въ Тангутъ, бо́льшею-же частію откочевалъ на западъ, и явился тамъ однимъ изъ главныхъ разрушителей Греко-Бактрійскаго Царства [9]. Оставленныя имъ кочевья заняты были съ тѣхъ поръ Хуннусцами, которые сидѣли тутъ и въ Птоломеево время. Тѣмъ-не-менѣе, Ѳроаны Птоломея могли-бы означать не Хуннусцевъ, а, по старой памяти, либо Юетійцевъ, часть которыхъ, по всей вѣроятности, осталась на прежнихъ кочевьяхъ, признавъ надъ собою власть Хуннусцевъ; либо другой народъ жившій по сосѣдству съ Юетійцами и также вслѣдъ за ними откочевавшій на западъ, но часть котораго тоже, вѣроятно, осталась на родинѣ — именно Усуней. Мы-же полагаемъ что Ѳроаны Птоломеевы — не Хунны, не Юетійцы и не Усуны, а племя называемое Китайцами *Цянъ*, т. е восточные

---

[8] Совершенно неосновательно, поэтому, новые писатели о древней географіи помѣщаютъ обыкновенно Фруновъ или Фруровъ въ Сѣверозападномъ Тибетѣ.

[9] «Собр. свѣд. о нар. Средней-Азіи», Ш, 7 и 55.

Тибетцы, разные отдѣлы которыхъ, по китайскимъ извѣстіямъ, занимали не только пространства къ западу отъ Хуанъ-хэ, гдѣ помѣщались, по-видимому, Ѳроаны, а и часть Западнаго-Китая, какъ задолго до Р. Х., такъ и послѣ того [10].

8) Что касается до *Иѳагур*'овъ Птоломея, то мы нисколько не сомнѣваемся въ тождественности этого народа съ жившими «за Яксартомъ», по Плинію и Діонисію-Періегету, *Тохарами*, что́ еще болѣе доказывается именемъ города въ странѣ Иѳагуровъ, который именуется у Птоломея *Ѳогарою*. Ѳогара и Иѳагуры помѣщаются Птоломеемъ, сообразно съ нашимъ его пониманіемъ, въ Сѣверномъ-Тангутѣ, тамъ гдѣ, по «Исторіи Старшихъ Ханей», находилось владѣніе Жоцянь. Такое пріуроченіе ихъ оправдывается и мѣстомъ какое занимаютъ Тохары у Плинія въ его перечисленіи народовъ на западъ отъ Серовъ и на сѣверъ отъ Индѣйцевъ, именно послѣ Аттакоровъ упоминаются у него, рядомъ, Фруры и Тохары. Въ Птоломеево время, какъ и въ Плиніево, Тохары тутъ, быть можетъ, и не жили уже болѣе, выселившись далѣе на западъ, и, быть можетъ, помѣщаютъ ихъ тутъ оба эти писателя по древнѣйшимъ, дошедшимъ до нихъ, извѣстіямъ изъ временъ греко-бактрійскаго владычества въ Восточномъ-Туркестанѣ, или и того болѣе раннихъ. Дѣлаемъ это замѣчаніе въ виду того что, по Сюань-цзану, «древнее царство Тухоло» (откуда, должно полагать, выселились Тохары въ Бактріану) находилось западнѣе, по правому берегу Тарима, къ востоку отъ впаденія въ послѣдній Хотанъ-дарьи, тамъ гдѣ, по «Исторіи Старшихъ Ханей», лежало владѣніе Цзиньцзюэ.

9) До разгадки что́ такое Ѳроаны и Иѳагуры Птоломея мы, такимъ образомъ, кажется добрались, но за то

---

[10] См. сборникъ китайскихъ свѣдѣній о Цянахъ и Туфаняхъ, изданный О. Іакинѳомъ Бичуринымъ подъ заглавіемъ «Исторія Тибета и Хухунора» (СПб. 1833), passim.

уже рѣшительно не можемъ понять что́ такое «великій народъ Исседоновъ», который, по Птоломею, простирался отъ Ѳрооновъ на востокѣ до Касійцевъ (Кашгарцевъ) на западѣ, занималъ, стало быть, за исключеніемъ праваго побережья Ойхарда (Тарима), населявшагося Ойхардами, все пространство къ югу отъ этой рѣки до горъ ограждающихъ Восточный-Туркестанъ съ юга, и, кромѣ того, сидѣлъ также по лѣвому побережью Ойхарда, что́ должно заключать какъ изъ сосѣдства Исседоновъ къ западу съ областію Касійскою (Кашгарскою), такъ и изъ того что городъ Исседонъ-Скиѳскій (пріурочиваемый нами къ Кучѣ) помѣщается Птоломеемъ на лѣвомъ побережьѣ Ойхарда. Упоминаетъ Исседоновъ (Essedones) въ числѣ народовъ заяксартскихъ (т. е. жившихъ въ Восточномъ-Туркестанѣ, Джунгаріи или Тибетѣ) и Плиній; но совершенно умалчиваютъ объ нихъ тамъ, и Страбонъ, и Діонисій-Періегетъ. За шесть вѣковъ до Птоломея надо подняться въ древность чтобы найти ихъ опять — у Геродота; но Геродотъ помѣщаетъ Исседоновъ на сѣверъ отъ Массагетовъ, что́ пріурочиваетъ ихъ къ южной части Западной-Сибири; у Птоломея-же помѣщаются въ послѣдней другіе народы, а Исседоновъ не знаетъ онъ нигдѣ кромѣ Серики и Скиѳіи-Заимайской. Потому представляется намъ что Исседоны Птоломея не имѣютъ ничего общаго съ Исседонами Геродота, но что тѣмъ-не-менѣе Исседоны Птоломеевскіе — какое-нибудь malentendu, какое-нибудь qui pro quo, вслѣдствіе соображеній александрійскаго географа которыхъ разгадать мы не беремся.

д. Относительно собственныхъ именъ:

1) Что, за исключеніемъ Касійской области, въ имени которой слышится нынѣшній *Каш*гаръ; *Хат*овъ, имя которыхъ уцѣлѣло въ имени *Хот*ана; *Аукса*кіи, и положеніемъ, и звуками, соотвѣтствующей нынѣшнему *Аксу*; *Бат*овъ, потомство которыхъ (Тибетцы) до сихъ поръ зовется тѣмъ же именемъ *(Бота)*; и *Бильтовъ*, страна ко-

торыхъ носитъ теперь имя *Бальти*, или *Бальтистана*, т. е. «Земли-Бальтовъ», — всѣ прочія собственныя имена горъ, рѣкъ, народовъ и городовъ у Птоломея не представляютъ никакого сходства въ звукахъ съ именами подъ коими знаемъ мы нынѣ тѣже гóры, рѣки и города.

2) Еще менѣе сходства въ звукахъ представляетъ Птоломеева номенклатура разсматриваемаго пространства съ номенклатурою его у современныхъ Птоломею китайскихъ писателей: тутъ, кромѣ *Ауксакіи* и *Выньсу*, да, можетъ быть, тождественныхъ *Саги* и *Согюя*, нѣтъ ничего общаго.

3) Столь же мало общаго въ номенклатурѣ странъ къ востоку отъ Памира между Птоломеемъ и Плиніемъ. Именъ городовъ у послѣдняго вовсе не встрѣчаемъ. Двѣ значительнѣйшія рѣки края, по всей вѣроятности, тѣже которыя Птоломей именуетъ *Ойхардомъ* и *Баутисомъ*, называются у Плинія *Мандрагей* и *Каспасій;* Изъ народовъ о которыхъ говорится у Птоломея, встрѣчаются у Плинія только *Піалы*, *Эсседоны*, *Аттакоры*, *Фруры*, *Тохары* и *Серы*, но зато упоминается о многихъ другихъ, о которыхъ умалчиваетъ Птоломей.

4) Почему Восточный-Тхяньшань носитъ у Птоломея названіе Ауксакійскихъ-Горъ — понятно: такъ названы онѣ по-имени города, перваго въ этихъ горахъ какой встрѣчался на пути торговцевъ слѣдовавшихъ въ Китай.

5) Но почему гóры, которыя зовемъ мы Кхунлунемъ (и зовемъ такъ совершенно неосновательно), названы у Птоломея *Кас*'ійскими, когда область Касійская даже и не соприкасается съ ними — причину этого можемъ находить лишь въ томъ что, пожалуй, и эти горы когда-нибудь населялись Касійцами, которые впослѣдствіи поселились далѣе на сѣверо-востокъ [11]. Или — не имѣетъ-ли названіе Касійскихъ-Горъ какой-либо связи съ названіемъ сосѣдней имъ области *Ахасса?*

---

[11] О распространенности древнихъ жилищъ народа Хаса или Каса см. у Вильфорда въ его статьѣ On mount Caucasus, помѣщенной въ Asiatic Researches, vol. VI, p. 456 sq.

6) Существованіе двухъ городовъ по-имени *Исседонъ* не представляетъ само-по себѣ ничего страннаго: знаемъ-же мы въ тѣхъ мѣстахъ два *Пичан*'а. Но мнѣ приходитъ въ голову, не произошли-ли два Исседона изъ двухъ городовъ по-имени *Ушъ*, одинъ изъ коихъ находится дѣйствительно въ Восточномъ-Туркестанѣ, а другой — въ сосѣдней ему Коканіи: *Ушъ* даже и звуками напоминаетъ первый слогъ въ имени *Исс*едонъ. Или — не произошли-ли два Исседона, изъ коихъ одинъ отождествляемъ мы съ Хотаномъ (Ильци), вслѣдствіе того обстоятельства что Хотанъ состоялъ какъ-бы изъ двухъ городовъ, которые и обозначаются у Китайцевъ подъ именами «западнаго» и «восточнаго» [12]: извѣстіе объ этомъ обстоятельствѣ могло попасть въ дорожники которыми пользовался Птоломей, въ такомъ видѣ что, быть можетъ, подало ему поводъ предположить существованіе двухъ Хотановъ (Исседоновъ), одинъ изъ коихъ, настоящій, и показалъ онъ на дѣйствительномъ (приблизительно) мѣстѣ, а другой, по неизвѣстнымъ для насъ соображеніямъ, отождествилъ съ Кучею и перенесъ на лѣвый берегъ Тарима (Ойхарда).

За разборъ орографическихъ, гидрографическихъ, топографическихъ и этнографическихъ данныхъ заключающихся въ южной части За-Имайской Скиѳіи и Серики по Птоломею, мы, въ настоящемъ случаѣ, не беремся, ибо, какъ-уже сказали, южныя части помянутыхъ странъ соотвѣтствуютъ у Птоломея Тибету. Замѣтимъ только, что Тибетъ, по-видимому, извѣстенъ былъ Птоломею не менѣе Восточнаго-Туркестана, и что это весьма естественно, такъ-какъ торговцы ходившіе въ Серику изъ Индіи, направлялись туда черезъ Тибетъ. «Периплъ Эриѳрейскаго Моря» говоритъ положительно что китайскіе товары шли въ Индію (откуда уже вывозились въ Европу) двумя путями: сухопутнымъ — черезъ Бактріану, и водянымъ — по рѣкѣ

---

[12] См. у Абель-Ремюзы въ Histoire de la ville de Khotan, p. 2.

Гангу [13]. Послѣдній путь тогда только могъ имѣть мѣсто, если до верховьевъ Ганга добирались изъ Китая черезъ Тибетъ и Гималаи.

Такимъ образомъ, Птоломей оказывается знавшимъ Восточный-Туркестанъ гораздо лучше чѣмъ знали эту страну европейскіе географы не далѣе какъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Если-же и позднѣйшимъ изслѣдователямъ, какъ Данвилю, Клапроту, Маннерту, не удалось объяснить удовлетворительнѣе извѣстія александрійскаго географа о восточной части Средней-Азіи, то главною этому причиною, по нашему мнѣнію, тѣ широты въ какихъ помѣстилъ Птоломей среднія части Серики и За-Имайской-Скиѳіи. Именно онѣ являются у него лежащими между 42 и 52 градусами широты, т. е. въ тѣхъ самыхъ широтахъ гдѣ дѣйствительно находятся Джунгарія и Монголія: къ джунгарскимъ горамъ, рѣкамъ и городамъ, и старались потому пріурочивать преимущественно означенные изслѣдователи показанія Птоломея, относящіяся къ Восточному-Туркестану. Не мудрено что никакого толку изъ этого не выходило. А помѣщеніе Восточнаго-Туркестана въ означенныхъ, слишкомъ сѣверныхъ, широтахъ произошло у Птоломея отъ того (кажется, не трудно было-бы замѣтить это) что на столько же сѣвернѣе поднялъ онъ Эмодскій-Хребетъ, соотвѣтствующій у него Гималаямъ [14]: вслѣдствіе этого Тибетъ явился у него въ широтахъ соотвѣтственныхъ Восточному-Туркестану, а этотъ-послѣдній — въ широтахъ соотвѣтственныхъ Джунгаріи и Монголіи.

---

[13] Geographi Graeci minores, ex recensione C. Mülleri (Parisiis, 1855), vol. 1, p. 303.

[14] Эмодскій-же хребетъ поднялъ онъ такъ высоко — чтобы совпадалъ этотъ хребетъ съ паралелью острова Родоса, вслѣдствіе убѣжденія древнихъ греческихъ географовъ что Эмодскій, Имайскій, Паропамизскій и другіе хребты, прорѣзывающіе Азійскій материкъ отъ востока къ западу, суть продолженіе Таврскаго хребта, начинающагося въ Малой-Азіи подъ означенною паралелью. Страбонъ (кн. XV, гл. 1, 11), Арріанъ (Indica, гл. II). См. объ этомъ у А. Гумбольдта, въ Asie Centrale, 1, 118—122.

Покончивъ съ Птоломеемъ, обращаемся опять къ Плинію. Выше отнеслись мы весьма неблагопріятно къ свѣдѣніямъ которыя даетъ онъ о странахъ на востокъ и на сѣверъ отъ Памира. Несмотря на неотчетливое ихъ изложеніе, встрѣчаются однакоже у него извѣстія въ высшей степени драгоцѣнныя. Такова, между прочимъ, строка его, въ перечисленіи народовъ тамъ жившихъ: Jbi Napaei interiisse dicuntur, et Apellei, строка ничьего вниманія до сихъ поръ на себя не обращавшая, а между тѣмъ весьма важная. Важно тутъ, во-первыхъ, что два какіе-то народа погибли, совершенно погибли: о подобномъ фактѣ, объ исчезновеніи цѣлыхъ народовъ, упоминается у историковъ крайне-рѣдко. Во-вторыхъ, заслуживаетъ вниманія что необыкновенный фактъ этотъ имѣлъ мѣсто въ странахъ о древнѣйшихъ судьбахъ которыхъ мы ровно ничего не знаемъ: происходили, значитъ, въ этихъ странахъ либо страшныя столкновенія между народами, либо ужасныя естественныя бѣдствія, слухъ о которыхъ, какъ ни далеко это было отъ Грековъ и Римлянъ, дошелъ и до нихъ. Въ-третьихъ, имѣется основаніе полагать, что то или другое — страшная международная рѣзня или какая-нибудь катастрофа въ природѣ — имѣло мѣсто именно въ Восточномъ-Туркестанѣ, на границахъ его съ Китаемъ и Тангутомъ. Основаніе это заключается въ томъ, что одинъ изъ погибшихъ народовъ называетъ Плиній *Напеями*, а китайскій путешественникъ Сюань-цзанъ сказываетъ что. Леулань — владѣніе, какъ видѣли мы, находившееся къ югу отъ Лобъ-нора — есть древнее царство *Напопо* [15], т. е. другими словами, что на означенномъ пространствѣ существовало когда-то другое владѣніе, или другой народъ, по-имени *Напопо*, да уничтожилось это владѣніе или погибъ этотъ народъ. И такое сказаніе Сюань-цзана о гибели владѣнія или народа су-

[15] Mémoires sur les contrées occidentales, traduites par St. Julien, II, 247; Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages par Hoei-li et Yen-Thsong, traduite par St. Julien (Paris, 1853), p. 290.

ществовавшаго къ югу отъ Лобъ-нора — не единственное въ этомъ родѣ, какое у него встрѣчаемъ: увидимъ ниже, въ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего труда, что знаменитый ученый этотъ ѣхалъ изъ Хотана на родину «южною дорогою», уже пустынною въ его время, и на пути этомъ, вездѣ почти, встрѣчалъ лишь разрушеніе, которое и объясняетъ слышанными отъ туземцевъ легендами о кровавыхъ тутъ нѣкогда битвахъ. Въ числѣ городовъ на этомъ протяженіи, разрушенныхъ самою природою, упоминаетъ онъ и о городѣ *О-лао-ло-изя* (см. вып. перв. стр. 21 — 22). Какъ *Напо-по* Сюань-цзаново напоминаетъ Плиніевъ народъ Naraei, такимъ же образомъ, въ его *О-лао-ло-цзя*, погибшемъ подъ ливнемъ и песчаными буранами, готовы мы видѣть другой народъ о гибели котораго говоритъ Плиній — именно *Апеллеевъ*. Оказывается что преданія о катастрофахъ въ Восточномъ-Туркестанѣ, столь страшныхъ что вѣсть о нихъ дошла даже до отдаленнаго Запада, сохранялись на мѣстахъ, принявши религіозную окраску, по крайней мѣрѣ до половины VII вѣка по Р. Х., и что темныя сказанія римскаго писателя разъясняются китайцемъ жившимъ шестью вѣками позже.

Какъ далеко на востокъ отъ Памира простирались завоеванія греко-бактрійскихъ царей, на сколько прочно водворено было здѣсь владычество ихъ, и долго-ли держалось оно, объ этомъ не знаемъ мы покуда ровно-ничего. Но нѣтъ сомнѣнія что именно это владычество Грековъ въ Восточномъ-Туркестанѣ, долгое или короткое, подало поводъ приписывать Александру-Великому, какъ читаемъ о томъ у византійца Θеоφилакта Симокатты, построеніе въ Западномъ-Китаѣ города по имени Хубданъ, и въ Сѣверномъ — города по имени Таугасъ [16], тогда-какъ извѣстно что Александръ далѣе Яксарта и верхнихъ притоковъ праваго побережья Окса — не заходилъ.

---

[16] См. у Стриттера, въ Memoriae populorum etc. (Petropoli, 1778), vol. III, p. 71.

IV.

Восточный-Туркестанъ съ прекращенія зависимости его отъ Китая въ концѣ II-го, до возстановленія этой зависимости, съ воцареніемъ Тханской-Династіи, въ первой половинѣ VII-го вѣка по Р. Х.

За этотъ періодъ въ четыре съ половиною столѣтія мы весьма мало знаемъ о политическихъ судьбахъ страны, такъ-какъ единственные для періода этого источники — китайскіе, а Китайцы, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ въ ихъ собственномъ отечествѣ, не имѣли въ это время постоянныхъ сношеній съ отложившимся отъ нихъ далекимъ краемъ, и если узнавали что́ дѣлается тамъ, то лишь мелькомъ и случайно. Несмотря на это, количество оффиціальныхъ китайскихъ свѣдѣній о Восточномъ-Туркестанѣ за разсматриваемый періодъ оказалось-бы, можно думать, довольно-значительнымъ если-бы имѣли мы въ переводахъ на европейскіе языки все что заключается по этому предмету въ исторіяхъ династій властвовавшихъ надъ Китаемъ съ III-го до VII-го вѣка по Р. Х.; наши-же источники ограничиваются отдѣломъ о «Западномъ-Краѣ» въ *Бэй-шы* (Исторіи четырехъ, властвовавшихъ въ сѣверной части Китая, династій: Вэй, Чжеу, Ци и Суй), и такимъ же отдѣломъ въ *Суй-шы* (Исторіи Суй'ской Династіи), переведенными съ китайскаго о. Іакинѳомъ Бичуринымъ (въ его «Собраніи свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», т. III,

стран. 136—206); да, сверхъ того, извлеченіями изъ всѣхъ династійныхъ исторій собственно о Хотанскомъ-Владѣніи, какія заключаются въ 55-й книгѣ китайскаго сборника объ инородцахъ переведеннаго Абель-Ремюзою (Histoire de la ville de Khotan), и тѣми свѣдѣніями о Гаочанскомъ-Владѣніи какія собраны Мадуаньлинемъ въ 326-й книгѣ его *Вэнь-сянь-дунъ-гао*, переведенной Станиславомъ Жюльеномъ (въ Journal Asiatique за 1847 годъ, 3-me sèrie, t. IX, pp. 189—203).

Зато въ тѣхъ же источникахъ находимъ не мало важныхъ свѣдѣній о разныхъ бытовыхъ подробностяхъ и другихъ обстоятельствахъ о коихъ ничего не сообщили намъ обѣ исторіи Ханьской-Династіи; сверхъ того, имѣемъ еще кое-какія свѣдѣнія о положеніи Буддизма въ странѣ за это время, благодаря китайскимъ путешественникамъ-буддистамъ проѣзжавшимъ черезъ нея въ Индію.

Старѣйшимъ изъ такихъ путешественниковъ оставившихъ «записи» о своихъ странствованіяхъ, былъ, сколько извѣстно, Дао-ань (Tao-'an), авторъ *Ши-дао-ань-си-юй-чжи* (Chi-tao-'an-si-yu-tchi), т. е. «Описаніе Западныхъ Странъ, составленное саманейцемъ Дао-ан'емъ», умершій въ 386 году по Р. Х. Многочисленные отрывки изъ означеннаго сочиненія его приводятся въ *Бянь-и-дянь* [1].

Затѣмъ, въ 399 году по Р. Х., отправился изъ Китая въ Индію Фа-сянь (Fa-hian), сказанія котораго, подъ заглавіемъ *Фо-го-цзи*» (Foe-koue-ki), «Запись о буддійскихъ государствахъ», были впервые переведены на французскій языкъ Абель-Ремюзою. Обогащенный его же объясненіями, переводъ этотъ, уже по смерти Ремюзы, изданъ былъ Кла-

---

[1] Свѣдѣніемъ этимъ обязаны мы С. Жюльену; см. статью его: Renseignements bibliographiques sur les relations des voyages dans l'Inde et les descriptions de Si-yu, qui ont été composées en chinois entre le V-e et le XVIII-e siècle de notre ère (въ Journal Asiatique за 1847 годъ, t. X, p. 292). О «Бянь-и-Дянь» см. въ первомъ выпускѣ, стр. 337, прим. CXXIX.

протомъ и Ландресомъ, которые снабдили его новыми примѣчаніями, въ Парижѣ, въ 1836 году. Въ 1869 году вышелъ въ Лондонѣ новый, англійскій переводъ «Фо-го-цзи, сдѣланный С. Билемъ и имъ же комментированный [2].

Послѣднее въ разсматриваемомъ періодѣ путешествіе въ Индію черезъ Восточный-Туркестанъ предпринято было въ 518 году по Р. Х. буддійскими монахами Хой-син'омъ (Hoeï-sing) и Сонъ-юн'емъ (Song-yun). Описаніе этого путешествія, извѣстное подъ заглавіемъ *Сэнъ-хой-синъ-сы-си-юй-цзи*, т. е. «Запись о Западныхъ Странахъ посыланнаго туда монаха Хой-син'а», переведено впервые на нѣмецкій К. Нейманомъ (напечатано въ Historisch-theologische Zeitschrift за 1833 годъ, III, 2), а потомъ на англійскій, С. Билемъ [3].

Кромѣ того, при Вейской же Династіи составлены были «Записки о Западномъ-Краѣ» неизвѣстнымъ шамынемъ, подъ заглавіемъ *Ши-ши-си-юй-цзи*, многіе отрывки изъ которыхъ сохранились въ обширномъ сочиненіи *Шуй-цзинъ-чжу* (chouï-king-tchou), «Книгѣ о водахъ» [4].

Въ кратковременное властвованіе Суйской-Династіи, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, обращено было большое вниманіе на пріобрѣтеніе свѣдѣній о «Западныхъ Странахъ». Три сборника изданы были по этому предмету: 1) *Суй-си-юй-чжи* (Souï-si-yu-tchi), т. е. Статистическое описаніе Западныхъ Странъ при Суйской-Династіи», въ трехъ книгахъ; 2) *Суй-сю-юй-дао-ли-цзи* (Souï-si-yu-tao-li-ki), т. е. «Записки о разстояніяхъ въ Западныхъ Странахъ, составленныя при Суйской-Династіи»,

---

[2] Travels of Fah-hian and Sung-Jun, translated from Chinese by Samuel Beal. London, 1869. 8⁰.

[3] Переводъ Сонъ-юня помѣщенъ вслѣдъ за переводомъ Фа-сяня въ книгѣ заглавіе которой выставлено въ предшествующемъ примѣчаніи.

[4] Отрывки эти, по Ст. Жюльену, можно видѣть въ новомъ географическомъ сочиненіи Хой-го-тху-ши (Hoï-koue-thou-chi). См. Journal Asiatique за 1847 годъ, t. X, p. 274.

тоже въ трехъ книгахъ; и 3) *Суй-сю-юй-тху-цзи* (Souï-si-yu-thou-ki), т. е. «Записки о Западныхъ Странахъ, съ географическими картами, составленныя при Суйской-Династіи», въ трехъ же книгахъ. Послѣднее сочиненіе, составленное, въ силу императорскаго о томъ указа, знаменитымъ Пхэй-цзюй (Feï-kiu), было, по-видимому, самымъ важнымъ изо всѣхъ трехъ. Отъ него сохранилось только предисловіе (въ біографіи Пхэй-цзю'я), которое имѣемъ мы въ извлеченіи сдѣланномъ Нейманомъ [5]. О существованіи первыхъ двухъ узнаёмъ лишь изъ энциклопедіи «Ю-хай», самыхъ-же сочиненій этихъ не имѣется, не только въ европейскихъ библіотекахъ, но, быть можетъ, и въ самомъ Китаѣ [6].

Изъ періода «Троецарствія» въ Китаѣ (221—265) знаемъ о Восточномъ-Туркестанѣ лишь то, что въ это время первенствовалъ тамъ Хотанъ (Юйтянь), которому подчинялись не только окрестныя владѣнія Жунлу и Уми, но даже Кашгаръ (Сулэ) и нѣкоторыя другія; и что къ государю дома Вэй, властвовавшаго въ Ло-ян'ѣ, по-имени Вынь-ди (Wen-ti), являлись посольства съ дарами изъ Шаньшани, Гуйцы (Кучи) и Юйтян'и [7]. Значитъ, сношенія края съ Китаемъ не прерывались совершенно, хотя и были далеко не тѣ что при Ханяхъ.

---

[5] Въ его Asiatische Studien (Leipzig, 1837), I, 190—196.

[6] Такъ полагаетъ Ст. Жюльенъ, изъ вышеупомянутой статьи котораго заимствованы приведенныя свѣдѣнія. См. Journal Asiatique за 1847 годъ, t. X, pp. 285—287. У Неймана (l. c. p. 199—200) находимъ извѣстіе, что въ «Исторіи Суйской Династіи» упоминается и о другихъ, по-видимому, сочиненіяхъ о Западныхъ Странахъ, написанныхъ при этой династіи, а именно: а) объ «Исторіи Иностранныхъ Государствъ», въ 5 книгахъ, буддійскаго шамыня по по-имени Дань-цзинъ (Tan-king); б) другой такой же исторіи, тоже въ 5 книгахъ, написанной браминомъ переводившимъ на китайскій и священныя книги своего закона; в) «О нравахъ и обычаяхъ чужеземцевъ», сочиненіи въ 2 книгахъ; и г) о большомъ сочиненіи подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ 17 книгахъ.

[7] Hist. d. l. ville de Khotan, p. 10—11.

«Со времени династій Юань-вэй (386—558) и Цзинь (265—420), западныя владѣнія взаимно поглощали другъ друга, и событія случившіяся у нихъ въ это время невозможно представить ясно» — говоритъ «Исторія Сѣверныхъ Дворовъ», и повторяетъ тоже за нею «Исторія Суйской-Династіи» [8]. Сущность этихъ событій заключается въ томъ что, освободившись отъ надзора Китайскаго Правительства, сильнѣйшіе изъ владѣній Восточнаго-Туркестана воспользовались независимостію своею чтобы стремиться къ подчиненію себѣ слабѣйшихъ, что́, естественно, и удавалось имъ; но, какъ счастіе измѣнчиво, то преобладаніе переходило отъ однѣхъ владѣній къ другимъ, и нерѣдко сильныя становились при этомъ на-время слабыми и подчиненными. Кромѣ этой внутренней зависимости другъ отъ друга, всѣ, какъ сильныя, такъ и слабыя, владѣнія подвергались, по временамъ, внѣшней зависимости отъ сосѣдей своихъ въ Джунгаріи и Южной-Монголіи, сначала Жеу-жаней, наслѣдовавшихъ тамъ владычеству Хунновъ, а потомъ Гаогюйцевъ и Турокъ, возвысившихся на развалинахъ жеужаньскаго господства [9]. Какъ прежде толпы Хунновъ, налетая на осѣдлыя владѣнія Восточнаго-Туркестана, грабили ихъ и принуждали къ уплатѣ дани, такъ въ разсматриваемый періодъ дѣлалось тоже Жеужанями и, вслѣдъ за ними, Турками. Малосильныя каждое въ-отдѣльности, и разрозненныя постояннымъ соперничествомъ, владѣнія эти не могли противустоять сѣвернымъ кочевникамъ, когда тѣ удосуживались предпринимать грабительскіе набѣги на край, откупались отъ повторенія разореній уплатою постоянной дани, и отказывались отъ уплаты ея когда видѣли что вниманіе кочевниковъ отвлечено отъ юга собственными въ средѣ ихъ смутами. Позже, когда на сѣверѣ

---

[8] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 136—137 и 190—191.

[9] «Владѣтель Сулэ (Кашгара) ежегодно посылаетъ дань Тху-цзюямъ (Туркамъ)» читаемъ въ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ». См. «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 162.

*

Китая усилилась династія Юань-вэй, владѣльцы Восточнаго-Туркестана думали избавиться отъ гнета кочевниковъ, обращаясь съ просьбою о помощи и предложеніемъ подданничества къ императорамъ этой династіи. Самолюбіе послѣднихъ не оставалось равнодушнымъ въ такихъ случаяхъ, были-бы они и не прочь пособить просителямъ, но чувствовали себя безсильными для того, и мольбы къ нимъ обращенныя оставались безъ послѣдствій. Такъ въ концѣ царствованія государя Сянь-вынь (465 — 471) Хотанцы, доведенные до крайности насиліями Жеужаньцевъ, отправили къ нему посла съ грамотою, въ которой писали: «Всѣ владѣнія Западнаго-Края покорены нынѣ Жеужаньцами. Мы, рабы изъ рода въ родъ, донынѣ постоянно служимъ Обладателю Великаго Государства. Жеужаньская рать стоитъ теперь подъ нашимъ городомъ. Мы, рабы, собравъ войско, еще защищаемся. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, шлемъ посланника съ приношеніями, издали испрашивая помощи у Васъ». Государственные чины, которымъ Императоръ отдалъ на разсмотрѣніе эту просьбу, отозвались что «Хотанъ отстоитъ отъ нашей столицы почти на 10,000 ли. Жеужаньцы умѣютъ грабить только въ полѣ, а городовъ осаждать не могутъ. Въ настоящее время они уже награбились, и если-бы даже мы и отправили войско (въ помощь Хотанцамъ), то пособить дѣлу не можемъ». Отзывъ этотъ Императоръ показалъ хотанскому послу, и тотъ долженъ былъ признаться что онъ вполнѣ основателенъ [10]. Но отъ этой справедливости Хотанцамъ не было легче, и, кланяясь Вэямъ, стали они заискивать и у династіи Лянъ, когда она утвердилась въ Южномъ-Китаѣ. Заключаемъ это изъ частыхъ посольствъ которыя отправлялись туда изъ Хотана, именно въ 509, 513, 518 и 541 годахъ [11]. Весьма вѣроятно что такимъ образомъ поступало,

---

[10] Тамъ же, III, 145—146, и Hist. d. l. ville de Khotan, pp. 25—26.

[11] Hist. d. l. ville de Khotan, p. 17.

изъ владѣній Восточнаго-Туркестана, не одно хотанское, да только свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ. Въ концѣ V вѣка, а быть можетъ и ранѣе, на западныя части страны распространилось, сверхъ того, владычество Ѣдасцевъ изъ-за Памира, а на восточныя — господство Тхугугуней изъ Тангута.

Гораздо ранѣе этого, именно при вэйскомъ государѣ Тхай-ву (423 — 452) «когда слава о добротахъ Дома Юань-вэй далеко уже распространилась по Западному-Краю — читаемъ въ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ» — владѣльцы шаньшанскій, чешыскій, харашарскій (Яньци) кучаскій и кашгарскій (Сулэ), въ первый разъ отправили къ Сѣверному Двору посланниковъ съ дарами. Тхай-ву не чувствовалъ большой охоты входить въ сношенія съ этими и другими, еще болѣе отдаленными, владѣніями, не находя въ томъ никакой пользы для своего государства; но государственные сановники оказались другаго мнѣнія, императоръ уступилъ имъ, и въ правленіе его, впервые послѣ паденія Ханей, учреждена была опять должность «западнаго главнокомандующаго» съ подчиненными ему приставами, и отправлены посланцы китайскіе на Западъ, которые, по возвращеніи, и представили доклады о томъ «что́ случилось имъ видѣть самимъ и слышать отъ другихъ объ окрестныхъ государствахъ» [12]. Этимъ докладамъ, на сколько они сохранились до временъ Тхановъ, и обязаны мы, по всей вѣроятности, тѣми свѣдѣніями о Западныхъ странахъ которыя встрѣчаемъ въ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ».

Въ Восточномъ-Туркестанѣ исторія эта упоминаетъ лишь о 16-ти владѣніяхъ: *Шаньшань*, *Цзюймо*, *Юйтянь*, *Пушань*, *Сигюйбань*, *Цюаньюймо*, *Чжугюй*, *Гѣбаньдо*, *Сулэ*, *Юйту*, *Выньсу*, *Гумо*, *Гуйцы*, *Яньци*, *Чешы* и *Гаочанъ*.

---

[12] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 137—138, 140 и 143.

Новыми по названію, т. е. такими о которыхъ не упоминаютъ обѣ исторіи Ханей, представляются въ этомъ числѣ пять. Изъ нихъ о *Сигюйбан*'и Исторія С. Д. объясняетъ что это древнее владѣніе *Сіть*, иначе *Цзыхэ*; а о *Цюаньюймо* — что это древнее владѣніе *Уто* [13]. О Гаочанѣ и прочихъ пойдетъ у насъ рѣчь впереди.

О событіяхъ въ этихъ владѣніяхъ, узнаёмъ:

1) Относительно *Хотана* (*Юйтянь*) — что въ срединѣ правленія Тхай-ву (424 — 452) владѣлецъ тхугугуньскій [14] Мулянь, преслѣдуемый китайскими войсками, перекочевалъ съ родомъ своимъ въ «Сыпучіе-Пески»; когда-же Китайцы погнались за нимъ и туда, Мулянь направился далѣе на западъ, вступилъ въ предѣлы хотанскіе, убилъ владѣльца этой страны, и произвелъ тамъ великое кровопролитіе [15].

2) Относительно *Пушани* (*Пишани* или *Пушиная* ханьскихъ временъ) — что владѣніе это сдѣлалось зависимымъ отъ Хотана (Юйтяни) [16].

3) Относительно *Юйту*, *Выньсу* и *Гумо* — что владѣнія эти находятся въ зависимости отъ Гуйцы [17].

4) Относительно *Гуйцы* (Кучи) — что гарнизоны на восточныхъ предѣлахъ этого владѣнія грабили нерѣдко китайскихъ пословъ, почему императоръ Тхай-ву приказалъ находившемуся въ Яньци (Харашарѣ) военачальнику сво-

---

[13] Тамъ же, Ш, 147.

[14] Династія Тхугугунь (Thou-kou-hoen) властвовала въ земляхъ около Хухунора съ 312 по 663 годъ до Р. Х. Мулянь получилъ престолъ въ 438 году, бѣжалъ въ Хотанъ въ 445, возвратился оттуда въ свои наслѣдственныя владѣнія въ 446-мъ. См. «Исторію Тибета и Хухунора», переведенную съ китайскаго о. Іакинѳомъ Бичуринымъ (Спб. 1835), I, 74 — 82. Какъ въ этой книгѣ, такъ въ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», и въ «Статистическомъ Описаніи Китая», о. Іакинѳъ, вмѣсто Тхугугунь, пишетъ вездѣ Тогонь. На какомъ это основаніи, не знаю.

[15] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 145; Hist. d. l. ville de Khotan, p. 21—22.

[16] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 147.

[17] Тамъ же, Ш, 161—162.

ему Вань-ду-гуй наказать кучаскаго владѣтеля Утѣмути. Послѣдній встрѣтилъ китайскаго военачальника съ 3000 войска, но былъ разбитъ и бѣжалъ, а Китайцы получили въ добычу множество верблюдовъ и лошадей [18]. Владѣніе это было, кажется, крайнимъ пунктомъ куда проникало китайское оружіе въ разсматриваемый періодъ.

5) Относительно *Яньци* (Харашара) — что жители этого владѣнія также грабили проѣзжавшихъ землями ихъ китайскихъ пословъ, и что, огорченный этимъ, императоръ Тхай-ву послалъ усмирить ихъ помянутаго Вань-ду-гу'я. Полководецъ этотъ, вступивъ въ предѣлы Харашара съ восточной стороны, побилъ сначала пограничныхъ начальниковъ и взялъ два ближайшія съ этой стороны города, а потомъ направился и къ столицѣ владѣнія, Юаньцзюй. Владѣтель, Гюхубина по имени, вывелъ оттуда до 50,000 (?) жителей, и занялъ проходы которыми долженъ былъ итти Вань-ду-гуй. Послѣдній разбилъ его, и всю рать его взялъ въ плѣнъ, такъ-что Гюхубина одинъ ускакалъ въ горы, а затѣмъ искалъ убѣжища у зятя своего, владѣтеля Кучи. Овладѣвъ столицею, Китайцы вознаградили себя за труды богатою добычею, въ этомъ владѣніи найденною: множествомъ разныхъ дорогихъ и рѣдкихъ вещей, и большимъ числомъ верблюдовъ, лошадей, воловъ и другаго скота [19]. Съ этого погрома, Харашаръ находился нѣсколько времени въ дѣйствительной зависимости отъ Сѣвернаго-Китая. Но около 500 года по Р. Х. страна эта была разорена Ѣда'сцами, послѣ чего владѣтелемъ въ нее, по просьбѣ жителей, поставилъ сына своего сосѣдній владѣлецъ гаочанскій [20]. Затѣмъ видимъ что въ 564 году при-

---

[18] Тамъ же, III, 161.

[19] Тамъ же, III, 159.

[20] Тамъ же, III, 152. Народъ Ѣда, по «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ» разорившій Харашаръ, въ «Исторіи Суйской-Династіи» названъ Идань (ibid. III, 192). Тамъ же о владѣльцѣ поставленномъ въ Харашаръ говорится что онъ былъ не сынъ, а племянникъ гаочанскаго государя Гя. Что-же

ходило посольство изъ Харашара ко Двору Сѣверныхъ Чжеу, а въ 610 — къ Суйскому Двору [21].

6) О *Чешы* (переднемъ) — что владѣлецъ чешыскій обращался, въ 451 году, къ императору китайскому изъ дома Вэй, съ просьбою подать ему помощь, такъ-какъ онъ, разбитый бывшими владѣльцами въ Хэ-си, долженъ былъ оставить резиденцію свою, и бѣжать къ предѣламъ Харашара, гдѣ и голодаетъ вмѣстѣ съ подданными. По просьбѣ этой «указано было успокоить его и снабдить хлѣбомъ изъ харашарскихъ магазиновъ» [22]. Впослѣдствіи, въ концѣ V-го столѣтія, сосѣдніе съ сѣвера Гаогюйцы заставили Чешысцевъ переселиться въ Харашаръ [23]. Такимъ образомъ, должно полагать, отдѣльное существованіе Чешыскаго-Владѣнія по южную сторону Тхяньшаня прекратилось.

7) О *Гаочан*'ѣ — что «такъ зовутся зѐмли составлявшія, при старшей династіи Хань, владѣніе передняго чешыскаго государя, простирающіяся отъ востока къ западу на 200, отъ юга къ сѣверу на 500 ли, и почти со всѣхъ четырехъ сторонъ окруженныя высокими горами. Въ тѣ же времена, сказываютъ, китайское войско, отправленное для усмиренія Запада императоромъ Вуди, разстроившись въ походѣ, останавливалось въ этихъ предѣлахъ на отдыхъ, причемъ совершенно изнуренные поселились тутъ навсегда. Во всякомъ случаѣ, при Старшихъ-Ханяхъ существовало здѣсь

касается до того, кто такіе были Ѣда или Идань, разорившіе Харашаръ, то, принимая въ соображеніе географическое положеніе Харашара, я полагаю что эти Ѣда, иначе Идань, едва-ли имѣли что общаго съ народомъ тогоже имени господствовавшимъ въ Бактріанѣ и Согдіанѣ (о которомъ будетъ рѣчь въ концѣ этой главы), а были однимъ изъ сильныхъ гаогюйскихъ родовъ, который, по одноименности, смѣшивали Китайцы съ Ѣда въ Бактріанѣ. Ср. «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, 253 — 254 и III, 177.

[21] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 159—160.

[22] Тамъ же, III, 148—149.

[23] Тамъ же, III, 152.

укрѣпленное военное поселеніе, именовавшееся *Гао-чанъ-лей*, а при Младшей Ханьской Династіи имѣли тутъ пребываніе правитель Западнаго-Края [24] и начальникъ военныхъ (китайскихъ) поселеній. По имени означеннаго укрѣпленія, при династіи Цзинь (265 — 420) страна эта обращена была въ (китайскую) область *Гао-чанъ-гюнъ*. Впослѣдствіи, правителями въ эту область ставились лица отъ владѣльцевъ въ Хэ-си [25]. Въ правленіе (вэйскаго государя) Тхай-ву (424 — 452), правителемъ ея объявилъ себя самовольно (китаецъ) Гань-шуанъ. У него отнялъ эту страну Цзюйкюй-Ухой, по смерти котораго правителемъ ея сдѣлался братъ его Аньчжеу [26]. Въ 460 году, землями Аньчжеу овладѣли Жеужаньцы, и государемъ въ нихъ поставили Гань-бо-чжеу [27].

Оказывается что, при значительности китайскаго населенія въ части Восточнаго-Туркестана простирающейся къ сѣверо-востоку отъ Лобъ-нора, край этотъ постоянно находился въ бо́льшей зависимости отъ Китая, чѣмъ другія, отдаленнѣйшія, части страны. При обѣихъ династіяхъ Хань значилось тутъ владѣніе Чешы (переднее). Цзиньская-Династія, не уничтожая совершенно этого владѣнія, восточную часть его обратила въ область съ китайскимъ названіемъ, куда стала ставить особыхъ правителей. Такимъ образомъ,

---

[24] Въ Я-чжун'ѣ.

[25] О значеніи географическаго термина *Хэ-си* см. выше, прим. къ стр. 51.

[26] Ухой (Vou-goeï) и Аньчжеу (Gan-tcheou) были братья Мугяня (Mo-kien), послѣдняго владѣльца изъ династіи Сѣверныхъ-Лян'овъ, господствовавшихъ въ Хэ-си съ 397 года по Р. Х. По взятіи Мугяна въ плѣнъ войсками вэйскаго императора Тхай-ву, означенные братья его, преслѣдуемые вэйскими войсками, бросились въ 442 году изъ Дунь-хуана на Шаньшань, потомъ на Чешы и Гаочанъ, которой и остался въ ихъ рукахъ. Здѣсь, по смертѣ Ухоя, власть перешла къ Аньчжеу, который въ 460 году убитъ былъ Чуло, ханомъ Жеужаньцевъ. См. Дегиня Histoire générale des Huns, II, 274 — 276.

[27] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 149—151.

и владѣніе Чешы, и область Гаочанъ, существовали, со времени Цзиней, одно обокъ съ другою, пока, какъ видѣли мы сейчасъ, жители Чешы не выселились въ сосѣднее Харашарское-Владѣніе, вмѣстѣ съ чѣмъ исчезло и самое имя ЧетыскагоВ-ладѣнія.

О судьбахъ *Гаочанскаго*-Владѣнія, послѣ образованія его Жеужаньцами, узнаёмъ изъ И. С. Д. что одинъ изъ преемниковъ Гань-бо-чжеу по-имени Ма-жу, тѣснимый сосѣдними Гаогюйцами, обратился въ 497 году, къ императору вэйскому Выньди съ просьбою принять его въ подданство и со всѣмъ народомъ переселить въ другую страну. Но, видно, народъ не желалъ этого; потому, когда высланъ былъ китайскій отрядъ для сопровожденія переселенцевъ въ Иву, гдѣ отведены были имъ зѐмли для водворенія, произошло возмущеніе, Ма-жу былъ убитъ, и въ государи возведенъ китаецъ Кюй-Гя. Этотъ-послѣдній тотчасъ же поддался Жеужаньцамъ, а когда вскорѣ затѣмъ жеужаньскаго хана Футу убили Гаогюйцы, подчинился послѣднимъ. Зависимость эта, должно полагать, была тягостна, ибо въ 500 году, лишь только на престолъ Сѣвернаго-Китая вступилъ императоръ Сюань-ву, какъ явилось къ нему посольство отъ гаочанскаго владѣльца съ просьбою переселить его внутрь Китая. Переселеніе не состоялось опять, и въ 516 году, вслѣдствіе новой о томъ просьбы отъ Кюй-гя, императоръ Сюань-ву писалъ ему: «Ты просишь помощи для перевода тебя съ народомъ во внутренность Китая. Я очень доволенъ твоею преданностію; но что-же дѣлать если обстоятельства перечатъ твоему желанію. Подданные твои суть Китайцы оставшіеся въ Гаочанѣ во времена династій Хань и Вэй [28]. Въ смутное время династіи Цзинь, другіе Китайцы, уклоняясь отъ тѣсныхъ обстоятельствъ,

---

[28] Выражаясь такимъ образомъ, императоръ Сюань-ву, конечно, не хотѣлъ сказать чтобы въ Гаочанѣ другихъ жителей, кромѣ Китайцевъ, не было.

перешли туда же, сдѣлались знатью въ странѣ, и основали государство. Послѣ нѣсколькихъ поколѣній имъ было-бы непріятно вторичное переселеніе, ибо люди привязываются къ родинѣ. Тронуть теперь народъ съ мѣста, такъ надо опасаться что противу тебя же произойдетъ возстаніе. Потому просьбу твою исполнитъ невозможно». Несмотря на отказъ этотъ, добрыя отношенія къ Китаю продолжались, и около 520 года, видимъ что Кюй-гя проситъ владыку Сѣвернаго-Китая о присылкѣ ему «пяти священныхъ книгъ», «Исторіи Китая» и учителей изъ Китайцевъ. Просьба эта была удовлетворена. По распаденіи дома Вэй, въ 559 и 561 годахъ, пріѣзжали посольства изъ Гаочана съ мѣстными произведеніями и къ сѣверному двору Чжеу [29]. Затѣмъ, въ 590 году, Турки разорили въ Гаочанѣ четыре города, вслѣдствіе чего выселилось оттуда въ Китай до 2000 человѣкъ. Когда-же на престолъ гаочанскій вступилъ владѣлецъ по-имени Бо-я, «старшая мать» [30] котораго была дочерью тюркскаго хана, Турки потребовали отъ молодаго государя чтобы онъ принялъ ихъ обычаи [31]. Бо-я противился долгое время, но наконецъ долженъ былъ уступить необходимости. Зато, когда, со вступленіемъ на престолъ Китая въ 605 году императора Янь-ди, было вновь обращено вниманіе на «Западный-Край», Бо-я сталъ усердствовать Китайцамъ, лично поѣхалъ къ императорскому Двору, даже принималъ участіе въ походѣ Китайцевъ на Корею, и, по возвращеніи изъ этого похода, женился на княжнѣ императорскаго Дома. Возвратившись домой въ концѣ 612 года, обратился онъ, вслѣдствіе того, къ подданнымъ своимъ съ манифестомъ такого содержанія: «До сего вре-

---

[29] »Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 152—154.

[30] Т. е. старшая жена отца Бо-я, который могъ быть рожденъ младшею или одною изъ младшихъ женъ.

[31] Это, другими словами, значитъ что Турки потребовали отъ Бо-я, чтобъ онъ и народъ его признали себя подданными ихъ.

мени, обитая на пустынныхъ предѣлахъ, распускали мы волосы и носили лѣвую полу наверху. Нынѣ домъ Суй единодержавствуетъ, и вселенная соединена въ одно царство. Я уже принялъ обычаи просвѣщеннаго народа: подданнымъ моимъ также надлежитъ расплести косы и уничтожить лѣвую полу» (т. е. запахиваться не лѣвою, а правою полою). Манифестъ этотъ остался впрочемъ безъ исполненія: «Бо-я — говоритъ И. С. Д. — былъ прежде вассаломъ Тѣлэсцевъ [32], которые постоянно содержали въ Гаочанѣ одного изъ высшихъ своихъ чиновниковъ. Даже и пошлину собираемую съ иностранныхъ купцовъ отсылалъ онъ Тѣлэсцамъ. Потому, хотя въ угожденіе Китайскому Двору и издалъ вышепрописанное повелѣніе, не посмѣлъ, однако, страшась Тѣлэсцевъ, дѣйствительно перемѣнить одѣянія» [33].

8) О *Шаньшани* — что съ усиленіемъ дома Вэй въ Сѣверномъ-Краѣ, шаньшаньскій владѣлецъ, прежде всѣхъ, еще въ 436 году, отправилъ младшаго брата своего на службу при тамошнемъ Дворѣ; что, впослѣдствіи, владѣлецъ Билунъ, тѣснимый братомъ Ухоя, Аньчжеу по имени, бѣжалъ съ половиною народа своего на западъ, въ сосѣднее владѣніе Цзюйми, наслѣдникъ-же его покорился Аньчжеу; но китайскій отрядъ, подъ начальствомъ извѣстнаго уже намъ Вань-ду-гу'я, перейдя черезъ «Сыпучіе-Пески», возвратилъ народъ къ подчиненности Вэямъ: во владѣніи этомъ оставленъ былъ гарнизонъ, а самъ владѣлецъ отправленъ въ столицу Имперіи. Отпущенный оттуда, поставленъ былъ онъ «начальникомъ» означеннаго гарнизона, съ дозволеніемъ собирать съ Шаньшаньскаго-Владѣнія такія же подати какія брались тогда въ китайскихъ областяхъ [34]

---

[32] Тѣлэ, иначе Чйлэ, тоже что́ Гаогюйцы.

[33] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 156—157.

[34] Тамъ же, Ш, 142—144.

При такомъ однообразіи явленій въ политическомъ строѣ владѣній Восточнаго-Туркестана, произошелъ, въ-теченіе разсматриваемаго періода, во внутренней жизни ихъ величайшій переворотъ — почти все народонаселеніе страны промѣняло прежнія вѣрованія свои, въ чемъ-бы ни заключались онѣ, на индѣйскій Буддизмъ. Говоримъ «почти», потому-что положительныя извѣстія о господствѣ Буддизма имѣемъ изъ И. С. Д. лишь относительно Хотана, Кашгара и владѣній Чжугюй и Гѣбаньдо [35]. Въ Харашарѣ и Гаочанѣ, по этому источнику, населеніе, исповѣдуя Буддизмъ, покланялось и «Духу Неба» [36]. О религіозныхъ вѣрованіяхъ жителей въ прочихъ владѣніяхъ не говорится ничего; но если слѣдовали уже ученію Будды, съ одной стороны Хотанъ и Кашгаръ, а съ другой — Харашаръ и Гаочанъ, то можно полагать съ основательностію что ученіе это принято было и въ промежуточныхъ между помянутыми владѣніяхъ: въ Яркяни и Кучѣ съ подчинившимися послѣдней Гумо, Аксу и Юйту. Если Буддизмъ не господствовалъ еще тутъ вполнѣ, такъ, по-крайней-мѣрѣ, на столько же какъ въ Харашарѣ и Гаочанѣ. Особенною-же приверженностію къ этой, новой, религіи отличалось, по И. С. Д., владѣніе Хотанское [37], служившее, по-видимому, гнѣздомъ изъ котораго разошлась она и по остальнымъ частямъ страны.

Но, дѣйствительно-ли индѣйскій Буддизмъ былъ для Восточнаго-Туркестана ученіемъ новымъ, т. е. вполнѣ чуждымъ ему ранѣе разсматриваемаго періода? Въ этомъ весьма позволительно усомниться. Совершенное молчаніе обѣихъ исторій Ханьской Династіи о томъ, исповѣдывался тамъ Буддизмъ въ-теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ до Р.Х. и двухъ первыхъ затѣмъ — или нѣтъ, не доказы-

---

[35] Тамъ же, Ш, 145, 162, 179—180.

[36] Тамъ же, Ш, 150 и 158.

[37] Тамъ же, Ш, 145.

ваетъ ничего противу распространенія этой религіи на сѣверъ отъ Тибета во времена предшествовавшія III-му вѣку по Р. Х., ибо означенныя сочиненія вообще ничего не сообщаютъ относительно религіозныхъ вѣрованій въ Восточномъ-Туркестанѣ, тогда-какъ преданія о раннемъ тамъ внѣдреніи Буддизма, встрѣчаемыя у буддійскихъ путешественниковъ по этой странѣ, съ указаніемъ на древніе матеріальные памятники о томъ свидѣтельствующіе, заставляютъ думать что Буддизмъ проникъ сюда гораздо ранѣе III-го вѣка по Р. Х.

Каковы-бы до принятія этой религіи ни были нравы и обычаи въ Восточномъ-Туркестанѣ, вѣроученіе Буддійское должно было, несомнѣннымъ образомъ, измѣнить и смягчить ихъ въ значительной мѣрѣ, ибо таково было вліяніе этого вѣроученія всюду гдѣ принималось оно. Но каковъ-бы ни былъ характеръ той или другой религіи, нигдѣ новое вѣроученіе — свидѣтельствуетъ Исторія — не измѣняетъ коренным образомъ, ни племенныхъ особенностей населенія, ни строя понятій и привычекъ издавна установившихся и укоренившихся: новая религія даетъ имъ обыкновенно только новую окраску. Тоже самое должно было имѣть мѣсто и въ Восточномъ-Туркестанѣ. И какъ ни безжизненны замѣтки о нравахъ и обычаяхъ жителей того или другаго тамъ владѣнія, встрѣчаемыя въ китайскихъ источникахъ для разсматриваемаго періода, въ нихъ просвѣчиваетъ для насъ одна черта мѣстной характеристики, встрѣчаемая и до послѣдняго времени, слѣдовательно черта коренная въ нравахъ страны, черта которой не могли изгладить ни Буддизмъ, ни позднѣе, овладѣвшій населеніемъ Исламизмъ. Это — своеобразность понятій о положеніи женщины въ обществѣ, сравнительно бо́льшая вслѣдствіе того свобода ея располагать собою, и проистекающія оттуда легкость въ отношеніяхъ между полами и игривое настроеніе общественной жизни. «Женщины допускаются въ общество даже въ присутствіи иностран-

цевъ», говорится о Хотанѣ въ одномъ источникѣ. «Въ обыкновеніяхъ нѣтъ ни благопристойности, ни справедливости; много воровства и распутства», говорится о тойже странѣ въ другомъ [38]. «Жители тамъ дурной нравственности», читаемъ о Кучѣ [39]. И, наконецъ, о всемъ населеніи страны — что «отъ Цунлина на востокъ жители вообще преданы сладострастію» [40]. Климатическими условіями страны и пищею жителей Восточнаго-Туркестана, на сколько извѣстно намъ то и другое, особенное расположеніе къ сладострастію не вызывается и не объясняется. Причину распущенности нравовъ должно поэтому искать въ чемъ-либо другомъ, и, если только распущенность эта не коренится въ древнихъ религіозныхъ понятіяхъ страны, мы готовы находить ее въ постоянномъ обиліи иноземцевъ въ странѣ, вслѣдствіе географическаго положенія ея какъ перепутья между Китаемъ, Индіею и Переднею-Азіею.

Передвиженіе торговыхъ каравановъ черезъ страну, начавшееся, нѣтъ сомнѣнія, въ глубочайшей древности, продолжалось, съ небольшими перерывами, и въ-теченіе разсматриваемаго періода, ибо на посольства являвшіяся въ Китай «съ мѣстными произведеніями» изъ отдаленныхъ западныхъ земель, о коихъ упоминаетъ И. С. Д., не можемъ мы смотрѣть иначе какъ на караваны имѣвшіе въ виду торговыя цѣли. Особенное вниманіе обращаетъ на себя въ этомъ отношеніи извѣстіе что купцы изъ *Судэ* (владѣнія называвшагося при Ханяхъ *Яньцай*, слѣдовательно около Аральскаго-Озера) «приходили, прежде во множествѣ въ область Лань-чжеу (нынѣ Гань-су) для торга. При покореніи Гу-цзана домомъ Юань-вэй, всѣ они взяты были въ плѣнъ. Судэскій владѣтель прислалъ

---

[38] Тамъ же, III, 145 и 201; Hist. de la ville de Khotan, p. 16.

[39] Собр. свѣд о нар. Ср. Азіи, III, 161.

[40] Тамъ же, III, 218.

посланника для выкупа плѣнныхъ. Указано было согласиться на выкупъ. Но послѣ сего долго уже не было посольствъ оттуда съ дарами» [41].

Торговля-же могла обогащать и развивать населеніе страны не только посредствомъ одного транзита товаровъ, но и черезъ обмѣнъ ихъ на мѣстныя произведенія. Указывая на послѣднія въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ, И. С. Д. сообщаетъ: о *Хотанѣ* — что земля тамъ способна къ произращенію всякаго хлѣба, шелковицы и конопли; въ горахъ имѣется много превосходнаго *юй*; есть хорошія лошади и быстрые лошаки» [42]; о *Кашгарѣ* — «земля изобилуетъ рисомъ, просомъ, колосовымъ хлѣбомъ, кунжутомъ, мѣдью, желѣзомъ, оловомъ, краснымъ мышьякомъ» [43]; о *Кучѣ* — «владѣніе это производитъ тонкія сукна, изобилуетъ мѣдью, желѣзомъ и свинцомъ; кромѣ того выдѣлываютъ замшу, изготовляютъ ковры, бѣлила, благовонія [44]; имѣются хорошія лошади и зубри; павлины въ горныхъ долинахъ летаютъ стадами, а въ домахъ распложаютъ ихъ какъ курицъ и утокъ; изъ «Бѣлыхъ-Горъ» на сѣверо-западъ отъ Кучи вытекаетъ жидкое вещество подобное салу и весьма вонючее: у кого вылѣзутъ волосы или выпадутъ зубы — приложить его, и могутъ вырости новые; употребляемое-же внутрь пользуетъ въ кровавомъ поносѣ» [45]; о *Харашарѣ* — «климатъ холодный, но земля плодоносна. Сѣютъ рисъ, просо, пшеницу и овощи; изъ домашняго скота водятъ верблюдовъ и лошадей; разводятъ и шелковыхъ червей, но не для выдѣлки шелка, а лишь для ваты и нитокъ; любятъ виноградное вино; изъ озера въ 10 лина югъ отъ резиденціи добываютъ много рыбы

---

[41] Тамъ же, III, 166.

[42] Тамъ же, III, 144.

[43] Тамъ же, III, 162.

[44] Такъ понимаю я, едва-ли вѣрный въ этомъ мѣстѣ, переводъ о. Іакинѳа.

[45] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи»; III, 160.

и соли (?) [46]; о *Гаочанѣ* — «климатъ теплый, земля плодоносна; просо и пшеница въ-продолженіе года два раза созрѣваютъ. Разные плоды родятся въ изобиліи; есть трава на которой родится медъ весьма пріятнаго вкуса [47]; есть красная соль превосходнаго вкуса; есть и бѣлая соль, подобная камню *юй* (ископаемая?); много винограднаго вина» [48]; въ числѣ-же даровъ привозившихся ко Двору посольствами изъ Гаочана, упоминаются: мѣха бѣлыхъ и черныхъ соболей, превосходныя лошади, соль въ головахъ (какъ у насъ сахаръ) и «жемчужныя куклы» (?) [49].

Знакомитъ также И. С. Д. отчасти съ законами и обычаями въ томъ или другомъ владѣніи, даетъ нѣкоторыя статистическія числа и топографическія подробности. Этого рода свѣдѣнія заключаются въ слѣдующемъ:

Шаньшань. Мѣстопребываніе владѣтеля въ городѣ *Ганни*, имѣющемъ всего одну ли (250 саженъ) въ окружности. Почва состоитъ по бо́льшей части изъ песчаныхъ солончаковъ. Травы и воды мало. На сѣверъ лежитъ дорога черезъ «Песчаныя-Гряды» [50].

Цзюймо. На сѣверо-западъ отъ этого владѣнія лежатъ «Сыпучіе-Пески», простирающіеся на нѣсколько сотъ ли. Въ лѣтнее время случается горячій вѣтеръ, опасный для путешественниковъ. Приближеніе этого вѣтра одни только верблюды предчувствуютъ. Они фыркаютъ, останавливаются и зарываютъ морду въ песокъ. Люди также берутъ предосторожность и закрываютъ лице полстью или войлокомъ. Вѣтеръ необыкновенно быстръ и весьма скоро про-

---

[46] Тамъ же, Ш, 158.

[47] Это — кустарное растѣніе съ листьевъ котораго собирается сладкое мучнистое вещество извѣстное въ Средней-Азіи подъ именемъ теренджебинъ, и служащее въ Бухаріи для обсахариванія въ немъ фисташковыхъ орѣховъ, у насъ-же въ Россіи называемое «бухарскою манною».

[48] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 150.

[49] Тамъ же, Ш, 152.

[50] Тамъ же, Ш, 142.

ходитъ; но кто не возьметъ предосторожности, неминуемо подвергается большой опасности [51].

Хотанъ. Владѣніе это вдоль и поперегъ содержитъ 1000 ли. Сплошныя горы однѣ за другими тянутся. Резиденція имѣетъ до 10 ли въ окружности. Во всемъ владѣніи считается пять большихъ и нѣсколько десятковъ малыхъ городовъ. Въ 30 ли отъ Хотана на востокъ есть рѣка *Шеуба*, въ которой добываютъ камень *юй*. Въ 20 ли отъ города на востокъ есть рѣка текущая на сѣверъ. Это есть Желтая-Рѣка [52]. Называется она *Шучжи*, иначе *Гишы*. Въ 45 ли отъ города на западъ есть значительная рѣка называемая *Дали*: слившись съ Шучжи, течетъ на сѣверо-востокъ. По мѣстнымъ уголовнымъ законамъ убійца наказывается смертію. Обыкновенія нѣсколько сходны съ кучаскими. Исповѣдуютъ Буддійскую Вѣру. Число храмовъ и при нихъ монаховъ и монахинь чрезвычайное. Владѣтель особенно приверженъ къ сей вѣрѣ: въ каждый день очищенія (т. е. поста) онъ самъ выметаетъ храмы и приноситъ съѣстное [53]. Владѣлецъ никому не показываетъ своихъ волосъ: въ народѣ говорятъ что когда увидятъ волосы владѣльца, тотъ годъ будетъ несчастливъ» [54].

Въ дополненіе къ этимъ извѣстіямъ о Хотанѣ имѣемъ еще, за разсматриваемый періодъ, сообщаемыя, по-видимому, «Исторіею Южныхъ Дворовъ» [55]. Извѣстія эти гла-

---

[51] Тамъ же, III, 144.

[52] Выше (стр. 24) изложена уже древняя гипотеза Китайцевъ, по которой Желтая-Рѣка (Хуанъ-хэ) получаетъ начало изъ водъ Лобъ-нора, просачивающихся подъ землею до ея истока въ Тангутѣ; а какъ въ Лобъ-норъ вода притекаетъ рѣкою Таримомъ, то всѣ верховья послѣдней, въ томъ числѣ и Хотанъ-дарья, считаются также верховьями Желтой-Рѣки.

[53] Въ переводѣ Абель-Ремюзы читаемъ вмѣсто этого: Le roi est encore plus dévot que les autres: chaque jour de fête il se purifie, lui, ses vêtemens et ses alimens (Hist. d. l. ville de Khotan, p. 19). Тутъ больше смысла чѣмъ въ переводѣ о. Іакинѳа.

[54] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 144—147.

[55] Въ Histoire de la ville de Khotan, откуда мы ихъ заимствуемъ (p. 16—17), показаны онѣ просто подъ рубрикою Лянской-Династіи.

сятъ что «въ Хотанѣ много рѣкъ, которыя теряются въ пескахъ и каменистыхъ мѣстахъ. Климатъ умѣренный, способствующій къ воздѣлыванію хлѣбныхъ растѣній и винограда. Плоды и огородные овощи сходны съ китайскими. Жители искусны въ выдѣлкѣ мѣдныхъ сосудовъ, и преданы Буддійскому Вѣроученію. Женщины допускаются въ общество, даже въ присутствіи иностранцевъ. Волоса всѣ онѣ заплетаютъ въ косы, носятъ шубы и штаны. Народъ вообще отличается изысканною вѣжливостію: при встрѣчѣ другъ съ другомъ припадаютъ на одно колѣно; получивши письмо, прежде чѣмъ распечатать, кладутъ его себѣ на голову. Для письма употребляютъ деревянную кисть (т. е. камышевую тростинку). Печати имѣютъ изъ камня *юй* [56].

Кашгаръ. Резиденція имѣетъ 5 ли въ окружности. Во всемъ владѣніи двѣнадцать большихъ и нѣсколько десятковъ малыхъ городовъ. Жители имѣютъ всѣ по шести пальцевъ, и на рукахъ, и на ногахъ; родившихся съ пятью пальцами не воспитываютъ. Строеваго войска считается 2000 человѣкъ [57].

Куча. Резиденція въ городѣ *Янь*, который обведенъ стѣною отъ 5 до 6 ли въ окружности. Въ 300 ли отъ Кучи на югъ есть большая рѣка, протекающая на востокъ, подъ названіемъ *Гисюй*: это есть Желтая-Рѣка [58]. По уголовнымъ законамъ убійцѣ опредѣлена смерть, за грабежъ и воровство положено отсѣченіе одной руки и одной ноги. Подати собираются произведеніями земли, а неимѣющій земли платитъ серебромъ. Обыкновенія и обряды, похоронные и свадебные, сходны нѣсколько съ харашарскими. Добываемое желѣзо поступаетъ въ казну. У владѣтеля въ

---

[56] Нѣкоторыхъ извѣстій казавшихся намъ переданными въ переводѣ Абель-Ремюзы не совсѣмъ вѣрно, мы не привели.

[57] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 162—163.

[58] См. выше, прим. 52.

*

домѣ, сказываютъ, держатъ постоянно болѣе тысячи павлиновъ. Въ 610 году считалось здѣсь войска нѣсколько тысячь [59].

Харашаръ. Резиденція владѣтеля имѣетъ двѣ ли въ окружности. Во всемъ владѣніи считается 9 городовъ. Владѣніе небольшое, жители бѣдны. У нихъ нѣтъ никакихъ законныхъ постановленій (?). Вооруженіе состоитъ изъ лука, сабли, копья и латъ. Брачные обряды сходствуютъ нѣсколько съ китайскими. Умершихъ сожигаютъ и потомъ хоронятъ. По прошествіи семи дней снимаютъ траурное одѣяніе. Мужчины стригутъ волосы, и дѣлаютъ изъ нихъ головные уборы (парики?). Письмена одинаковы съ индѣйскими. Въ 610 году владѣтель имѣлъ не болѣе 1000 человѣкъ войска [60].

Гаочанъ. Страна имѣетъ высокое и открытое мѣстоположеніе, и большое населеніе. Много дресвянистыхъ степей. Въ 70 ли отъ резиденціи на сѣверъ есть гора Чи-ши-шань («Голый-Камень»). Есть еще гора Ши-хань-шань, на которой и лѣтомъ лежатъ снѣга [61]. За этою горою идетъ тѣлэская межа. Восемь городовъ находится въ этомъ владѣніи, и во всѣхъ есть Китайцы. Для орошенія полей проводятъ воду. Овецъ и лошадей принадлежащихъ Двору пасутъ въ скрытныхъ мѣстахъ, изъ предосторожности отъ набѣговъ: кромѣ вельможъ, никто не знаетъ тѣхъ мѣстъ. При сѣверной династіи Чжеу (557—583) было въ семъ государствѣ 16 городовъ, при династіи Суй — 18. Резиденція имѣла въ окружности 1840 шаговъ [62].

---

[59] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 160—161.

[60] Тамъ же, III, 158—160.

[61] Такъ по И. С. Д.; въ «Исторіи Суйской-Династіи» читаемъ: «На сѣверѣ есть гора краснаго камня. Въ 70 ли отъ этой горы есть гора Таньву на которой и лѣтомъ лежатъ снѣга. За этою горою межа тѣлэская» («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 193).

[62] Изъ «Исторіи Суйской - Династіи» видимъ что это было при владѣльцѣ Гянь, сынѣ Кюй-Гя. 1840 шаговъ равнялись, по о. Іакинѳу, 9250 футамъ («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 192).

Въ тронномъ залѣ была картина на которой Ай-гунъ, князь удѣла Ли, изображенъ вопрошающимъ Кхунъ-цзы (Конфуція) о государственномъ управленіи. Штатъ управленія состоитъ изъ одного главнаго и двухъ низшихъ министровъ: должности эти занимаются сыновьями владѣтелей. Затѣмъ— старшій и младшій тѣлохранители. Далѣе — восемь лицъ завѣдующихъ приказами: розряднымъ, моленнымъ, денежнымъ, хлѣбнымъ, посольскимъ, обрядовымъ, народнымъ (?), военнымъ. За ними — пять военачальниковъ. Далѣе — восемь помощниковъ дѣлоправителей въ приказахъ. Далѣе — три чиновника, одинъ другаго ниже чиномъ, тоже занимающихся дѣлопроизводствомъ. Далѣе — надзиратели завѣдующіе охраненіемъ полицейскаго порядка. Очень важныя дѣла рѣшаетъ самъ государь, а меньшей важности— наслѣдникъ престола съ двумя министрами; дѣла разсматриваются по письменнымъ прошеніямъ, и какъ скоро дѣло кончено запискою въ книгу, подсудимые отпускаются. Кромѣ судебныхъ писцевъ, нѣтъ никакихъ чиновниковъ завѣдующихъ слѣдственными дѣлами. Находятся и другія (судебныя) должности, но безъ письмоводства. Для разсужденія о дѣлахъ собираются въ судъ ежедневно поутру. Въ каждомъ городѣ есть судъ по дѣламъ народа, судъ по дѣламъ о водопроводахъ, и судъ по дѣламъ о пашнѣ. Одежда мужчинъ сходна съ тюркскою. Женщины носятъ юбки и шугаи, волосы на головѣ собираютъ въ пукъ. Обыкновенія и управленіе сходны нѣсколько съ китайскими. Вооруженіе состоитъ изъ лука со стрѣлами, сабли, копья, щита и латъ. Письмена одинаковы съ китайскими, но вмѣстѣ съ тѣмъ употребляютъ и тюркскія (?). Изъ священныхъ китайскихъ книгъ, имѣютъ «древнія стихотворенія», *Лунъ-юй* Конфуція, и книгу «о повиновеніи родителямъ». Для образованія юношества имѣются учители отъ казны. Хотя хорошо выучиваются читать по-китайски, но говорятъ всѣ тюркскимъ (?) языкомъ. Подати платятъ съ количества земли серебряною монетою (?), а кто не имѣетъ

денегъ, платитъ пеньковымъ холстомъ. Уголовные законы, обыкновенія, и обряды при бракахъ и похоронахъ имѣютъ большое сходство съ китайскими. Отъ Гаочана до Дунь-хуан'а 13 дней пути, бо́льшею частію по песчанымъ степямъ, гдѣ и тропинокъ не видно. Путешественники ищутъ человѣческихъ и скотскихъ костей, и по ихъ направленію идутъ. Въ дорогѣ иногда слышны пѣніе или плачь, и путешественники, направляясь на голосъ, нерѣдко сбиваются съ пути. Поэтому, купцы ѣдущіе въ Гаочанъ по бо́льшей части берутъ дорогу на Иву [63].

Изъ этихъ подробностей о Гаочанѣ видно что большой процентъ Китайцевъ въ населеніи этой страны окитаилъ ее значительнымъ образомъ. Управленіе устроилось совершенно по китайскимъ образцамъ, и знаніе китайской грамоты, распространяемое на счетъ правительства, было, можно полагать, обязательнымъ для дѣлопроизводителей и писцовъ въ приказахъ. Все это понятно. Но какія это, вмѣстѣ съ китайскою грамотою, употреблялись тюркскія письмена, и что́ вообще въ переводахъ о. Іакинѳа, которыми мы пользуемся, должно понимать подъ терминомъ «тюркскій», когда еще и имени Турокъ не знали Китайцы? Мадуаньлинь, видѣли мы, въ статьѣ своей о Гаочанѣ переписываетъ извѣстія «Ист. Сѣв. Дворовъ» слово-въ-слово, а у него, вмѣсто Іакинѳова «тюркскій» значится вездѣ (по переводу Ст. Жюльена) «варварскій». Такъ и о письменахъ въ Гаочанѣ читаемъ у него, что на-ряду съ китайскими «употребительны тамъ и собственныя, варвар-

---

[63] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 149—156. Въ Мадуаньлиневой передачѣ этихъ извѣстій «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ», по переводу Ст. Жюльена (въ Journal Asiatique за 1847 годъ, t. IX, pp. 197 — 200), встрѣчается много несходнаго съ переводомъ о. Іакинѳа, при чемъ нѣкоторыя обстоятельства оказываются выпущенными въ одномъ, другія — въ другомъ переводѣ. Чтобы пользоваться этими извѣстіями, надо имѣть въ виду оба перевода.

скія, письмена» [64]. Такъ оно и должно быть по смыслу, и нѣтъ сомнѣнія что выраженіе *хуй-шу*, «варварское письмо», употребленное Мадуаньлинемъ [65], употреблено и въ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ», которую онъ копировалъ. Вопросъ измѣняется, слѣдовательно, и спрашивается: что́ это за «варварскія» письмена которыя употреблялись въ Гаочанѣ уже въ концѣ V-го вѣка нашей эры? По всей вѣроятности, были это письмена извѣстныя позже подъ именемъ *уйгурскихъ*, письмена возникшія изъ передѣлки сирійской азбуки (*эстрангело*), занесенной вглубь Азіи христіанскими миссіонерами Несторіанскаго Исповѣданія, какъ это доказано Клапротомъ, Абель-Ремюзою и другими [66]. Оказывается, такимъ образомъ, что означенные миссіонеры пробирались въ Среднюю-Азію гораздо ранѣе чѣмъ это до сихъ поръ предполагалось, именно еще до VI вѣка. Буддійскіе миссіонеры проникли въ Восточный-Туркестанъ изъ Индіи, какъ видѣли мы, еще ранѣе, и также привили азбуку свою туземцамъ: въ Харашарѣ, какъ изложено выше, письмена употреблялись «одинаковыя съ индѣйскими», т. е. либо чисто-индѣйскія (*дэванагари*), либо въ такой же передѣлкѣ какой эстраичело подверглось въ Гаочанѣ. Но какъ употребленіе дэванагари въ Харашарѣ свидѣтельствуетъ о предварительномъ обращеніи значительной части жителей его въ Буддизмъ (хотя положительнаго о томъ упоминанія въ П. С. Д. не встрѣчаемъ), такимъ же образомъ и употребленіе эстрангело въ Гаочанѣ служитъ несомнѣннымъ указаніемъ что въ этой-послѣдней странѣ имѣлись между туземцами послѣдователи Христіанскаго Ученія. Если ни-

---

[64] Journal Asiatique, l. c. p. 198.

[65] Что по-китайски употреблено у Мадуаньлиня именно это, а не какое-либо другое, выраженіе, знаемъ мы изъ Recherches sur les langues tartares, Абель-Ремюзы, t. I, p. 69.

[66] Въ Abhandlung ueber die Sprache und Schrift der Uiguren (Paris, 1820), въ Recherches sur les langues tartares (Paris, 1820). и т. д. Только Нейманъ (Asiatische Studien, I, 131) полагаетъ что подъ хуй-шу можно

чего не находимъ мы объ этомъ въ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ», тогда-какъ она упоминаетъ что часть жителей тамъ и въ другихъ владѣніяхъ Восточнаго-Туркестана исповѣдуетъ Буддизмъ, такъ это не по чему иному, конечно, какъ по тому что Буддизмъ въ это время (въ IV—VI столѣтіяхъ) былъ хорошо уже знакомъ Китайцамъ, о Христіанствѣ-же не имѣли они тогда никакого понятія, и смѣшивали его съ огнепоклонничествомъ и другими чуждыми имъ религіями. Нѣтъ сомнѣнія что если-бы вмѣсто Тунъ юан'я и Гао-мин'а [67], по донесеніямъ которыхъ писалась потомъ «Исторія Сѣверныхъ Дворовъ», посѣщенъ былъ Восточный-Туркестанъ путешественниками - христіанами, послѣдніе весьма-бы распространились о Христіанствѣ въ этой странѣ, о Буддизмѣ-же тамъ упомянули бы мелькомъ. Такъ и позже, о существованіи Христіанства въ Уйгуріи знаемъ мы положительно лишь благодаря тому что сосѣдній съ нею край посѣщенъ былъ римско - католическими монахами; оставайся-же мы только при китайскихъ и мусульманскихъ извѣстіяхъ объ этой странѣ, никому-бы и въ голову не пришло что тамъ имѣлись многочисленные исповѣдники Христіанскаго Ученія. Впрочемъ, можетъ быть что даже И. С. Д. упоминаетъ о Христіанствѣ, какъ въ Гаочанѣ, такъ и въ Харашарѣ, а именно — говоря о томъ что жители обоихъ этихъ владѣній содержатъ Буддійскій Законъ,

---

разумѣть и какія-либо древнѣйшія письмена, вавилонскаго происхожденія, занесенныя къ народамъ Средней-Азіи персидскими торговцами еще въ весьма раннія, сравнительно, времена. Но имъ же приводимое извѣстіе Мадуаньлиня что хуй-шу состоитъ изъ 14 буквъ и употребительно также въ Византійской-Имперіи, свидѣтельствуетъ что Мадуаньлинь подъ хуй-шу понималъ тѣже самыя письмена изъ 14 буквъ о которыхъ говоритъ и Арабшахъ, т. е. уйгурскія, возникшія изъ сирійскихъ, имѣвшихъ, въ свою очередь, общее съ греческими происхожденіе.

[67] Китайскіе придворные чиновники которые отправлены были вэйскимъ императоромъ Тхай-ву въ Западныя Страны, для возобновленія сношеній съ ними. См. «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 138—139.

но покланяются съ тѣмъ вмѣстѣ и «Духу Неба», или «Небесному Духу» [68]: названіемъ этимъ могли обозначать Китайцы Іисуса-Христа.

Судя по Гаочану, можно думать что не оставались неоглашенными евангельскою проповѣдью если не всѣ, то хотя еще нѣкоторыя изъ владѣній Восточнаго-Туркестана, и что вообще Христіанство, проповѣданное въ этой странѣ еще до VI вѣка, имѣло тамъ въ разсматриваемый періодъ болѣе или менѣе значительное число послѣдователей въ разныхъ мѣстахъ.

Въ числѣ извѣстій И. С. Д. объ особенностяхъ въ томъ или другомъ владѣніи Восточнаго-Туркестана, весьма любопытными представляются относящіяся до головнаго убора и формы престоловъ у нѣкоторыхъ владѣтелей этой страны. Мы выпустили ихъ выше, для того чтобы свести потомъ вмѣстѣ, и тѣмъ привлечь болѣе вниманія къ этому предмету. О хотанскомъ владѣльцѣ сказывается что носитъ онъ «шляпу представляющую золотаго звѣрка», а супруга его — «золотой вѣнецъ» [69]; о кашгарскомъ — что носитъ онъ «шляпу представляющую золотаго льва»; о кучаскомъ — что «голову повязываетъ онъ цвѣтною лентою, концы которой свѣшиваются назадъ, а сидитъ на сѣдалищѣ представляющемъ видъ золотаго льва» [70]. И не

---

[68] «Собр. свѣд. о нар Ср. Азіи», III, 150 и 158. Вмѣсто «покланяются Духу Неба», какъ читаемъ въ переводѣ о. Іакинѳа, въ Мадуаньлиневой передачѣ того же извѣстія, по переводу ст. Жюльена (l. c. p. 199), значится: Les habitants sont adonnés au culte des esprits, что́, по Ст. Жюльену, значитъ будто-бы Гаочанцы исповѣдывали Брахманизмъ. Но такое объясненіе ничѣмъ не оправдывается. Если подъ поклоненіемъ Духу Неба разумѣлось не Христіанство, то уже ни въ какомъ случаѣ и не Брахманизмъ, а, скорѣе, первобытный Шаманизмъ.

[69] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 147. По извѣстіямъ изъ временъ Суйской-Династіи, приводимымъ въ Hist. d. l. ville de Khotan (p. 31), владѣлецъ хотанскій носилъ на головѣ «парчевый калпакъ, отороченный соболями», а у женщинъ хотанскихъ было въ обычаѣ украшать себя «золотыми цвѣтами» (значитъ искуственными).

[70] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 160, 162, 200 и 201.

объ однихъ владѣльцахъ Восточнаго-Туркестана сообщаются извѣстія такого рода; имѣемъ ихъ и о нѣкоторыхъ владѣльцахъ на болѣе дальнемъ отъ Китая Западѣ. О государѣ въ Босы (Персіи) читаемъ что «носитъ онъ золотой вѣнецъ, а сидитъ на престолѣ представляющемъ барана». Точно такимъ же образомъ сказывается что «представляетъ золотаго барана» престолъ у владѣтелей бохань'скаго хэ'скаго, и въ Унагэ; а о владѣльцѣ въ Цао — что носитъ онъ «шлемъ представляющій голову золотой рыбы, а на престолѣ сидитъ представляющемъ золотаго коня» [71]. «Исторія Династіи Суй», повторяющая тѣже извѣстія, дополняетъ ихъ тѣмъ, что во владѣніи Ань «государь сидитъ на золотомъ престолѣ, представляющемъ верблюда, вышиною отъ 7 до 8 футовъ», относительно-же Босы сообщаетъ что государь тамошній «сидитъ на золотомъ престолѣ представляющемъ льва (а не барана, какъ въ И. С. Д.), а на бородѣ носитъ золотую цѣпь» [72]. — Выходитъ, что моды такого рода были въ В. Туркестанѣ не туземныя, а проникли съ Запада. Лента на головѣ кучасскаго владѣльца есть, явно, царская греческая діадема въ какой видимъ изображенными также нѣкоторыхъ греко-бактрійскихъ и греко-индѣйскихъ государей на монетахъ ихъ [73]. Діадема эта носилась и подъ шлемомъ [74]. Шляпу «представляющую льва» (или другаго звѣря), должно принимать, полагаемъ мы, за шлемъ съ изваянною на немъ львиною (или другою звѣриною) головою, подобно тому какъ на шлемѣ въ какомъ изображенъ, на монетахъ своихъ, Димитрій, царь греко-бактрійскій и греко-индѣйскій, видимъ изваянною голову слона съ хоботомъ и клыками [75].

---

[71] Тамъ же, Ш, 167, 186, 188 и 189.

[72] Тамъ же, Ш, 197 и 206.

[73] См. на-примѣръ, въ Ariana Antiqua Вильсона, табл. I, №№ 1 — 8, 11, 12; табл. II, №№ 3, 6, и др.; табл. Ш, №№ 4, 13; табл. VI, №№ 3, 6.

[74] Тамъ же, табл. II, №№ 2, 4, 5, 9, 11; табл. Ш, №№ 1—3, 8—11.

[75] Тамъ же, табл. II, № 2 и 9.

Тоже можно сказать и о «шлемѣ съ золотою рыбою». Носить діадему и шлемы съ такими на нихъ изваяніями, могло войти въ обычай между владѣльцами В. Туркестана когда обокъ съ ними существовало еще Греко-Бактрійское Царство, государи котораго и на нихъ простирали власть свою. Позже, другія моды могли быть заимствованы отъ Сассанидовъ, или непосредственно, или, что́ вѣроятнѣе, черезъ посредство владѣльцевъ согдіанскихъ, бактріанскихъ, кабульскихъ, подчинявшихся Сассанидамъ; послѣдніе-же, судя по монетамъ ихъ, носили весьма разнообразные и крайне вычурные головные уборы [76]. При подобной вычурности въ головныхъ уборахъ, весьма возможно что и престоламъ даваема была форма того или другаго животнаго, если только тронъ въ формѣ барана, льва, верблюда, не означаетъ что онъ украшенъ былъ бараньими, львиными, верблюжьими головами, а ножки его имѣли форму ногъ или лапъ тѣхъ же животныхъ, какъ это положительно говорится въ путешествіи Сонъ-юн'я о тронѣ царя и царицы народа Ѣда. «Царь» — читаемъ тамъ — «сидитъ на золотой софѣ съ золотыми же ножками, въ видѣ орловъ», а царица — «на золотой софѣ, поддерживаемой четырьмя львами» [77]. Къ такимъ же, пришедшимъ съ Запада, но еще болѣе древнимъ, модамъ относится, быть можетъ, и обычай носить парики, о существованіи кото-

---

[76] На монетахъ царя Варарана II-го, гдѣ изображенъ онъ вмѣстѣ съ женою, головной уборъ послѣдней состоитъ изъ тіары съ головою вепря, и изъ такой же тіары съ головою грифона, держащаго въ клювѣ висюльку изъ трехъ жемчужинъ (см. у Лонперьѐ въ Essai sur les médailles des rois perses de la dynastie sassanide (Paris, 1840), pp. 23, 25, и табл. IV, изобр. 3 — 5. Въ Ariana Antiqua, на табл. XVII, подъ № 5, видимъ сассанидскую монету съ изображеніемъ на ней царя въ тіарѣ со свиною головою; тамъ же, табл. XXI, № 21, царь изображенъ въ тіарѣ съ бычачьею головою; наконецъ, великолѣпная, съ крыльями, тіара царя индо-персскаго Шри-Багмана (на монетѣ подъ № 8, табл. XVII, тамъ же) является съ птицею на макушкѣ.

[77] Hist. theol. Zeitschrift, III, 2, s. 163; Travels of Fah-hian and Sung-yun, translated by S. Beal, p. 185 and 186.

раго упоминается, какъ видѣли мы (выше, стр. 100), лишь въ Харашарѣ, но который могъ имѣть мѣсто и въ другихъ частяхъ В. Туркестана, занесенный туда еще во времена владычества Ассиріянъ.

Наконецъ, И. С. Д. сообщаетъ намъ и титулы нѣкоторыхъ изъ владѣльцевъ В. Туркестана. Хотанскій владѣлецъ носилъ титулъ *ванъ*, кучасскій — *бай*, харашарскій — *лунъ* [78]. Такое разнообразіе титуловъ встрѣчается и въ сосѣднемъ Западномъ-Туркестанѣ, гдѣ каждый почти мелкій владѣлецъ носилъ особый титулъ [79]: новая общая черта между восточнымъ и западнымъ Туркестанами, столь во многомъ сходными въ обычаяхъ и строѣ жизни.

Общее, относящееся ко всей странѣ, замѣчаніе находимъ въ И. С. Д. одно, но за то величайшей важности — что «отъ Гаочана на западъ жители всѣхъ владѣній имѣютъ впалые глаза и выпуклый носъ; только Хотанцы не имѣютъ такого варварскаго облика, и походятъ болѣе на Китайцевъ». О значеніи этого показанія говорили мы уже выше (стр. 10).

Исчерпавъ вышеизложеннымъ содержаніе «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ», объ «Исторіи Династіи Суй» приходится сказать что авторъ ея, пользуясь тѣми же самыми источниками что́ и авторъ первой, сообщаетъ тѣже самыя извѣстія, и тѣми же самыми словами, только съ выпускомъ многаго въ первой встрѣчаемаго. «При династіи Суй, въ продолженіе правленій Кхай-хуанъ и Жень-шеу (581 — 604) еще не обращали вниманія на заграничныя владѣнія» — читаемъ, какъ въ «Исторіи Суйской», такъ и въ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ». «Въ царствованіе государя Янъ-ди

---

[78] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 147, 158 и 160.

[79] Такъ, по Ибнъ-Хордадбегу, владѣльцы Ферганы титуловались ихшидъ, владѣльцы Осрушны — афшинъ, владѣльцы Согда — ахшакъ, владѣльцы Джорджана — сулъ, владѣльцы Бухары — хода, и т. д. См. Journal Asiatique за 1865 годъ, t. V, p. 250—251.

(605 — 615) отправили чиновниковъ Вэй-цзѣ и Ду-хинъ-мань посланниками въ разныя тангутскія (?) владѣнія. Въ Чжибини получили они агатовую чашу, въ Ванше — священную буддайскую книгу, въ Шиго — десять дѣвушекъ-танцорокъ, львиную кожу и волну красной полевой мыши, послѣ чего возвратились. Императоръ приказалъ, кромѣ того, князю Пхэй-цзюй: пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ иностранцевъ препровождать черезъ Чжанъ-ѣ и Ву-вэй [80]. Тогда 44 владѣнія имѣющія государей прислали посланниковъ ко Двору. Посланникамъ польстили хорошими подарками, и поручили имъ чтобы они передавали свѣдѣнія объ этомъ и другимъ. Въ правленіе Да-ѣ (605—615) до 30 владѣній [81], прислали посольства, почему опредѣленъ былъ, въ Западномъ-Краѣ, приставъ для принятія ихъ. Но вскорѣ возникли въ Срединномъ-Государствѣ (Китаѣ) великія замѣшательства, и пріѣздъ иностранныхъ посольствъ ко Двору прекратился; къ тому же и бо́льшая часть дѣлъ по этой части пропала [82].

Обращаемся къ буддійскимъ монахамъ пробиравшимся черезъ Китайскій-Туркестанъ на пути изъ Китая въ «Сѣверную Индію».

Фа-сянь [83] оставилъ предѣлы Китая въ Дунь-хуан'ѣ, который описываетъ какъ укрѣпленный лагерь на 80 ли отъ востока къ западу, и на 40 ли отъ юга къ сѣверу.

---

[80] Чжанъ-ѣ — область соотвѣтствующая нынѣшней Гань-чжеу-фу; Ву-вэй — область соотвѣтствующая нынѣшней Лянъ-чжеу-фу. Областные города тамъ и тутъ называются и донынѣ старыми именами: Чжанъ-ѣ-хянь и Ву-вэй-хянь («Сѣбр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, географическій указатель, стран. 15 и 97).

[81] До сорока, по «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ». См. тамъ же, Ш, 141—142.

[82] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 141—142 и 191.

[83] Кромѣ переводовъ «Фо-го-цзи» изданныхъ Абель-Ремюзою и С. Билемъ, пользовались мы, въ настоящемъ случаѣ, еще рукописнымъ переводомъ этого сочиненія на русскій языкъ, сдѣланнымъ молодымъ китаистомъ нашимъ П. Поповымъ.

Здѣсь имѣлся военный губернаторъ, который и доставилъ Фа-сяню съ его товарищами необходимое для того чтобы перебраться черезъ песчаную степь отсюда до Шаньшани. «Въ степи этой, по словамъ Фа-сяня, витаетъ множество злыхъ духовъ, и дуютъ вѣтры до того горячіе что убиваютъ путниковъ которымъ встрѣтятся; ни птицы въ воздухѣ тамъ не летаютъ, ни звѣрь по землѣ не ходитъ. Озираясь кругомъ, на сколько глазъ можетъ видѣть, дорогу признаютъ только по сухимъ костямъ погибшихъ путниковъ, которыя и служатъ вмѣсто вѣхъ». Сдѣлавъ въ-теченіе 17 дней около 1500 ли, Фа-сянь достигъ до владѣнія Шаньшань, которое описываетъ страною изрѣзанною горами и безплодною. Объ одеждѣ жителей говоритъ что она грубая, и одинаковая съ одеждою Китайцевъ, за исключеніемъ куртокъ изъ войлока. О владѣльцѣ — что онъ чествуетъ законъ (Будды). Число духовныхъ въ краю могло, полагаетъ Фа-сянь, простираться до 4000, и всѣ они прилежно изучали Хинаяну [84]. Судя по такому числу однихъ духовныхъ лицъ, населеніе Шаньшани должно было быть, какъ въ Фа-сянево время, такъ и до того, несравненно значительнѣе чѣмъ показывалось по переписямъ во времена Ханей. Затѣмъ, какъ относительно Шаньшани, такъ и дальнѣйшихъ на западъ владѣній, дѣлаетъ Фа-сянь общее замѣчаніе — что «отъ мірянъ до шамыней, всѣ тамъ располагаютъ поведеніе свое по закону Индіи (т. е. по уставамъ принесенной изъ Индіи Буддійскій Религіи), только одни понимаютъ его чище, другіе грубѣе», и что «всѣ владѣнія эти похожи на шаньшаньское, только въ каждомъ говорятъ на своемъ особомъ языкѣ; духовные-же всюду знакомы съ языкомъ и книгами Индіи» [85].

---

[84] Такъ называется по-санскритски первоначальное буддійское ученіе, еще безъ примѣси мистицизма. См. Васильева «Буддизмъ», стран. 9 и слѣд.

[85] Foe-koue-ki, p. 7; The travels of Fah-hian, pp. 5—6.

Проведя въ Шаньшани нѣсколько болѣе мѣсяца, Фасянь направился отсюда опять на сѣверо-востокъ, и черезъ 15 дней пути прибылъ во владѣніе *Уй* (Ou-i), въ которомъ тоже насчитываетъ до 4000 духовныхъ, также изучающихъ Хинаяну. Отсюда, получивъ дозволительную на то грамоту, отправился онъ въ ставку Гунъ-сун'я, правившаго этою страною, и проживъ тамъ слишкомъ два мѣсяца, опять прибылъ въ Уй къ оставленнымъ здѣсь товарищамъ по путешествію. Находя что жители владѣнія Уй «не отличаются выполненіемъ правилъ религіи, и холодны въ обращеніи съ чужестранцами» (т. е. не снабдили ихъ подаяніями), нѣкоторые изъ означенныхъ товарищей отправились (Абель-Ремюза и Биль переводятъ «возвратились»), чтобы испросить пособія для дальнѣйшаго пути, въ Гаочанъ; другіе-же, а съ ними и Фа-сянь, получивъ отъ Гунъ-сун'я все необходимое, тотчасъ же выступили далѣе, направляясь на юго-западъ, и черезъ пять слишкомъ мѣсяцевъ добрались до Хотана [86].

Что̀ это за владѣніе *Уй*, куда прибылъ Фа-сянь изъ Шаньшани? Такого владѣнія, видѣли мы, не упоминается ни въ исторіяхъ Ханей, ни въ исторіяхъ Суй'ской и Сѣверныхъ Дворовъ. Биль думаетъ что оно соотвѣтствовало нынѣшнему Комульскому-Округу, но это совершенно немыслимо, такъ-какъ дорога на западъ изъ Шаньшани не могла итти черезъ Комуль. Абель-Ремюза пріурочиваетъ Уй къ Харашарскому-Округу. Это основательно: дорога изъ Шаньшани далѣе на сѣверо-западъ шла, видѣли мы, на Харашарское-Владѣніе. Къ тому же И. С. Д. говоритъ о жителяхъ этого владѣнія что они бѣдны (выше, стр. 100): не изъ чего, слѣдовательно, было имъ и раскошеливаться для проѣзжихъ богомольцевъ. Но Харашару-ли, другой-ли мѣстности западнѣе, соотвѣтствовалъ Уй, «возвратиться»

---

[86] «Фо-го-цзи», въ переводѣ Абель-Ремюзы, стр. 7—8; въ переводѣ Биля, стр. 6—7.

оттуда въ Гаочанъ богомольцы эти никакъ уже не могли — ибо предварительно страною этою не проѣзжали. «Возвращеніе» въ Гаочанъ можетъ, потому, въ разсказѣ Фа-сяня, означать лишь то, что часть сопутниковъ его «свернула назадъ», т. е. къ востоку, съ пути на сѣверо-западъ которымъ слѣдовала она до Уя. Принимая въ соображеніе что изъ Уя Фа-сянь отправился далѣе въ юго-западномъ направленіи, можно было-бы принимать Уй за Кучу, такъ-какъ дорога оттуда до Хотана идетъ именно въ этомъ направленіи, тогда-какъ изъ Харашара пролегаетъ она сначала на западъ. Но мы предпочитаемъ отождествленіе Уя съ Харашаромъ, имѣя въ виду 15 дней пути Фа-сяня отъ Шаньшани до Уя, чего едва-ли было-бы достаточно для пилигримовъ чтобы добраться отъ Шаньшани до Кучи. Что касается затѣмъ до Гунъ-сун'я, то вѣроятно это былъ самъ владѣлецъ харашарскій, проживавшій, во время прибытія Фа-сяня въ Уй, гдѣ-нибудь сѣвернѣе, въ лѣтнемъ своемъ мѣстопребываніи; но быть можетъ и то, что въ лицѣ этомъ знакомимся мы съ какимъ-либо болѣе дальнимъ сюзереномъ изъ Жеужаньцевъ или другихъ кочевниковъ въ Восточной-Джунгаріи, которому подчинялся въ это время Харашаръ, какъ позже подчинялся онъ Гаогюйцамъ [87].

Но почему-же Харашарское-Владѣніе названо у Фа-сяня владѣніемъ *Уй*, и что́ такое это *Уй*? Уже одинъ изъ китайскихъ компиляторовъ, приводя разбираемый отрывокъ, вмѣсто *Уй*, прочелъ и напечаталъ *У-ху*, и Абель-Ремюза доказываетъ что такъ и должно быть. Допустимъ. Но что-же изъ того слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, говоритъ Абель-Ремюза, что въ такомъ случаѣ имѣемъ мы въ *У-ху*

---

[87] Объ этой подчиненности см. въ «собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 152. Сказанное здѣсь о Гунъ-сун'ѣ не противорѣчитъ замѣчанію нашему о немъ выше (вып. перв. стр. 334 — 336): сажать его въ Шаньшань, какъ сдѣлано это Риттеромъ, не приходится ни въ какомъ случаѣ.

имя *Уйгуровъ*, ибо между колѣнами этого народа было одно называвшееся именно Ou-ĥou [88]. Согласившись выше (стр. 70) что даже Птоломеевы Ойхарды могли быть Уйгурами, и признавая, слѣдовательно, возможность существованія Уйгуровъ, подъ этимъ именемъ, около временъ Р. Х. и около тѣхъ самыхъ мѣстъ гдѣ лежитъ Харашаръ, мы, съ своей стороны, не встрѣчаемъ ни малѣйшаго затрудненія признать въ *У-ху* и даже въ *Уй* Фа-сяня — Уйгуровъ. По нашимъ соображеніямъ, Уйгуры, изо всѣхъ народовъ тюркскаго языка, гдѣ-бы на сѣверѣ гнѣздо этихъ народовъ ни находилось, были первымъ подавшимся далеко на югъ, и, съ незапамятныхъ временъ заселяя нагорныя степи, долины и скаты Восточнаго-Тхяньшаня, такъ всегда Уйгурами и звались. При Ханяхъ, Китайцы знали эту стародавнюю отчину ихъ, сначала подъ именемъ Гушы, потомъ подъ именемъ Чешы, еще позже подъ именемъ Гаочана. Въ Фа-сянево время, Уйгуры, составляя коренное туземное населеніе Гаочана перемѣшанное тамъ съ Китайцами, къ западу отъ Гаочана занимали, должно полагать, уже зѐмли бывшія извѣстными въ ханьскія времена подъ именемъ Цюйли, Вейсюй и Юйли. Потому Фа-сянь, прибывъ въ область Харашарскую, имѣлъ полное право сказать что прибылъ онъ въ землю *Уху*, т. е. Уйгуровъ. Въ-заключеніе, замѣчу что Ou-ĥou, по китайскимъ источникамъ, не есть имя одного изъ колѣнъ народа Ноеї-ĥe, т. е. Уйгурскаго, какъ говоритъ Абель-Ремюза, а другая транскрипція того же самаго народнаго имени «Уйгуръ», которое писалось у Китайцевъ не только *Хой-хэ* и *У-ху*, но также *У-гэ* и *Вэйгэ* [89].

О пути изъ земли Уй до Хотана сказываетъ Фа-сянь что на немъ не встрѣчается ни жилищъ, ни населенія, и что трудностей испытанныхъ имъ и товарищами его на

---

[88] Foe-koue-ki, p. 15, прим. 10.

[89] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», 1, 373.

этомъ пути при переправахъ черезъ рѣки, и страданій всякаго рода которымъ подвергались они, нельзя и представить себѣ [90].

Въ чемъ заключаются разсказы Фа-сяня о Хотанскомъ-Владѣніи, читатели знаютъ уже вполнѣ изъ текста Риттерова (вып. перв. стрн. 48 — 51) и моихъ къ нему примѣчаній (тамъ же, стр. 328 — 330).

Изъ Хотана Фа-сянь, съ нѣкоторыми изъ товарищей своихъ, паломниковъ, направился во владѣніе *Цзы-хэ* (Tseu-ho), куда и прибылъ черезъ 25 дней пути. Выше (стрн. 37) владѣніе это уже пріурочено нами къ мѣстности около нынѣшнихъ Якрыка и Кукъяра. О владѣніи этомъ Фа-сянь замѣчаетъ что владѣлецъ тамошній отлично преуспѣваетъ въ законѣ (буддійскомъ), и что духовенства наберется тамъ до тысячи человѣкъ, которые всѣ занимаются Магаяною [91].

Пробывъ 15 дней въ Цзы-хэ, Фа-сянь и сопутники его направились на югъ, и, послѣ 4-хъ дней пути, вступивъ въ горы Цунлинъ, достигли владѣнія *Юй-хуй* (Yu-hoeï), гдѣ и остановились для отдыха [92]. Изъ разсмотрѣнныхъ доселѣ китайскихъ источниковъ имя этого владѣнія неизвѣстно. Не *Уто*-ли это ханьскихъ временъ, которое отождествили мы съ нынѣшнимъ Ташкурганомъ?

Черезъ 25 дней пути отъ Юй-ху'я, путешественники прибыли во владѣніе *Цзѣ-ча* (Kie-tcha) [93]. Здѣсь мы и простимся съ ними, такъ-какъ означенное владѣніе въ предѣлы Восточнаго-Туркестана уже не входило.

---

[90] «Фо-го-цзи», въ переводѣ Абель-Ремюзы, стр. 8; въ переводѣ Биля, стран. 7.

[91] Тамъ же, стрн. 22 и 13. — Магаяною называется по-санскритски позднѣйшее, мистическое, Буддійское вѣроученіе. См. Васильева «Буддизмъ», стрн. 118 и слѣд.

[92] «Фо-го-цзи» въ переводѣ Абель-Ремюзы, стрн. 22; въ переводѣ Биля, стрн. 14.

[93] Тамъ же.

Переходимъ къ Сонъ-юн'ю и Хой-син'у начавшимъ, какъ и Фа-сянь, вступленіе свое въ В. Туркестанъ съ Шаньшани, но затѣмъ слѣдовавшимъ уже не «сѣверною», а «южною» дорогою.

Изъ Лоян'а пустились они въ дальній путь свой въ 518 году, и въ Шаньшань прибыли черезъ зѐмли Тхугугуньскаго-Владѣнія (Tu-ku-hoen). Владѣлецъ шаньшаньскій находился въ это время при Дворѣ Тхугугуней, а вмѣсто его завѣдывало дѣлами владѣнія другое лицо подъ верховною властію этой династіи. Подъ начальствомъ этого лица, въ его качествѣ «главнаго правителя Западнаго-Края», находилось до 3000 войска [94]. Оказывается, такимъ образомъ, что подвиги китайскаго военачальника Вань-дугуй (см. выше, стрн. 92), въ правленіе императора вэйскаго Тхай-ву (423—452), не закрѣпили за Вэями господства надъ Шаньшанью, и что въ началѣ VI-го вѣка она, во всякомъ случаѣ, находилась подъ властію Тхугугуней.

Изъ Шаньшани, черезъ 1640 ли пути въ западномъ направленіи, путешественники наши прибыли въ городъ Tso-mo — явно *Цзюймо* ханьскихъ временъ. Здѣсь нашли они до тысячи семействъ жителей. О странѣ замѣтили что дождей тамъ не бываетъ, а жатвы получаются помощію искуственнаго орошенія, при чемъ для земледѣльческихъ работъ не употребляются ни волы, ни сохи [95]. Въ городѣ видѣли кумиры Будды и Бодисатвы, искусной, не туземной работы.

Черезъ 1275 ли пути отъ Tso-mo къ западу, достигли города *Мо*, гдѣ нашли цвѣты и плоды совершенно похожими на лоянскіе, но зданія — имѣющими другую наруж-

---

[94] Въ переводѣ Неймана, стрн. 155; въ переводѣ Биля, стрн. 177.

[95] Такъ по переводу Биля, стрн. 177. По Нейману-же (стрн. 155—156) «ни дождей не бываетъ, ни орошенія посредствомъ каналовъ не знаютъ, а воздѣлываютъ поля посредствомъ воловъ и сохи»; но это безсмыслица.

ность [96]. Городъ Мо находился, по-видимому, въ предѣлахъ владѣнія звавшагося при Ханяхъ *Цзиньцзюэ*.

Въ 22 ли къ западу отъ города Мо, встрѣтили другой городъ, по имени Нап-то, должно полагать, тождественный съ городомъ *Хю-ми* ханьскихъ временъ. Между Хюми и Цзиньцзюэ, правда, считалось не 20 съ небольшимъ, а 460 ли; но тутъ въ числѣ ли должна быть у Сонъ-юн'я ошибка, да и вообще разстоянія показанныя въ этомъ путешествіи не сходятся съ другими по тому же предмету имѣющимися данными. Такъ отъ Шаньшани до Цзюймо, по Сонъ-юн'ю 1640 ли, а по Баньгу — только 720, и т. д. Вслѣдствіе чего, прокладывая по картѣ путь Сонъ-юн'я, пріурочиваемъ мы упоминаемыя имъ мѣстности не обращая вниманія на показанія его о ихъ взаимномъ разстояніи.

Въ 15 ли къ югу отъ города Нап-то видѣли путешественники обширный (буддійскій) храмъ (дзялянъ?) почти съ 300 въ немъ шамынями и золотымъ кумиромъ Будды, вышиною $1^{6}/_{10}$ чановъ (около 18 футовъ), величественнаго вида и тщательной работы [97]. О кумирѣ этомъ слышали они, какъ водится, разныя чудесныя легенды, которыя и разсказываютъ. Башня, въ которой помѣщался онъ, равнокакъ и другія башни зданія, украшены были многими тысячами знаменъ и флаговъ изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ тканей, въ числѣ коихъ болѣе половины было прислано въ даръ Вэйскою-Династіею. На бо́льшей части послѣднихъ обозначено было, почеркомъ *ли* (квадратнымъ), время ихъ приношенія. Всего болѣе доставлено было съ обозначеніемъ годовъ правленія соотвѣтствующихъ нашимъ 496 и 510-му. Флагъ съ обозначеніемъ 513-го года былъ самымъ позднимъ приношеніемъ [98].

---

[96] Такъ по Билю, стрн. 177; по Нейману-же (стрн. 156) «дома́ въ этой странѣ совершенно одинаковы и только фасадомъ различаются». Опять безсмыслица.

[97] Въ переводѣ Неймана, стрн. 156; въ переводѣ Биля, стрн. 178.

[98] Такъ по переводу Неймана (стрн. 157). У Биля (стрн. 179) нѣсколько иначе.

Пройдя отъ города Han-mo 878 ли къ западу, прибыли путешественники въ Хотанъ, и вотъ что́ сообщаютъ о немъ: «Владѣлецъ носитъ на головѣ золотую шапку (шлемъ?) съ пѣтушьимъ гребнемъ, причемъ сзади висятъ съ головы лопасти на два *чи* (фута) изъ тафты, шириною въ 5 *цзун*'овъ (дюймовъ)» (значитъ подъ шапкою носилъ діадему, какъ видимъ это, на-примѣръ, на монетахъ царя индоскиѳскаго Кадфиса [99]). «Въ торжественныхъ случаяхъ бываетъ музыка: играютъ на барабанахъ, рогахъ и золотыхъ тарелкахъ. Около владѣльца — стража: старшій стѣлокъ, два копейщика, пять сѣкироносцевъ, и по обѣимъ сторонамъ до сотни меченосцевъ. Женщины въ этомъ владѣніи носятъ штаны и короткія юбки. Верхомъ ѣздятъ онѣ на лошадяхъ и верблюдахъ, сидя такимъ же образомъ какъ и мужчины. Покойниковъ сожигаютъ, кости и пепелъ хоронятъ, и надъ могилою воздвигаютъ башни (ступы?). Трауръ состоитъ въ томъ что обстригаютъ плотно волоса̀ на головѣ и расцарапываютъ себѣ лицо. Когда волоса отростутъ опять до 5-ти дюймовъ, трауръ кончается. Когда умретъ владѣлецъ, трупа его не сожигаютъ, а кладутъ въ гробъ и вывозятъ на пустынное мѣсто, гдѣ воздвигаютъ затѣмъ въ память усопшаго храмъ, и приносятъ тамъ, въ опредѣленное время, жертвы. Отъ востока къ западу владѣніе простирается почти на 3000 ли» [100].

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о томъ ка̀къ государи хотанскіе увѣровали впервые въ ученіе Будды, вслѣдствіе появленія въ странѣ бикшу Билучжен'я, разсказъ приведенный уже выше (вып. перв. стр. 57—58 и 344—345), и

---

[99] См. въ Ariana Antiqua, табл. XXI, № 17, и табл. X, №№ 5, 7 — 10, 12—14 и 17—20.

[100] И этотъ отрывокъ, Нейманъ (стр. 157 — 158) и Биль (стр. 179) переводятъ во многомъ неодинаково. Мы брали изъ того и другаго что́ казалось намъ ближе къ подлиннику, принимая, сверхъ-того, въ соображеніе и переводъ Абель-Ремюзы на 22-й страницѣ его Histoire d. l. ville de Khotan, гдѣ это мѣсто изъ Сонъ-юн'я приведено безъ указанія на автора.

что въ храмѣ тогда воздвигнутомъ хранятся также сандаліи Будды, сдѣланныя не изъ кожи, и не изъ шелка, а неизвѣстно изъ какаго матеріала.

Изъ Хотана направились путешественники во владѣніе *Чжу-гюй-бо* (Tchu-kiu-po), о которомъ разсказываютъ что «жители его обитаютъ въ горахъ, но богаты всякаго рода плодами, и употребляютъ пищу только растительную, такъ какъ тамъ не дозволено убивать животныхъ; если-ѣдятъ мясо, то лишь животныхъ околѣвшихъ естественною смертію. Нравы, обычаи и языкъ одинаковы тамъ съ хотанскими, а письмена — тѣже что у Брахмановъ. Владѣніе это изъ конца въ конецъ проходятъ въ 5 дней» [101]. О владѣніи *Чжу-гюй-бо* или, короче, *Чжу-гюй* упоминается, замѣтили мы выше (стрн. 85), и въ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ». Сказывается тамъ о немъ что «лежитъ оно отъ Хотана на западъ, въ разстояніи 1000 ли; жители обитаютъ въ горахъ и покланяются Буддѣ; есть пшеница; много лѣсныхъ плодовъ; языкъ сходенъ съ хотанскимъ; завцсятъ отъ Ѣда» [102]. По всѣмъ соображеніямъ, это — *Цзы-хэ* Фа-сяня и ханьскихъ временъ, выше уже нами пріуроченное; но какъ Цзы-хэ принадлежало, быть можетъ, въ разсматривое время, къ составу Яркяньскаго-Владѣнія, то подъ Чжу-гюй-бо разумѣлось, пожалуй, не одно Цзыхэ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Яркянь.

Далѣе, въ западныхъ предѣлахъ В. Туркестана, прошли наши путешественники еще владѣніемъ *Хань-бань-до* (Han-pan-to), откуда, черезъ 6 дней пути, [103] поднялись уже на вершины Цунлина, слѣдовательно вышли изъ этихъ предѣловъ. Означенное владѣніе, по словамъ ихъ, простирается до самыхъ этихъ вершинъ. Легенда, приводимая путе-

---

[101] Въ переводѣ Неймана, стрн. 159; въ переводѣ Биля, стрн. 181.

[102] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 179.

[103] Такъ по переводу Биля (стрн. 181). У Неймана (стрн. 160), вмѣсто 6 дней пути, значится, явнымъ образомъ ошибочно, 6 мѣсяцевъ.

шественниками о государѣ этого владѣнія который посылалъ сына учиться чародѣйскому искусству въ Землю-Брахмановъ, извѣстна уже читателямъ изъ Риттерова изложенія (вып. перв. стр. 242). О Хань-бань-до упоминаетъ, въ числѣ владѣній В. Туркестана, и «Исторія Сѣверныхъ Дворовъ» (выше, стр. 85), только называетъ его *Гѣбань-до*, сказывая что «находится оно отъ Цунлина на востокъ, въ высокихъ горахъ, на которыхъ и лѣтомъ лежатъ снѣга и падаютъ инеи, и орошается рѣкою Чжу-гюй-боскою, протекающею тутъ на сѣверо-востокъ»; о жителяхъ же сообщаетъ что «слѣдуютъ они Буддайскому Закону и находятся въ зависимости отъ Ѣда» (какъ и владѣніе Чжугюй-бо) [104]. *Гѣбаньдо* это, иначе *Ханьбандо*, по всей вѣроятности — *Юй-хуй* Фа-сяня, *Уто* ханьскихъ временъ, должно соотвѣтствовать нынѣшнему *Ташкурган*'скому-Владѣнію, гдѣ дѣйствительно получаетъ начало Тагдамбашъ, одно изъ верховьевъ той рѣки которая, ниже, подъ именемъ Яркянь-дарьи, протекаетъ въ сѣверо-западномъ направленіи къ Яркяни между Якрыкомъ и Каргалыкомъ (по Вокэровой картѣ Туркестана), т. е. черезъ Чжугюйбо, иначе Цзыхэ [105].

Чтобы закончить настоящую главу, остается разъяснить только, что́ это за владѣніе *Ѣ-да*, въ зависимости отъ котораго находились, по И. С. Д., какъ Чжугюйбо, такъ и Гѣбаньдо.

«Исторія Сѣв. Д.» сама объясняетъ это въ статьѣ о *Ѣда* [106]. Только изъ статьи этой весьма трудно понять гдѣ именно находилось владѣніе Ѣда. Гораздо болѣе понятнымъ оказывается это изъ дальнѣйшаго на западъ

---

[104] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи»», Ш, 179—180.

[105] Въ государственной географіи китайской, извѣстной подъ заглавіемъ Дай-цинь-и-тунъ-чжи, Гѣбаньдо отождествляется съ нынѣшнимъ Бадахшаномъ (по переводу Клапрота въ Magasin Asiatique, t. I, № 1, p. 91); но это явное недоразумѣніе.

[106] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 177.

маршрута Сонъ-юн'я и Хой-син'а. Основываясь на сообщаемомъ ими, должно думать что такъ называлась кочевая орда изъ-за Сыръ-Дарьи вторгнувшаяся въ Согдіану и Бактріану, расположившаяся здѣсь среди осѣдлаго населенія, и отсюда распространившая набѣги свои во всѣ стороны, такъ-что въ началѣ VI вѣка, въ Сонъ-юнево время, «около сорока владѣній платили ей дань», и «на востокъ господство ея простиралось до Хотана» [107]. По И. С. Д. подчинялся ей и Кашгаръ (Сулэ, Шулэ). Вивьенъ де-Сенъ-Мартэнъ давно уже доказалъ что *Ѣда* суть тотъ же самый народъ который Византійцы обозначали именемъ *Бѣлыхъ-Гунновъ* и *Эфталитовъ*, писатели армянскіе — именемъ *Тедаль* и *Идалаганъ*, а позднѣйшіе писатели мусульманскіе называютъ *Гаяталя* и *Гайталь* [108].

---

[107] Въ переводѣ Неймана, стрн. 162; въ переводѣ Биля, стрн. 185.
[108] Sur les Huns Blancs ou Ephtalites, pp. 236—246 и 295—298.

V.

Передній и обратный путь Сюань-цзана по Восточному-Туркестану.

Въ знаменитое путешествіе свое по Индіи отправился Сюань-цзанъ въ такое время когда династіи Суй не существовало уже болѣе, а замѣнившая ее Тханская не успѣла еще подчинить себѣ Восточнаго-Туркестана. Потому, и по обстоятельности свѣдѣній заключающихся въ этомъ путешествіи, посвящаемъ ему особую главу.

Исторію странствованій Сюань-цзана — путешественника занимающаго между китайскими такое же мѣсто какое между европейскими принадлежитъ Марку Поло — имѣемъ мы въ біографіи его, написанной безъ сомнѣнія по разсказамъ, а, быть можетъ, даже и по собственноручнымъ запискамъ самого путешественника, учениками этого, славнѣйшаго въ свое время, буддійскаго богослова, Хуй-ли (Hoeï-li) и Инь-цзан'омъ (Yen-thsang), подъ заглавіемъ: *Сюань-цзанъ-чуань* (Hiouen-thsang-tch'ouen), «Исторія Сюань-цзана». Біографія эта, въ французскомъ переводѣ Стан. Жюльена, вышла въ Парижѣ, въ 1853 году, подъ заглавіемъ: Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages dans l'Inde. Но, кромѣ того, самимъ Сюань-цзаномъ, по матеріаламъ собраннымъ имъ въ Индіи, и другимъ, съ прибавленіемъ собственныхъ его путевыхъ замѣтокъ, составлено было, по императорскому указу, объе-

мистое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Да-тханъ-си-юй-цзи* (Ta-thang-si-yu-ki), т. е. «Записки о Западныхъ Странахъ составленныя при Тханской-Династіи». По отрывкамъ изъ этого сочиненія цитированнымъ въ *Бянь-и-дянь*, Ландресъ первый познакомилъ Европу съ маршрутомъ Сюань-цзана, помѣстивъ его приложеніемъ къ Фа-сяневу *Фо-го-цзи*; а черезъ 20 лѣтъ послѣ того, Стан. Жюльенъ подарилъ ученый міръ и полнымъ переводомъ «Записокъ» Сюань-цзана (Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois en l'an 648, par Hiouen-thsang. Paris, 1857—1858), къ которому Вивьенъ де-Сенъ-Мартэнъ приложилъ составленную имъ карту Азіи по Сюань-цзану, снабдивъ ее подробнымъ комментаріемъ (mémoire analytique) въ разъясненіе собственно географическихъ и топографическихъ извѣстій сообщаемыхъ послѣднимъ.

«Записки» Сюань-цзана во многомъ дополняются и разъясняются его «Біографіею». Потому, въ слѣдующемъ изложеніи передняго въ Индію и обратнаго оттуда пути Сюань-цзана черезъ Восточный-Туркестанъ, будемъ мы пользоваться одинаково обоими этими источниками.

Цѣль съ какою отправился Сюань-цзанъ въ Индію, въ 629 году, была у него таже что и у предшественниковъ его, Фа-сяня и другихъ — изученіе Буддійскаго Ученія въ самомъ его источникѣ, пріобрѣтеніе новыхъ и неимѣвшихся въ Китаѣ прежнихъ сочиненій по этому предмету, поклоненіе буддійской святынѣ въ самыхъ мѣстахъ прославленныхъ чудесами Шакьямуни и другихъ буддъ, и обогащеніе отечества своего всякими предметами этой святыни какіе удастся добыть [1]. Когда, съ этими цѣлями, положилъ онъ осуществить свое намѣреніе, имѣя 26 лѣтъ отъ роду, слава первѣйшаго въ Китаѣ буддійскаго богослова была уже вполнѣ упрочена за нимъ въ столицѣ Им-

---

[1] Въ Histoire de la vie de Hiouen-Thsang, p. 293—294, перечислены всѣ предметы какіе привезъ онъ изъ своего путешествія.

періи. По какимъ соображеніямъ на просьбу о разрѣшеніи ѣхать въ Индію ему и собравшимся сопутствовать ему другимъ буддійскимъ духовнымъ, послѣдовалъ отказъ со стороны Императора, неизвѣстно; только, вслѣдствіе отказа этого, Сюань-цзанъ рѣшился выбраться изъ Китая тайкомъ. Когда, на пути, прибылъ онъ въ Лянъ-чжеу, жители тамошніе, знавшіе уже о богословской его знаменитости, уговорили его дать имъ нѣсколько публичныхъ лекцій въ объясненіе нѣкоторыхъ книгъ «Закона». Лянъ-чжеу въ это время — читаемъ у біографовъ Сюань-цзана — «служилъ рынкомъ для всего народонаселенія на западъ отъ Желтой-Рѣки, и постоянно посѣщался торговцами изо всѣхъ владѣній налѣво (на западъ) отъ Цунлина» [2]. Множество изъ этихъ чужеземцевъ присутствовало на лекціяхъ Сюань-цзана, и затѣмъ, по возвращеніи на родину, разнесло славу его по близкимъ и далекимъ странамъ Запада, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слухъ о намѣреніи этого славнаго учителя посѣтить означенныя страны проѣздомъ въ Индію. Другимъ послѣдствіемъ вѣроучительства въ Лянъ-чжеу было то, что пораженные удивленіемъ и благодарные слушатели сдѣлали Сюань-цзану такія щедрыя приношенія которыя вполнѣ обезпечили ему возможность дальняго странствованія. Тогда, тихонько выбравшись изъ Лянъ-чжеу [3], проѣхалъ онъ въ Гуа-чжеу [4], и, когда сталъ тамъ распрашивать про дальнѣйшій путь, ему сказали что «въ 50 ли къ сѣверу отъ этого города находится рѣка *Ху-лу* (*Булунгиръ*), широкая въ низовьѣ но очень узкая и стремительная въ верховьѣ, такъ-что пере-

---

[2] Тамъ же, стр. 15.

[3] Лянъ-чжеу, нынѣ областной городъ въ губерніи Гань-су, находится подъ 37°, 59′ С. Ш. и 100°, 28′ В. Д. См. Dictionnaire des villes et arrondissements dans l'Empire Chinois, par. E. Biot. (Paris, 1842), p. 101.

[4] Такъ съ 618 года названъ былъ прежній городъ Дунь-хуанъ (См. «Собр свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, указатель, стр. 31). Астрономически положеніе его опредѣляется 40° 15′ С. Ш. и 92° 50′ В. Д. (Biot: Dictionnaire, p. 309).

ѣхать черезъ нее въ лодкѣ невозможно; тамъ-же гдѣ расширяется она и становится удобною къ переправѣ, построена пограничная крѣпостца *Юй-мынь-гуань* [5], которой, потому, нельзя миновать чтобы выѣхать за границу; за этою-же крѣпостью къ сѣверо-западу есть еще пять сторожевыхъ башень, въ разстояніи 100 ли одна за другою, съ гарнизонами обязанными наблюдать за всѣмъ происходящимъ въ ихъ окрестности; на пространствѣ между башнями этими нѣтъ ни воды, ни подножнаго корма; за ними-же далѣе — степь *Мо-цзя-инъ* (Mo-kia-yen) и граница владѣнія *И-ву* (I-'gou)». Неутѣшительны были такія вѣсти для человѣка имѣвшаго въ виду пробраться черезъ границу тайкомъ; но рѣшимость Сюань-цзана не поколебалась. Доѣхавъ до Хулу, переправился онъ черезъ эту рѣку, выше Юй-мынь-гуан'я, на плоту изъ древесныхъ вѣтвей, изготовленномъ его проводникомъ, который и потащилъ за собою этотъ плотъ, самъ пустившись черезъ рѣку вплавь на конѣ. За рѣкою, впрочемъ, и этотъ проводникъ оставилъ Сюань-цзана, такъ-что далѣе онъ поѣхалъ уже одинъ, отыскивая путь по грудамъ костей и по кучамъ конскаго помету, которыя замѣчалъ издали [6].

У первой же сторожевой башни путешественника нашего задержали, но комендантъ, тронутый рѣшимостію благочестиваго монаха, не только отпустилъ его, но снабдилъ, и водою, и пищей, до четвертой башни, съ рекомендаціей къ начальнику ея о дальнѣйшемъ пропускѣ. Тутъ приняли его радушно, но сказали что онъ не долженъ разсчитывать на тоже въ пятой башнѣ, гдѣ могутъ, и задержать его, и убить, почему лучше будетъ для него миновать эту башню, свернувъ тотчасъ же въ степь; тамъ, въ

---

[5] Эта, нѣсколько разъ уже упомянутая выше, крѣпостца находится въ 150 ли къ западу отъ г. Дунь-хуан'а. См. «Собр. свѣд. о народахъ Ср. Азіи», III, указатель, стр. 110.

[6] Hist. d. l. vie dc Hiouen-Thsang, p. 12—23.

100 ли отъ четвертой башни, есть источникъ куда ходятъ на водопой дикія лошади (Yé-ma-thsiouen), гдѣ, слѣдовательно, и онъ можетъ запастись водою на остальной путь черезъ степь. По этому совѣту, недалеко отъ четвертой башни и повернулъ Сюань-цзанъ въ степь *Мо-цзя-инь-цзэ*, или, какъ называли ее въ древности — говоритъ «Біографія — *Ша-го*», «Песчаная-Рѣка». «Не увидишь тамъ ни птицъ, ни четвероногаго, нѣтъ ни воды, ни травы». Здѣсь путешественникъ направлялся уже по собственной тѣни (т. е. по солнцу), и, проѣхавъ около сотни ли, заблудился. «Водопоя дикихъ лошадей» нигдѣ ни оказывалось, свойже мѣхъ съ водою онъ, по неосторожности, розлилъ. Четыре ночи и пять дней (?) продолжалъ онъ, несмотря на то, подвигаться въ направленіи къ сѣверо-востоку, днемъ — осыпаемый раскаленнымъ пескомъ, ночью — окруженный страшными видѣніями, пока и самъ онъ, и конь его, не выбились окончательно изъ силъ. Прохладный вѣтерокъ на пятую ночь освѣжилъ нѣсколько обоихъ; затѣмъ, лошадь, по инстинкту, отыскала травянистую полянку съ лужею прѣсной воды, и спасла тѣмъ, какъ себя, такъ и своего всадника. Въ «Біографіи», разумѣется, все это представлено въ видѣ чуда и какъ слѣдствіе горячихъ молитвъ путешественника. Отдохнувъ на этомъ привалѣ, черезъ два дня пути затѣмъ вступилъ Сюань-цзанъ въ предѣлы владѣнія *И-ву*, гдѣ и остановился въ ближайшемъ къ границѣ монастырѣ [7].

Кромѣ четырехъ слишкомъ сутокъ пути по раскаленнымъ пескамъ безъ капли воды для себя и для коня, не видимъ мы во всемъ приведенномъ разсказѣ о Сюань-цзановой дорогѣ отъ Лояна до Иву ничего преувеличеннаго, тогда-какъ всѣ другія подробности, нами приведенныя, живо рисуютъ тогдашнее положеніе вещей и умовъ на китайской границѣ, равно-какъ и свойства начальнаго пути

---

[7] Тамъ же, стр. 24—31.

оттуда по «сѣверной» дорогѣ Дальнѣйшій разсказъ имѣетъ значеніе преимущественно въ томъ отношеніи что не менѣе живо изображаетъ какъ глубоко проникнуто было буддійскими интересами все населеніе Восточнаго Туркестана. Слѣдованіе Сюань-цзана по сѣвернымъ владѣніямъ этой страны «Біографія» его представляетъ непрерывною торжественною процессіею, дѣломъ государственной важности для мѣстныхъ владѣльцевъ и ихъ подданныхъ, и — нѣтъ причинъ сомнѣваться чтобы не было такъ и въ дѣйствительности.

Вѣсть о прибытіи великаго учителя въ предѣлы Иву разнеслась съ быстротою, и владѣтель этой страны тотчасъ же пригласилъ его въ свой дворецъ; а государь сосѣдняго Гаочанскаго-Владѣнія, Цё-вынь-тхай (Khio-wen-t'aï) по-имени, послалъ ивуйскому владѣльцу приказъ не задерживать у себя знаменитаго путешественника, и на встрѣчу ему отправилъ, съ великолѣпною свитою, самыхъ высшихъ сановниковъ. Сюань-цзанъ, по «Біографіи» его, намѣревался изъ Иву проѣхать прямо къ «ханской ступѣ», почему долго отказывался отъ поѣздки въ Гаочанъ, но наконецъ подался на неотступныя просьбы тамошней депутаціи [8].

Гдѣ воздвигнута была «ханская ступа», біографы Сюань-цзана не объясняютъ. Но какъ къ ступѣ этой путь изъ Иву лежалъ по-видимому минуя Гаочанъ, то должно полагать что находилась она гдѣ-либо къ сѣверу отъ Тхянь-шаня, гдѣ-либо въ Джунгаріи, въ царствѣ хана «Западныхъ Турокъ», ибо *Иву* нельзя принимать ни за что иное кромѣ нынѣшней *Комуль*ской Области. Въ Сюань-цзаново время область эта, о которой, видѣли мы, упоминалось дотолѣ лишь какъ о населенномъ оазисѣ (выше, стрн. 48 и 102), составляла уже, оказывается, особое владѣніе съ собственнымъ владѣльцемъ во главѣ, подчинявшееся одна-

---

[8] Тамъ же, стр. 34—35.

коже, судя по вышеизложенному, сосѣднему ей, сильнѣйшему сравнительно, Гаочанскому Владѣнію. Край отъ Гаочана на востокъ населялся, значитъ, все болѣе-и-болѣе; населеніе-же его составлялось, по-видимому, изъ Уйгуровъ въ смѣси съ Китайцами, какъ и въ Гаочанѣ.

Изъ мѣстопребыванія своего въ Иву до города *Бэй-ли* (Pe-li) на границѣ Гаочанскаго-Владѣнія, ѣхалъ Сюань-цзанъ 6 дней, а оттуда до столичнаго города этого владѣнія — съ заката солнца до полуночи, на перемѣнныхъ, впрочемъ, лошадяхъ; слѣдовательно, столица Гаочана отстояла отъ восточной границы весьма недалеко. Вивьенъ де Сенъ-Мартэнъ полагаетъ что этою столицею былъ нынѣшній Пичанъ, на томъ основаніи что Пичанъ служилъ нѣкогда, «какъ извѣстно», столицею Гаочану; относительно-же «извѣстности» этого обстоятельства ссылается на Риттера [9]. Но Риттеръ не источникъ; да притомъ и самъ Риттеръ, выразившись что Пичанъ «былъ нѣкогда столицею Уйгурскаго Царства», голословное утвержденіе это никакою ссылкою не подкрѣпляетъ.

По прибытіи Сюань-цзана къ столицѣ *Гаочан*'а, государь этой страны вышелъ къ нему на встрѣчу лично, окруженный множествомъ служителей съ зажженными факелами, и, усадивъ желаннаго гостя въ великолѣпной палаткѣ на одномъ изъ дворцовыхъ дворовъ, привѣтствовалъ его такою рѣчью: «Учитель! Съ тѣхъ поръ какъ ученикъ вашъ услышалъ о прибытіи вашемъ, не могъ онъ, съ радости, ни ѣсть, ни спать. По длинѣ дороги, вамъ предстоявшей, я разсчиталъ что пожалуете вы этою ночью. Ради этого, и я, и жена, и дѣти, не ложились спать, а приготовлялись встрѣтить васъ, читая священныя книги». Вслѣдъ затѣмъ явилась на поклонъ къ нему и сама государыня съ многочисленною женскою свитою. На слѣдующее утро, не

---

[9] Mémoires sur les contrées occidentales, II, 264.

успѣлъ еще путешественникъ нашъ проснуться, какъ Цёвыньтхай съ женою явились уже узнать о его здоровьѣ. Затѣмъ Сюань-цзанъ переведенъ былъ на житье въ монастырь сосѣдній съ дворцемъ, и снабженъ многочисленною прислугою изъ евнуховъ. Всевозможныя почести оказывались прибывшему свѣтилу, съ тѣмъ чтобы осталось оно въ странѣ навсегда, для славы ея и благополучія; но путешественникъ только и думалъ о продолженіи пути, и, прогостивъ съ десятокъ дней, завелъ рѣчь объ отъѣздѣ. Тогда Цёвыньтхай самъ принялся уговаривать его, объясняя что хотя онъ, Цёвыньтхай, въ былое время не мало постранствовалъ по Китаю сопровождая суйскаго императора, и видѣлъ тамъ не мало знаменитыхъ учителей вѣры, никто изъ нихъ однако не пришелся ему по душѣ такъ, какъ Сюань-цзанъ; и что хотя духовенство въ странѣ ему подвластной и не многочисленно, но все-таки наберется порядочное число тысячь, и будетъ кому его послушать. Сюань-цзанъ ни на какіе уговоры не подавался. Тогда, задѣтый въ самолюбіи, Цёвыньтхай пришелъ въ гнѣвъ, и рѣшилъ задержать путешественника у себя силою. Тотъ поклялся что не приметъ пищи если его не отпустятъ, и три дня просидѣлъ на одномъ мѣстѣ безъ капли воды въ горлѣ, безъ крошки хлѣба во рту. На четвертый день, Цёвыньтхай, замѣчая что дыханіе гостя начинаетъ слабѣть, испугался что уморитъ святого человѣка, пришелъ въ раскаяніе и принялся вымаливать у него прощеніе. Помирились на томъ, что Сюань-Цзанъ останется въ Гаочанѣ еще на мѣсяцъ, и объяснитъ публично «Праджня-Парамиту» (буддійскую метафизику). Разбита была для этого палатка въ которой помѣщалось триста человѣкъ. Слушателями были вдовствующая государыня-мать, самъ владѣлецъ, глава духовенства, и важнѣйшіе сановники государства. Ежедневно, передъ началомъ лекціи владѣлецъ встрѣчалъ «учителя» съ благовоніями, подводилъ его къ подножію каѳедры, и, опустившись на колѣни, подставлялъ спину, вмѣ-

сто скамейки, чтобы тотъ могъ подняться на свое сѣдалище. Между-тѣмъ приготовлялось все нужное для дальнѣйшаго пути, и, по окончаніи чтеній, Сюань-цзанъ осыпанъ былъ дарами всякаго рода. Онъ получилъ 100 унцій золота, 30,000 серебряныхъ монетъ, и 500 кусковъ атласу и тафты. Сопровождать его поручено было четыремъ молодымъ послушникамъ, имъ же поставленнымъ, и 25-ти служителямъ, на соотвѣтственномъ числѣ коней. Сверхъ-того, до мѣстопребыванія хана Шеху, къ которому отправлялся Сюань-цзанъ, долженъ былъ проводить его одинъ изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Самому Шеху послано было при этомъ двѣ тѣлеги нагруженныхъ 500-ми кусковъ атласу и множествомъ вкусныхъ плодовъ, при письмѣ въ которомъ Цёвыньтхай просилъ этого хана оказать «учителю» такое же расположеніе какимъ удостоиваетъ онъ самаго пишущаго, «почтительнаго раба своего», и соблаговолить на отдачу приказанія владѣльцамъ всѣхъ государствъ Запада, чтобы они, каждый въ предѣлахъ своего владѣнія, давали путешественнику почтовыхъ лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ самого государя гаочанскаго дано было Сюань-цзану 24 рекомендательныхъ письма къ владѣльцамъ землями которыхъ предстояло ѣхать ему, и къ каждому письму приложено, «для внушенія довѣрія», по куску дорогаго атласа [10].

Необычайный почетъ оказанный Сюань-цзану въ Гаочанѣ, равно-какъ и щедрость мѣстнаго владѣльца въ дарахъ ему, также не кажутся намъ преувеличенными въ разсказѣ его біографовъ. Буддійское ученіе, вездѣ гдѣ ни господствовало оно, обладало свойствомъ подвигать народъ и власти на величайшія въ пользу и славу его пожертвованія, а владѣлецъ гаочанскій отличался, по-видимому, особымъ благочестіемъ. При такихъ условіяхъ, понятно и желаніе

---

[10] Hist. d. l. vie de Hiouen-Thsang, p. 32—40.

его удержать при себѣ свѣтило знанія подобное Сюань-цзану, какъ вслѣдствіе преданности религіи и желанія духовнаго блага своимъ подданнымъ, такъ и изъ тщеславнаго стремленія показать передъ другими владѣльцами какимъ недоступнымъ для нихъ сокровищемъ онъ обладаетъ. Не сомнѣваемся мы и въ томъ, что онъ имѣлъ средства снарядить дорогаго ему путешественника, какъ снарядилъ. Мы замѣтили уже что и людность, и зажиточность населенія въ Восточномъ-Туркестанѣ должны были быть несравненно значительнѣе чѣмъ представляется это по оффиціальнымъ китайскимъ извѣстіямъ. Съ другой стороны, тонъ письма гаочанскаго владѣльца къ хану Шеху свидѣтельствуетъ, если не о подданствѣ перваго послѣднему, то по-крайней-мѣрѣ о зависимости. И дѣйствительно, изъ «Исторіи Тханской-Династіи» мы знаемъ что ханъ Западнаго Тюркскаго Царства, Тунъ-Шеху по-имени, не только наслѣдовалъ отъ отца своего верховную власть надъ бо́льшею частію владѣній Восточнаго-Туркестана, но присоединилъ къ наслѣдственному царству своему еще и Персію съ Афганистаномъ (Босы и Чжибинь) [11]; а изъ этого-послѣдняго обстоятельства становится вполнѣ яснымъ что гаочанскій владѣлецъ имѣлъ достаточное основаніе просить Шеху-Хана о приказаніи владѣльцамъ западныхъ государствъ возить въ нихъ Сюань-цзана на почтовыхъ.

Въ день отъѣзда Сюань-цзана изъ столицы Гаочана вышли провожать его за городъ, со слезами и воздыханіями, какъ самъ владѣлецъ съ женою и сановниками, такъ все духовенство и множество народа. Владѣлецъ, со свитою своею и важнѣйшими изъ духовныхъ лицъ, проводилъ отъѣзжавшаго гостя даже за нѣсколько десятковъ ли отъ города [12].

«Подобный почетъ оказываемъ былъ Учителю госу-

---

[11] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, отд. 2, стр. 316.
[12] Hist. d. l. vie de Hiouen-Thsang, p. 45.

дарями и владѣльцами всѣхъ странъ которыми предстояло ему проѣхать», заключаетъ «Біографія» обстоятельный разсказъ свой о пребываніи Сюань-цзана въ Гаочанѣ [13].

Изъ Гаочана направился онъ на западъ, и, проѣхавъ городами *Ву-буань* (Wou-pouan) и *До-цзинь* (To-ts'in), вступилъ затѣмъ въ предѣлы владѣнія *А-цзи-ни* (A-ki-ni). *До-цзинь* дѣйствительно похожъ фонетически на нынѣшній *Токсунъ* въ Турфанскомъ-Княжествѣ, съ которымъ отождествляетъ его Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ; что касается до *Ву-буань*, то, быть можетъ, названъ такъ въ «Біографіи» нынѣшній *Турфанъ*; владѣніе-же *А-цзи-ни*, безо всякаго сомнѣнія, соотвѣтствуетъ нынѣшнему *Харашар*скому-Округу, *Янь-ци* ханьскихъ и вэйскихъ временъ. Владѣніе это — первое къ Восточномъ-Туркестанѣ описаніе котораго находимъ въ собственныхъ «Запискахъ» Сюань-цзана, не упоминающихъ, по причинамъ совершенно для насъ непонятнымъ, ни о владѣніи Иву, ни даже о Гаочанѣ. Описаніе это заключается въ слѣдующемъ: «Владѣніе *О-цзи-ни* (sic) простирается отъ востока къ западу почти на 600 ли, а отъ сѣвера къ югу на 400 ли. Столица имѣетъ въ окружности отъ шести до семи ли. Со всѣхъ сторонъ опирается оно на горы. Дороги опасны и могутъ быть защищены безъ труда. Орошается множествомъ источниковъ съ горъ опоясывающихъ страну. Воду изъ нихъ проводятъ для орошенія полей. Почва благопріятна для произращенія проса, позднихъ хлѣбовъ, душистыхъ ююбъ, винограда, грушъ и сливъ. Климатъ умѣренный и пріятный. Нравы честные. Письмена употребительны заимствованныя изъ Индіи съ самыми малыми въ нихъ измѣненіями. Одежда жителей — изъ хлопка или шерсти. Волоса на головѣ обстригаютъ они вплотную, и шапокъ не носятъ (?). Монета ходитъ въ обращеніи золотая, серебряная и мелкая мѣдная. Владѣлецъ — изъ туземцевъ, храбръ, но военными

---

[13] Тамъ же.

способностями не обладаетъ, и любитъ хвастаться. Писанныхъ законовъ не имѣется: миръ и порядокъ поддерживаются и безъ ихъ помощи. Обителей (буддійскихъ) [14] считается до десятка, а духовенства (буддійскаго) до 2000, все школы Сарвастивадовъ [15], держащихся «малаго пути», но прилежащихъ и къ «переходному ученію» (doctrine graduelle). Не отличаясь отъ Индѣйцевъ, ни относительно ученія, ни правилъ дисциплины, въ самыхъ индѣйскихъ подлинникахъ и почерпаютъ они свои о томъ свѣдѣнія, обязанности-же свои соблюдаютъ съ великою ревностію и въ совершенной чистотѣ [16].

Вступивъ въ предѣлы А-цзи-ни, Сюань-цзанъ не направился прямо въ столицу этого владѣнія, а свернулъ нѣсколько съ дороги къ югу, чтобы посѣтить чудотворный источникъ «учителя А-фу», о которомъ и сообщаетъ «Біографія» довольно длинную легенду. Проведя ночь у этого источника, съ восходомъ солнца пустился онъ въ дальнѣйшій путь и «перевалилъ черезъ гору *Инь-шань*, очень высокую и очень широкую, съ богатыми серебряными рудниками, откуда и добываютъ государи Западныхъ Владѣній серебро потребное имъ чтобы чеканить монету» [17]. Извѣстіе это важно въ высшей степени, если только оно вѣрно. Но какъ-же о подобномъ замѣчательномъ обстоятельствѣ не упоминаютъ ни словомъ другіе, какъ болѣе ранніе, такъ и позднѣйшіе, источники свѣдѣній нашихъ о странѣ? Продолжая путь на западъ отъ этой горы, путешественникъ встрѣтился съ шайкою разбойниковъ, которой и по-

---

[14] Словомъ «обитель» передаемъ мы здѣсь, какъ и прежде дѣлали, какъ и впредь будемъ дѣлать, китайское *сенъ-цзя-ланъ* (съ санскритскаго *сангарама*), находя что слово это ближе къ идеѣ выражаемой сангарамою, нежели «монастырь», какъ переводятъ обыкновенно.

[15] О школѣ Сарвастивадовъ см. «Буддизмъ» В. П. Васильева, стрн. 245—252.

[16] Mémoires etc. I, 1—3.

[17] Histoire etc. p. 46—47.

платился значительно за пропускъ, несмотря на свой конвой и, какъ увидимъ сейчасъ, многочисленный торговый караванъ, съ нимъ вмѣстѣ двигавшійся. Вскорѣ за тѣмъ прибылъ онъ къ берегу рѣки при которой лежала столица, и расположился тутъ ночевать. Нѣсколько десятковъ торговцевъ, изъ числа ѣхавшихъ съ Сюань-цзаномъ, «желая прибыть въ столицу прежде другихъ товарищей своихъ, и ранѣе ихъ распродать свои товары» [18], не дождавшись утра, ночью же выбрались потихоньку изъ лагеря и пустились въ путь. Но, едва сдѣлали они десятокъ ли, какъ подверглись нападенію отъ разбойниковъ, которые ограбили ихъ до-чиста и всѣхъ перерѣзали. Когда, на слѣдующій день, Сюань-цзанъ съ сопутниками своими проѣзжалъ этимъ мѣстомъ, тутъ лежали только трупы убитыхъ. Удалившись отъ этого печальнаго зрѣлища, путешественникъ скоро увидѣлъ вдали и самую столицу къ которой направлялся. Стало-быть, кровавое дѣло разбойниковъ совершено было около самой столицы, что́ не очень рекомендуетъ тогдашніе порядки въ странѣ. Такое положеніе вещей, свидѣтельствующее о безсиліи мѣстныхъ властей, нерѣдкость впрочемъ и нынѣ въ иныхъ краяхъ Мусульманской Азіи. Во всякомъ случаѣ, происшествіе это не помѣшало мѣстному владѣльцу вытти на встрѣчу къ Сюань-цзану съ своими сановниками, и отвести ему помѣщеніе въ собственномъ дворцѣ. Но при этомъ, питая вражду къ сосѣднимъ Гаочанцамъ за вторженія ихъ въ его зѐмли при предшествовавшихъ ему владѣтеляхъ, не хотѣлъ онъ дать лошадей путешественнику и его гаочанской свитѣ [19].

Переночевавъ въ резиденціи а-цзи-ні'йскаго владѣльца, Сюань-цзанъ, въ дальнѣйшемъ пути сначала къ югу-западу а потомъ на западъ, «переправился черезъ большую рѣку, которую переходилъ уже разъ» [20]. Тутъ, конечно,

---

[18] Тамъ же, стр. 48.

[19] Тамъ же.

[20] Такъ по «Біографіи» (Histoire etc. p. 39). «Описаніе» говоритъ: «переправился черезъ двѣ рѣки» (Mémoires etc. I, 3).

разумѣется рѣка *Хайду*, черезъ которую Сюань-цзанъ переправлялся впервые до впаденія ея въ Босту-норъ, а потомъ — по истокѣ ея изъ этого озера, какъ это приходится дѣлать и теперь ѣдущимъ изъ Турфана въ Кучу. Послѣ 200 ли, или около того, въ юго-западномъ направленіи, поворотилъ путешественникъ прямо на западъ, и, слѣдуя равниною, черезъ 700 ли прибылъ во владѣніе *Цзюй-чжи* (Kiu-tchi).

Въ «Запискахъ» владѣніе это — нынѣшняя *Куча* — описывается такимъ образомъ: «Отъ востока къ западу простирается на 1000 ли, отъ сѣвера къ югу на 600 ли. Столица имѣетъ въ окружности отъ 17 до 18 ли. Почва благопріятна для проса и пшеницы. Кромѣ того, произращаетъ страна рисъ, виноградъ, гранаты, и большое количество грушъ, сливъ, персиковъ и миндалю. Въ рудникахъ добываютъ золото, мѣдь, желѣзо, свинецъ и олово. Климатъ мягкій. Нравы чистые и честные. Письмена, заимствованныя изъ Индіи, употребляются съ небольшими въ нихъ измѣненіями. Въ игрѣ на флейтѣ и на гитарѣ музыканты этой страны искуснѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ. Жители одѣваются въ шелковыя съ узорами ткани или въ грубыя шерстяныя. Волоса обстригаютъ вплотную и носятъ шапки. Монета обращается въ странѣ золотая, серебряная и мелкая мѣдная. Владѣлецъ — изъ туземцевъ. Онъ не отличается способностями и разсудительностію, и находится въ рукахъ своихъ министровъ. Когда родится ребенокъ, ему сплющиваютъ голову, придавливая дощечкою. Обителей насчитывается до сотни, а шамыней до 5000, все школы Сарвастивадовъ, придерживающихся «малаго пути». Весьма уважается и «переходное ученіе». Книги религіозныя у нихъ изъ Индіи, и читаютъ ихъ въ подлинникахъ. Жизнію отличаются чистою и строгою, и ревностно упражняются въ благочестіи» [21].

---

[21] Mémoires etc. I, 3—4.

Встрѣченный, съ приближеніемъ къ столицѣ, самимъ владѣльцемъ въ сопровожденіи высшихъ сановниковъ, самаго уважаемаго изъ мѣстныхъ богослововъ, и многихъ тысячъ духовенства, съ особымъ почетомъ, весь первый день пребыванія своего тамъ провелъ Сюань-цзанъ въ посѣщеніи мѣстныхъ обителей, и ночевалъ въ той гдѣ поселились преимущественно Гаочанцы. На слѣдующій день посѣтилъ онъ монастырь гдѣ жилъ помянутый богословъ, по-имени Мокшагупта, и имѣлъ съ нимъ ученое состязаніе, въ которомъ совершенно поразилъ эту мѣстную знаменитость, неожиданно найдя себѣ пособника въ дядѣ владѣльца, поступившемъ въ монашество и также занимавшемся дѣломъ учительства. Состояніе тропинокъ въ горахъ которыми предстояло ѣхать отсюда Сюань-цзану, не позволяло между тѣмъ двинуться въ путь, почему прожилъ онъ въ Кучѣ цѣлые два мѣсяца, посѣщая окрестныя обители прославленныя чудесами или искусными изваяніями Будды. Два такихъ изванія, каждое въ 90 футовъ высотою, видѣлъ онъ помѣщенными по обѣимъ сторонамъ дороги изъ западныхъ воротъ города. Передъ кумирами этими простиралась обширная площадь назначенная для «великихъ сборищъ» происходившихъ здѣсь разъ въ пять лѣтъ [22]. Сюда каждою осенью собирались также «на многіе десятки дней» духовные изъ другихъ владѣній: въ это время, отъ государя до простолюдина, всѣ оставляли обычныя занятія, предавались посту, и проводили дни въ слушаніи поученій и объясненій на «Законъ».

Въ числѣ религіозныхъ обычаевъ страны, упоминается также, что «во всѣхъ обителяхъ кумиръ Будды украшаютъ драгоцѣнными камнями, облекаютъ въ парчевыя одежды, и возятъ затѣмъ торжественно на колесницѣ, въ сопровожденіи цѣлыхъ тысячъ духовенства» [23].

---

[22] Установленіе пятилѣтнихъ сборищъ этихъ, по-санскритски *панчаварша*, приписывается еще царю Ашокѣ.

[23] Histoire etc. pp. 49—53; Mémoires etc. I, 3—10.

Въ день отъѣзда, владѣлецъ, снабдивъ Сюань-цзана прислугою, верблюдами и лошадьми, проводилъ его изъ города со всѣми жителями послѣдняго, свѣтскими и духовными. Черезъ два дня пути къ западу, путешественникъ встрѣтился съ разбойничьею шайкою, почти изъ 2000 конныхъ Турокъ, которые только-что ограбили передъ тѣмъ купеческій караванъ, и при раздѣлѣ добычи перессорились, передрались и разсѣялись. Послѣ 600 ли пути и проѣзда небольшою песчаною степью, прибылъ онъ во владѣніе *Ба-лу-цзя* (Ba-lou-kia), о которомъ сообщается въ «Запискахъ»: «Отъ востока къ западу тянется на 600 ли, а отъ сѣвера къ югу на 300 ли, столица-же имѣетъ въ окружности отъ 5 до 6 ли. Произведеніями земли, климатомъ, характеромъ и обычаями жителей похоже оно на предшествующее Цзюй-чжи; одинаковы въ обоихъ и письмена, но языкъ нѣсколько различенъ. Производитъ хлопокъ и шерсть замѣчательной тонины, весьма цѣнимые въ сосѣднихъ владѣніяхъ. Обителей нѣсколько десятковъ, а шамыней до тысячи, все школы Сарвастивадовъ, слѣдующей «малому пути» [24].—Балуцзя, по *Дай-цинь-и-тунъ-чжи*, соотвѣтствуетъ *Гумо* ханьскихъ временъ [25]. Такъ оно и приходится. Здѣсь путешественникъ останавливался лишь на одну ночь. Затѣмъ, продолжая путь, черезъ 300 ли въ сѣверо-западномъ направленіи достигъ каменистой степи, по переходѣ черезъ которую сталъ подыматься на *Линъ-шань*, «Ледяную-Гору» [26].

Гора эта или, правильнѣе, горы описываются въ «Біографіи» весьма высокими: «съ начала міра, снѣга здѣсь накопившіеся обратились въ ледяныя глыбы, которыя не таютъ ни весною, ни лѣтомъ. Гладкія поля твердаго и блестящаго льда тянутся въ безпредѣльность и сливаются

---

[24] Тамъ же.

[25] Journal Asiatique, 4-me série, t. VIII, p. 244.

[26] Histoire etc. p. 53.

съ облаками. Путь пролегаетъ нерѣдко между нависшими съ обѣихъ сторонъ ледяными пиками, и черезъ высокія ледяныя массы. Проходятъ этими льдами съ тяжкимъ трудомъ и большими опасностями, подъ постоянными порывами пронзительнаго вѣтра и снѣжнаго вихря, такъ-что даже въ теплыхъ сапогахъ и мѣховомъ платьѣ, стужа пронимаетъ до костей. Нѣтъ сухаго мѣста чтобы прилечь или поѣсть. И пищу варить, и спать, приходится на льду» [27]. Пускающимся въ этотъ путь «Описаніе» рекомендуетъ слѣдующія предосторожности: не надѣвать на себя ничего краснаго, не имѣть при себѣ тыквенницы, и не кричать громко: при нарушеніи котораго либо изъ этихъ условій, подымается внезапно вихрь, крутитъ песокъ и камни, и засыпаетъ ими неосторожныхъ [28].

Семь дней пробирался Сюань-цзанъ этими горами, пока не вышелъ къ озеру *Цинъ-чжи* (Thsing-tchi); тринадцать или четырнадцать изъ его сотрудниковъ погибли на этой дорогѣ отъ голода и холода; быковъ и лошадей пало еще болѣе. По «Описанію», длина пути Линъ-шан'емъ простирается до 400 ли [29]. Ясно, что изъ Гумо отправился Сюань-цзанъ, минуя Аксу, къ той части Тхяньшаня которая и теперь именуется *Мусуръ-Дабан*'омъ, «Ледяными-Горами,» поднялся на этотъ хребетъ, перевалилъ черезъ него извѣстнымъ Заукинскимъ - Проходомъ, и затѣмъ вышелъ къ южному берегу озера Иссыкуля. Значитъ, въ Гумо свернулъ онъ съ «сѣверной дороги» которою слѣдовалъ дотолѣ отъ Иву, и которая вела далѣе на Кашгаръ; свернулъ потому, что ѣхалъ къ хану Западныхъ Турковъ, который кочевалъ на равнинахъ Семирѣчья къ сѣверу отъ Мусуръ-Дабана; къ хану-же этому нужно было съѣздить на поклонъ затѣмъ чтобы заручиться его покровительствомъ для безпрепят-

---

[27] Тамъ же, стр. 53—54.

[28] Mémoires etc. I, 11.

[29] Histoire etc. p. 54; Mémoires etc. I, 11.

ственнаго проѣзда всѣми владѣніями до Индіи, подчинявшимися тогда его власти.

Таковъ былъ передній путь Сюань-цзана по Восточному-Туркестану, и таковы свѣдѣнія объ этой странѣ которыми обязаны мы этому случаю. Обратно въ отечество, послѣ 15-ти-лѣтняго пребыванія въ Индіи, ѣхалъ онъ уже «южною дорогою», въ предѣлы Восточнаго-Туркестана спустившись съ Памирской-Выси во владѣніи *Цѣ-бань-до* (Khie-pan-to) или *Го-бань-до* (Ko-pan-to).

Отъ середины той долины на Памирѣ гдѣ находится озеро изъ котораго съ западной стороны вытекаетъ, по Сюань-цзану, рѣка *Бо-цзу* (Po-tsou), т. е. Оксъ, а съ восточной — кашгарское верховье рѣки Тарима, полагается до Гобаньдо около 500 ли пути въ направленіи, по «Біографіи», къ востоку, по «Описанію»-же — къ юго-востоку. О самомъ владѣніи Гобаньдо сказывается въ послѣднемъ, что «оно имѣетъ около 2000 ли въ окружности. Столица построена въ широкомъ горномъ проходѣ, на склонѣ высокой горы обтекаемой сзади, съ сѣвера, рѣкою *Си-до* (Si-to), и простирается въ окружности до 20 ли. Горы тянутся тутъ непрерывными цѣпями, долины и плоскія пространства весьма узки. Рису собирается немного, но пшеница и овощи произрастаютъ въ обиліи. Лѣсная растительность не густа, цвѣты и плоды рѣдки. Населеніе по городамъ и селеніямъ также крайне жидкое. Нравы грубые. Книжнымъ дѣломъ занимаются немногіе. Характера суроваго и горячаго; смѣлы и мужественны. Наружность имѣютъ некрасивую и неблагородную. Одежду носятъ шерстяную. Языкъ и письмена весьма сходны съ кашгарскими (Цзѣ-ша). Откровенны и усердно чтутъ Законъ Будды. Обителей около десятка съ 500 шамыней школы Сарвастивадовъ, держащихся «малаго пути». Государь тамъ властвующій — человѣкъ отъ природы чистый и нравственный; наружность его покойная и отличается достоинствомъ; характеромъ твердъ, прилеженъ къ Ученію, и чтитъ «три драго-

цѣнности» [30]. Съ основанія этого государства много лѣтъ протекло. Титулъ государя — *чина-дева-готра*, т. е. «китайско-божественный потомокъ» [31]. Засимъ, въ объясненіе этого титула, приводится легенда, по которой первый владѣлецъ страны родился отъ китайской царевны, невѣсты государя персидскаго (Po-li-sse). На пути изъ отечества въ Персію царевна должна была остановиться въ этихъ мѣстахъ, и забеременѣла отъ спускавшагося къ ней въ лучахъ солнца божественнаго всадника. Плодомъ этихъ посѣщеній явился ребенокъ, летавшій по воздуху и обладавшій другими чудесными способностями. Придя въ возрастъ, онъ далеко простеръ власть свою, подчинивъ себѣ, и сосѣдей, и государей чужестранныхъ; а когда умеръ, въ глубокой старости, его похоронили въ пещерѣ большой горы что́ около ста ли на юго-востокъ отъ столицы; тамъ, сказывали путешественнику, трупъ его не сгнилъ, а высохъ, и на трупѣ этомъ время отъ времени перемѣняютъ одежду, постоянно окружая его душистыми цвѣтами. Далѣе въ «Описаніи» читаемъ что члены царствующей фамиліи походятъ наружностью на жителей Китая, но одежду носятъ туземную, а на головѣ — четвероугольныя шапки; что потомство перваго владѣльца обезсилило со временемъ и подверглось гнету отъ сильныхъ царей; что царь Ву-ю (Wou-yeou, т. е. Ашока), во время славы своей, воздвигъ здѣсь ступу середи самаго дворца владѣтелей, а впослѣдствіи, одинъ изъ нихъ, устроивъ себѣ другое жилище, воздвигъ на мѣстѣ стараго дворца новую, великолѣпную обитель, назначенную имъ для жилья высокочтимому Тонъ-шеу, основателю школы Саутрантиковъ, одному изъ «четырехъ солнцъ» буддійской мудрости, украшавшихъ

---

[30] По-санскритски *триратна*. Три сокровища эти суть: самъ Будда, его ученіе, и духовенство проповѣдующее это ученіе.

[31] Ст. Жюльенъ переводитъ этотъ титулъ: descendant de la Chine et d'un dieu.

міръ своимъ существованіемъ при этомъ владѣтелѣ [32]. Тонъ-шеу проживалъ въ царствѣ Такшасила, и, чтобы добыть его оттуда, легенда не затруднилась заставить владѣльца гобаньдоскаго предпринять побѣдоносный походъ въ Пенджабъ [33]. Въ томъ же, Гобаньдо'скомъ, владѣніи, около 300 ли къ юго-востоку отъ столицы, есть, сказывали путешественнику [34], двѣ пещеры высѣченныя въ скалѣ, и въ каждой изъ нихъ по архану въ сидячемъ положеніи, погруженному въ восторженное забытье: болѣе семисотъ лѣтъ сидятъ они такимъ образомъ, не подвергаясь смерти и гніенію; волосà на головѣ и бородѣ продолжаютъ расти у нихъ, почему каждогодно брѣютъ ихъ и перемѣняютъ имъ одежду. Наконецъ, въ томъ же владѣніи находится, по «Описанію», въ пустынной и опасной для путниковъ и торговцевъ мѣстности среди горъ, особаго рода благотворительный пріютъ (*пунья-сала* по-санскритски, *фо-ше* по-китайски), гдѣ путники эти и торговцы могли получать даромъ все для нихъ нужное. До существованія означеннаго пріюта — гласила легенда — на мѣстѣ этомъ погибъ нѣкогда, отъ вихря и снѣга, огромный торговый караванъ

---

[32] Три прочіе солнца были: Ашвагоша, Нагарджуна и Дева (Арьядева). Тонъ-шеу китайское считаетъ Ст. Жюльенъ переложеніемъ санскритскаго Кумараджива (въ «Біографіи») или Кумаралабда (въ «Описаніи»); но главнымъ представителемъ школы Саутрантиковъ считается Васубанду, котораго потому и слѣдовало бы понимать здѣсь подъ Тонъ-шеу, если-бы Сюань-цзанъ, много разъ упоминая о Васубанду, не называлъ его по-китайски постоянно Ши-цинъ (Chi-thsin). Впрочемъ, въ одномъ изъ расказовъ, Васубанду именуется у него также и Ши-ю (Chi-yeou). См. Mémoires etc. 1, 75.

[33] Ибо царство Такшасила, Taxila Арріана, находилось въ предѣлахъ нынѣшняго Пенджаба, и столицею своею имѣло, какъ полагаетъ Вивьенъ де-Сенъ-Мартэнъ, мѣстность въ окрестностяхъ нынѣшняго города Хасанъ Абдал'а. См. Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres, t. V, 2-me partie, pp. 252—253.

[34] Такъ выходитъ по «Біографіи»; по «Описанію-же» Сюань-цзанъ лично посѣщалъ пещеры о которыхъ идетъ рѣчь. Мы думаемъ что «Біографія» правà, а «Описаніе» ошибается.

въ которомъ было до десяти тысячь народу и многія тысячи верблюдовъ. Чтобы такая же участь не могла постигнуть впредь и другихъ, арханъ, проживавшій тогда въ Гобаньдо, собралъ товары и другія другоцѣнности принадлежавшія погибшимъ, распродалъ ихъ, и на пріобрѣтенныя такимъ образомъ деньги выстроилъ означенный пріютъ и обеспечилъ его существованіе [35]. Не объ этомъ-ли самомъ пріютѣ идетъ рѣчь и у Птоломея подъ названіемъ «убѣжища (ormeterion) для отправляющихся торговать къ Серамъ» (Географія, кн. VI, гл. 13)? Убѣжище это, по тому положенію которое даетъ ему Птоломей — подъ 140° В.Д. и 43° С.Ш. — должно было, по нашему толкованію Птоломея (выше, стрн. 62), находиться въ западныхъ предѣлахъ Восточнаго-Туркестана, слѣдовательно тамъ же гдѣ и Сюань-цзанъ помѣщаетъ упоминаемый имъ пріютъ. Но мы высказали что торговцы, замѣтками которыхъ руководствовался александрійскій географъ, ходили въ Серику вѣроятно «сѣверною дорогою», черезъ Ферганскую-Долину (выше, стрн. 62), Сюань-цзановъ-же «пріютъ» находился во владѣніи Гобаньдо, значитъ на «южной дорогѣ»: слѣдовательно, едва-ли этотъ «пріютъ» можетъ быть тождественъ съ «убѣжищемъ» Птоломея. Но весьма возможно что «пріютъ» подобный тому о которомъ говоритъ Сюань-цзанъ, находился гдѣ-нибудь и на «сѣверной дорогѣ».

Гобаньдо Сюань-цзана несомнѣннымъ образомъ тождественно съ *Ханьбаньдо* Сонъ-юня, которое признали мы за *Уто* ханьскихъ временъ, нынѣшній *Ташкурганъ* (выше, стрн. 119). Изъ этого владѣнія, проведя въ немъ около 20 дней, отправился Сюань-цзанъ, по «Описанію» на востокъ; по «Біографіи-же», направился онъ сначала на сѣверо-западъ, и лишь послѣ пяти слишкомъ дней пути повернулъ на востокъ. Полагаемъ что въ «Біографіи», сѣверо-западъ должно считать тутъ опискою, вмѣсто

---

[35] Histoire etc. pp. 273—274; Mémoires etc. II, 209—216.

сѣверо-востокъ. По тому и другому источнику, сдѣлавъ около 800 ли по труднымъ и опаснымъ горнымъ дорогамъ при суровой стужѣ, выбрался онъ изъ Цунлина, и прибылъ во владѣніе *У-ша*. Отсюда, черезъ 500 ли въ направленіи къ сѣверу, достигъ Сюань-цзанъ до *Цзѣ-ша* (Kie-cha), т. е. до Кашгара, а изъ Кашгара, направивъ путь на юго-востокъ, черезъ 500 ли доѣхалъ до рѣки *Си-до* (Яркянь-дарья), и, по переправѣ черезъ нее, прибылъ скоро въ *Чжо-гэу-цзя* (Tcho-keou-kia), какъ, несомнѣннымъ образомъ, называется у него Яркянь. По этому маршруту, одинаковому какъ въ «Біографіи» такъ и въ «Описаніи», путешественникъ нашъ, направляясь въ отечество изъ владѣнія Гобаньдо, сдѣлалъ значительный крюкъ: поѣхалъ изъ Гобаньдо не прямо на Хотанъ, а свернулъ на Кашгаръ, и уже изъ Кашгара пріѣхалъ въ Хотанъ черезъ Яркянь. Хотя такой крюкъ со стороны путешественника какъ Сюань-цзанъ не представляетъ ничего невѣроятнаго, тѣмъ-не-менѣе намъ сдается что онъ лично, ни въ Кашгарѣ, ни даже въ Яркяни, не былъ, а описываются у него оба эти владѣнія на-равнѣ со многими другими которыхъ онъ также не посѣщалъ. Прибывши изъ Гобаньдо въ У-ша, отсюда, полагаемъ мы, отправился онъ, нисколько на сѣверъ не сворачивая, прямо на юго-востокъ, въ Хотанъ. Предположеніе это основываемъ мы на слѣдующихъ подробностяхъ объ У-ша въ «Описаніи»: «Владѣніе это имѣетъ въ окружности около 1000 ли, а окружность столицы равняется десятку ли. Къ югу сосѣдитъ оно съ рѣкою *Сидо*. Почва, жирная и плодородная, даетъ богатыя жатвы. Лѣсная растительность роскошна. Цвѣты и плоды въ обиліи. Добывается много *юй* разныхъ сортовъ, именно бѣлаго, чернаго и зеленаго цвѣта. Климатъ умѣренный. Вѣтры и дожди приходятъ своевременно. Нравы мало умѣрены кротостію религіи. Характеръ жителей жесткій и суровый. Весьма склонны къ обманамъ и мошенничеству, и рѣдкіе стыдятся порока. Наружность имѣютъ некрасивую и не-

благородную. Для одежды употребляютъ кожу и шерстяныя ткани. Въ Ученіе Буддійское вѣруютъ твердо и соблюдаютъ его съ уваженіемъ. Письмена и языкъ сходны нѣсколько съ кашгарскими (Цзѣ-ша). Обителей будетъ съ десятокъ, а шамыней менѣе тысячи, все школы Сарвастивадовъ, держащихся «малаго пути». Нѣсколько сотъ лѣтъ уже, какъ владѣльческій родъ здѣсь прекратился, и страна находится въ зависимости отъ Гобаньдо» [36].— Принимая во вниманіе что У-ша сосѣдитъ къ югу съ рѣкою Сидо, а индѣйскимъ именемъ этимъ (Sîtâ) называется постоянно у Сюань-цзана Яркянь-дарья, не могу я теперь считать У-ша ни за что иное, кромѣ *Цзыхэ* ханьскихъ временъ и Фасянева путешествія. *Ингашару* (*Янгышегру*), какъ полагаетъ Вивьенъ де-Сенъ-Мартэнъ (съ которымъ соглашался я прежде: вып. перв. стр. 498), У-ша соотвѣтствовать не можетъ, потому-что Ингашарскій-Округъ не сосѣдитъ къ югу съ Яркянь-дарьею. Ст. Жюльенъ, основываясь единственно на сходствѣ звуковъ, отождествляетъ *У-ша* съ городомъ *Ушъ* въ Ферганской-Долинѣ. Но это никакъ не клеится, ни съ маршрутомъ Сюань-цзана, допуская даже что онъ посѣщалъ Кашгаръ (ибо послѣдній показывается въ маршрутѣ къ сѣверу отъ У-ша), ни съ тѣмъ обстоятельствомъ что У-ша сосѣдило къ югу съ рѣкою Сидо, не говоря уже о другихъ, какъ на-примѣръ, о зависимости У-ша отъ Гобаньдо, никоимъ образомъ не мыслимой при тождественности У-ша съ Ушемъ.

Посѣтилъ-ли Сюань-цзанъ Кашгаръ и Яркянь, или, какъ полагаемъ мы, направился онъ изъ У-ша прямо въ Хотанъ, во всякомъ случаѣ извѣстія о Кашгарѣ и Яркяни встрѣчаемыя въ «Описаніи» не могутъ быть пройдены у насъ молчаніемъ.

«Владѣніе *Цзѣ-ша* (Kie-cha) — читаемъ въ «Описаніи» — имѣетъ около 5000 ли въ окружности. Тамъ много

---

[36] Mémoires etc. II, 216—217.

песчаныхъ степей, а земель способныхъ къ воздѣлыванію мало. Тѣмъ-не-менѣе страна эта даетъ обильныя жатвы и богата, какъ цвѣтами, такъ и плодами. Вывозятъ оттуда войлокъ и сукна превосходнаго качества, а равно и тонкіе ковры искусной работы. Климатъ мягкій и умѣренный, вѣтры и дожди бываютъ своевременно. Жители характера горячаго и суроваго, преданы обману и мошенничеству, о соблюденіи нравственныхъ обязанностей не заботятся. Наружность имѣютъ пошлую и неблагородную. Зрачки у нихъ зеленые. Тѣло раскрашиваютъ. Новорожденнымъ въ обычаѣ приплющивать голову. Письмена употребляютъ составленныя по образцу индѣйскихъ, языкъ-же у нихъ свой, отличный отъ языковъ въ другихъ владѣніяхъ. Книжнымъ дѣломъ занимаются мало, но въ законъ Будды вѣруютъ искренно и съ ревностію упражняются въ добродѣтели. Обителей въ странѣ многія сотни, и въ нихъ до десяти тысячь шамыней, все школы Сарвастивадовъ, держащихся «малаго пути». Многіе знаютъ наизусть священныя книги, но въ смыслъ ихъ не углубляются» [37].

О владѣніи *Чжо-гэу-цзя* (Tcho-keou-kia) узнаёмъ изъ «Описанія» что путь туда изъ Кашгара (Цзѣ-ша) лежитъ на протяженіи 500 ли на юго-западъ, затѣмъ переправляются черезъ рѣку Сидо, и наконецъ проходятъ длиннымъ песчанымъ ущельемъ между горъ. Далѣе говорится: «Владѣніе это имѣетъ въ окружности около тысячи ли, а столица, около десяти ли окружностію, обведена твердыми и высокими стѣнами. Народонаселеніе многочисленно. Страна гориста и холмиста. Много пространствъ покрытыхъ песками и дресвою. Соприкасается къ двумъ рѣкамъ. Земледѣліе и садоводство процвѣтаютъ. Въ-особенности много винограду, грушъ и сливъ. Вѣтры и холода́ случаются во всѣ времена года. Жители—характера вспыльчиваго и жестокаго, только и думаютъ о томъ ка̀къ-бы смошенничать и

---

[37] Тамъ же, II, 219—220.

обмануть, воруютъ и грабятъ даже днемъ. Письмена такія же какъ въ Хотанѣ (Цзю-са-да-на), но языкъ отличенъ отъ хотанскаго. На приличія и нравственныя правила мало обращаютъ вниманія. Книжное дѣло тоже не въ большомъ ходу. Въ «три драгоцѣнности» вѣруютъ однакожъ искренно и охотно упражняются въ добродѣтели. Обителей нѣсколько десятковъ, но бо́льшею частію въ развалинахъ; шамыней въ нихъ до сотни: занимаются изученіемъ «великаго пути». Тексты относящіеся къ этому предмету многочисленнѣе здѣсь чѣмъ гдѣ-либо, и куда ни проникало ученіе Будды, нигдѣ занятія Магаяною не процвѣтали въ такой степени какъ въ этой странѣ. Магаяническихъ текстовъ имѣется здѣсь десять сборниковъ, каждый во 100,000 шлокъ [38]. Здѣсь же, на южныхъ границахъ владѣнія, находится великая гора со множествомъ въ ней пещеръ, келлій и нишей, высѣченныхъ въ скалахъ. Многіе изъ подвижниковъ въ Индіи, достигшихъ степени архана, переносились оттуда чудодѣйственною силою своею, по воздуху, чтобы опочить здѣсь; тутъ многіе переходили и въ нирвану. Почему и ступъ здѣсь водвигнуто большое число. Да и въ настоящее время находятся въ пещерахъ этой горы три архана погруженныхъ въ восторженное забытье; тѣла́ ихъ имѣютъ исхудалый видъ, а волосы на головѣ и бородѣ продолжаютъ расти, почему время-отъ-времени подстригаютъ ихъ» [39]. — Полагаемъ что буддійская Ѳиваида, о которой идетъ рѣчь, есть таже самая мѣстность о которой, въ описаніи Гобаньдо'скаго Владѣнія (выше, стр. 140), сказано что находится она въ 300 ли на юго-востокъ отъ столицы этого владѣнія. Арханы, тамъ упоминаемые, по всей вѣроятности, суть тѣ же самые о которыхъ и здѣсь говорится.

---

[38] Такъ по «Описанію»; въ «Біографіи»-же читаемъ: «многіе десятки сборниковъ, содержащіе въ себѣ 100,000 шлокъ».

[39] Mémoires etc. II, 221—223; Histoire etc. pp. 277—278.

Цзю-са-да-на (Хотанъ), куда пріѣхалъ Сюань-цзанъ изъ У-ша, какъ мы полагаемъ, или изъ Чжо-гэу-цзя (Яркяни), какъ значится въ «Біографіи» и въ «Описаніи», показывается въ 800 ли разстоянія отъ послѣдней. Тамъ и тутъ о владѣніи этомъ сказывается что въ «окружности имѣетъ оно около 4000 ли. Бо́льшая часть его состоитъ изъ песчаныхъ и дресвянистыхъ равнинъ; остальное пространство способно къ произращенію зерновыхъ растѣній и производитъ въ обиліи всякаго рода плоды. Отсюда получаются шерстяные ковры, тонкія кошмы, искусно вытканныя тафты и, кромѣ того, бѣлаго и чернаго цвѣта *юй* Климатъ умѣренный и пріятный, но нерѣдко бушуютъ вихри подымающіе облака пыли и песку. Жители вѣжливы, честны и соблюдаютъ въ обращеніи приличія, много отличаясь этимъ отъ другихъ варваровъ. Характера кроткаго и почтительнаго. Любятъ книжное занятіе и искусны въ промыслахъ. Живутъ богато и въ веселіи, довольные судьбою. Очень любятъ музыку, также какъ пѣніе и пляску. Шерстяную и мѣховую одежду носятъ немногіе; бо́льшая часть одѣвается въ тафты и бѣлое сукно (?). Письмена употребляютъ индѣйскія, съ легкими въ нихъ передѣлками. Языкъ имѣютъ собственный, отличный отъ языковъ въ другихъ владѣніяхъ. Законъ (Будды) чтятъ съ усердіемъ. Обителей будетъ до сотни, шамыней до пяти тысячь; занимаются изученіемъ «великаго пути». Государь теперешній, храбрый, разумный, воинственный, оказываетъ великое уваженіе къ Ученію (буддійскому). Родъ свой производитъ отъ бога Би-ша-мын'я (Pi-cha men)» [40]. Въ объясненіе этого происхожденія слѣдуетъ легенда, изложенная уже (вып. перв. стр. 63—64) у Риттера.

Вступивъ въ предѣлы Хотанскаго-Владѣнія, Сюань-цзанъ прибылъ тотчасъ же въ городъ *Бо-цзя-и* (Po-kia-i), славившійся кумиромъ Будды въ стоячемъ положеніи [41],

---

[40] Mémoires etc. II, 223—224; Histoire etc. p. 278.

[41] Такъ по «Біографіи»; по «Описанію-же», въ сидячемъ положеніи.

вышиною въ 7 футовъ, съ шапкою на головѣ украшенною драгоцѣнными камнями. Мѣстное преданіе, приводимое путешественникомъ, гласило что кумиръ этотъ, вывезенный изъ Кашмира однимъ хотанскимъ государемъ который предпринималъ походъ туда, остановился, по прибытіи въ хотанскіе предѣлы, въ означенномъ городѣ Боцзя-и, и не хотѣлъ двигаться оттуда далѣе, почему тѣмъ государемъ тутъ же сооружена была часовня надъ этимъ кумиромъ, а самому кумиру принесена имъ въ жертву драгоцѣнная шапка съ собственной головы, которою онъ особенно дорожилъ [42]. — Узнавъ о прибытіи знаменитаго путешественника въ предѣлы Хотана, владѣтель этой страны выѣхалъ на встрѣчу къ нему въ Бо-цзя-и, и затѣмъ съ музыкою и цвѣтами встрѣтилъ его еще разъ при въѣздѣ въ столицу, гдѣ Сюань-цзанъ и помѣстился въ одной обители Сарвастивадовъ. Передъ тѣмъ, переправляясь еще черезъ рѣку Индъ, путешественникъ нашъ утратилъ при этомъ случаѣ часть священныхъ книгъ собранныхъ имъ въ Индіи; заботясь о возможномъ пополненіи этой потери, онъ, тотчасъ по прибытіи въ Хотанъ, отправилъ нарочныхъ отыскивать экземпляры означенныхъ книгъ въ Цзюй-чжи (Кучу) и Судэ (Кашгаръ) [43], и послалъ съ однимъ гаочанцемъ, отправлявшемся на родину при купеческомъ караванѣ, письмо къ государю Гаочана,

---

[42] Histoire etc. pp. 279—281; Mémoires etc. II, 230—232.

[43] Въ этомъ обстоятельствѣ видимъ мы подтвержденіе высказанному нами выше предположенію что Сюань-цзанъ не посѣщалъ лично Кашгара: иначе, нужныя ему книги пріобрѣлъ-бы онъ въ этомъ владѣніи въ-продолженіе своего тамъ пребыванія. Къ числу противорѣчій между «Описаніемъ» и «Біографіею», свидѣтельствующихъ о путаницѣ касательно того когда и гдѣ былъ, или не былъ, Сюань-цзанъ, относится и то, что въ «Описаніи» о городѣ Боцзяи сказывается будто Сюань-цзанъ ѣздилъ туда нарочно изъ столицы хотанской (Mémoires etc., II, 230), тогда-какъ по «Біографіи» видно что Боцзяи посѣщенъ былъ имъ на пути къ этой столицѣ изъ Яркяни (Чжо-гэу-цзя; см. Histoire etc. p. 279), или, по-нашему, на пути изъ У-ша, тотчасъ по вступленіи въ предѣлы Хотанскаго-Владѣнія.

*

увѣдомляя его о прибытіи своемъ Хотанъ. Отвѣтъ на это письмо пришелъ не ранѣе какъ мѣсяцевъ черезъ восемь, почему все это время путешественникъ оставался въ Хотанѣ. Государь Гаочана, въ отвѣтѣ своемъ, писалъ, между прочимъ, что для облегченія путешественнику пути его, «предписалъ властямъ Дунь-хуан'а выступить на встрѣчу къ нему въ «Сыпучіе-Пески», а владѣльца шаньшаньскаго пригласилъ выѣхать для тогоже въ Цзюймо (Tsiu-mo) [44]. Получивъ это увѣдомленіе, Сюань-цзанъ немедленно собрался въ дорогу, причемъ отъ владѣльца хотанскаго снабженъ былъ съѣстными и другими припасами.

Въ-продолженіе долговременнаго пребыванія своего въ столицѣ Хотана, путешественникъ нашъ посѣтилъ, вѣроятно, по крайней мѣрѣ ближайшія ея окрестности, замѣчательныя по отношенію къ буддійской святынѣ. Въ числѣ такихъ «Описаніе» и «Біографія» упоминаютъ о большой обители въ 10 ли къ югу отъ столицы, построенной первымъ государемъ хотанскимъ, принявшимъ Буддійское Ученіе, въ честь архана Билучжен'я (Вайрочаны), перваго принесшаго это ученія изъ Кашмира въ Хотанъ [45]. Легенду связанную съ этимъ событіемъ, знаемъ мы уже изъ Сонъ-юн'ева путешествія (вып. перв. стрн. 57—58, и 344—345). Кромѣ того, въ «Описаніи» встрѣчаемъ легенды и о нѣкоторыхъ другихъ обителяхъ и замѣчательныхъ мѣстностяхъ въ разныхъ частяхъ Хотанскаго-Владѣнія, съ которыми мы также знакомы уже по Риттеру, заимствовавшему ихъ изъ Histoire de la ville de Khotan, куда попали онѣ безъ сомнѣнія изъ тогоже Сюань-цзана. Таковы: легенда о сангарамѣ въ 10 ли на юго-западъ отъ столицы, со статуею Будды изъ Цзюй-чжи (Кучи); легенда о горѣ Гошринга, въ 20 ли на юго-западъ отъ столицы, съ арха-

---

[44] Histoire etc. pp. 281, 284—285 и 288.

[45] Mémoires etc. II, 227—229.

номъ погруженнымъ въ восторженное забытье, и кумиромъ Будды во храмѣ у этой горы, испускающимъ лучезарное сіяніе; легенда о сангарамѣ въ 50—60 ли на югъ отъ столицы, построенной китайскою царевною водворившею въ Хотанѣ шелководство; легенда о храмѣ въ 150—160 ли на западъ отъ столицы, построенномъ въ честь крысъ спасшихъ страну отъ нашествія Хунновъ (Хунъ-ну); легенда о рѣкѣ въ 100 ли на юго-востокъ отъ столицы, куда кинулся, для спасенія страны отъ безплодія, одинъ хотанскій министръ патріотъ [46] (вып. перв. стрн. 67 — 75 и 357—362); и наконецъ легенда, по чему-то не переданная въ подробности Риттеромъ, но также попавшая въ сборникъ свѣдѣній о Хотанѣ переведенный Абель-Ремюзою, легенда объ обители въ 50—60 ли на западъ отъ столицы, съ высокою внутри ея ступою, которую арханъ, проживавшій въ этой обители, поднялъ разъ и поставилъ къ себѣ на ладонь, а затѣмъ опустилъ на прежнее мѣсто, нисколько не повредивъ сооруженія [47].

Выступивъ изъ столицы Хотана въ остальной предстоявшій ему путь, Сюань-цзанъ, черезъ 300 ли къ востоку, встрѣтилъ обширное, безо всякой поросли, пространство съ почвою темнобураго цвѣта, вслѣдствіе того, какъ сказывали ему, что здѣсь происходилъ нѣкогда страшный бой между многочисленными войсками Восточнаго-Государства (Китая) и хотанскаго владѣльца, окончившійся совершеннымъ истребленіемъ хотанской рати: земля до того напиталась кровью, что сохраняла слѣды ея и до Сюань-цзанова времени [48]. Черезъ 30 ли къ востоку отъ этого

---

[46] Тамъ же, II, 229—230, 232—234 и 238—242.

[47] Тамъ же, II, 235—237. По переводу этой легенды сдѣланному Абель-Ремюзою, арханъ подымаетъ съ земли и ставитъ къ себѣ на ладонь, не ступу, а источникъ съ водою (source jaillissante), что̀ не имѣетъ смысла. См. Histoire d. l. ville de Khotan, pp. 50—54.

[48] Mémoires etc. II, 242—243. См. также въ перв. выпускѣ, стрн 21.

побоища, прибылъ Сюань-цзанъ въ городъ *Би-мо* (Pi-mo), съ чудотворнымъ кумиромъ Будды изъ сандальнаго дерева, въ стоячемъ положеніи, вышиною около 20 футовъ. Соединенную съ этимъ кумиромъ легенду о гибели города *О-лао-ло-цзя* подъ песчанымъ ураганомъ, мы уже знаемъ (вып. перв. стрн. 21—22). *Бимо* у Сюань-цзана соотвѣтствуетъ, по-видимому, *У-ми* или *Гюй-ми* ханьскихъ временъ, и *Хань-мо* Сонъ-юня. Слѣдуя изъ Бимо далѣе на востокъ, путешественникъ нашъ вступилъ въ песчаную и каменистую степь, и, сдѣлавъ около 200 ли, достигъ города *Ни-жанъ* (Ni-jang), окружностію отъ 3 до 4 ли, лежащаго середи обширнаго, теплаго, вязкаго, покрытаго тростникомъ и дикими травами, болота, по которому вела къ городу лишь единственная тропинка. Городъ этотъ въ Сюань-цзаново время служилъ границею хотанскимъ владѣніямъ со стороны востока. По выходѣ изъ нихъ, далѣе на востокъ, встрѣтилъ путешественникъ обширную степь съ сыпучими песками и господствующими въ ней знойными вѣтрами, которую описываетъ самыми мрачными красками, и, послѣ 400 ли пути, прибылъ въ мѣста́ гдѣ находилось нѣкогда владѣніе *Ду-хо-ло* (Tou-ho-lo): «владѣніе это — говоритъ онъ — давно уже оставлено жителями; гдѣ стояли города̀ видишь теперь лишь заброшенные пустыри» [49]. Мы уже упоминали выше (стрн. 77—78) о важномъ значеніи этого извѣстія. Черезъ 600 ли пути отсюда, все въ направленіи къ востоку, достигъ онъ земель бывшаго владѣнія *Чже-мо-до-на* (Tche-mo-to-na), qui est precisement le pays de Ni-mo, какъ читаемъ въ «Описаніи, или qui était un pays du royaume de Tsie-mo, какъ гласитъ «Біографія». Мы предпочитаемъ послѣднее объясненіе. «Высокія стѣны городовъ цѣлы еще здѣсь» сказываетъ Сюань-цзанъ, «но жителей въ нихъ не остается и слѣда». Отсюда путешественникъ направился уже на сѣверо-востокъ, и, черезъ

---

[49] Тамъ же, II, 243—247; Histoire etc. p. 288—290.

1000 ли пути, прибылъ въ предѣлы существовавшаго тутъ нѣкогда владѣнія *На-бо-бо* (Na-po-po), qui est le même que le pays de Leou-lan, какъ значится въ «Описаніи», или appartenant au pays de Leou-lan, какъ читаемъ въ «Біографіи». И здѣсь «Біографія» выражается, по-нашему, вѣрнѣе нежели «Описаніе». О тождествѣ именъ *На-бо-бо* у Сюань-цзана и Napaei у Плинія, замѣчено уже выше (стрн. 77). Засимъ Сюань-цзанъ достигъ вскорѣ границъ Китая, и отпустилъ обратно хотанцевъ сопровождавшихъ его дотолѣ, съ верблюдами ихъ и лошадьми [50].

Представленное извлеченіе изъ «Біографіи» и «Описанія» показываетъ что Сюань-цзаномъ, въ передній и обратный его путь по Восточному-Туркестану, посѣщены были, за исключеніемъ сѣверо-западнаго угла этой страны, всѣ ея части, и что о каждой изъ нихъ сообщается имъ много новыхъ данныхъ, въ разъясненіе какъ современнаго ему, такъ, отчасти, и предшествовавшаго состоянія страны. Совокупляя однородныя извѣстія, разсѣянныя въ обоихъ помянутыхъ источникахъ, подъ соотвѣтственныя рубрики, получаемъ слѣдующіе выводы о ея религіозномъ, соціальномъ и политическомъ положеніи въ началѣ VII вѣка по Р. Х.

Религіозными вѣрованіями страны являются въ это время, по Сюань-цзану, исключительно буддійскія. О томъ чтобы совмѣстно съ ними имѣли тамъ послѣдователей своихъ, проповѣдниковъ и учрежденія, какія-либо другія религіозныя ученія, не упоминаетъ онъ ни единымъ словомъ. Исключительности этой мы, тѣмъ-не-менѣе, не допускаемъ, на основаніи, какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ свѣдѣній. О другихъ исповѣданіяхъ въ Восточномъ-Туркестанѣ не упоминалъ Сюань-цзанъ потому,

---

[50] Histoire etc. p. 290; Mémoires etc. II, 247.

что его собственно интересовало, тамъ и въ другихъ странахъ, лишь положеніе Буддизма. Подобное видимъ мы и въ иныхъ благочестивыхъ европейскихъ путешественникахъ по Царьграду и Палестинѣ, не только прежняго, но и нашего времени: читая ихъ, можно подумать что въ мусульманской Турціи нѣтъ ничего обращающаго на себя вниманіе, кромѣ христіанской святыни. Но, отвергая исключительность Буддизма въ Восточномъ-Туркестанѣ, нельзя не видѣть однакоже что религія эта была тамъ, какъ при Сюань-цзанѣ, такъ и задолго до него, преобладающею и господствующею. Свидѣтельствуется это, какъ числомъ обителей и духовенства буддійскаго во всѣхъ владѣніяхъ страны, по разсказамъ Сюань-цзана, такъ и пріемомъ какой былъ оказанъ ему лично бо́льшею частію тамошнихъ владѣтелей. Ни въ томъ, ни въ другомъ, не предполагаемъ мы преувеличенія, ибо гдѣ знаменитаго путешественника принимали неласково, какъ въ Харашарѣ, онъ упоминаетъ о томъ, и гдѣ, какъ въ Яркяни, замѣчалъ упадокъ буддійскаго благочестія, не умалчиваетъ о столь горестномъ для него обстоятельствѣ. По легендамъ, въ обиліи имъ приводимымъ, должно-бы заключать что ученіе Шакьямуни-Будды проникло впервые въ Восточный-Туркестанъ изъ Кашмира, уже во времена великаго поборника этого ученія, царя Ашоки (въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х.), и укоренилось, прежде чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, въ Хотанѣ и Гѣбаньдо (Ташкурганѣ). Послѣднее весьма вѣроятно, такъ-какъ Хотанъ лежитъ на дорогѣ изъ Кашмира, а Гѣбаньдо было первымъ изъ владѣній В. Туркестана встрѣчавшемся на пути туда изъ Кабулистана, гдѣ Буддизмъ дѣйствительно проповѣданъ былъ при Ашокѣ. Что-же касается до водворенія Буддизма въ В. Туркестанѣ въ столь-же раннее время какъ III-й вѣкъ до Р. Х., то въ этомъ весьма позволительно усомниться, ибо Ашокѣ, во всѣхъ вообще странахъ исповѣдывавшихъ Буддизмъ, приписываются, какъ извѣстно, религіозныя сооруженія далеко

позднѣйшія его эпохи, и въ мѣстахъ куда власть его не простиралась. Весьма достаточно будетъ для древности Буддизма въ Восточномъ-Туркестанѣ если принять что въ юго-западномъ углу его (въ Хотанѣ и Гѣбаньдо) утвердилось это ученіе во времена Канишки (около Р. Х.), царя гандарскаго, власть котораго, по сказаніямъ Сюань-цзана, простиралась и на страны въ востоку отъ Цунлина, до западныхъ предѣловъ Китая [51]. Изъ этого, первоначальнаго, гнѣзда распространился по-видимому Буддизмъ и въ остальныя части страны. Здѣсь-же, на юго-западѣ, утвердился и процвѣлъ онъ до такой степени что край къ югу отъ Яркяни сдѣлался даже, какъ видѣли мы (стрн. 145), буддійскою Ѳиваидою, куда удалялись, для окончательнаго освобожденія себя отъ узъ плоти и мышленія, даже знаменитѣйшіе арханы за-гималайскіе. Сюда же, по общему свидѣтельству Фа-сяня (выше, стрн. 114) (стрн. 145) и Сюань-цзана проникла изъ Индіи и позднѣйшая, магаяническая, система буддійскаго вѣроученія, тогда-какъ въ прочихъ владѣніяхъ В. Туркестана (въ Кашгарѣ, Гумо, Кучѣ, Харашарѣ, Гаочанѣ, Шаньшани) продолжала, даже и въ Сюань-цзаново время, господствовать первоначальная Хинаяна, кое-гдѣ лишь въ сопровожденіи того что́ Сюань-цзанъ называетъ «переходнымъ ученіемъ». Здѣсь же, наконецъ, какъ видимъ изъ извѣстій о Яркяни, начался впервые и упадокъ Буддизма, уже задолго передъ тѣмъ обнаружившійся въ Индіи: сангарамы, прежде великолѣпныя и переполненныя усердными къ ученію и исполненію уставовъ шраманами, успѣли уже, ко времени посѣщенія страны Сюань-цзаномъ, опустѣть бо́льшею частію и даже обратиться въ развалины. Въ сѣверной половинѣ страны, гдѣ Буддизмъ былъ моложе и не затемненъ еще мистическими бреднями, находился онъ, между-тѣмъ, въ полномъ процвѣтаніи. Сюда, въ Кашгаръ и Кучу, знаемъ

---

[51] Mémoires etc. I, 42 и 199.

мы (выше, стрн 147), долженъ былъ посылать Сюань-цзанъ за тѣми буддійскими сутрами и шастрами, которыя везъ онъ съ собою въ Китай изъ Индіи какъ новинку, и которыя утонули у него при переправѣ черезъ Индъ. Да и вообще Буддизмъ въ Восточномъ-Туркестанѣ находился, въ разсматриваемое время, и до того, въ гораздо-бо̀льшемъ развитіи нежели въ Китаѣ. Такъ, и Фа-сянь, Сюань-цзанъ, обое говорятъ о «пятилѣтнихъ сборищахъ» въ Цзѣ-ша (Гѣбаньдо) и Кучѣ, и о «торжественныхъ процессіяхъ со статуею Будды на высокой колесницѣ» въ Хотанѣ и Кучѣ, какъ о религіозныхъ обычаяхъ совершенно въ Китаѣ не принятыхъ. Замѣчательно также, что духовенство буддійское въ В. Туркестанѣ все, безъ исключенія, принадлежало, по Сюань-цзану, къ одной только школѣ — Сарвастивадовъ, тогда-какъ въ Индіи насчитывалось, извѣстно, еще 17 такихъ же школъ. Укажемъ, наконецъ, и на то, что единство религіи, одинаково во всѣхъ владѣніяхъ чтимой, служило немаловажною между ними связью въ политическомъ отношеніи: духовенство изъ однѣхъ владѣній весьма часто посѣщало другія, для поклоненія мѣстной святынѣ, для участія въ религіозныхъ торжествахъ и состязаніяхъ, для слушанія болѣе или менѣе славившихся учителей вѣры. Какъ видѣли мы изъ Сонъ-юн'евыхъ извѣстій о храмѣ въ Хань-мо (выше, стр. 116), служилъ Буддизмъ связью даже между Китаемъ и Восточнымъ-Туркестаномъ.

О томъ-же въ какую связь съ Индіею, и подъ какое вліяніе ея ставилъ Буддизмъ эту страну, можно заключать изъ того уже, что водвореніе въ странѣ религіи индѣйскаго происхожденія и проповѣдуемой индѣйскими миссіонерами, повлекло за собою для новыхъ ея поклонниковъ необходимость основательнаго ознакомленія съ языкомъ на которомъ изложены были и продолжали излагаться догматы ея и уставы. Сюань-цзанъ много разъ и самымъ положительнымъ образомъ говоритъ что «Законъ» изучаемъ былъ

въ В. Туркестанѣ по подлиннымъ индѣйскимъ текстамъ (а не по переводамъ ихъ на мѣстный языкъ, какъ въ Китаѣ и Тибетѣ), слѣдовательно знаніе Пали или Санскрита было въ В. Туркестанѣ принадлежностію бо́льшей части мѣстнаго духовенства буддійскаго исповѣданія, какъ нынѣ въ Монголіи знаніе тибетскаго языка. Но буддисты изъ Монголовъ значительную часть религіозныхъ книгъ имѣющихся на тибетскомъ языкѣ перевели на свой собственный, тогда-какъ въ В. Туркестанѣ ничто подобное не имѣло, по-видимому, мѣста, и Санскритъ или Пали играли тамъ, въ дѣлѣ религіи, такую же роль какъ Латынь въ римско-католической Европѣ. Между-тѣмъ законы уголовные и гражданскіе, уставы административные, грамоты исходившія отъ верховной власти, письма отъ владѣльцевъ къ владѣльцамъ, частные договоры и условія, все это писалось-же на мѣстномъ въ каждомъ владѣніи языкѣ. Въ Гаочанѣ, знаемъ мы изъ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ» (выше, стрн. 101—103), употреблялись для этого частію китайскія, частію какія-то собственныя письмена (древняя уйгурская азбука, какъ предположили мы). Какія-же письмена, спрашивается, служили для такого рода надобностей въ прочихъ владѣніяхъ страны? По Сюань-цзану были это письмена индѣйскія съ бо́льшими или мѐньшими въ нихъ измѣненіями, значитъ, была это азбука дэванагари, гдѣ такъ, гдѣ иначе, принаровленная къ передачѣ звуковъ мѣстнаго языка — извѣстіе весьма важное, но, быть можетъ, достовѣрное на столько же на сколько достовѣрны и сказанія знаменитаго путешественника объ исключительномъ господствѣ Буддизма въ странѣ, ибо едва-ли вѣроятно чтобы до проникновенія этой религіи въ В. Туркестанъ, не знали тамъ, при предполагаемой нами весьма-древней его образованности, употребленія какихъ-либо письменъ, если не собственнаго изобрѣтенія, то заимствованныхъ съ запада Азіи, какъ, на-примѣръ, аріано-пегленійскаго. Или — индѣйская азбука, принесенная въ страну

Буддизмомъ, вытѣснила изъ употребленія, подъ вліяніемъ и давленіемъ этой религіи, господствовавшія въ ней прежде письмена? Возможно и это. Во всякомъ случаѣ остается пожалѣть что до насъ не дошло никакихъ слѣдовъ не только древнѣйшихъ, до-буддійскихъ письменъ страны, если таковыя существовали, но даже и дэванагарійской азбуки въ тѣхъ разнообразныхъ передѣлкахъ въ какихъ, по Сюань-цзану, употреблялась она тамъ. Впрочемъ, на открытіе памятниковъ съ этого рода письменами нельзя еще терять надежды, если только владѣльцы Восточнаго-Туркестана чеканили, въ это время, или ранѣе, свою собственную монету: могутъ открыться еще цѣлые клады изъ такихъ монетъ съ легендами на нихъ мѣстнымъ письмомъ, подобно тому какъ нашлись въ недавнее время клады изъ монетъ Западнаго-Туркестана, съ надписями на нихъ особою пегленійскою азбукою, монетъ относящихся по-видимому къ VII-му вѣку по Р. Х. [52]. А что владѣльцы В. Туркестана чеканили свою собственную монету, можно заключить изъ показаній того же Сюань-цзана объ обращеніи въ ихъ владѣніяхъ монеты золотой, серебряной и мелкой мѣдной. Если допустимъ даже что золотыя и серебряныя деньги могли быть привозными изъ чужихъ краевъ, то мелкія мѣдныя необходимо уже предположить туземными, ибо этого сорта монету, по тяжести ея и громоздкости, торговля не передвигаетъ изъ страны въ страну. Прибавивъ-же къ этимъ показаніямъ Сюань-цзана извѣстіе его о нахожденіи въ самомъ Восточномъ-Туркестанѣ богатыхъ рудниковъ, «откуда государи Западныхъ Владѣній добываютъ серебро, чтобы чеканить изъ него монету» — извѣстіе, впрочемъ, единственное въ этомъ родѣ — трудно допустить чтобы владѣльцы В. Туркестана не имѣли и

---

[52] Одинъ изъ кладовъ съ такими монетами отрытъ былъ, нѣсколько лѣтъ тому, въ Ходжендѣ, при инженерныхъ тамъ работахъ, и я самъ имѣю нѣсколько монетъ изъ этого клада.

серебряныхъ денегъ своего собственнаго, мѣстнаго, издѣлія.

Нельзя также не обратить вниманія и на извѣстія Сюань-цзана, подтверждаемыя предшествующими ему источниками, о разнобразіи языковъ которыми говорило населеніе В. Туркестана. Почти въ каждомъ владѣніи имѣлось свое, мѣстное, нарѣчіе, если не особый языкъ. Изъ нихъ, по Сюань-цзану, употреблявшіяся въ Кучѣ и Балуцзя (Гумо) мало отличались другъ отъ друга; у Кашгарцевъ былъ свой особый языкъ, съ которымъ большое сходство имѣло нарѣчіе употребительное въ Гобаньдо, и нѣкоторое сходство — то которымъ говорили въ У-ша. Хотанцы также говорили на своемъ особомъ языкѣ. Яркяньское (Чжугюйбо) нарѣчіе, по Сюань-цзану, отличалось отъ хотанскаго, а по Сонъ-юню — не отличалось. Впрочемъ, Китайцевъ едва-ли можно признать хорошими судьями въ дѣлѣ различенія языковъ и нарѣчій. Весьма вѣроятно что за особые языки, при совершенномъ съ ними незнакомствѣ, принимали они даже незначительныя отличія въ говорѣ и произношеніи.

Относительно нравовъ и обычаевъ, немногія свѣдѣнія сообщаемыя Сюань-цзаномъ подтверждаютъ предположенія, высказанныя нами выше, касательно особаго положенія женщины въ В. Туркестанѣ, и веселаго характера тамошней общественной жизни. Жена гаочанскаго владѣльца, съ женскою свитою своею, видѣли мы (выше, стр. 127—128) участвовала въ торжественномъ пріемѣ знаменитаго путешественника, а мать этого владѣльца была постоянною слушательницею богословскихъ его лекцій. О Хотанѣ въ-особенности, что народъ жилъ тамъ весело, любилъ пить, любилъ плясать, и былъ страстенъ до музыки, замѣтилъ Сюань-цзанъ потому, быть можетъ, что долго прожилъ въ этомъ владѣніи, тогда-какъ въ другихъ былъ бо̀льшею частію только проѣздомъ. По той же причинѣ, и въ Кучѣ могъ онъ замѣтить что тамошніе музыканты необыкно-

венно искусны въ игрѣ на флейтѣ и на гитарѣ, и затмѣваютъ въ этомъ музыкантовъ всѣхъ другихъ странъ. О томъ чтобы Кашгаръ былъ страною шестипалыхъ, какъ увѣряетъ «Исторія Сѣверныхъ Дворовъ» (выше, стрн. 99), Сюань-цзанъ ничего не говоритъ; но зато упоминаетъ о существованіи тамъ и въ Кучѣ странной, впрочемъ и въ разныхъ другихъ странахъ имѣвшей мѣсто особенности — сплющивать новорожденнымъ голову посредствомъ дощечекъ. Непонятною странностію представляется также сказываемое имъ о Харашарцахъ, будто волоса̀ на головѣ остригаютъ они вплотную, а шапокъ не носятъ (выше, стрн. 131): что-жъ, такъ съ голою, ничѣмъ не прикрытою головою и ходили они? Или, не объясняется-ли это извѣстіе «Исторіею Сѣверныхъ Дворовъ», сказывающею, какъ видѣли мы (выше, стрн. 100), что мужчины въ Харашарѣ дѣлаютъ себѣ головные уборы изъ волосъ, т. е. носили парики?

Подтверждаетъ Сюань-цзанъ и существованіе сильнаго торговаго движенія въ странѣ. Безпрестанно упоминается въ «Біографіи» о купеческихъ караванахъ двигавшихся по ней изъ края въ край, на востокъ въ Китай, или изъ Китая на западъ. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи извѣстія «Біографіи» о Лянъ-чжеу, какъ о главномъ китайскомъ рынкѣ для торговли съ Восточнымъ-Туркестаномъ, постоянно полномъ пріѣзжими. Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма нерѣдко упоминается у Сюань-цзана и о разбойникахъ разбивающихъ купеческіе караваны, при слѣдованіи ихъ страною. Зло это представляется, такимъ образомъ, обычнымъ въ ней, но не на столько сильнымъ чтобы серьозно тормозить торговое движеніе. Мы замѣтили уже что то же самое положеніе вещей существуетъ во многихъ частяхъ Азіи неизмѣнно съ глубочайшей древности и до сихъ поръ.

О политическомъ положеніи страны узнаёмъ отъ Сюань-цзана что мелкія въ ней владѣнія, если еще не совер-

шенно утратили всякую самостоятельность, слившись съ большими, какъ Бимо (Гюйми) съ Хотаномъ, или У-ша съ Гобаньдо, то находились въ полной отъ нихъ зависимости. Сильнѣйшимъ владѣніемъ на сѣверо-востокѣ страны было, по Сюань-цзану, въ его время, владѣніе Гаочанъ. Въ благодарственномъ письмѣ къ владѣльцу Гаочана, воспѣвая доблести его и могущество, Сюань-цзанъ писалъ, между прочимъ, что благое вліяніе его простирается на страны Леулань (Leou-lan) и Юечжи (Jouei-tchi), на округа Чешы (Tche-sse) и Ланванъ (Lang-wang) [53]. А владѣлецъ гаочанскій, какъ-бы подтверждая это, отвѣчалъ, видѣли мы (выше, стрн. 148), знаменитому путешественнику что онъ предписалъ выѣхать на встрѣчу къ нему, какъ властямъ въ Дунь-хуан'ѣ, такъ и владѣтелю шаньшаньскому. Что-жъ, не было въ первомъ случаѣ лести, а во второмъ хвастовства, судя по тому что въ «Біографіи» не упоминается чтобы Сюань-цзанъ встрѣченъ былъ въ Цзюймо владѣтелемъ Шаньшани, а въ «Сыпучихъ-Пескахъ»—чинами изъ Дунь-хуана? Полагаемъ что ни лести съ одной, ни хвастовства съ другой стороны, не было тутъ. Чтобы выяснить это, необходимо замѣтить предварительно что Сюань-цзану, какъ мужу великой учености, не подобало, въ письмѣ къ гаочанскому владѣльцу, выражаться обыкновеннымъ, будничнымъ, языкомъ, и вотъ онъ сыплетъ архаизмами: владѣніе которое, съ ханьскихъ уже временъ, звалось Шаньшанью, именуетъ онъ древнимъ, давно забытымъ, именемъ *Леулань*; такимъ же образомъ употребляетъ онъ и старинное названіе *Чешы*, обозначая имъ западныя части гаочанской территоріи, въ предѣлы которой, какъ видѣли мы (выше, стрн. 83), давно уже вошелъ край носившій имя Чешэ, или Чешы; *Ланъ-ванъ* — названіе намъ неизвѣстное, но, по всей вѣроятности, такъ звались когда-нибудь земли составившія

---

[53] Histoire etc. p. 43.

владѣніе Иву, судя по вышеизложенному (стрн. 126), точно находившееся въ подчиненіи Гаочану; наконецъ, «страною *Юечжи*» называетъ Сюань-цзанъ, быть можетъ, часть Хэ-си сосѣднюю съ И-ву (нынѣшнимъ Комуломъ)[54], а можетъ—даже и китайскую область носившую, въ общемъ употребленіи, имя Дунь-хуанъ, такъ-какъ на земляхъ этой области и въ Хэ-си кочевалъ нѣкогда, до половины II вѣка передъ Р. Х., народъ который звался тогда у китайцевъ Юечжіями[55]. Итакъ, на Чешы и Иву дѣйствительно простиралась власть гаочанскаго владѣльца; что-же касается засимъ до Шаньшани, которую при Сонъ-юнѣ (выше, стрн. 115) видѣли мы совершенно подчинявшеюся тангутской династіи Тхугугуней, то въ Сюань-цзаново время династія эта потеряла уже силу и признавала надъ собою верховную власть Китая[56], почему и Шаньшань, по всей вѣроятности, не повиновалась уже болѣе Тхугугуньцамъ, а подчинялась Китайцамъ, которые, какъ надъ этимъ владѣніемъ, такъ и надъ своею пограничною областью Дунь-хуанъ, весьма могли поставить дѣйствительнымъ, или хотя титулярнымъ, начальникомъ Выньтхая гаочанскаго, который—увидимъ это ниже — долгое время пользовался большимъ расположеніемъ Лоянскаго Двора. Но, считаясь вассаломъ, единодержавной въ это время въ Китаѣ, Тханской-Династіи, Выньтхай признавалъ себя, съ тѣмъ вмѣстѣ, видѣли мы (выше, стрн. 129), и подручникомъ могущественнаго хана Западныхъ Турокъ, т. е. терпѣлъ участь двоеданца, которой весьма часто подвергались владѣнія Восточнаго-Туркестана, въ-особенности ближайшія къ Китаю. Но единственно

---

[54] Тамъ, даже долгое время послѣ Сюань-цзана, существовалъ какой-то «Юечжійскій-Округъ», управлявшій которымъ имѣлъ мѣстопребываніе внѣ «Великой-Стѣны», на пространствѣ между Линъ-чжеу (нынѣ Нинъ-ся чжунъ-вей, подъ 37° 39' 35" С. Ш. и 102°, 50' 30" В. Д. по словарю Біо) и Лянъ-чжеу. См. Histoire d. l. ville de Khotan, p. 75—76.

[55] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 6—7 и 55.

на Гаочанъ и простиралось по-видимому вліяніе Китая въ Сюань-цзаново время, или по крайней мѣрѣ когда ѣхалъ онъ въ передній путь: далѣе къ западу владѣнія Восточнаго-Туркестана признавали уже надъ собою господство тюркскаго хана Шеху. Что касается до другой орды, въ Сонъ-юн'ево время господствовавшей надъ западными частями этой страны вплоть до Хотана, то Сюань-цзанъ, говоря о Гѣбаньдо, на обратномъ пути своемъ, не упоминаетъ чтобы владѣніе это находилось въ зависимости отъ Ѣда. Простиралась въ это время на Гѣбаньдо власть Турокъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ надъ нимъ не тяготѣла уже болѣе зависимость отъ Ѣда, такъ-какъ могущество Ѣдасцевъ уничтожено было Турками еще во второй половинѣ VI-го вѣка [57]. Хотанъ, при посѣщеніи его Сюань-цзаномъ, по-видимому, отъ Турковъ не зависѣлъ.

Но между всѣми извѣстіями даваемыми намъ Сюань-цзаномъ о Восточномъ-Туркестанѣ, важнѣйшими на нашъ взглядъ представляются коротенькія замѣтки его о странахъ на востокъ отъ Хотана. Малолюдны были онѣ уже и въ проѣздъ Сонъ-юн'я, за столѣтіе передъ Сюань-цзаномъ; этотъ-же послѣдній описываетъ ихъ совершенною пустынею: однѣ стѣны городовъ, здѣсь существовавшихъ, были еще цѣлы, но жителей и слѣда уже не оставалось. Что-же было причиною такого постояннаго уменьшенія народонаселенія въ этомъ краю, и наконецъ совершеннаго его запустѣнія? Указаніемъ къ разъясненію этого, въ высшей степени интереснаго, вопроса служитъ, быть можетъ, легенда сообщаемая Сюань-цзаномъ о гибели въ тѣхъ мѣстахъ города Го-лао-ло-цзя, жители котораго засыпаны были всѣ до единаго обрушившеюся надъ городомъ песчаною тучею [58].

---

[56] «Исторія Тибета и Хухунора», I, 87—95.

[57] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 179.

[58] Mémoires etc. II, 243—245.

Песчаными вихрями изъ окрестныхъ степей, уничтожившими сначала пашни и сады, окружавшіе города и селенія, а затѣмъ сдѣлавшими невозможнымъ и самое пребываніе въ послѣднихъ, изгнаны были, по всей вѣроятности, изъ жилищь своихъ и жители другихъ, опустѣлыхъ, мѣстностей въ этомъ краю. Что сыпучіе пески имѣютъ способность распространяться постепенно, и, поглощая подъ собою обработанныя земли, луга и селенія, обращать цвѣтущія пространства въ безплодные пустыри, это — явленіе имѣвшее мѣсто, и доселѣ повторяющееся, во многихъ странахъ. Въ сосѣдней-же съ краемъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, пустынѣ Гоби или Шамо, громадныя массы песковъ существовали съ незапамятнаго времени, когда пустыня эта образовалась изъ обсохшаго морскаго дна. Другимъ факторомъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ сыпучихъ песковъ, содѣйствовавшимъ къ обезлюденію края, можно считать такое же постоянное распространеніе болотъ, вслѣдствіе перевѣса въ притокѣ водъ изливающихся въ Лобъ-норъ надъ испаряющимся ихъ количествомъ. Подъ совокупнымъ вліяніемъ обѣихъ этихъ причинъ, юго-восточный уголъ Восточнаго-Туркестана, страна, по многимъ на то указаніямъ, многолюдная и процвѣтавшая въ глубокой древности, постоянно съ тѣхъ поръ теряла благоденствіе свое и населеніе, такъ-что въ Сюань-цзаново время оставались уже на востокъ отъ Хотана лишь самые слабые слѣды прежняго тамъ жилья. Понятно что, при такомъ постепенномъ оскудѣніи края, не всюду-же обыватели его гибли какъ граждане Го-лао-ло-цзя; болѣе предусмотрительные, конечно, выбирались оттуда заранѣе, и, такимъ образомъ, изъ края этого произошло въ разное время много выселеній. Вотъ и объясненіе почему, на-примѣръ, двинулись отсюда на западъ, и, перейдя черезъ Памиръ, осѣли въ Бактріанѣ — *Тохары*, древнія жилища которыхъ указываетъ Сюань-цзанъ въ 900 ли на востокъ отъ Хотана, на мѣстахъ, по-видимому, гдѣ еще при Ха-

няхъ существовало владѣніе Цзиньцзюэ, но которыя могли лежать и гораздо далѣе къ востоку или юго-востоку, такъ-какъ нельзя поручиться чтобы историческія пріуроченія знаменитаго богослова отличались совершенною безупречностію. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что край былъ извѣстенъ ему по источникамъ о которыхъ мы или не знаемъ еще, или которые до насъ не дошли. Доказательствомъ этому служатъ, какъ упоминаніе его о пребываніи Тохаровъ въ Восточномъ-Туркестанѣ, такъ и названія *Чжемодона* и *Набобо*, которыя даетъ онъ какимъ-то владѣніямъ, т. е. народамъ, жившимъ нѣкогда въ предѣлахъ земель бывшихъ извѣстными Китайцамъ, въ его время, подъ именами Цзюймо (Нѣмо) и Шаньшань (Леулань) — названія, ни въ какихъ другихъ извѣстныхъ китайскихъ источникахъ не встрѣчающіяся. Но, какъ въ древнѣйшей исторіи Азіи разъяснились въ послѣднее время, вслѣдствіе открытія новыхъ источниковъ, цѣлые тысячелѣтніе періоды, то не слѣдуетъ терять надежды что найдутся неожиданно и какія-либо указанія по которымъ окажется возможнымъ дать опредѣленныя очертанія, быть можетъ, даже и краски, туманному нынѣ прошлому загадочной страны на востокъ отъ Хотана.

VI.

Восточный-Туркестанъ въ-продолженіе существованія Тханской Династіи (618 — 907 по Р. Х.).

Въ началѣ владычества этой могущественной династіи, далеко на западъ распространившей господство и вліяніе «Срединнаго-Царства», литература китайская обогатилась многими сочиненіями въ которыхъ находятся, можно полагать, весьма важные матеріалы для изучаемой нами страны. Къ-сожалѣнію, въ Европѣ до сихъ поръ сочиненія эти извѣстны лишь по заглавіямъ. Таковы:

Тханъ-си-юй-тху-чжи (Thang-si-you-thou-tchi), географическое и статистическое описаніе «Западныхъ Странъ», въ 40 книгахъ, снабженное картами и таблицами. Сочиненіе это, составленное по матеріаламъ собраннымъ китайскими чиновниками, спеціально и на мѣстахъ изучавшими разныя страны Запада, подъ редакціею Цзинъ-цзуна (King-tsong), издано было въ свѣтъ въ 658 году.

Сы-юй-тху-цзи (Si-you-thou-ki), записки о «Западныхъ Странахъ», съ приложеніемъ картъ, сочиненіе вана по прозванію Юань (Youen), представленное имъ императору Гао-цзуну по возвращеніи изъ тѣхъ странъ куда посыланъ онъ былъ въ качествѣ императорскаго коммисара въ 661 году.

Си-юй-чжи (Si-yu-tchi), подробное описаніе «Западныхъ Странъ», въ 60 книгахъ, съ 40 тетрадями картъ и рисун-

ковъ, составленное, по императорскому указу послѣдовавшему въ 666 году, разными оффиціальными учеными.

Цю-фа-гао-сэнъ-чжуанъ (Khieou-fa-kao-seng-tchouen) — сказаніе о житіи и странствованіяхъ пятидесяти-шести буддійскихъ монаховъ изъ Китайцевъ, Корейцевъ и т. д. посѣщавшихъ Индію при Тханской-Династіи, составленное И-цин'омъ (I-thsing), ѣздившимъ туда въ 686—689 годахъ.

Си-юй-цзи (Si-yu-ki), записки о «Западныхъ Странахъ», составленныя, между 713 и 742 годами, Гай-цзя-хой'емъ (Kaï-kia-hoeï), занимавшимъ должность *Анъ-си-ду-ху*, т. е. «Намѣстника для охраненія и умиротворенія Запада».

Чженъ-сы-чжанъ-си-юй-дао-ли-цзи (Tching-sse-tchang-si-yu tao-li-ki), т. е. «Записки Чженъ-сы-чжан'а о путевыхъ разстояніяхъ въ Западныхъ Странахъ», три книги.

«Записки Вэй-хун'а о его путешествіи въ Западныя Страны» [1].

Значительная часть данныхъ о «Западныхъ Странахъ», собранныхъ при Тханахъ оффиціальнымъ путемъ, должна была, впрочемъ, войти въ составъ оффиціальной исторіи этой династіи, какъ въ старой, такъ и въ новой ея редакціи [2]; исторію-же эту, съ одной стороны, въ сокращеніи, а съ другой — съ добавленіями изъ постороннихъ сочиненій [3], имѣемъ мы въ французской передѣлкѣ миссіонера Гобиля [4], а извлеченія изъ отдѣла ея объ инородцахъ,

---

[1] О существованіи помянутыхъ сочиненій въ Китайской Литературѣ узнаёмъ изъ статьи Ст. Жюльена: Renseignements bibliographiques sur les relations de voyages dans l' Inde et les descriptions du Si-yu, qui ont été composées en chinois entre le V-me et le XVIII-e siècle de notre ère, помѣщенной въ Journal Asiatique за 1847 годъ, t. X, pp. 277—278 и 288—294.

[2] О «старой» и «новой» Тханъ-шу см. у о. Іакинѳа, въ его «Собр. свѣд. о нар. Средней-Азіи», I, XIX.

[3] Именно изъ: 1) изъ «Китайской Исторіи» Сы-ма-гуан'а; 2) изъ «Тхунъ-цзянъ-ганъ-му», и 3) изъ «Ли-дай-цзи-сы-нянь-бяо» — произведеній всѣмъ извѣстныхъ.

[4] Помѣщена въ Mémoires concernant l'histoire etc. des Chinois, par les missionnaires de Pékin, vol XV (1791) et XVI (1814).

самаго для насъ важнаго — въ русскомъ переводѣ о. Іакинѳа Бичурина (въ «Собр. свѣд. о нар. Средней-Азіи», т. III, стр. 207 — 273).

Судя по этимъ извлеченіямъ, географическія, статистическія, этнографическія и другія, кромѣ собственно историческихъ, свѣдѣнія о Восточномъ-Туркестанѣ, въ нихъ заключающіяся, принадлежатъ къ первымъ временамъ владычества Тхановъ, когда, свѣдѣнія такого рода пріобрѣтаемы были съ большимъ усердіемъ. Несмотря на то, встрѣчаемъ въ нихъ весьма немного новаго противу данныхъ собранныхъ въ Сюань-цзановомъ «Описаніи». Именно узнаёмъ:

О *Гаочанѣ:* «Владѣніе это лежитъ почти въ 4000 ли прямо отъ столицы (Китая) на западъ, и въ ширину простирается на 800, а въ длину на 500 ли, заключая въ себѣ всего 21 городъ. Государь имѣетъ мѣстопребываніе въ бывшей при Ханяхъ резиденціи западнаго чешыскаго владѣтеля. Строеваго войска 10,000 человѣкъ. Земля тучная. Пшеница и просо два раза въ годъ созрѣваютъ. Есть растѣніе называемое *бай-цзѣ*: изъ цвѣтовъ его можно ткать полотно (хлопчатникъ?). Волосы заплетаютъ въ косу, свѣшиваемую назадъ» [5].

О *Харашарѣ*: «Владѣніе это лежитъ слишкомъ въ 7000 ли отъ столицы (Китая) прямо на западъ, и поперегъ содержитъ въ себѣ 600, въ длину 400 ли. Много каналовъ для орошенія пашенъ. Почва способна для проса и винограда. Резиденція владѣтеля имѣетъ около 30 ли въ окружности, и со всѣхъ сторонъ опоясывается высокими горами. Семействъ считается 4000, строеваго войска 2000 человѣкъ. Жители пользуются выгодами отъ рыбнаго и солянаго промысловъ. Одѣяніе употребляютъ шерстяное. Подстригаютъ волосы. Любятъ дальнія прогулки. Въ 3-й день второй луны выходятъ для жертвоприношенія на по-

---

[5] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 208—209.

ляхъ; въ 15-й день четвертой луны гуляютъ по рощамъ; въ 7-й день седьмой луны приносятъ жертву предкамъ; въ 15-й день десятой луны владѣтель предпринимаетъ путешествіе, и оканчиваетъ его въ самомъ концѣ года» [6].

О *Кучѣ:* «Владѣніе это, лежащее слишкомъ въ 7000 ли на западъ отъ столицы (Китая), простирается въ поперечникѣ на 1000, въ длину на 600 ли. Почва способна для кунжута, пшеницы, риса и винограда. Производитъ золото. Жители любятъ пѣсни и музыку. Пишутъ поперегъ. Чтутъ Буддайскій Законъ. У родившагося мальчика деревомъ придавливаютъ голову. Стригутъ волосы чтобы выровнять макушку. Одинъ государь не стрижетъ волосъ. Онъ прозывается *бо;* пребываніе имѣетъ по сѣверную сторону города *Илолу*, у горъ *Агѣтянь*, иначе называемыхъ «Бѣлыми-Горами», въ которыхъ всегда видѣнъ огонь; макушку покрываетъ онъ штофомъ, одѣвается въ штофный кафтанъ, носитъ поясъ съ дорогими каменьями; въ новый годъ семь дней увеселяется боемъ барановъ, лошадей и верблюдовъ, чтобы по ихъ дракѣ отгадать урожаенъ или неурожаенъ будетъ годъ» [7].

О *Болуга*, иначе *Цзимо:* «Небольшое владѣніе это, при Ханяхъ именовавшееся *Гумо*, простирается въ поперечникѣ на 600, въ длину на 300 ли. Обыкновенія и письмо сходны съ кучаскими, а нарѣчіе нѣсколько отлично. Отсюда выходятъ тонкія шерстяныя ткани и байка. На западъ, черезъ 300 ли за каменистою степью, лежатъ горы *Линъ-шанъ*» [8].

О *Кашгарѣ*: «Владѣніе это, называемое *Сулэ*, иначе *Каша*, имѣетъ до 5000 ли въ окружности, и отъ столицы (Китая) лежитъ въ разстояніи болѣе 9000 ли. Много песчаныхъ степей; плодоносной земли мало. Жители вообще

---

[6] Тамъ же, III, 214—216.

[7] Тамъ же, III, 218.

[8] Тамъ же, III, 223.

коварны и лукавы, имѣютъ статный ростъ и голубые глаза. Младенцамъ мужескаго пола сдавливаютъ голову чтобы сдѣлать ее плоскою. Владѣтель зовется *пэй*, имя его *Амочжы;* пребываніе имѣетъ въ городѣ *Гаши;* женатъ на дочери туцзюйскаго хана [9]. Строеваго войска 2000 человѣкъ. Поклоняются Злому Земному Духу, но исповѣдуютъ и Буддайскій Законъ. Письмо имѣютъ индѣйское» [10].

Далѣе говорится о Кашгарѣ что къ владѣнію этому принадлежатъ всѣ зѐмли на западъ отъ него и на сѣверъ отъ владѣнія Гѣбаньдо, протяженіемъ на 900 ли, равнокакъ и всѣ зѐмли прямо на западъ отъ Хотана, протяженіемъ на 1000 ли, въ томъ числѣ и «владѣніе *Чжугюйбо*, иначе *Чжугюйбань*, древнее *Цзыхэ*» [11].

О *Хотанѣ:* «Владѣніе это (Юйтянь), лежитъ отъ столицы (Китая) въ 9700, отъ Гуа-чжеу въ 4000 слишкомъ ли. Къ нему принадлежатъ зѐмли пяти древнихъ владѣній, именно: *Жунлу*, *Ганьми*, *Цюйлэ* и *Пишинай* [12]. Строеваго войска 2000 человѣкъ. Жители любятъ пѣсни и пляску; прилежатъ къ ткацкому ремеслу. Въ обыкновеніяхъ очень много изысканности, въ рѣчахъ — хвастливости. Почитаютъ Злаго

---

[9] Считаемъ нелишнимъ замѣтить что въ переводѣ о. Іакинѳа, которымъ мы пользуемся, вмѣсто «туцзюйскаго хана», какъ должно быть въ китайскомъ подлинникѣ, значится «дулгаскаго хана». Это — вслѣдствіе убѣжденія о. Іакинѳа что китайское Ту-цзюй есть транскрипція монгольскаго Дулга (сокращ. изъ тугулга), а не имени Тюркъ, и что Туцзюи (т. е. Турки) были монгольскаго происхожденія.

[10] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 224—225.

[11] Тамъ же, Ш, 225. Это мѣсто въ переводѣ о. Іакинѳа явнымъ образомъ исполнено ошибокъ: мы взяли изъ него только то что́ казалось намъ достовѣрнымъ.

[12] Вмѣсто пяти владѣній, тутъ у насъ перечислено только четыре: пятымъ въ переводѣ о. Іакинѳа значится Хань. Но такого владѣнія въ древнее время не было въ Восточномъ-Туркестанѣ. Вмѣсто Хань должно быть тутъ, по всей вѣроятности, Цзиньцзюэ; Хань-же явилось тутъ остаткомъ фразы «существовавшихъ при домѣ Хань», выпущенной вслѣдствіе недосмотра въ корректурѣ.

Земнаго Духа и Буддайскій Законъ. Въ обращеніи почтительны и осторожны. При встрѣчѣ взаимно преклоняютъ колѣни другъ передъ другомъ. Пишутъ не кистью, а тростью. Всѣ грамоты и печати полученныя изъ Срединнаго-Государства со временъ Ву-ди владѣтели хотанскіе передавали другъ другу наслѣдственно. Владѣтель зовется *юйчи* ('weï-si), имя ему *Умибень*» [13].

Вслѣдъ за статьею о Хотанѣ говорится что въ 300 ли отъ него къ востоку есть рѣка *Гяньдэли*, и на восточной сторонѣ этой рѣки—городъ *Ханьмигюй Дадэли*, иначе называемый *Гюйми*, въ-древности *Нинма;* а въ 700 ли (отъ Хотана?) — владѣніе *Цзиньцзюэ* [14].

Сверхъ того, далѣе встрѣчаемъ еще слѣдующую выписку, явно изъ Сюань-цзана, но съ нѣкоторыми варіантами въ собственныхъ именахъ: «На востокъ отъ владѣнія *Гѣбаньдо*, черезъ 800 ли, Луковыя-Горы (оканчиваются). Еще черезъ 800 ли — страна *У-ша*, имѣющая 1000 ли въ окружности. Отсюда получается камень *юй* трехъ видовъ: бѣлый, темный и зеленый. Владѣтели числятся вассалами гѣбаньдоскаго государя. На сѣверъ черезъ 500 ли, дорогою черезъ песчаную пустыню, пріѣдешь въ *Кашгаръ*. На востокъ черезъ 500 ли (отъ У-ша?) надо переправляться черезъ рѣку *Сидо*, а потомъ, перешедши большую цѣпь песчаныхъ горъ, пріѣдешь въ *Гиньгюйга*, иначе *Гюй-кюй* (Tcho-keou-kia по Сюань-цзану). Эта страна содержитъ въ себѣ 1000 ли пространства (въ окружности, по Сюань-цзану). На востокъ (отсюда) 800 ли горною дорогою до *Хотана*. На востокъ (отъ Хотана) есть рѣка (?) *Пимо*. Прошедши 200 ли песчаною степью, достигаешь

---

[13] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 225—226. Въ этой статьѣ о Хотанѣ по переводу о. Іакинѳа тоже встрѣчается много безтолковаго: мы выпустили изъ нея все что казалось намъ таковымъ, и, кромѣ того, что́ приведено уже Риттеромъ (въ перв. вып. на стрн. 66).

[14] Тамъ же, III, 228.

города *Нинанъ* (Ni-jang по Сюань-цзану), стоящаго среди большаго озера. Земля болотистая, поросшая камышомъ и бурьяномъ. Путешественники проложили дорогу черезъ городъ на Хотанъ, а Хотанъ [15] считается восточною пограничною крѣпостію. Еще на востокъ, и вступите въ большіе сыпучіе пески, на которыхъ по проходѣ людей не остается слѣдовъ, и потому заблудившіеся путешественники по скотскимъ костямъ распознаютъ дорогу. Нѣтъ ни травы, ни воды. Часто дуютъ горячіе вѣтры, въ-продолженіе которыхъ, и люди, и скотъ, падаютъ отъ обморока. Черезъ 400 ли пріѣдешь къ древнему *Дуло* (Tou-ho-lo Сюань-цзана); еще черезъ 600 ли — къ *Гусимоюна* (Tche-mo-to-na Сюань-цзана). Это — древнее владѣніе *Цзюймо* (тутъ преимущество не на сторонѣ Сюань-цзана, у котораго Ni-mo). Еще черезъ 1000 ли пріѣдешь въ *Гунашубо* (по Сюань-цзану, Na-po-po). Это—древнее владѣніе *Леулань*» [16].

Переходя къ историческимъ извѣстіямъ о странѣ заключающимся въ «Исторіи Тханской-Династіи», находимъ что она застаетъ Восточный-Туркестанъ бо́льшею частію подъ зависимостію отъ Турковъ, какъ видѣли мы это также изъ Сюань-цзана, и изъ «Исторіи Суйской-Династіи». Несмотря на такую зависимость, со вступленіемъ на престолъ Китая Тханской-Династіи, начинаютъ заискивать въ Китайцахъ не только ближайшіе къ нимъ владѣльцы страны, признававшіе уже себя вассалами суйскихъ императоровъ, но и государи западной ея части.

Основатель Тханской-Династіи, Гао-цзу, вступилъ на престолъ въ 618 году по Р. Х. Въ этомъ же году умеръ гаочанскій владѣлецъ Бо-я (см. выше, стрн. 91—92). На престолъ вступилъ сынъ его, именуемый въ «Исторіи Тханской-Династіи»—Вынь-тхай, по Сюань-цзану-же—Цё-

---

[15] Тутъ, вмѣсто Хотанъ, надо предполагать въ подлинникѣ какое-либо другое собственное имя: иначе выходитъ безсмыслица.

[16] Тамъ же, Ш, 250—251.

вынь-тхай [17]. Тотчасъ же, какъ почтительный вассалъ, отправилъ онъ къ Китайскому Двору посла съ донесеніемъ объ этомъ. Новый императоръ отвѣчалъ почтительному вассалу милостивою отправкою къ нему посла «для утѣшенія» (т. е. чтобы утѣшить Вынь-тхая по случаю смерти родителя его, Бо-я). Черезъ пять лѣтъ вассалъ почтилъ китайскаго сюзерена своего представленіемъ ко Двору его какой-то необыкновенной собачки, въ футъ длиною и шесть дюймовъ вышиною, которая была такъ сильна что могла останавливать лошадь. Сказывали что собачка эта родомъ изъ Фолин'и (Византійской-Имперіи); «съ этого времени — замѣчаетъ Исторія Тханской-Династіи — и завелись въ Срединной-Имперіи собачки фолиньской породы» [18]. Изъ другихъ владѣтелей Восточнаго-Туркестана, привѣтствовалъ вступленіе Гао-цзу на престолъ Китая только кучаскій, по-имени Суфабогюй. «Когда, вскорѣ послѣ того, онъ умеръ, владѣтелемъ въ Кучѣ поставленъ былъ сынъ его, Суфадѣ, подъ названіемъ Шигянь Мохэ сылифа», сказываетъ «Исторія Тханской-Династіи». Судя по титулу «сылифа», должно думать что Суфадѣ поставленъ былъ во владѣтели волею хана Западныхъ Турокъ, могущественнаго въ это время Тунъ-Шеху [19]. Утвержденіе со стороны Китайскаго Правительства получилъ Суфадѣ лишь въ 630 году, вслѣдствіе представленія даровъ ко Двору, уже при преемникѣ Гао-цзу, императорѣ Тхай-цзунѣ [20].

Вступивъ на престолъ въ 627 году, императоръ этотъ обратилъ серьезное вниманіе на дѣла Запада. Вынь-тхай

---

[17] Цё, въ прибавкѣ къ имени Вынь-тхай у Сюанъ-цзана, есть династическое прозвище послѣдняго, которое, въ этой и предшествующей главѣ, передаемъ мы, по о. Іакинеу, въ формѣ Кюй.

[18] Тамъ же, Ш, 209.

[19] «Исторія Тханской-Династіи» сказываетъ что титулъ «сылифа» былъ данъ покореннымъ владѣтелямъ Западнаго-Края именно этимъ Тунъ-Шеху-ханомъ. См. «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I (2), 346.

[20] Тамъ же, Ш, 218.

гаочанскій не замедлилъ принести ему поздравленіе съ воцареніемъ, а въ 630 году и лично явился къ Китайскому Двору, гдѣ былъ принятъ и награжденъ отличнѣйшимъ образомъ. Въ 632 году явилось тудаже и посольство съ дарами отъ Умибен'я [21], владѣльца хотанскаго, несмотря на зависимость его отъ Турковъ; въ томъ же году, несмотря на бо̀льшую еще зависимость отъ нихъ, отправилъ посла своего къ Китайскому Двору и Тукичжы, владѣлецъ харашарскій, а въ 635 году явилось, наконецъ, въ Си-ань-фу и посольство съ дарами отъ владѣльца кашгарскаго, Амочжы [22]. Авторитетъ китайскихъ императоровъ явно начиналъ перевѣшивать вліяніе тюркскаго господства. «Со времени безпокойствъ при династіи Суй—сказываетъ «Исторія Тханской-Династіи»—дорога черезъ Великую-Песчаную-Степь (т. е. дорога изъ Китая на западъ черезъ Шаньшань на Харашаръ) была закрыта, почему отправлявшіеся изъ Западнаго-Края ко Двору съ данью брали дорогу черезъ Гаочанъ. Вслѣдствіе этого, Тукиджы харашарскій, не мало терпѣвшій отъ Гаочанцевъ, просилъ Императора возстановить прежнее сообщеніе черезъ его владѣнія. Тхайцзунъ согласился. Но это, какъ и слѣдовало ожидать, разозлило Гаочанцевъ и они разграбили сосѣднія съ ними земли Харашарцевъ [23]. Между-тѣмъ поддалось Китайцамъ и сопредѣльное Гаочану съ востока владѣніе Иву, тогда же, въ 632 году, переименованное, вслѣдствіе того, въ *И-чжеу* [24]. Это уже совершенно перебросило Вынь-тхая гаочанскаго на сторону тюркскаго Тунъ-Шеху-хан'а. Совокупными силами напали они на Иву, а потомъ разорили

---

[21] По источникамъ Абель-Ремюзы, не Умибенъ, а wo-mi (Hist. d. l ville de Khotan, p. 67).

[22] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 209, 224 и 226.

[23] Тамъ же, III, 215; Mémoires concernant les Chinois, XV, 449.

[24] Абель-Ремюза: Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale (Paris, 1825), p. 80.

нѣсколько городовъ въ Харашарѣ, селенія предали огню, и увели въ плѣнъ до полуторы тысячи жителей. Послѣ напрасныхъ попытокъ обратить Гаочанъ къ покорности, ласками и угрозами, императоръ Тхай-цзунъ рѣшился принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ упроченію зависимости отъ Китая, какъ Гаочана, такъ и другихъ владѣній Восточнаго-Туркестана — назначилъ туда особаго главнокомандующаго съ нѣсколькими десятками тысячь войска. Двоедушествовавшій Вынь-тхай такъ испугался грозившаго ему наказанія что заболѣлъ и умеръ (въ 14-е лѣто правленія Тхай-цзуна = 640 г. по Р. Х.). Когда главнокомандующій, Гюнь-цзи по-имени, осадилъ столицу Гаочана, малолѣтній сынъ и преемникъ Вынь-тхая, Чжишенъ вышелъ изъ города и предалъ въ руки побѣдителя владѣніе свое, въ которомъ числилось тогда, по счету Китайцевъ, 24 города съ 8000 семействъ, всего 30,000 душъ. Присоединенное къ Китаю, владѣніе это переименовано было немедленно въ округъ *Си-чжеу*, и сдѣлано мѣстопребываніемъ особаго «намѣстника Западнаго Края», съ назначеніемъ туда гарнизона изъ 1000 человѣкъ Китайцевъ (изъ преступниковъ). Плѣнный Чши-шенъ съ его чиновниками былъ представленъ ко Двору и оставленъ въ Китаѣ; равнымъ образомъ переселены въ Китай и значительнѣйшія семьи гаочанскихъ жителей. Такимъ образомъ окончилось владычество династіи Кюй, царствовавшей въ Гаочанѣ 134 года, и прекратилось самое существованіе этого владѣнія [25]. Такъ повѣствуетъ «Исторія Тханской-Династіи», такъ, по всей вѣроятности, оно и было; только, либо исторія эта погрѣшила въ хронологіи, относя присоединеніе Гаочана къ Китаю нѣсколькими годами раньше чѣмъ это случилось; либо напутали біографы

---

[25] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 210 — 215; Mémoires concernant les Chinois, XV, 453 — 454; Мадуаньлинь, по переводу Ст. Жюльена въ Journal Asiatique за 1847 годъ, t. IX, pp. 203—208.

Сюань-цзана, по которымъ, видѣли мы выше (стрн. 148), путешественникъ этотъ обращался къ государю Гаочана съ письмомъ, и получилъ письменный же отвѣтъ отъ него, уже въ 644—645 годахъ, когда, по «Исторіи Тханской-Династіи», Гаочанскаго-Владѣнія не существовало болѣе. Не объясняя этого хронологическаго противорѣчія, замѣтимъ что по-нашему ошибки слѣдуетъ искать скорѣе въ «Біографіи» Сюань-цзана, чѣмъ въ «Исторіи Тханской-Династіи». Впослѣдствіи, въ 664—665 годахъ, помянутый Чжи-шенъ отпущенъ былъ изъ Китая, и назначенъ въ бывшее владѣніе свое «правителемъ». Сынъ его, Чжао, наслѣдовалъ по-видимому эту должность, и отличался особою страстью къ ученію и книгамъ: за рѣдкую книгу готовъ былъ отдать всѣ свои деньги [26].

Съ занятіемъ Гаочана Китайцами, харашарскому владѣльцу, который, по приглашенію китайскаго главнокомандующаго, присоединился къ нему съ войскомъ своимъ, возвращены были, какъ города, такъ и плѣнники, захваченные передъ тѣмъ Гаочанцами. Но Тукиджы, вступивъ въ родственную связь съ Турками, оказался вскорѣ неблагодарнымъ, и прекратилъ отправленіе посольствъ въ Китай. Въ наказаніе за это, столица его взята была Китайцами съ бою, причемъ погибло до 1000 человѣкъ Харашарцевъ, самъ онъ съ семействомъ препровожденъ подъ стражею въ Лоянъ, а на мѣсто его, владѣльцемъ поставленъ младшій братъ его, Липочжунь. Свергнутый родственникомъ своимъ Сепо Аначжы, былъ Липочжунь отосланъ послѣднимъ въ Кучу и тамъ преданъ казни. Китайцы, въ свою очередь, захвативъ Аначжы, отсѣкли ему голову, а владѣльцемъ въ Харашарѣ поставили Погали, одного изъ младшихъ братьевъ Тукичжы, вмѣстѣ съ чѣмъ

---

[26] Эти извѣстія о Чжи-шенѣ и Чжао заимствованы изъ Мадуаньлиня, l. c. p. 208—209.

и самое владѣніе Харашарское переименовали въ китайскую область. По смерти Погали, старѣйшины пожелали имѣть владѣтелемъ находившагося въ Китаѣ Тукиджы. Желаніе это было удовлетворено, но Тукичжы, вскорѣ по возвращеніи въ отечество, умеръ. Тогда на мѣсто его поставленъ былъ Лунлайту, а по смерти послѣдняго, въ 719 году — Яньтуфоянь [27]. Этимъ и оканчиваются извѣстія о судьбахъ Харашарскаго-Владѣнія въ «Исторіи Тханской-Династіи», насколько доступна она намъ въ европейскихъ извлеченіяхъ.

Что касается до сосѣдняго съ харашарскимъ, кучаскаго владѣнія, то владѣлецъ онаго, Суфадѣ (см. выше, стр. 171), въ 630 году признавшій себя вассаломъ Китая, поддался впослѣдствіи хану Западныхъ Турковъ, и даже посылалъ войско на помощь къ Харашарцамъ когда Тукиджы вступилъ въ борьбу съ Китайцами. По смерти Суфадѣ, владѣтелемъ въ Кучѣ поставленъ былъ младшій братъ его Али-Бушиби. Въ 647 году, отправилъ онъ къ императору Тхайцзуну два посольства съ данью; но императоръ, гнѣваясь на помощь оказанную имъ харашарскому Аначжы, положилъ наказать его вооруженною рукою. Вслѣдствіе сего, по захватѣ Аначжы, Китайцы направились на Кучу; Али-Бушиби, съ военачальникомъ своимъ Геледанемъ, встрѣтилъ ихъ съ войскомъ простиравшимся (по китайскимъ извѣстіямъ) до 50,000 человѣкъ, но былъ разбитъ, принужденъ отступить, и заперся въ столицѣ, а когда и тамъ не могъ держаться, то, бросивъ городъ, съ лучшею конницею отступилъ далѣе на западъ. Куча взята была приступомъ, послѣ чего погнались и за ушедшимъ владѣльцемъ. Послѣдній укрѣпился въ городѣ Бохань (?), верстъ на 300 къ западу отъ Кучи, но послѣ мѣсячнаго сопротивленія долженъ былъ сдаться, вмѣстѣ съ Геледанемъ. Этимъ, однако, походъ противу Кучи не закончился. Везирь ку-

---

[27] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», Ш, 216—218.

часкаго владѣльца, по-имени Нали, успѣлъ ускользнуть ночью изъ рукъ побѣдителей и, возвратившись вскорѣ съ помощью полученною отъ Западныхъ Турковъ, мужественно напалъ на Китайцевъ и нанесъ имъ большой уронъ. Отбитый тѣмъ-не-менѣе, онъ не упалъ духомъ, снова собралъ войско, и снова напалъ на императорскую армію, но въ этотъ разъ неудачно, ибо не только былъ разбитъ, но и взятъ въ плѣнъ. Главнымъ начальникомъ китайскихъ силъ въ этой кампаніи противу Харашара и Кучи былъ тюркскій вассалъ Китайцевъ, Ашина-шени (Asse-na-chi-eul), дѣйствовавшій съ ратью изъ покорствовавшаго имъ колѣна Тѣлэ. «Шени— читаемъ въ «Исторіи Тханской-Династіи»— разбилъ (въ эту кампанію) пять большихъ городовъ, взялъ въ плѣнъ нѣсколько десятковъ тысячь жителей обоего пола. и до 700 малыхъ городовъ склонилъ къ добровольной сдачѣ: весь Западный-Край пришелъ въ трепетъ». Поэтому Шени счелъ себя въ правѣ увѣковѣчить свои подвиги особою надписью вырѣзанною на камнѣ [28]. Поставивъ владѣльцемъ въ Кучѣ младшаго брата Али-Бушиби, по-имени Шеху, самого Али-Бушиби, съ военачальникомъ его Геледанемъ и везиремъ Нали, представилъ онъ, какъ трофеи похода, къ императорскому Двору, гдѣ, по прочтеніи имъ «выговора», были они помилованы, и вскорѣ затѣмъ возвращены въ отечество, причемъ Али-Бушиби

---

[28] Обычай увѣковѣчивать военные подвиги, высѣкая надписи о томъ на скалахъ или особыхъ памятникахъ, существовалъ, какъ въ западной, такъ и въ восточной Азіи, съ глубочайшей древности. Еще Семирамидѣ приписывается составленіе такого рода надписи (Поліэнъ, «Стратагемы», кн. VIII, гл. 26), а въ извѣстномъ манифестѣ Дарія-Гистаспа высѣченномъ клинописью на Бисютунской Скалѣ, имѣемъ мы великолѣпнѣйшій обрасчикъ такого рода надписей, сохранившійся до нашихъ временъ. Китайскія лѣтописи полны извѣстій о томъ что тотъ или другой военачальникъ увѣковѣчилъ тамъ или тутъ память о побѣдахъ своихъ, вырѣзкою реляціи о нихъ на камнѣ. Сообразно съ такимъ обычаемъ поступилъ и Ашина-Шени. Очень можетъ быть что съ подчиненіемъ Европейцамъ странъ Средней-Азіи найдены будутъ тамъ уцѣлѣвшими и нѣкоторыя изъ такихъ надписей.

вновь возведенъ въ санъ владѣльца. Когда послѣдній, по прошествіи довольно долгаго времени, счелъ нужнымъ снова отправиться къ императорскому Двору, Нали, въ отсутствіе его, «разрушилъ семейный бытъ владѣтеля», за что̀ былъ вызванъ въ столицу и посаженъ въ заточеніе; а когда, послѣ этого, Али-Бушиби поѣхалъ обратно домой, явился врагомъ его и Геледанъ: военачальникъ этотъ не только не впустилъ государя своего въ его резиденцію, но самъ объявилъ себя владѣтелемъ. Али-Бушиби умеръ съ горя, а Геледань, по приказанію императора, былъ, со всѣми сообщниками своими, преданъ казни, и владѣльцемъ поставленъ сынъ Бушибіевъ, по-имени Суцзи, о которомъ сказывается далѣе что въ 674 году представилъ онъ въ даръ ко Двору какихъ-то отличныхъ иньполоскихъ (?) лошадей. Затѣмъ, подъ 678-мъ годомъ упоминается о пріѣздѣ ко Двору владѣльца кучаскаго Яньтаньдѣ, а подъ 719-мъ — о смерти таковагоже владѣльца Бомоби, и о томъ что, вмѣсто него, возведенъ былъ на престолъ сынъ его Доши, перемѣнившій приэтомъ имя свое на китайское — Хяо-цзѣ. Въ 730 году присылалъ онъ младшаго брата своего ко Двору [29]. На этомъ и останавливаются имѣющіяся извѣстія о Кучѣ въ «Исторіи Тханской-Династіи».

Еще менѣе узнаёмъ изъ тогоже источника о событіяхъ въ Кашгарѣ, а именно: что въ 639 году владѣлецъ Амочжы (см. выше, стрн. 172) еще разъ представилъ ко Двору данъ изъ мѣстныхъ произведеній; что въ концѣ 650-хъ годовъ Кашгаръ, Чжугюйбо и Гѣбаньдо вышли изъ повиновенія и соединенными силами нападали на Хотанъ; что въ 728 году посланы были въ Кашгаръ чиновники съ грамотою, которою владѣльцемъ этой страны утвержденъ былъ Аньдинъ; и что въ 753 году пріѣзжалъ ко Двору старѣйшина

---

[29] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 219 — 223; Mémoires concernant les Chinois, XV, 461, 474.

кашгарскій Пейголянь, который и пожалованъ бытъ военнымъ чиномъ, краснымъ кафтаномъ и золотою рыбою [33]. Вообще, Кашгаръ съ окрестными владѣніями, хотя и считался въ зависимости отъ Китая, находился болѣе подъ вліяніемъ сосѣднихъ съ нимъ Западныхъ Турковъ.

Что касается до Хотана, то владѣлецъ этой страны, Умибень, черезъ три года послѣ первой имъ отправки посольства ко Двору съ дарами (см. выше, стрн. 172), послалъ тудаже на службу, въ императорскую лейбъ-гвардію, сына своего. Когда покорена была Китайцами Куча, владѣлецъ хотанскій Фудусинь (Fou-che-sin) счелъ полезнымъ изъявить преданность свою Китаю отправкою ко Двору сына своего съ 300 верблюдовъ, а затѣмъ нашелся вынужденнымъ и лично явиться передъ свѣтлое лице «Сына Неба». Въ это время (въ 650 году) на престолъ «Срединнаго-Царства» вступилъ новый императоръ, Гао-цзунъ, который и пожаловалъ, какъ Фудусиня, такъ и сына его Шехудян'я, военными чинами, далъ обоимъ по кафтану съ поясомъ, и 6000 кусковъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей. Пробывъ въ Китаѣ нѣсколько мѣсяцевъ, отецъ и сынъ отпущены были обратно. Въ 674 году, по смерти Фудусин'я, сынъ его Фушесюнь (Fou-che-hioung), съ 70 человѣками родственниковъ и старшинъ, пріѣзжалъ ко Двору, и за услуги свои противъ Тибетцовъ получилъ отцовское наслѣдіе, переименованное въ область, съ титуломъ губернатора. По смерти его, владѣльцемъ Хотана императрица Ву-хэу поставила, въ 691 году, сына его, Гин'а. Этотъ властвовалъ долго, преемники-же его, Фушычжань (Fou-sse-tchen), Фудуда (Fou-che-ta) и Гуй (Kouei), получавшіе престолъ съ соизволенія Китайскаго Правительства, смѣнялись быстро одинъ вслѣдъ

---

[33] Тамъ же, I (2), 362, и III, 224—225. «Золотою рыбою» значитъ, по о. Іакинѳу, «печатью въ видѣ рыбы».

за другимъ. Сынъ и преемникъ Гуя, Шенъ по-имени, отправился въ Китай лично, предводительствуя 5000 человѣкъ войска, на помощь къ императору Сюань-цзуну, когда возмутился, въ 756 году, знаменитый Аньлушань. Отлучаясь изъ своего владѣнія, управленіе имъ возложилъ Шенъ на младшаго брата своего, а по возстановленіи порядка въ Китаѣ не пожелалъ возвратиться въ отечество, и завѣдываніе дѣлами въ Хотанѣ поручено было брату же его, Шеху-гю'ю (J-hou-yao) [31]. Этимъ и заключаются свѣдѣнія о событіяхъ въ Хотанскомъ-Владѣніи.

Что касается до общаго положенія края, то, по мѣрѣ распространія власти Китая на Восточный-Туркестанъ, для обеспеченія покорности этой страны и защиты ея отъ внѣшнихъ враговъ, учреждались тамъ постепенно военные посты [32] съ китайскими въ нихъ гарнизонами, а владѣнія переименовывались, на китайскій ладъ, въ области (*фу*) и округи (*чжеу*), съ присвоеніемъ имъ китайскихъ названій, при чемъ владѣльцы, каковъ-бы ни былъ ихъ мѣстный титулъ, получали одинаково офиціальное званіе «правителя» (*ду-ду-фу*) [33]. Такъ, видѣли уже мы, *Иву* и *Гаочанъ*, по занятіи ихъ Китайцами, переименованы были въ *И-чжеу* и *Си-чжеу*. Съ занятіемъ Харашара, владѣніе это обращено было немедленно въ китайскую область (*фу*)

---

[31] Тамъ же, III, 226—228; Mémoires concernant les Chinois, XVI, 68—69. Въ этомъ-послѣднемъ источникѣ находимъ еще извѣстіе будто въ 725 году хотанскій владѣлецъ интриговалъ противу Китайцевъ, приглашая Турковъ и другія владѣнія Восточнаго-Туркестана свергнуть ихъ иго, за что и былъ Китайцами преданъ смерти. Нѣтъ-ли тутъ описки: не значится-ли хотанскій владѣлецъ вмѣсто кашгарскаго?

[32] «Военный постъ»: такъ передаемъ мы то что у о. Іакинеа названо «инспекціею», у Гобиля — place d'armes, у Абель-Ремюзы — garnison.

[33] Полагаю, можетъ быть ошибочно, что ду-ду-фу есть китайская передѣлка изъ тюркскаго тутунъ, какъ названы были Тунъ-Шеху-ханомъ чиновники приставленные имъ къ покореннымъ владѣльцамъ Западнаго-Края, для надзора за ними и собиранія податей. См. «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I (2), 346.

и учрежденъ здѣсь первый военный постъ [34]. Второй военный постъ учрежденъ былъ, по присоединеніи Кучаскаго-Владѣнія, въ этомъ-послѣднемъ, съ обращеніемъ его въ область изъ девяти округовъ (*чжеу*). Третій постъ устроенъ былъ въ Хотанскомъ-Владѣніи, обращенномъ въ 674 году въ область, сначала изъ пяти, потомъ изъ десяти округовъ [35]. Четвертый постъ находился въ Кашгарскомъ-Владѣніи, которое обращено было въ область съ пятнадцатью округами [36]. Въ 658 году, признано было удобнѣйшимъ мѣстопребываніе «Намѣстника завѣдывающаго западнымъ-Краемъ» (*Ань-си-ду-хо-фу*), находившееся дотолѣ въ Гаочанѣ, перевести въ Кучу, причемъ подчинены были этому чиновнику и военные посты: харашарскій, хотанскій и кашгарскій [37].

Зависимость отъ Китая была, по-видимому, благодѣтельна для страны. Препятствуя владѣльцамъ ея враждовать между собою и разорять взаимно свои владѣнія, верховный китайскій надзоръ водворялъ внутренній миръ и, по-возможности, ограждалъ страну отъ грабительскихъ на нее покушеній со стороны сосѣднихъ кочевниковъ. Владѣльцы, хотя и съ китайскимъ титуломъ «правителей»,

---

[34] Постъ этотъ назывался Суйѣ'скимъ по городу Суй-ѣ (Tsouï-ye) гдѣ былъ помѣщенъ. Этого города не должно, по-моему, смѣшивать съ городомъ тогоже имени (Су-ѣ у о. Іакинѳа, Sou-ye по Сюань-цзану), къ западу отъ Иссы-Куля.

[35] Этотъ постъ носилъ названіе Пи-ша'скаго, должно быть по городу Пишан'и, принадлежавшему тогда къ Хотанскому-Владѣнію.

[36] Абель-Ремюза: Mémoires sur plusieures questions etc. pp. 82 et 84—85. По этому писателю, кашгарскій постъ учрежденъ былъ ранѣе всѣхъ, въ въ 635 году, затѣмъ суѣскій — въ 644, затѣмъ кучаскій — въ 646, и наконецъ пишаскій — въ 648 году. Не могло быть такъ. Кромѣ того, Абель-Ремюза ошибается принимая, по примѣру Гобиля, Янь-ци (Yan-ki) не за Харашаръ, а за Яркянь, тогда-какъ тождество Янь-ци (Yen-tchi) съ Харашаромъ признано было уже Дегинемъ (Histoire générale des Huns, I (2), p. XXVII).

[37] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 221; Mémoires concernant les Chinois, XV, 471.

или «губернаторовъ», оставались при этомъ въ земляхъ своихъ столь же полновластными распорядителями, какими были во время независимости; обязанности ихъ въ отношеніи къ Китаю ограничивались присылкою ко Двору, время отъ времени, даровъ изъ мѣстныхъ произведеній или рѣдкостей какія могли они добыть изъ чужихъ земель, и выставкою, въ случаѣ нужды, военнаго контингента въ распоряженіе китайскихъ намѣстниковъ и главнокомандующихъ. Чтобы со владѣтелей этихъ поступали какія-либо подати, не находимъ никакихъ указаній. Императоры требовали только чтобы владѣльцы, какъ вассалы ихъ, вступая на престолъ, получали отъ нихъ утвержденіе въ своемъ достостоинствѣ; при чемъ утверждаемые снабжались грамотами, печатями, поясами и другими внѣшними знаками власти, а за хорошее поведеніе и услуги Китаю награждались чинами и почетными прозвищами. Оффиціальное переименованіе владѣній въ области и раздѣленіе ихъ на округа существовало только на бумагѣ, для удовлетворенія китайскаго тщеславія: сколько извѣстно, ни въ чемъ не измѣняло оно существовавшихъ дотолѣ территоріальныхъ дѣленій и земскихъ порядковъ.

Такое положеніе вещей, весьма удобное, какъ для властителей, такъ и для населенія Восточнаго-Туркестана, длилось однакоже недолго. Къ югу и западу отъ этой страны, на холодныхъ нагорьяхъ Тибета и въ жаркихъ долинахъ Аму и Зерэфшана совершались событія отразившіяся скоро весьма невыгоднымъ для нея образомъ. Подвергавшійся доселѣ нашествіямъ и разоренію только съ сѣвера или съ востока, началъ теперь В. Туркестанъ испытывать тѣже бѣдствія и отъ сосѣдей своихъ за Кхуньлунскимъ-Хребтомъ и Памирскою-Высью. Въ Тибетѣ разрозненныя колѣна населявшія этотъ край, составили, въ первой половинѣ VII-го вѣка, подъ властію Сронгцзанъ-кгамбо (Ѣцзунъ-Лунцзанъ Китайцевъ) сильное государство, которое, при преемникахъ его, руководимыхъ даро-

витыми везирями, Лудунъ-цзан'омъ и сыномъ его, Цинь-лин'омъ, сдѣлалось страшно самому Китаю. Недовольный существовавшими отношеніями къ послѣднему, Лудунъ-цзанъ вздумалъ наказать Китайское Правительство отторженіемъ подчинявшихся ему владѣній Восточнаго-Туркестана, и въ 670 году предпринялъ, въ союзѣ съ Западными Турками, вторженіе въ эту страну, послѣдствіемъ котораго было изгнаніе оттуда китайскихъ гарнизоновъ и временный переходъ западныхъ и среднихъ частей ея подъ власть Тибетцевъ [38]. Зависимость отъ послѣднихъ, хотя и слабая [39], была, кажется, не по вкусу владѣльцамъ Восточнаго-Туркестана, и прекратилась въ 692 году, вслѣдствіе пораженія нанесеннаго Тибетцамъ китайскимъ военачальникомъ Ванъ-сяо-цзѣ (Wang-hieou-king) [40]. Тибетцы старались вознаградить эту потерю, распространяя власть свою на горныя страны въ узлѣ Гиндукуша съ Кхуньлунемъ, и, въ 715 году, произвели, по китайскимъ извѣстіямъ, вторженіе въ предѣлы владѣнія Ба-хань-на (Pa-han-na), владѣтель коего, считавшійся вассаломъ Китая, и бѣжалъ потому за помощію въ Ань-си, какъ звался тогда оффиціально у Китайцевъ Восточный-Туркестанъ. По тѣмъ же извѣстіямъ, вторженіе это было предпринято по соглашенію съ Аравитянами, и въ составѣ тибетской арміи находились даже халифскія войска [41]. Вслѣдствіе этого —

---

[38] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 222 и 227; Mémoires concernant les Chinois, XV, 478—479, 481; Клапротъ: Tableaux historiques de l'Asie, p. 139; «Исторія Тибета и Хухунора», I, 138. Въ этомъ-послѣднемъ трудѣ говорится что Тибетцы разрушили, въ этотъ походъ, стѣны города Кучи. Съ Кучею отожествленъ здѣсь ошибочно городъ Бохань (Pou-houan), въ 600 ли къ западу отъ Кучи, о взятіи котораго Тибетцами въ 670 году упоминаютъ китайскіе историки.

[39]. Это видно изъ разсказа о томъ какъ китайскій военачальникъ Пхэй-хинъ-гянь велъ, въ 679 году, войну противу хана Западныхъ Турокъ, Ашина-Дучжы. См. Mémoires concernant les Chinois, XV, 481.

[40] Тамъ же, XV, 493; «Исторія Тибета и Хухунора», I, 147.

[41] Mémoires concernant les Chinois, XVI, 9—10; Klaproth: Tableaux historiques de l'Asie, p. 141—142.

продолжаютъ Китайцы — командовавшій въ Аньси военачальникъ Чанъ-сяо-сунъ (Tchang-hiao-song), собравъ находившіяся тамъ китайскія войска, и покрѣпившись 10,000-ми ратниковъ изъ Кучи (Ku-tse), прошелъ много тысячь ли на западъ, покорилъ болѣе ста городовъ, и послалъ въ сосѣднія страны грамоты съ приглашеніемъ чтобы онѣ подчинились «Сыну Неба», вслѣдствіе чего, будто-бы, Да-ши (такъ называли Китайцы Арабовъ) и восемь другихъ владѣній признали себя вассалами Китайцевъ, а полководецъ китайскій, воздвигнувъ колонну съ прописаніемъ на ней обстоятельствъ похода, возвратился со славою во свояси [42]. Весьма можетъ быть что для противодѣйствія Тибетцамъ, или по другой причинѣ, предпринятъ былъ Китайцами изъ Восточнаго-Туркестана походъ въ Ба-хань-на и далѣе на западъ, окончившійся успѣшнымъ для нихъ образомъ; только едва-ли Тибетцы дѣйствовали въ союзѣ Арабами; еще менѣе вѣроятно чтобы Арабы находились въ составѣ тибетской арміи; и совсѣмъ уже невѣроятно чтобы напуганные успѣхами Китайцевъ, признали себя ихъ вассалами, не говорю сами халифы, а даже намѣстники ихъ въ Харасанѣ или даже подручники послѣднихъ въ Бадахшанѣ. Во всякомъ случаѣ, мусульманскіе историки, ни древнѣйшіе, сколько извѣстны они до сихъ поръ, ни позднѣйшіе, ни о чемъ подобномъ описанному походу Тибетцевъ и Китайцевъ не упоминаютъ. До VIII-го столѣтія по Р. Х. Аравитяне предпринимали въ Мавераннагръ и Тохарестанъ лишь набѣги съ цѣлію грабежа. Болѣе прочнымъ образомъ утвердилась тамъ власть халифовъ, какъ извѣстно, лишь при Валидѣ I-мъ, благодаря постояннымъ туда вторженіямъ намѣстника хорасанскаго, знаменитаго въ лѣтописяхъ Ислама, Кутейбы ибнъ Муслима. По завоеваніи Самарканда, первый походъ далѣе на востокъ, въ

---

[42] Mémoires concernant les Chinois, XVI, 9.

Ферганскую-Долину, предпринятъ былъ Кутейбою лишь въ 94 году гиджры (712—713 по Р. Х.); въ этотъ удачный походъ завоеваны были тамъ города: Шашъ (нынѣшній Ташкентъ), Хохандъ и Казанъ [43]. Въ 96 году гиджры 714 — 715) вновь предпринятъ былъ Кутейбою походъ въ ту же сторону: на этотъ разъ, не ограничиваясь Ферганскою-Долиною, войска его проникли уже и въ кашгарскіе предѣлы. Память о томъ передавалось между Мусульманами въ видѣ легенды, которая дошла и до насъ. Когда Мусульмане, вторгнувшись въ Кашгарію, начали тамъ грабить и опустошать — сказываетъ легенда — то царь китайскій *(маликъ-эс-синъ)* написалъ къ Кутейбѣ чтобы прислалъ къ нему кого-либо изъ почетныхъ людей толкомъ растолковать: кто они (Арабы) такіе, и какая у нихъ вѣра. И послалъ Кутейба къ нему 10 или 12 человѣкъ, съ Губейрою во главѣ, красивыхъ и рѣчистыхъ, храбрыхъ и разумныхъ, богато снабдивъ ихъ одеждою, конями и всѣмъ нужнымъ. Посламъ этимъ поручено было возвѣстить Китайцамъ что Кутейба поклялся не уходить «пока не потопчетъ земли ихъ, не наложитъ узды на князей ихнихъ, и не заставитъ ихъ уплатить дани». Когда это передано было царю китайскому, «хорошо — сказалъ онъ — я пошлю Кутейбѣ горсть земли нашей: можетъ потоптать ее; пошлю ему четверыхъ изъ молодцовъ нашихъ: можетъ узду на нихъ наложитъ; и пошлю ему дары богатые: пусть беретъ ихъ». Такъ было сдѣлано, и Кутейба, удовольствовавшись этимъ, не пошелъ далѣе вглубь Китайскаго-Царства [44].

Подъ «китайскимъ царемъ» этой легенды, конечно, слѣдуетъ понимать кашгарскаго владѣльца или, много уже,

---

[43] Источники см. у Вейля, въ его Geschichte der Chalifen (Mannheim, 1846), I, 503.

[44] Эта легенда разсказана съ большими подробностями, у насъ выпущенными, въ Ибнъ-эль-Эсировой Всеобщей Исторіи (Jbn-el-Athiri Chronicon quod Perfectissimum inscribitur, ed. Tornberg, Lugd. Bat. Vol. V (1871), pp. 2—4), куда попала по-видимому изъ Табари (см. Вейля, l. c.)

китайскаго намѣстника Восточнаго-Туркестана. Такимъ образомъ, если только походъ Кутейбы въ Фергану въ 96 г. гиджры есть событіе тождественное со вторженіемъ, по Китайцамъ, тибетскаго государя въ страну Баханьна, дѣло кончилось торжествомъ аравійскаго, а не китайскаго полководца. Мы полагаемъ что противорѣчіе обоихъ разсказовъ можетъ быть примирено слѣдующими предположеніями: 1) Тибетцы въ 715 году вовсе не вторгались въ Баханьна (Фергану): они и проникнуть туда не могли пока Китайцы оставались владыками Восточнаго-Туркестана [45]; 2) вторженіе въ Баханьна произведено было халифскими войсками подъ предводительствомъ Кутейбы; 3) передовые отряды его, быть можетъ, дѣйствительно проникали до Кашгара, и даже овладѣли этимъ городомъ, вслѣдствіе чего китайскій намѣстникъ Восточнаго-Туркестана и вступилъ въ переговоры съ посланцами Кутейбы, стараясь удалить Арабовъ притворною покорностью; 4) когда-же Кутейба, тотчасъ послѣ этого, получивъ извѣстіе о смерти халифа Валида, нашелся вынужденнымъ поспѣшить возвращеніемъ въ Хорасанъ, намѣстникъ китайскій, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, вторгся, въ свою очередь, въ оставленную Арабами Фергану, и, быть можетъ доходилъ побѣдоносно даже до Самарканда, признававшаго уже надъ собою власть халифовъ (Даши), почему изъявленную этимъ владѣніемъ готовность поступить подъ покровительство Китая, и представилъ своему правительству

---

[45] Замѣчательно что въ «Исторіи Тибета и Хухунора», составленной по китайскимъ источникамъ, вовсе не упоминается, ни о походѣ, въ 715 году, Тибетцевъ на Баханьна, ни о какихъ-либо связяхъ ихъ съ Арабами. Поводомъ связать Тибетцевъ съ походомъ Арабовъ въ Баханьна послужило, быть можетъ, прибытіе къ Китайскому Двору, въ это время, владѣльца Малаго-Болюй (Болора) съ жалобами на притѣсненія отъ Тибетцевъ. По о. Іакинеу («Собр. свѣд.» Ш, 253), владѣлецъ этотъ пріѣзжалъ въ Китай въ 713-мъ, по Гобилю (Mémoires concernant les Chinois, XVI, 12) — въ 715-мъ году.

какъ признаніе надъ собою китайскаго господства самими Даши. Изложить свои подвиги въ такомъ видѣ было для китайскаго полководца не болѣе предосудительно, какъ было для Кутейбы переговоры свои съ намѣстникомъ Восточнаго-Туркестана, и униженіе которому онъ его подвергъ, представить переговорами веденными съ самимъ владыкою Китая, и униженіемъ самому этому владыкѣ нанесеннымъ. Предположеніе что Фергана, а тамъ и Самаркандъ съ мелкими окрестными владѣніями, поступили, немедленно по уходѣ оттуда Кутейбы, опять подъ покровительство Китая (подъ которымъ дотолѣ находились), подтверждается тѣмъ что въ правленіе халифа Ѣзида II (719—723 по Р. Х.) видимъ намѣстника его въ Харасанѣ, Саида ибнъ Амру, вынужденнымъ предпринять новый походъ на Самаркандъ и Фергану для обращенія ихъ къ покорности, и безуспѣшно воюющимъ въ Ферганѣ до самой смерти Ѣзида [46]. Позже, съ помощію Западныхъ Турокъ, возсталъ противу халифовъ и весь Мавераннагръ, такъ-что усмиренъ былъ онъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подчинена опять Арабамъ и Фергана, да и то не окончательно, лишь въ концѣ Гишамова правленія, послѣ 120 года гиджры (738 по Р. Х.), благодаря уму и мужеству намѣстника хорасанскаго, Насра ибнъ Сейяра [47].

Отъ мусульманскихъ историковъ не узнаёмъ мы ничего о томъ чтобы намѣстники халифскіе въ Харасанѣ и Мавераннагрѣ предпринимали, послѣ вторженія Кутейбы въ предѣлы Кашгаріи, какія-либо экспедиціи въ эту сторону и вообще въ Восточный-Туркестанъ; китайскія-же сказанія нерѣдко заставляютъ Дашисцевъ принимать участіе въ покушеніяхъ противу Восточнаго-Туркестана, и со стороны Западныхъ-Турокъ, и со стороны Тибетцевъ, дѣйствовав-

---

[46] Вейль, l. c. I, 604.

[47] Вейль, l. c. I, 629—632.

шихъ противу Китайцевъ соединенными силами, какъ противу общаго ихъ врага. Такъ, по «Исторіи Тханской-Династіи», Западные Турки согласили, въ 717 году, Дашисцевъ и Тибетцевъ притти на помощь къ нимъ для овладѣнія Восточнымъ-Туркестаномъ, вслѣдствіе чего будто-бы соединенныя войска Турокъ, Дашисцевъ и Тибетцевъ осадили два города въ Кашгарскомъ-Владѣніи, но Китайцы заставили ихъ снять осаду [48]. Быть можетъ, впрочемъ, что это—разсказъ о Кутейбовомъ вторженіи въ Кашгарію 715 года, только отнесенный къ 717-му. Затѣмъ, подъ 751 годомъ, опять въ томъ же источникѣ, читаемъ что вслѣдствіе жестокости и недобросовѣстности управлявшаго Западнымъ-Краемъ Гао-сянь-чжи (Kao-sien-tchi), сынъ казненнаго по его навѣтамъ владѣльца въ Ши (Ташкентъ) бросился искать помощи у Даши, и Дашисцы дали ему войска для нападенія на Восточный-Туркестанъ, при содѣйствіи котораго войска и нанесено было Гао-сянь-чжіевой рати рѣшительное пораженіе [49]. Несмотря на это, несмотря на постоянную враждебность Западныхъ Турокъ и Тибетцевъ, власть Китайцевъ надъ Восточнымъ-Туркестаномъ и вліяніе ихъ даже на владѣнія къ западу отъ Памирской-Выси, были такъ еще прочны, что когда, въ 756 году, взбунтовавшійся военачальникъ Аньлушань овладѣлъ уже обѣими столицами Тхановъ, императоръ Сюань-цзунъ могъ вызвать на помощь къ себѣ, изъ числа китайскихъ войскъ располагавшихся въ Восточномъ-Туркестанѣ, 7000 опытныхъ солдатъ [50], и, кромѣ того, явились къ нему лично, съ контингентами своими и сосѣднихъ владѣній, не только владѣлецъ хотанскій (выше, стр. 179), а даже государь

---

[48] Mémoires concernant les Chinois, XVI, 12.

[49] Тамъ же, XVI, 50; «Собр. Свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 244.

[50] Послѣ возвращенія В. Туркестана изъ подъ власти Тибетцевъ, въ Кучу, мѣстопребываніе намѣстника управлявшаго этою страною, назначенъ былъ 30-тысячный гарнизонъ («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 222).

отдаленнаго Тухоло (Тохарестана, Бактріаны) [51]. Даже дашискія войска, по «Исторіи Тханской-Династіи» прибыли въ Китай на помощь императору, вслѣдствіе приглашенія о томъ отъ главнокомандующаго въ В. Туркестанѣ, и содѣйствовали къ возвращенію обѣихъ столицъ изъ рукъ мятежниковъ [52]. Относительно этихъ войскъ замѣтимъ, вслѣдъ за Гобилемъ, что дашискими, т. е. халифскими, назывались онѣ потому, быть можетъ, что находились дотолѣ на жалованьѣ или у халифскихъ пограничныхъ начальниковъ въ Тохарестанѣ и Мавераннагрѣ, или даже у мѣстныхъ владѣльцевъ тамошнихъ признававшихъ надъ собою главенство халифовъ.

Но со второй половины VIII вѣка, Китай, ослабляемый постоянною неурядицею въ управленіи, внутренними бунтами и непрекращавшеюся борьбою съ Тибетцами, началъ быстро утрачивать вліяніе свое не только надъ *Си-юй* (Западнымъ-Краемъ), какъ звались при Тханахъ вассальныя зѐмли ихъ къ западу отъ Цунлин'а (Памирской-Выси), но и надъ *Ань-си* («Умиротвореннымъ-Западомъ»), или «четырьмя военными округами», какъ именовались тогда оффиціально подчиненныя Китайцамъ владѣнія Восточнаго-Туркестана. Причинами такой утраты были, съ одной стороны, послѣдовавшее тѣмъ временемъ упроченіе владычества Арабовъ въ долинахъ Аму и Сыра, съ другой — успѣхи Тибетцевъ завладѣвшихъ съ 755 года западными областями Китая [53], и такимъ образомъ отрѣзавшихъ сообщенія его съ Восточнымъ-Туркестаномъ. Китайскіе гарнизоны въ послѣднемъ, не получая подкрѣпле-

---

[51] Mémoires concernant les Chinois, XVI, 66—67, 68—69 и 71; «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 256.

[52] Mémoires étc. XVI, 67, 71; «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, 273.

[53] Или, какъ выражаются Китайцы, «странами Гуань-Лунъ», изъ коихъ Гуань соотвѣтствовала нынѣшней губерніи Шень-си, а Лунъ— нынѣшней губерніи Гань-су. См. «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I (2), 411.

ній, еле держались, и намѣстникъ края вынужденъ былъ сноситься съ центральнымъ правительствомъ посредствомъ гонцовъ добиравшихся до него уже черезъ зѐмли союзныхъ Китайцамъ Хойхэ. Въ 790 году, наконецъ, послѣ побѣды одержанной Тибетцами надъ этими Хойхэ, уже въ предѣлахъ Восточной-Джунгаріи, Восточный-Туркестанъ перешелъ совсѣмъ подъ владычество Тибетскихъ государей; еще нѣсколько времени держался китайскій гарнизонъ только въ Си-чжеу (Гаочанѣ). Но вскорѣ затѣмъ стало клониться къ упадку и могущество Тибетцевъ. Преемниками ихъ въ господствѣ надъ странами въ бассейнѣ Тарима являются, со второй половины IX-го вѣка, помянутые сейчасъ Хойхэ [54].

Извѣстія о происхожденіи этихъ Хойхэ, встрѣчаемыя въ китайскихъ источникахъ, крайне сбивчивы: При Юань-Вей'ской Династіи (386 — 558) были они извѣстны Китайцамъ — сказываетъ «Исторія Тханской-Династіи» — подъ именемъ *Гаогюй*, иначе *Чиле*, или *Тѣлэ*. Жили они тогда, въ числѣ 15-ти родовъ, по сѣверную сторону Великой-Песчаной-Степи, и отличались храбростію. Когда господствовали Ту-цзюй (Турки), Тѣлэсцы считались ихъ подданными: «ихъ силами и геройствовали Ту-цзюй въ пустыняхъ Сѣвера». Притѣсненія и жестокости которымъ подвергались они отъ Чуло-хана туцзюйскаго повели къ тому что одинъ изъ тѣлэскихъ родовъ, по-имени *Юаньгэ*, иначе *Уху* или *Угэ*, соединившись съ тремя другими родами, отложился отъ Туцзюй, и образовалъ независимое владѣніе подъ именемъ *Хойхэ*. Хойхэ жили тогда при рѣкѣ Со-линъ (Селенга), въ 7000 ли отъ (китайской) столицы (временъ Суйской-Династіи), простирались численностію до 100,000 душъ (муж. пола), и управлялись владѣльцами съ титуломъ *сыгин*'ей. Въ 628 году, въ союзѣ съ другимъ многолюд-

---

[54] Mémoires etc. XVI, 120, 135, 139, 185, 216; «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I (2), 411 и 424.

нымъ тѣлэскимъ родомъ, *Сѣяньто* по-имени, разбили они высланную для усмиренія ихъ рать Хэли-хана туцзюйскаго, и нѣсколько времени послѣ того признавали надъ собою главенство Сѣяньто'сцевъ, а потомъ возстали противу нихъ, побили ихъ, разсѣяли, овладѣли ихъ землями, и — поддались Китаю [55], причемъ примѣру Хойхэ послѣдовали и остальные тѣлэскіе роды. Ханы хойхэскіе служили Китаю вѣрою и правдою, искренно помогая императорамъ въ войнахъ послѣднихъ съ Туцзюями; когда-же, въ правленіе императрицы Ву-хэу (684 — 705), усилился туцзюйскій Мочжо-хаганъ, и сталъ тѣснить Тѣлэсцевъ, Хойхэ, вмѣстѣ съ тремя другими тѣлэскими родами (Киби, Сыгѣ и Хунь), перекочевали черезъ Великую-Песчаную-Степь на югъ, и осѣли противу (китайскихъ) областей Лянъ-чжеу и Гань-чжеу, гдѣ и оставались бо́льшею частію въ покорности Китайцамъ. Позже, съ конца первой половины VIII вѣка, видимъ Хойхэ живущими опять на сѣверъ отъ Великой-Песчаной-Степи. О ханѣ ихъ, Пейло, сказывается что владѣнія его простирались тогда «на востокъ до Шивей, на западъ до Алтайскихъ-Горъ», т. е. что пріобрѣлъ онъ всѣ зѐмли принадлежавшія нѣкогда Хуннамъ. Въ-продолженіе знаменитаго бунта Аньлушанева, Хойхэ столько-же помогали законному правительству противу мятежниковъ, сколько, пользуясь неурядицею, грабили китайскіе

---

[55] «Кочевые народы — совершенно-вѣрно замѣчаетъ о. Іакинѳъ — считаютъ подданство торгомъ въ которомъ предполагаютъ выиграть по-крайней-мѣрѣ четыре процента на одинъ; и когда находятъ благопріятный къ сему случай, то еще соперничаютъ въ готовности изъявлять подданническое усердіе; если-же бываютъ обмануты въ надеждѣ, то ухищряются мстить набѣгами, хищничествомъ и убійствомъ. Итакъ клятву и вѣрность считаютъ они средствами къ выигрышу, а клятвонарушеніе и вѣроломство — пустыми словами. Вступая въ подданство къ какой-либо державѣ, кочевники ищутъ обыкновенно свободы отъ ясака (дани), предлагая, вмѣсто него, готовность свою служить въ войнѣ противъ непріятелей, такъ-какъ послѣднее удовлетворяетъ наклонности ихъ къ хищничеству». См. «Историческое Обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ». Спб. 1834, стрн. 31—32.

городà и области. Тоже продолжалось и впослѣдствіи, хотя Китайцы, которыхъ считались они вассалами, старались отвратить это безуспѣшно, платою имъ, подъ видомъ даровъ, тяжелой дани, отдачею въ замужество за ихъ хановъ царевенъ своихъ, и награжденіемъ этихъ хановъ всевозможными почетными титулами. Въ 788 году, ханъ хойхэскій, по-имени Дуньмохэ, просилъ чтобы Китайцы писали впредь имя его народа, не *Хой-хэ*, какъ велось это дотолѣ, а *Хой-ху*, на томъ основаніи что «подданные его въ нападеніи подобны кречету» [56], чтó съ тѣхъ поръ и вошло въ употребленіе. За тридцать лѣтъ передъ этимъ, въ 758 году, Хойху покорили обитавшій на западъ отъ рѣки Селенги народъ именуемый Китайцами *Хагасъ*; но съ начала IX вѣка Хагасцы эти начали усиливаться, и когда, около 840-хъ годовъ, произошли у Хойху внутреннія распри, сопровождавшіяся моровою язвою и голодомъ вслѣдствіе падежа скота по причинѣ выпавшихъ глубокихъ снѣговъ, воспользовались этими бѣдствіями чтобы нанести рѣшительный ударъ могуществу Хойху на сѣверѣ, и заставили ихъ вновь передвинуться на югъ. О ханѣ хойху'скомъ Панъ-Дэлэ знаемъ что онъ жилъ уже въ Гань-чжеу и «владѣлъ городами лежавшими далѣе на западъ за Песчаною-Степью»; въ правленіи-же императора И-цзуна (860—873) тѣ изъ Хойху которые оставались еще въ Восточной-Джунгаріи, отняли у Тибетцовъ Си-чжеу (Турфанъ) и Лунь-тхай (Бугуръ), гордый чѣмъ глава этихъ Хойху, Пугу-цзунь, принялъ титулъ хана и утвержденъ былъ въ этомъ достоинствѣ китайскимъ императоромъ. О дальнѣйшихъ судьбахъ Хойху, а равно и Восточнаго-Тур-

---

[56] Ху значитъ по-китайски «кречетъ». Такимъ же образомъ, хуннскій государь Хянь перемѣнилъ названіе своего народа, Хунну, на Гунну, т. е., изображая его китайскими знаками, началъ, вмѣсто знака хунъ, «злой», употреблять знакъ гунъ, «почтительный». См. «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, 106—107.

кестана, «Исторія Тханской-Династіи» уже не упоминаетъ, такъ-какъ «въ императорскомъ Домѣ произошли смятенія, пріѣзды ко Двору и представленіе дани сдѣлались рѣдки, и историки перестали вести записки» [57].

Между европейскими орьенталистами принято вообще: что *Хой-хэ* (Hoeï-he) или *Хой-ху* (Hoeï-hou) Китайцевъ тождественны съ народомъ о которомъ мусульманскіе писатели, начиная съ XIII вѣка по Р. Х., упоминаютъ подъ именемъ *Уйгуръ*, помѣщая народъ этотъ по сѣверную и южную сторону восточной оконечности Тхяньшаньскаго-Хребта; что *Хой-хэ*, какъ и *Хой-ху*, представляется несомнѣнно китайскою транскрипціею имени *Уйгуръ*; и что поэтому все сообщаемое Китайцами о судьбахъ Хой-хэ или Хой-ху относится къ этимъ тхяньшаньскимъ Уйгурамъ XIII вѣка, составляя древнюю ихъ исторію. Но Хойхэ, какъ мы сейчасъ видѣли, выводятся Китайцами въ страны при-тхяньшаньскія изъ Сѣверной-Монголіи, съ береговъ Селенги, и при томъ не ранѣе конца VII вѣка, тогда-какъ населеніе съ именемъ Уйгуровъ признали мы существовавшимъ по обѣимъ сторонамъ восточной оконечности Тхяньшаня уже въ IV-мъ и даже во II-мъ вѣкѣ по Р. Х., ибо видѣли Уйгуровъ какъ въ *Уй* Фа-Сяня, такъ и въ *Ойхардахъ* Птоломея (см. выше, стрн. 70 и 113). Такимъ образомъ, по-нашему, *Хойхэ* Китайцевъ — народъ особый отъ *Уйгуровъ*, издавна занимавшихъ, какъ Восточную-Джунгарію, такъ и сѣверо-восточную оконечность Восточнаго-Туркестана, страны во времена Ханьской-Династіи извѣстныя Китайцамъ сначала подъ именемъ *Гу-шы*, позже—подъ именемъ *Че-шы*. Общаго между Хойхэ и Уйгурами находимъ мы только то, что тѣ и другіе были одинаково тюркскаго происхожденія (т. е. говорили языкомъ тюркской семьи), и носили одно и тоже имя, т. е. обое звались «союзниками», такъ-

---

[57] «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I (2), 373—425, 450 и 452.

какъ слово *Уйгуръ*, весьма можно производить отъ тюркской темы *уй*, «связь», «союзъ», «сліяніе» [54]; союзы-же между разными колѣнами тюркскаго и монгольскаго языка были явленіемъ имѣвшимъ мѣсто съ глубокой древности и до послѣднихъ временъ [55].

---

[54] Такъ сами туземцы объясняли Рашидъ-эд-Дину происхожденіе народнаго имени своего. См. Рашидъ-эд-Дина у Клапрота, въ Abhandlung ueber die Uiguren, s. 36, и у Березина, въ «Трудахъ.» Вост. Отд. Имп. Арх. Общ. т. V, стр. 124.

[55] Послѣднимъ явленіемъ такого рода въ степяхъ Средней-Азіи былъ союзъ Джунгарскихъ Монголовъ, также носившій просто имя «Союзниковъ» — Ойратъ.

VII.

Сказанія арабскихъ географовъ о Восточномъ-Туркестанѣ за время съ VIII по XI столѣтіе, преимущественно эдрисіевы

Какъ видѣли мы, первое вторженіе халифскихъ войскъ въ предѣлы Восточнаго-Туркестана, именно изъ Ферганской-Долины въ сосѣднее Кашгарское-Владѣніе, имѣло мѣсто въ 714 — 715 годахъ по Р. Х. подъ предводительствомъ Кутейбы ибнъ Муслима (выше, стран. 184). Это первое вторженіе было, сколько извѣстно, и послѣднимъ. Въ-продолженіе долгаго владычества Аббасидовъ, мусульманское оружіе не проникало на востокъ отъ Памира, ни съ верховій Сыра, ни съ верховій Аму. Въ «Исторіи Тханской-Династіи» сказывается что въ началѣ правленія Чженьюань (785 — 804 по Р. Х.) «Чернокафтанные Даши» (т. е. аббасидскіе халифы) имѣли войну съ Тибетомъ, и Тибетцы въ это время ежегодно посылали войска свои на западъ [1]; но не упоминается чтобы войска даши'скія проникали въ тибетскія владѣнія. Вѣроятно, военныя стычки между Тибетцами и Арабами происходили на западъ отъ Памира, гдѣ-либо на пространствѣ Вахана или Бадахша-

---

[1] Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи, III, 273. Въ Mémoires concernant les Chinois, XVI, 140, читаемъ что воевалъ съ Тибетцами государь по-имени А-лунь или Га-лунь, наслѣдовавшій престолъ послѣ брата своего Миди, стало-быть халифъ Гарунъ, воцарившійся послѣ брата своего Мусы, а Мегдія имѣвшій сыномъ, и властвовавшій въ 786—809 годахъ по Р. Х.

на, и во всякомъ случаѣ значительны не были, такъ-какъ у арабскихъ историковъ не говорится о нихъ ни слова. О томъ что «хаканъ тибетскій» объявилъ войну Арабамъ находимъ извѣстіе у историковъ послѣднихъ нѣсколько позднѣйшее китайскаго: именно относится оно къ началу правленія халифа эль-Амина (809 — 813 по Р. Х.), когда намѣстникомъ въ Хорасанѣ былъ братъ и соперникъ эль-Аминовъ, знаменитый впослѣдствіи эль-Мамунъ. У Ибнъ-Хальдуна упоминается по этому случаю что эль-Мамуну сторонники его совѣтовали даже заключить союзъ съ этимъ хаканомъ, и бѣжать къ нему, если возстаніе противу халифа, ими замышленное, окончится неудачею [2]. Но чтобы Арабы въ эту войну ихъ съ Тибетомъ заходили на востокъ за предѣлы Тохарестана, да и вообще о какихъ-либо событіяхъ или послѣдствіяхъ этой войны, опять ничего отъ историковъ арабскихъ не узнаёмъ.

Что власть халифовъ не простиралась въ Средней-Азіи восточнѣе долинъ Сыра и Аму подтверждается также и всѣми извѣстными донынѣ арабскими географами. Одинъ изъ старѣйшихъ, и толковѣйшій между ними, Якуби (писалъ въ 278 году гиджры = 891—892 по Р. Х.), крайними къ востоку городами Хорасана и Мавераннагра признававшими надъ собою господство Аббасидовъ, называетъ: къ востоку отъ Балха—*Джермъ*, замѣчая что находится онъ на границѣ съ тибетскими владѣніями; къ сѣверо-востоку отъ Балха, на правомъ побережьѣ Аму — *Вашгирдъ* и *Мункъ*, замѣчая что граничатъ они съ землями Турковъ, Вашгирдъ — въ разстояніи всего 4-хъ фарсаховъ отъ нихъ, а Мункъ — противъ мѣстности по-имени *Хастъ* (?); къ сѣверо-востоку отъ Самарканда — *Аспиджабъ*, также называя его пограничнымъ съ Турками пунктомъ, черезъ который послѣдніе вторгаются въ мусульманскія земли; къ востоку

---

[2] Weil: Geschichte der Chalifen, II, 180.

отъ Самарканда, въ Ферганской-Долинѣ — *Касанъ* (т. е. *Казанъ*), при чемъ о самой рѣкѣ на которой стоитъ Самаркандъ, т. е. о Зерэфшанѣ (которую называетъ *Нэсеф*'омъ), говоритъ что вытекаетъ она изъ Тюркской-Земли [3]. Отъ Истахри, писавшаго значительно позже (между 915 и 921 по Р. Х.), узнаёмъ что крайнею мусульманскою страною въ верховьяхъ Аму была область *Хуттель*, между рѣками Вахшаб'омъ и Джарьяб'омъ (Бадахшанскою), а сопредѣльныя съ нею *Вахханъ* и *Керранъ* (?) причисляетъ онъ уже къ *дуръ-эль-куфръ*, къ «странамъ невѣрія». Говоря о Мавераннагрѣ, восточною границею его признаётъ онъ *Фамиръ* (т. е. Памиръ), *Раштъ* (? по Якуби *Хастъ*) и сопредѣльныя съ *Хуттелемъ* зѐмли индѣйскія (*мэнъ арди-ль-Гиндъ*), а сѣверною — прямую черту «отъ самыхъ дальнихъ городовъ Ферганы до Тараза». Въ другомъ мѣстѣ о томъ же предметѣ читаемъ у него что «отъ Хоразма до Аспиджаба облегаютъ Мавераннагръ Турки-*Гузы*, отъ Аспиджаба до отдаленнѣйшихъ городовъ Ферганы — Турки-*Харлухи* (*Хазлуджи*), а тамъ (восточнѣе) позади Хуттеля до границъ тюркскихъ огибается онъ *Сафиною* и странами Индіи». Еще далѣе разъясняетъ Истахри что «*Вахшъ* и *Хуттель* граничатъ съ *Вахханомъ*, *Сафиною* и *Керраномъ*, странами уже «невѣрными», откуда получаются мускусъ и рабы»; что рѣка *Вахшабъ*, протекающая Вахшемъ, выходитъ изъ тюркскихъ предѣловъ; и что «отъ *Вахханa* недалеко и до *Тюббэта* (*Тибетъ*)» [4]. Наконецъ, въ статьѣ о Ферганской-Долинѣ, говоря о городѣ *Ушъ*, замѣчаетъ онъ что городъ этотъ прилегаетъ къ горамъ на

---

[3] Kitabo'l-Boldan, auct. Ahmed ibn Abi Jaqub. Arabice ed. Yuynnboll (Lugd. Batav. 1861) pp. 65 — 66, 70, 72, 74 и 75.

[4] Арабская фраза которую мы перевели такимъ образомъ, и которая гласитъ буквально «разстояніе между Ваханомъ и Тибетомъ близкое», передана ошибочно у Мордтмана, въ его переводѣ Истахри (Das Buch der Länder, Hamburg, 1845): «между Ваханомъ и Тибетомъ находятъ сѣру» (s. 126).

которыхъ имѣется сторожевой постъ для наблюденія за (сосѣдними) Турками; отдаленнѣйшимъ изъ восточныхъ ферганскихъ городовъ, прилегающимъ уже къ враждебнымъ сосѣдямъ не-мусульманамъ, называетъ городъ *Узкендъ*; городами-же пограничными съ Турками къ сѣверо-востоку, въ Области Шашской (Ташкентской), показываетъ *Аспиджабъ* и *Таразъ* [5]. По Масуди, границею мусульманскихъ владѣній со стороны Тохарестана былъ каравансарай по-имени *Ахшабанъ*, въ 20 дняхъ пути отъ Балха: за этимъ каравансараемъ начинались уже зѐмли Уханцевъ (Ваханцевъ) и Тибетцевъ [6].

Изъ помянутыхъ пограничныхъ съ Хуттелемъ и уже языческихъ странъ, мѣстность *Вахxана* не подаетъ никакого повода къ недоумѣніямъ: это та же страна чтó и донынѣ именуется *Ваханомъ*, страна между Бадахшаномъ и Памиромъ, въ 1838 году посѣщенная и описанная Вудомъ [7]. Но что такое *Керранъ* и *Сафина*? Для перваго изъ этихъ именъ, которое, весьма быть можетъ, слѣдуетъ читать совсѣмъ иначе, не нахожу я никакого удовлетворительнаго объясненія [8]. что-же касается до втораго, которое въ Мöллеровомъ изданіи Истахри вовсе лишено діакритическихъ точекъ, Мордтманомъ читается *Сакья*, а Жоберомъ у Эдриси — *Сакнія* и *Сакита* [9], то я уже имѣлъ случай высказаться [10] что

---

[5] Les prairies d'or, I, 212—213.

[6] Viae Regnorum, auctore Abu Jshak al-Farisi al-Istakhri, arabice edid. de Goeje (Lugd. Batav. 1870), pp. 279, 286—287, 290—291, 296, 297 и 337.

[7] Wood: Journey to the source oftheriver Oxus, pp. 369—379.

[8] Потому что едва-ли Керранъ, о которомъ идетъ рѣчь, можно принимать за Гаранъ (Gharan), горный округъ съ рубиновыми копями къ югу отъ Ишкешма, о которомъ упоминается въ путешествіи Вуда, l. c. p. 314—316.

[9] Liber Climatum, ed. I. H. Moeller (Gothae, 1839), p. 115; Das Buch der Länder, uebersetzt von A. D. Mordtmann, s. 126; Géographie d'Edrisi, traduite par Amédée Jaubert, I, 485 и 490.

[10] Въ изслѣдованіи «О скиѳскомъ народѣ Сакахъ», стр. 146.

это едва-ли не та самая страна въ верховьяхъ Аму которая зовется нынѣ *Шегнан*'омъ (Shagnan у Вуда): какимъ образомъ, съ ошибочною постановкою діакритическихъ точекъ, могло въ рукописяхъ, вмѣсто *Шакинэ* или *Шекинэ* (т. е. Шагнанъ), явиться *Сакнія*, *Сакита* и *Сафина* — понятно безъ объясненій для всякаго арабиста [11].

Таковы извѣстія о границахъ халифскихъ владѣній къ сторонѣ Восточнаго-Туркестана, встрѣчаемыя у древнѣйшихъ арабскихъ географовъ. Позднѣйшіе повторяли эти извѣстія слово въ слово. Нѣтъ, такимъ образомъ, никакихъ основаній полагать чтобы господство халифовъ, даже номинальное, когда-либо заходило на востокъ далѣе Памирской-Выси. Но это обстоятельство, конечно, не могло мѣшать любознательнымъ подданнымъ халифовъ, какъ пріобрѣтать, такъ и записывать, въ назиданіе современникамъ и потомству, тѣ или другія свѣдѣнія о странахъ столь близкихъ къ Мавераннагру какъ Восточный-Туркестанъ. Не говоря уже о томъ, что всякаго рода свѣдѣнія объ этой странѣ заносимы были необходимо въ мусульманскія земли, какъ посѣщавшими ихъ торговцами изъ Восточнаго-Туркестана, такъ и ѣздившими черезъ послѣдній магометанскими купцами [12], приращенію мусульманскаго знанія объ этой странѣ должны были содѣйствовать и тѣ посольства отъ халифовъ въ Китай о которыхъ упоминаетъ

---

[11] Шегнанъ Китайцы называютъ нынѣ Сикнан'омъ (см. Magasin Asiatique Клапрота, t. 1, № 1, p. 91): слѣдовательно арабское Секинэ передавало имя страны быть-можетъ весьма близко къ мѣстному его произношенію.

[12] Масуди сказываетъ что лично зналъ въ Хорасанѣ многихъ ѣздившихъ изъ Согда въ Тибетъ и Китай, и въ томъ числѣ одного старика который много разъ посѣтилъ Китай, всегда отправляясь туда и оттуда сухимъ путемъ (Les prairies d'or I, 349). Абу-Зейдъ Сирафи упоминаетъ объ одномъ мусульманинѣ который пробрался изъ Самарканда въ Китай пѣшкомъ (Relation des voyages faits par les Arabes et les Perrsans dans l'Inde et à la Chine, traduit en français par Reinaud, 1, 114). О дѣятельной торговлѣ разными произведеніями Восточнаго-Туркестана вывозившимся въ мусульманскія

«Исторія Тханской-Династіи» [13], если даже посольства эти и принимать не болѣе какъ за торговые караваны изъ подвластныхъ халифамъ краевъ. Пробирались также за Памиръ и любознательные путешественники изъ магометанскихъ странъ, и ревностные миссіонеры Ислама [14]. Но всего болѣе свѣдѣній о странѣ должны были сообщать тѣ невольники тюркскіе которые ежегодно тысячами ввозились въ предѣлы Халифата, составляли гвардію халифовъ, и нерѣдко достигали тамъ высшихъ государственныхъ званій [15]. Есть слѣды что даже о событіяхъ въ далекомъ Китаѣ доносились иногда вѣсти до магометанскаго міра, и вѣсти довольно согласс-

---

страны говоритъ Эдриси, преимущественно въ описаніи девятаго отд. III-го климата (см. въ переводѣ Жобера, I, 493). Пусть часть этихъ произведеній скупали на мѣстѣ пріѣзжавшіе за ними иностранцы; но часть развозилась по чужимъ странамъ, по всей вѣроятности, самими туземцами.

[13] По отрывкамъ изъ «Исторіи Тханской-Династіи» въ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи» (III, 272 — 273), первое посольство отъ Даши'сцевъ въ Китай отправлено было «съ данью», въ 651 году по Р. Х. Слѣдующее затѣмъ прибыло въ 713-мъ, и посланникъ отказался отъ поклоненія Императору. Посланникъ Сулиманъ (Сулейманъ), явившійся «съ мѣстными произведеніями» въ 726 году, учинилъ уже требуемое поклоненіе. Въ 756 году опять явилось посольство «съ дарами». Въ 798 пріѣзжали три посла: Ханьяй, Уцзи и Шабэй; «всѣ трое получили чины и награды». По Гобилю (Mémoires concernant les Chinois, XVI, 144) посольство это было отъ халифа Галун'а, т. е. Гаруна. У Дегиня (Histoire générale des Huns, I, 59) упоминается еще о халифскомъ посольствѣ къ Тханскому Двору въ 758 году, и затѣмъ о такомъ же посольствѣ ко Двору Сун'овъ въ 974 году (ibid. I, 66).

[14] О путешественникахъ можемъ заключать по Абу-Долефу (см. о немъ ниже, въ главѣ VIII-й), о миссіонерахъ — по разсказу Якута о посольствѣ отъ халифа Гешама къ царю Турковъ (Iacut's Geographisches Wörterbuch, herausgegeben von F. Wüstenfeld, I, 839). О Тибетцахъ Якуби разсказываетъ что они просили прислать имъ наставниковъ въ Мусульманской Вѣрѣ еще въ правленіе халифа Омара сына Абдъ-эль-Азизова (Kitabo'l-Boldan, ed. Vnynboll, p. 83).

[15] Многіе такіе тюркскіе невольники могли быть родомъ изъ колѣнъ жившихъ въ Восточномъ-Туркестанѣ. О знаменитомъ основателѣ Тулунидской Династіи, Ахмедѣ ибнъ Тулунѣ, Абуль-Мехасинъ говоритъ положительно что онъ былъ происхожденіемъ изъ Уйгуровъ (Багаргаръ). См. у Дегиня въ Histoire des Huns, III, 129—130.

ныя съ происходившею дѣйствительностію. Такъ у Абу-Зейда изъ Сирафа и у Масуди читаемъ о мятежѣ который поднятъ былъ въ Китаѣ, въ 878 году по Р. Х., военачальникомъ Хуанъ-чжао (оба помянутые писателя называютъ его Яншуа), разсказъ весьма подробный и въ главныхъ обстоятельствахъ точный, за исключеніемъ того что роль которую въ укрощеніи этого мятежа игралъ предводитель шато'скаго рода Турковъ, приписана хагану Тогузгуровъ (Уйгуровъ) [16]. Со всѣмъ тѣмъ у историковъ и географовъ арабскихъ не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій о событіяхъ въ Восточномъ-Туркестанѣ до XI вѣка, весьма жалкія о географіи, и еще болѣе жалкія объ этнографіи этой страны, такъ-что, вмѣсто того чтобы способствовать къ ознакомленію со страною, эти арабскія извѣстія сами, по темнотѣ своей, не могутъ быть поняты безъ подробнаго къ нимъ комментарія на основаніи другихъ, древнѣйшихъ или позднѣйшихъ, сказаній.

Однимъ изъ обстоятельствъ наиболѣе затрудняющихъ пониманіе арабскихъ извѣстій, какъ о Восточномъ-Туркестанѣ, такъ и вообще о Средней-Азіи, это — странный этнографическій взглядъ Арабовъ на ея народонаселеніе, по которому все оно представляло имъ видоизмѣненія лишь одного племени—Турковъ. Турками были для Арабовъ, кромѣ народовъ дѣйствительно принадлежавшихъ по языку къ семьѣ Тюркскаго Племени, и народы монгольскаго, и народы тунгузскаго происхожденія, и Тибетцы, и Китайцы, наконецъ племена угорскія и даже сосѣдніе съ ними Славяне. Перечисливъ города Мавераннагра, Якуби перечисленіе это заключаетъ такимъ образомъ: «А все что лежитъ далѣе за симъ, все — страны многобожія, все страны Турковъ, огибаю-

---

[16] Relation des voyages dans l'Inde et à la Chine, 1, 63—67; Les prairies d'or, 1, 302—306. Впрочемъ, по Дегиню и такой ошибки не было, такъ-какъ именно Шато'сцевъ считаетъ онъ за Тагазгазовъ арабскихъ географовъ (Histoire gén. des Huns, III, 37).

щія также и Хорасанъ съ Седжестаномъ. Турковъ этихъ множество разныхъ видовъ, и множество разныхъ владѣній въ томъ что̀ называется Туркестаномъ. Есть Турки *Харлухи* (Хазлуджъ), *Тогузгуры* (Тагазгазъ), *Хэрхисы*, *Кимаки*, *Гузы*; и каждый видъ Турковъ составляетъ особое владѣніе» [17]. Относительно размѣщенія помянутыхъ тюркскихъ народовъ, узнаёмъ отъ Истахри что Гузы, къ сѣверу отъ мусульманскихъ предѣловъ, занимали степи отъ Джорджана до Фараба и Аспиджаба имѣя сосѣдями къ востоку Харлуховъ и Кимаковъ; Кимаки сидѣли на сѣверъ отъ Харлуховъ, между Гузами и Хэрхисами; Хэрхисы—между Кимаками и Тогузгурами, между Харлухами и океаномъ; Тогузгуры—между Тибетомъ и Харлухами, между Хэрхисами и Китаемъ. Тибетъ помѣщаетъ Истахри между Китаемъ и Индіей, между Землею-Харлуховъ и Землею-Тогузгуровъ [18]. Соображая эти данныя съ приведенными выше о границахъ мусульманскихъ земель къ востоку, приходимъ къ заключенію что, по Истахри, сѣверную полосу Восточнаго-Туркестана занимали по-видимому: западнѣе — Харлухи, восточнѣе — Тогузгуры, а южную — исключительно Тибетцы. Такимъ образомъ, изо всѣхъ тюркскихъ народовъ о которыхъ знали и говорятъ Арабы, самыми интересными для насъ по отношенію къ Восточному-Туркестану являются Харлухи и Тогузгуры. Къ-сожалѣнію, нѣкоторыя подробности объ этихъ народахъ встрѣчаемъ лишь у Ибнъ-Хордадбега и у Масуди. Ибнъ-Хордадбегъ сказываетъ что «Страна Тогузгуровъ самая обширная изо всѣхъ тюркскихъ; обитатели ея частію огнепоклонники (маджусъ), частію манихейцы (зенадикэ); хаканъ тогузгурскій имѣетъ пребываніе въ большомъ городѣ съ 12-ю желѣзными воротами; жители этого города исповѣдуютъ манихеизмъ; у хакана, на самомъ высокомъ мѣстѣ въ кремлѣ

---

[17] Kitabo'l-Boldan, p. 75—76.

[18] Viae Regnorum, p. 9—10.

его, стоитъ золотой шатеръ, въ которомъ вмѣщается до 900 человѣкъ; онъ видѣнъ издали на разстояніи пяти фарсаховъ» [19]. Подробности о Тогузгурахъ, встрѣчаемыя у Масуди, заключаются въ томъ что «Тогузгурамъ принадлежитъ городъ *Кушанъ*, лежащій между Хорасаномъ и Китаемъ»; что въ его, Масудіево, время, именно въ 332 году гиджры (=943—4 по Р. Х.), «считались они самымъ храбрымъ, самымъ могущественнымъ и наиболѣе благоустроеннымъ изо всѣхъ тюркскихъ народовъ»; что «государь ихъ зовется *ирхан*'омъ, а вѣру исповѣдуютъ они манихейскую (*эль-мазгабъ эль-манаййэ*), которой прочіе Турки не держатся» [20]. О Харлухахъ сказываетъ Масуди что они «изо всѣхъ Турковъ самые статные, самые рослые и самые красивые лицомъ; живутъ по всей Ферганѣ, Шашу и окрестнымъ мѣстамъ; въ прежнее время преобладали они надъ всѣми другими тюрскими колѣнами, имѣя главою своею хакана надъ хаканами, который соединялъ подъ рукою своею всѣ прочія тюркскія владѣнія, и налагалъ волю свою на ихъ государей» [21].

Хотя и краткія, извѣстія эти толковы. Сравнивая ихъ съ приведенными выше китайскими, приходится думать что *Тогузгурами* называли Арабы тотъ же самый народъ который именовался у Китайцевъ *Хойхэ* и *Хойху*, т. е. Уйгуровъ [22]. Главнымъ городомъ ихъ называетъ Масуди

---

[19] Journal Asiatique за 1865 годъ, t. V, p. 207.

[20] Les prairies d'or, I, 288 и 358.

[21] Тамъ же, I, 288.

[22] Имя читаемое нами Тогузгуръ, является въ рукописяхъ съ діакритическими точками разставленными такъ что его читали также и читаютъ: Тагазгазъ, Тагаргазъ, Тагаргаръ, Багаргаръ, Багазгазъ. Хаммеръ предлагалъ читать Тугургузъ (Sur les origines russes, p. 69), Клапротъ — Игургузъ (Tableaux historiques de l'Asie, p. 229), Френъ видѣлъ тутъ искаженіе имени Тунгузъ (Ibn Foszlan's Berichte, s. 30). Большинство новыхъ издателей арабскихъ текстовъ остановилось на томъ чтобы читать Тагазгазъ; но на какомъ основаніи? Вмѣсто Хазлуджъ, стали теперь писать Харлухъ, потому что о народѣ тюрк-

Кушанъ. По мнѣнію Рено, это — *Куча*, Барбье-де-Менаръ полагаетъ что это — *Гаочанъ* [23]. И то, и другое одинаково вѣроятно; можетъ быть также что это — *Гань-чжеу*. Подъ Манихеизмомъ и Зендекизмомъ Тогузгуровъ должно понимать несомнѣнно Буддизмъ, какъ это выяснится ниже, изъ путешествія Ванъ-ѣнь-дэ; что касается до *ирханъ*, то это могло быть и общимъ титуломъ тогузгурскихъ государей, и собственнымъ именемъ котораго-либо изъ нихъ, обращеннымъ Арабами въ титулъ, по невѣдѣнію [24]. Не про-

---

скомъ по-имени Харлухъ или Карлукъ говорятъ позднѣйшіе персидскіе и тюркскіе писатели; по той же причинѣ, вмѣсто Хирхиръ стали читать Хэрхизъ. Но о народѣ Тагазгазъ никакіе персидскіе и тюркскіе писатели, почерпавшіе свѣдѣнія свои не изъ старыхъ арабскихъ географовъ, не упоминаютъ. Почему-же чтеніе Тагазгазъ предпочтительнѣе, напримѣръ, нежели чтеніе Багаргаръ или Тугургуръ? По Дегиню и Рено (Relation des voyages dans l'Inde ect. I, CLV), Тагазгазами называли Арабы Турковъ-Шато'сцевъ. Сходства въ звукахъ нѣтъ тутъ никакого. По другимъ, подъ Тагазгазами Арабовъ слѣдуетъ понимать Хойху Китайцевъ, или Уйгуровъ позднѣйшихъ мусульманскихъ писателей. Опять никакого сходства въ звукахъ между Тагазгазъ и Хойху или Уйгуръ. Клапротово предложеніе читать Игургузъ имѣетъ за себя по-крайней мѣрѣ какую-нибудь историческую гипотезу (ту, что Хойху и Гузы — одинъ и тотъ же народъ: см. Tableaux historiques de l'Asie, pp. 121—122), хотя, по моему мнѣнію, ипотеза эта и несостоятельна. Кромѣ того, по причинѣ указанной Френомъ (l. c.), первую букву едва-ли можно читать за *и*, а должно за *т*. Намъ кажется что если уже искать происхожденія имени Тагазгазъ, то всего скорѣе принять его за искаженное Токузъ-Уйгуръ, какъ звался, по преданію сохраненному Рашид-эд-Диномъ, одинъ изъ друхъ главныхъ отдѣловъ Уйгурскаго Народа (см. «Сборникъ Лѣтописей» Рашидъ-эд-Дина въ «Трудахъ» Восточнаго Отдѣленія Импер. Археологическаго Общества, т. V, стр. 125). Согласившись-же съ этимъ объясненіемъ, слѣдуетъ читать уже не Тагазгазъ, а Тогузгуръ — что́ нами и принято.

[23] Рено́ — въ Relation etc. I, CLV; Барбье-де-Менаръ — въ его переводѣ Масудіевыхъ «Золотыхъ-Луговъ», I, 288.

[24] Рено̀ (l. c.) полагаетъ что афезъ-хаканъ (какъ читалъ онъ у Масуди вмѣсто ирханъ) исковеркано переписчикомъ изъ Ликуджанъ, т. е. Ли-го-чжанъ (Li-koue-tchang), титула который носилъ шато'скій князь помогавшій императору китайскому противу мятежника Хуанъ-Чжао. Если ирханъ дѣйствительно титулъ, то весьма можетъ быть что это, либо

тиворѣчитъ также китайскимъ извѣстіямъ и сказаніе Масуди о Харлухахъ — что въ былое время являлись они могущественнѣйшимъ изъ тюрскихъ народовъ, и что государь ихъ, носившій титулъ хакана-надъ-хаканами, повелѣвалъ всѣми прочими тюркскими владѣльцами: по «Исторіи Тханской-Династіи» и по Сюань-цзану, хаканъ Западныхъ Турковъ имѣлъ обыкновенно мѣстопребываніе въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ гдѣ помѣщаютъ арабскіе писатели кочевья Харлуховъ. Не отвергаемъ мы, наконецъ, и Хордадбегова сказанія о «золотомъ шатрѣ» тогузгурскаго государя: кочевники, осѣдая въ завоеванныхъ городахъ, долго сохраняютъ обычай переселяться время-отъ-времени въ войлочныя кибитки свои; что-же касается до вмѣстимости «золотаго шатра» то, въ другихъ источникахъ, показана она значительно менѣе чѣмъ въ 900 человѣкъ; но и эта цифра нисколько не представляется преувеличенною, принимая во вниманіе что, по Плано-Карпинскому, шатеръ въ которомъ происходило совѣщаніе для избранія императора Куюка (Cuyne), вмѣщалъ въ себѣ болѣе 2000 человѣкъ [25].

Общую характеристику Восточнаго-Туркестана находимъ у Абу-Зейда изъ Сирафа представленною въ слѣдующихъ чертахъ: «Что касается до странъ между Хорасаномъ и Китаемъ» (*Синъ*), то отъ Согда до Китая два мѣсяца пути; и пролегаетъ этотъ путь все по трудно-проходимымъ пусты-

---

ильханъ, титулъ дѣйствительно существовавшій у народовъ Средней-Азіи, либо извращенное (куль)-иргинъ, титулъ государей у Токузъ-Уйгуровъ по Рашидъ-эд-Дину (l. c. стрн. 126). Масуди сказываетъ что, кромѣ ирхан'а, государь тогузгурскій носилъ еще титулъ «царя дикихъ звѣрей» и «царя коней», по той-де причинѣ что «нѣтъ на свѣтѣ царя у котораго было-бы столько коней и такіе храбрые и кровожадные воины» (Les prairies d'or, I, 358). Относительно титула «царь дикихъ звѣрей» намъ приходитъ въ голову не есть-ли это вольный переводъ титула арсланъ-ханъ, «левъ-царь» по-тюркски, каковой титулъ, по китайскимъ извѣстіямъ, какъ увидимъ ниже, носили государи гаочанскихъ Уйгуровъ.

[25] Плано-Карпинскій, въ изданіи Языкова (Спб. 1825), стрн. 32.

нямъ и слѣдующимъ одни за другими песчанымъ пространствамъ безъ воды, безъ луговинъ, безъ жилищъ по близости ихъ. По этой-то причинѣ и не производится въ тѣ страны вторженій изъ Хорасана» (т. е. хорасанскими намѣстниками сосѣдними съ В. Туркестаномъ: Мавераннагръ, въ административномъ отношеніи, считался частію Хорасана). Эта печальная и далеко не вѣрная характеристика В. Туркестана какъ-будто придумана нарочно для того чтобы объяснить почему Арабы не пронесли оружія своего за Памиръ. Гораздо безпристрастнѣе рисуетъ страну Масуди: «Разстояніе отъ Хорасана до Китая, если ѣхать горами производящими нашатырь (за Самаркандомъ), будетъ около 40 дней пути, то по мѣстамъ заселеннымъ, то по пустырямъ, то по землямъ плодороднымъ, то по пескамъ» — читаемъ у него [26]. Изъ описанія-же отдѣльныхъ въ ней пространствъ, какъ увидимъ ниже, представляется страна Арабами даже въ крайне-привлекательномъ видѣ.

Но вѣдь, ни Ибнъ-Хордадбегъ, ни Якуби, ни Истахри, ни Масуди, въ глубинѣ Средней-Азіи не были и Восточнаго-Туркестана не посѣщали. Писали они съ чужихъ словъ. Между-тѣмъ до насъ дошли сказанія объ этихъ краяхъ отъ Арабовъ которые претендовали на личное съ ними знакомство. Таковы Селламъ, извѣстный подъ прозваніемъ «толмача» (*тарджуманъ*), и Абу-Долефъ Мисаръ. Первый предпринималъ путешествіе вглубь Средней-Азіи, по порученію халифа Уасикъ-биллаха (властвовавшаго въ 842—846 годахъ по Р. Х.); послѣдній проѣзжалъ черезъ Восточный-Туркестанъ, на пути изъ Бухары въ Китай или Индію, какъ полагаютъ, около 331 года гиджры (941 — 942 по Р. Х.). Къ-сожалѣнію, оба путешественника, судя по качеству ихъ разсказовъ, по

---

[26] Les praires d'or, I, 348.

крайней мѣрѣ въ той редакціи въ какой дошли до насъ эти разсказы, не только не могутъ служить къ разъясненію другихъ имѣющихся свѣдѣній о посѣщенныхъ ими странахъ, но, и въ свое время, и въ-послѣдствіи, лишь сбивали съ толку писавшихъ о томъ же предметѣ. Селламово оффиціальное донесеніе о слѣдованіи его «къ стѣнѣ за которую сидятъ Гогъ и Магогъ» Шпренгеръ называетъ прямо «безстыдною мистификаціею» [27]. Мы не войдемъ здѣсь въ разсмотрѣніе этого приговора, такъ-какъ Селламово странствованіе до В. Туркестана не касается; но не можемъ не замѣтить что загадочные *Эдкеш*'и, страною которыхъ проѣзжалъ будто-бы Селламъ, и которыхъ, ни до него, ни послѣ него, никто не видалъ, не мало содѣйствовали къ путаницѣ въ размѣщеніи народовъ Средней-Азіи у послѣдующихъ арабскихъ географовъ: не сомнѣваясь въ непреложности Селламова донесенія, почти всѣ они считали обязанностію отвести этимъ *Эдкеш*'амъ и прибавленнымъ къ нимъ, по-видимому риѳмы ради, *Теркеш*'амъ [28], неизвѣстно гдѣ помѣщавшимся, то или другое мѣсто середи прочихъ тюркскихъ народовъ, и такимъ образомъ сдвигали послѣднихъ съ ихъ дѣйствительныхъ обиталищъ, что́ отразилось частію и на Тогузгурахъ. Тогда-какъ Ибнъ-Хаукалъ, согласно съ китайскими извѣстіями, заставляетъ граничить ихъ къ сѣверу съ Хэрхисами, уже у Ибнъ-Хордадбега (который лично отъ самаго Селлама слышалъ разсказъ о его похожденіяхъ) сосѣдями Тогузгуровъ съ сѣвера, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими народами, являются и помянутые Эдкеши съ Теркешами [29]. Что ка-

---

[27] Die Post - und Reiserouten des Orients (Leipzig, 1864), Vorrede, s. XV.

[28] Едва-ли Теркешъ не появились на свѣтъ вслѣдствіе дурно разобраннаго нѣкоторыми имени Хэрхисъ. По крайней мѣрѣ у Якуби — увѣрены мы вмѣстѣ съ издателемъ этого географа — Теркесъ, при перечисленіи тюркскихъ народовъ (на стрн. 76), есть явно описка вмѣсто Херкесъ, т. е. Хэрхисъ.

[29] Journal Asiatique за 1865 годъ, t. V, p. 268.

гается до Абу-Долефа, то разсмотрѣнію сказаній его посвящаемъ мы ниже особую главу.

Позднѣйшіе перечисленныхъ, извѣстные арабскіе географы XI, XII, XIII вѣковъ повторяютъ о В. Туркестанѣ лишь извѣстія предшественниковъ своихъ IX и X столѣтій, почти ничѣмъ ихъ не дополняя и ни въ чемъ не измѣняя; исключеніе составляетъ одинъ Эдриси, который, хотя въ основу маршрутовъ своихъ кладетъ показанія Ибнъ-Хордадбега, прибавляетъ къ нимъ однакожъ много изъ другихъ, неизвѣстныхъ намъ, источниковъ, можетъ быть преимущественно изъ писаній Джанаха Кимаки [30], и, кромѣ марштрутовъ, сообщаетъ еще обстоятельныя описанія разныхъ городовъ Вост. Туркестана. Но до того неясно понималъ онъ дѣло, и такъ сбивчиво излагаетъ топографическія данныя свои (по климатамъ или поясамъ), что пріурочить ихъ къ извѣстному намъ о странѣ изъ другихъ источниковъ представляется крайне-затруднительнымъ, несмотря на то что при географіи Эдриси имѣется карта ее объясняющая.

По этой картѣ [31], въ третьемъ климатѣ, тотчасъ къ востоку отъ меридіаннаго хребта горъ (на западъ отъ котораго показаны Тохарестанъ и Мавераннагръ) и къ сѣверо-востоку отъ Вахана, начинается Тибетъ, съ юга ограничиваемый широтнымъ хребтомъ горъ (отдѣляющимъ его отъ Индіи), съ сѣвера прилегающій къ землямъ Харлуховъ (тоже отдѣляющимся отъ него широтною цѣпью горъ), къ востоку-же почти сосѣдній съ Сѣверозападнымъ-Китаемъ, но отрѣзываемый отъ него южнымъ клиномъ страны Тогуз-

---

[30] Котораго цитируетъ онъ въ числѣ своихъ источниковъ (см. Жоберовъ переводъ Эдриси, I, XIX), и который, какъ самъ турокъ по происхожденію или долго жившій между отдаленными Кимаками, могъ знать Среднюю-Азію лучше Арабовъ, писавшихъ о ней по чужимъ разсказамъ.

[31] Мы пользовались ею въ томъ сокращенномъ видѣ въ какой приведена она Лелевелемъ въ его Géographie du Moyen-Age (см. въ первомъ томѣ: Tabula itineraria Edrisiana).

гуровъ. Зѐмли Харлуховъ, на юго-востокъ и востокъ отъ Ферганы, и на сѣверъ отъ горнаго хребта разграничивающаго ихъ къ югу съ Тибетомъ, показываются заходящими въ четвертый климатъ приблизительно до 35° широты, а на востокъ — простирающимися до страны Тогузгуровъ. Эта-послѣдняя страна, показанная на юго-востокъ отъ Харлуховъ и на сѣверо-востокъ отъ Тибета, къ юго-востоку изображена граничащею съ Китаемъ, къ востоку — съ Землею-Хэрхисовъ, къ сѣверу, въ четвертомъ уже климатѣ — съ Землею-Кимаковъ. Кимаки и Хэрхисы показаны границами къ востоку съ океаномъ, при чемъ первые — къ сѣверу отъ Хэрхисовъ, а Хэрхисы — къ сѣверу отъ Китая. Въ Тибетѣ значится озеро по-имени *Берванъ*, въ Землѣ-Тогузгуровъ — озеро *Коваресъ:* послѣднее — на сѣверо-востокъ отъ перваго и въ далекомъ отъ него разстояніи. Одно изъ этихъ озеръ, по мнѣнію нашему, соотвѣтствуетъ Лобъ-нору. Хребетъ горъ отдѣляющій Тохарестанъ отъ Тибета, это, конечно, Памирская-Высь, а горная цѣпь на сѣверъ отъ озера Берванъ, разграничивающая Тибетъ отъ Земли-Харлуховъ, и изъ послѣдней тянущаяся на востокъ въ Землю-Тогузгуровъ, это, конечно, Тхяньшаньскій-Хребетъ. Такимъ образомъ, настоящій Тибетъ не существовалъ для Эдриси, а подъ именемъ этимъ разумѣлъ онъ нынѣшніе Ладакъ, Гильгитъ, Читраль, Ташкурганъ, Яркянь и Хотанъ, до озера Лобъ. Тхяньшаньское Нагорье, съ сѣверными его скатами отъ Аспиджаба и Узкенда на западѣ до вершины Илійской-Долины, находилось во владѣніи Харлуховъ, тогда-какъ южные скаты Тхяньшаня на востокъ отъ Аксу — во владѣніи Тогузгуровъ, которые на юго-востокѣ примыкали къ тому что̀ называетъ Эдриси «Внѣшнимъ-Китаемъ» (*эс-Синъ-эль-Хариджэ*), т. е. къ нынѣшнимъ Аньси-чжеу'скому и Су-чжеу'скому округамъ губерніи Гань-су. Зѐмли занимавшіяся Хэрхисами соотвѣтствовали сѣвернымъ частямъ нынѣшнихъ Шань-сі'йской и Гань-су'ской губерній съ Ордосомъ и за-Ордосомъ, а страна

Кимаковъ — Южной и Восточной Монголіи и Южной Маньчжуріи. Но къ какому времени относится такое по Эдриси политическое дѣленіе 9-го и 10-го отдѣловъ III-го и, отчасти, IV-го климата — къ тому-ли когда писалъ Эдриси, т. е. къ половинѣ XI вѣка по Р. Х., или къ тому когда писалъ Ибнъ-Хордадбегъ, т. е. ко второй половинѣ IX вѣка, или къ еще болѣе раннему (такъ-какъ нѣтъ сомнѣнія что и самый Ибнъ-Хордадбегъ описывалъ страны на востокъ отъ Памира — заднимъ числомъ)? Судя по распространенію Тибета на западъ вплоть до верховьевъ Аму, какъ у Ибнъ-Хордадбега, такъ и у Эдриси, и на принадлежность, у послѣдняго, страны по р. Булунгиру еще Китайцамъ, должно полагать что данныя ихъ относятся преимущественно къ VIII вѣку по Р. Х., въ половинѣ котораго и Тибетцы господствовали въ западныхъ частяхъ В. Туркестана, и Хойху сидѣли около Восточнаго-Тхяньшаня, и Китай удерживалъ еще за собою власть надъ Су-чжеу и Аньси-чжеу. Ибнъ-Хордадбегъ не упоминаетъ еще о *Хэрхисахъ* (*Хага-сы* Китайцевъ), такъ-какъ они усилились и стали играть политическую роль лишь съ половины IX вѣка. Истахрію они уже извѣстны, и онъ, согласно съ китайскими извѣстіями, помѣщаетъ ихъ къ востоку отъ Харлуховъ, къ сѣверу отъ Тогузгуровъ. *Кимаки* всѣхъ этихъ писателей суть, по всей вѣроятности *Ку-мо-хи*, народъ, по китайскимъ извѣстіямъ, жившій въ Монголіи и весьма сильный, пока, во второй половинѣ IX вѣка, не покорили его Киданьцы. Эти-послѣдніе сдѣлались позже извѣстны мусульманскому міру подъ именемъ *Хатай*'цевъ, но Эдриси, явно, называетъ еще побѣдителей именемъ побѣжденныхъ, т. е. Кимаками (подобно тому какъ впослѣдствіи *Монголы* долгое время оставались извѣстными подъ именемъ покоренныхъ ими *Татаръ*). *Хэрхисы*, между-тѣмъ, обратились въ первобытную ничтожность. Эдриси, не зная объ этомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слыша что на сѣверъ отъ Тогузгуровъ господствуютъ уже Кимаки, не нашелъ ничего лучше какъ

отодвинуть Хэрхисовъ къ востоку отъ Тогузгуровъ [32], въ мѣстà гдѣ, въ его время, находилось сильное дансянское владѣніе *Ся* (Hia), которое и описываетъ онъ подъ именемъ Хэрхисовъ. Такимъ образомъ, и по Эдриси, Тогузгуры являются соотвѣтствующими Хойху (Уйгурамъ) Китайцевъ, а Харлухи — Западнымъ Ту-цзюй, т. е. Западнымъ Туркамъ.

Изложивъ кàкъ понимаемъ географическія и этнографическія извѣстія Эдриси, попробуемъ теперь понять и его топографическія данныя.

Во «Внѣшнемъ-Китаѣ» значатся у Эдриси только два города: *Туха* — «городъ малозначительный, но торговый и людный», и, къ востоку отъ него, *Дархунъ* — «городъ средней величины, составляющій крайній пунктъ китайскихъ владѣній къ сѣверу. Къ нему примыкаютъ уже населенныя земли Турковъ-Тогузгуровъ» [33]. *Дархунъ*, полагаю я, можетъ означать городъ *Су-чжеу* или крѣпость *Цзя-юй-гуань*, а *Туха* представляется мнѣ *Дунь-хуан*'омъ.

«Отъ *Тухи* до *Удж*'а считается десять дней верблюжьяго пути» — продолжаетъ Эдриси; а *Уджъ* помѣщается имъ на берегу озера *Берванъ*, «простирающагося въ длину на 40 фарсаховъ, а въ ширину на 72 мили, и воду имѣющаго прѣсную» [34]. На берегу того же озера, въ разстояніи 12 синдскихъ фарсаховъ [35] отъ *Удж*'а, помѣщаетъ Эдриси другой городъ — *Берванъ*, по которому, должно быть, прозывалось

---

[32] Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, путаясь въ новыхъ извѣстіяхъ со старыми, и не принимая труда разобрать дѣло, Эдриси, въ текстѣ своей географіи, безпрестанно противорѣчитъ своей же собственной картѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ Земля - Тогузгуровъ является у него граничащею съ Землею - Хэрхисовъ на сѣверъ, въ другомъ — на востокъ, а въ третьемъ дважды говорится что къ востоку простирается она до океана (въ переводѣ Жобера, I, 491, 493, 497).

[33] Géographie d'Edrisi, traduite de l'arabe par Amedée Jaubert, I, 495.

[34] Тамъ же, I, 494.

[35] Синдскій фарсахъ считаетъ Эдриси въ 5 миль, тогда какъ обыкновенный равняется у него 3-мъ.

и самое озеро. «Оба города эти»—читаемъ у Эдриси—«считаются принадлежащими къ Тибету. Оба почти одинаковой величины и построены на холмахъ прилегающихъ къ озеру, воду котораго и употребляютъ жители ихъ въ питье, вылавливая въ немъ и большое количество рыбы. Въ обоихъ городахъ есть базары и промышленныя заведенія, снабжающія обывателей всѣмъ нужнымъ, такъ-что послѣдніе не имѣютъ надобности обращаться за товаромъ въ чужія мѣста. Озеро Берванское принимаетъ въ себя со всѣхъ сторонъ большое число значительныхъ рѣкъ, а на югъ отъ него, неподалеку отъ городовъ Берван'а и Удж'а, подымается высочайшая гора, заднею частію своею примыкающая къ Индіи. На вершинѣ ея — плодородная равнина, а на ней — четвероугольное зданіе безъ дверей». О зданіи этомъ сообщаетъ затѣмъ Эдриси баснословную легенду, которой и самъ не вѣритъ — будто проходящіе мимо этого зданія чувствуютъ себя какъ-бы пьяными отъ веселости, а тѣ которымъ, послѣ большихъ усилій, удавалось взлѣсть на верхушку этого зданія, начинали хохотать, и хохотали до тѣхъ поръ пока не проваливались внутрь, гдѣ и исчезали [36]. Озеро Берванское, на основаніи разстоянія Удж'а отъ Тохи, слѣдовало-бы, скорѣе всего, признать за *Лобъ-норъ*. Та его особенность что отовсюду впадаютъ въ него рѣки не подтверждаетъ, по существующимъ картамъ, этого предположенія; но, вѣдь, быть можетъ и дѣйствительно текутъ въ Лобъ-норъ съ окрестныхъ высотъ, или текли въ прежнее время, если не рѣки (кромѣ Тарима), то рѣчки. Что-же касается до высокихъ горъ къ югу отъ Лобъ-нора, то существованіе ихъ подтверждается и новѣйшими китайскими извѣстіями [37]. Тѣмъ-не-менѣе отождествить Лобъ-

---

[36] Géographie d'Edrisi, I, 494—495.

[37] См. извлеченія изъ китайской гидрографіи Вост. Туркестана подъ заглавіемъ «Си-юй-шуй-дао-цзи», напечатанныя г. Успенскимъ въ III-мъ томѣ «Записокъ» Импер. Русск. Географ. Общества по отдѣленію Этнографіи. Отд. оттиска стр. 40.

норъ съ Эдрисіевымъ Берваномъ не приходится. Дѣло въ томъ что въ пяти дняхъ пути отъ Берванскаго-Озера (въ которую сторону неизвѣстно, должно быть по смыслу на западъ или юго-западъ) помѣщаетъ Эдриси тибетскій городъ *Бусинхъ* (?), лежавшій на рѣкѣ *Шермахъ* (?). Эдриси не говоритъ чтобы рѣка эта впадала въ Берванское-Озеро, но можно понимать и такъ. О самомъ городѣ Бусинхъ сказываетъ Эдриси что онъ «средней величины, построенъ на возвышеніи, и обведенъ каменною стѣною съ однѣми воротами; а все пространство (въ 5 дней пути) отъ него до озера Берванъ покрыто пастбищами, лѣсами и укрѣпленіями, принадлежащими Туркамъ называемымъ Тибетцами» [38]. Все это нисколько не клеится съ нашими представленіями о странѣ по Тариму передъ впаденіемъ его въ Лобъ-норъ. Но вотъ что уже рѣшительно сбиваетъ съ толку: «Бусинхъ — заключаетъ Эдриси — имѣетъ фабричныя заведенія и производитъ дѣятельную торговлю съ окрестными странами, т. е. съ Кабуломъ, Ваханомъ, Джил'емъ (вѣроятно слѣдуетъ читать съ Хуттел'емъ), Вахш'емъ и страною Растъ (см. выше, стр. 196): вывозятся туда желѣзо отличающееся добротностію и мускусъ». Какъ-же перечисленныя страны могутъ быть окрестными Бусинху, когда онъ лежалъ всего въ 5 дняхъ пути (пусть даже на западъ) отъ Лобъ-нора? Если-же онъ дѣйствительно былъ близокъ къ нимъ, то это отодвигаетъ его далеко на юго-западъ отъ Лобъ-Нора. Отодвигаютъ его въ эту сторону и другія обстоятельства сообщаемыя у Эдрисія, именно: 1) что въ горахъ сосѣднихъ съ Бусинхомъ растетъ въ великомъ обиліи индѣйскій нардъ, а въ лѣсахъ, которыми покрыты эти горы, водятся въ большомъ числѣ мускусныя козы; 2) въ тѣхъ же горахъ растетъ китайскій ревень, корень котораго добывается

---

[38] Géographie d'Edrisi, I, 493-494.

тамъ въ обиліи и развозится на продажу въ разныя восточныя и западныя страны [39]. Положимъ что Эдриси промахнулся говоря о пятидневномъ разстояніи Бусинха отъ Берванскаго-Озера; положимъ что въ означенномъ разстояніи лежалъ онъ не отъ этого озера, а отъ какого-либо другаго: но гдѣ-же, въ такомъ случаѣ, отыскивать это другое озеро? Приходится думать не сдѣлалъ-ли Эдриси изъ одного Лобъ-нора два озера: Берванъ и Коваресъ, да, сверхъ-того, присосѣдилъ къ нему страну лежавшую въ дѣйствительности далеко на юго-западъ.

Предоставляя разъяснить изложенныя обстоятельства относящіяся до Бервана и Бусинха болѣе насъ догадливымъ, переходимъ къ Эдрисіеву описанію «города Тибета» (*мединетъ-эт-Тюббетъ*). Вотъ оно: «Городъ *Тюббетъ* великъ: по немъ и страна которой служитъ онъ столицею, носитъ тоже самое имя. Страною этою владѣютъ Турки называемые Тибетцами. Жители ея находятся въ сношеніяхъ съ обывателями Ферганы и Ботма [40], и съ подданными хакана (какого — пропущено), ѣздятъ въ бо́льшую часть этихъ странъ, и вывозятъ туда желѣзо, серебро, камни разныхъ цвѣтовъ, леопардовыя шкуры и мускусъ. Городъ построенъ на возвышеніи, у подошвы котораго протекаетъ рѣка впадающая въ Берванское-Озеро, лежащее къ востоку отсюда. Обведенъ крѣпкими стѣнами и служитъ мѣстопребываніемъ владѣльцу имѣющему многочисленное войско, въ томъ числѣ сильную конницу, одѣтую въ кольчуги и вооруженную съ головы до ногъ. Здѣсь выдѣлываются въ большомъ числѣ разные предметы; между прочимъ вывозятъ отсюда готовое платье (халаты?) изъ толстой, крѣпкой и ноской шелковой ткани; за такое платье платятъ по многу динаровъ. Отсюда же везутъ въ Фергану и Индію рабовъ и мускусъ» [41].

---

[39] Тамъ же.

[40] Ботмъ — страна, по арабскимъ географамъ, находившаяся въ горахъ къ востоку отъ Самарканда.

[41] Géographie d'Edrisi, I, 492—493.

По этому описанію, города Тюббета нечего искать въ Тибетѣ: это, скорѣе всего, Хотанъ.

Кромѣ вышепоименованныхъ, высчитываются у Эдриси въ Тибетской-Землѣ и другіе города, безо всякихъ, впрочемъ, о нихъ подробностей, именно: *Шанфихъ*, *Ваханъ*, *Сакина*, *Рамхахъ и Далахва* [42]. Изъ нихъ, нельзя сомнѣваться, ни въ имени, ни въ мѣстоположеніи, только одного *Вахана* (см. выше, стр. 197). О *Сакинѣ* мы высказали уже что это, быть можетъ, *Шегнанъ* (выше, стр. 198). Имена трехъ остальныхъ, вѣроятно изуродованныя переписчиками, не напоминаютъ намъ ничего знакомаго; но искать этихъ городовъ слѣдуетъ не въ Тибетѣ, а, скорѣе, около Памира. Рѣшительнымъ на глаза наши доказательствомъ что подъ Тибетомъ понимали Арабы не то пространство которому нынѣ присвояемъ мы это имя, служитъ восторженный отзывъ о Тибетѣ у Масуди: «Тибетская страна — читаемъ у него — обладаетъ удивительными свойствами относительно-ли климата, водъ и почвы, относительно-ли равнинъ ея и горъ. Люди тамъ постоянно веселы, радостны, смѣются, не зная ни горя, ни грусти, ни заботъ. Не перечтешь, ни разнообразныхъ плодовъ и цвѣтовъ этой страны, ни богатствъ луговъ ея и рѣкъ. Климатъ тамошній даетъ силу крови, какъ въ людяхъ, такъ и въ животныхъ. Оттого почти не встрѣтишь тамъ угрюмыхъ даже между стариками и старухами; бодро и весело глядятъ тамъ и старость и зрѣлый возрастъ, и юность и отрочество. Природная кротость и веселость характера, общая всѣмъ жителямъ, побуждаетъ ихъ предаваться шуткамъ, музыкѣ, пляскѣ, такъ-что даже и въ случаѣ смерти близкихъ не испытываютъ они такого горя какъ другіе люди въ подобныхъ обстоятельствахъ. Между-тѣмъ они очень сострадательны другъ къ другу, и сироту усыновитъ тамъ каждый.

---

[42] Тамъ же, I, 490.

Добронравны тамъ и самыя животныя» [43]. Это-ли, спрашивается, нашъ холодный, безплодный, пустынный, угрюмый Тибетъ? Не ясно-ли что предложенная характеристика можетъ относиться только до плодоносныхъ равнинъ Яркяни и Хотана, до ихъ здороваго климата, до ихъ населенія всегда отличавшагося веселостью и гулливостью?

Обращаемся къ Землѣ-Тогузгуровъ. Главнымъ въ ней городомъ называетъ Эдриси городъ имя котораго переводчикъ его, Жоберъ, читаетъ *Танбіъ*. По всей вѣроятности, имя это должно читать какъ-нибудь иначе [44]. О городѣ этомъ, помѣщавшемся въ III-мъ климатѣ, узнаёмъ что «онъ очень великъ, окруженъ крѣпкими стѣнами, имѣетъ 12 желѣзныхъ воротъ, лежитъ на берегахъ рѣки текущей къ востоку, и служитъ мѣстопребываніемъ хакану, а жители его слѣдуютъ ученію Зердушта, ибо между Турками называемыми Тогузгуръ есть колѣно преданное Магизму и покланяющееся огню» [45]. Затѣмъ, въ девятомъ отдѣлѣ III-го климата, т. е. въ западной части Земли-Тогузгуровъ, помѣщаются еще три города: Маша, Бахванъ и Джермакъ. О *Машѣ* читаемъ что это «городъ цвѣтущій, въ которомъ фабрикуются разнаго рода предметы». О *Бахванѣ* сказывается что «находится онъ подъ особымъ княземъ изъ хаканскаго рода, имѣющимъ свои войска, крѣпости и управленіе; обведенъ крѣпкими стѣнами; имѣетъ базары, на которыхъ выдѣлываются, съ рѣдкимъ искуствомъ, всякаго рода произведенія изъ желѣза, бо́льшею частію вывозимыя въ Тибетъ и Китай; построенъ на берегахъ рѣки текущей къ востоку, и прорѣзывается, кромѣ

---

[43] Les prairies d'or, I, 350—351.

[44] У Дегиня (Hist. des Huns, III, 37) имя города этого читается Tantabée. Весьма возможно что буквы *т* и *б* въ имени Танбіъ (буквою ъ передаемъ мы арабскій аинъ) измѣнились изъ *х* и *дж*, такъ-что первоначально было Ханджаъ, т. е. Гань-чжеу или Гаочанъ.

[45] Géographie d'Edrisi, I, 461.

того, водяными каналами. Берега рѣки частію воздѣлываются, частію служатъ пастбищемъ для Турковъ. Въ окрестныхъ горахъ водятся дикія козы доставляющія мускусъ». Отъ этого города Бахвана до «находящагося въ 4-хъ дняхъ пути отъ него», города Джермака, «все промежуточное пространство воздѣлано сплошь и покрыто селеніями». Самый *Джермакъ* описывается такимъ образомъ: «городъ красивый и крѣпкій; обведенъ земляными стѣнами съ глубокимъ между ними рвомъ въ 70 шаговъ шириною, и 4-мя желѣзными воротами; имѣетъ одинъ только базаръ, на которомъ выдѣлывается оружіе. Правитель города имѣетъ подъ командою своею конницу и другія войска, на случай защиты его отъ нападенія тибетскихъ князей [46].

Въ остальной, восточной, части Земли-Тогузгуровъ, находившейся въ 10-мъ отдѣлѣ III-го климата, упоминаетъ Эдриси о трехъ городахъ, по-имени Хархаракетъ, Надхва, и Нашранъ. О *Хархаракетѣ* [47] сказываетъ онъ что это «городъ промышленный, обильный всякаго рода средствами; туда привозятъ много желѣза, которое расходится потомъ по другимъ тюркскимъ странамъ». *Надхва* (?), по его описанію, «построена на берегу большаго прѣсноводнаго озера, называемаго *Коваресъ*; на берега этого озера прикочевываетъ много Турковъ, ради обилія и хорошаго качества тамошнихъ пастбищъ». О *Нашранѣ* (по другому чтенію *Насванъ*) говорится что этотъ «большой и красивый городъ расположенный при рѣкѣ оба берега которой отличаются плодородіемъ. Стада жителей пасутся на этихъ берегахъ и въ окрестностяхъ. Жители занимаются какъ ремеслами, такъ и торговлею. Лазоревый камень, находящійся въ обиліи около помянутой рѣки, служитъ предме-

---

[46] Тамъ же, I, 491, 492, 496.

[47] Такъ читаемъ мы имя города которое Жоберъ пишетъ Khizkhiraketh.

томъ отпуска въ Хорасанъ, Иракъ и другія страны на западъ» [48].

Сверхъ изложенныхъ свѣдѣній о тогузгурскихъ городахъ, находимъ у Эдриси и показанія о разстояніи ихъ, какъ между собою, такъ, частію, и отъ другихъ пунктовъ. Къ-сожалѣнію на точность этихъ показаній полагаться ненадежно, что́, при томъ изуродованномъ переписчиками видѣ въ какомъ узнаёмъ имена этихъ городовъ, а равно рѣкъ и озеръ въ странѣ, отымаетъ у изслѣдователя всякую увѣренность что самъ онъ не надѣлаетъ жестокихъ промаховъ, стараясь отыскать твердые пункты въ этомъ морѣ ошибокъ и искаженій. Вотъ эти разстоянія: Отъ столицы тогузгурскаго хана (*Танбіъ*): до *Маши* — 5 дней пути, до *Бахвана*, въ сѣверо-западномъ направленіи — 12 дней, до *Нашрана*, въ направленіи къ сѣверу — 6 дней, до *Верхняго-Барсаджара* [49] — два мѣсяца. Отъ *Маши* до *Бахвана* — 8 дней, въ направленіи къ западу. Отъ *Бахвана*: до города *Тюббета* — 14 дней, до *Атраканы* (уже въ 4-мъ климатѣ, значитъ болѣе или менѣе на сѣверѣ) — 3 дня, до *Каранитійэ* (тоже въ IV-мъ климатѣ)—7 дней, до *Джермака* — 4 дня. Отъ *Джермака* до *Верхняго-Барсаджара* — 10 дней. Отъ той же столицы (*Танбіъ*) до *Хархаракета* — малый день пути, а до *Надхвы* — 4 малыхъ дня. Отъ *Хархаракета* до *Надхвы* — 4 дня [50].

Прежде чѣмъ пуститься въ какія-либо предположенія относительно пріуроченія загадочной номенклатуры тогузгурскихъ городовъ Эдрисія къ извѣстнымъ намъ въ

---

[48] Géographie d'Edrisi, I, 501—502.

[49] Такъ читаемъ мы имя мѣстности которую Жоберъ, у Эдриси, читаетъ Берсаджанъ, а Шпренгеръ и Барбье-де Менаръ, у Ибнъ-Хордадбега, Бирсханъ. Барсаджаръ было, по всей вѣроятности, имя тюркское, и значитъ по-тюркски: «Пойдешь, анъ обрывъ». Срав. названіе острова на Аральскомъ-Морѣ Барсакильмасъ, что́ значитъ «пойдешь, не дойдешь».

[50] Géographie d'Edrisi, I, 491—492, 496, 501—502.

В. Туркестанѣ мѣстностямъ, посмотримъ не помогутъ-ли въ этомъ маршруты изъ Мавераннагра на востокъ, какъ у древнѣйшихъ арабскихъ географовъ, такъ и у самаго Эдриси.

Кратчайшая дорога изъ Ферганы въ В. Туркестанъ шла черезъ городъ *Узкендъ* [51]. Отсюда до «перевала» черезъ горы считался 1 день пути. Отъ «перевала» до мѣстечка *Атасъ*, на выси отдѣляющей Фергану отъ Тибета — тоже одинъ день. Отъ Атаса до *Верхняго-Барсаджар*'а — 6 дней пути, по странѣ гдѣ не встрѣчается ни одного селенія. Отъ Верхняго-Барсаджара до столицы хакана тогузгурскаго — 3 мѣсяца пути, по странѣ покрытой обширными мѣстечками и укрѣпленіями. Отсюда на востокъ до Китая — 300 фарсаховъ. Такъ читаемъ у Ибнъ-Хордадбега. У Кодамы и Мукаддеси находимъ тоже самое, съ тою разницею что отъ Верхняго-Барсаджара до столицы хакана тогузгурскаго показываютъ они, не три мѣсяца, а всего шесть дней пути. Кромѣ того, Кодама сообщаетъ слѣдующія подробности: дорога отъ Узкенда до «перевала» идетъ черезъ населенную мѣстность; «перевалъ» высокъ и крутъ, а когда выпадутъ снѣга̀, непроходимъ; *Атасъ* (у Кодамы *Атбасъ*) лежитъ въ горахъ, и дорога идетъ то вверхъ, то внизъ; городъ этотъ находится на перевалѣ между Тибетомъ, Ферганою и В. Барсаджаромъ. *Верхній-Барсаджаръ* частію гористъ, частію представляетъ пастбища и ключи, но ни одного селенія, почему ѣдущіе черезъ него должны съѣстные припасы везти съ собою [52]. — Эдриси повторяетъ объ этомъ пути слова̀ Ибнъ-Хордадбега, добавляя только что отъ *Атаса* до *Тюб-*

---

[51] Объ Узкендѣ см. въ перв. вып. прим. LXXXII, на стрн. 319 —820. Городъ этотъ существуетъ и донынѣ подъ тѣмъ же именемъ. Въ 1871 году былъ онъ впервые посѣщенъ европейцемъ, извѣстнымъ натуралистомъ нашимъ А. Федченко.

[52] У Sprenger'а, въ его Post- und Reiserouten des Orients, s. 27.

бета, въ направленіи къ юго-востоку, считается 7 дней пути, но въ другомъ мѣстѣ тоже разстояніе показываетъ онъ уже въ 10 дней [53]. Отъ Верхняго-Барсаджара, причисляемаго имъ еще къ Ферганѣ, до столицы хакана тогузгурскаго значится у него два мѣсяца пути [54]. — Изложенный маршрутъ явно ведетъ изъ Ферганы въ В. Туркестанъ не тою дорогою которая описана у Изветъ-ул-Лаха (вып. перв. стрн. 215—219), т. е. не черезъ Терекскій-Перевалъ, и не на Кашгаръ, а изъ Узкенда вверхъ по р. Гулишану, мимо Чатыръ-Куля на перевалъ къ *Арташу* (*Аратуши* китайскихъ извѣстій, почему и у мусульманскихъ географовъ, вмѣсто *Атасъ*, слѣдуетъ читать *Аташъ*) и оттуда на востокъ до Ушъ-Турфана или Аксу. Показаніе что Атасъ (Аташъ, Арташъ) лежитъ на разграньи между Ферганою, Верхнимъ-Барсаджаромъ и Тибетомъ, свидѣтельствуетъ — какъ мы и выше это разъясняли — что для Арабовъ Тибетъ, т. е. Тибетскія-Владѣнія, начинались съ Кашгарской-Области, примыкали непосредственно къ Памиру, и даже переходили на западную его сторону. Такимъ образомъ оправдывается и выраженіе Ибнъ-Хордадбега о Тибетѣ что лежитъ онъ «въ центрѣ Востока» [55].

Другая, окольная, дорога въ В. Туркестанъ шла изъ Шашской (нынѣ Ташкентской) Области, огибая Иссы-Куль. Вотъ маршрутъ этой дороги отъ Аспиджаба до Тараза, по Ибнъ-Хордадбегу и Кодамѣ: Отъ *Аспиджаба* до *Сават*'а степью — 5 фарсаховъ (по Кодамѣ 4 ф.); на пути двѣ большія рѣки, *Мава* и *Юранъ* по-имени. Изъ *Савата* въ *Бадухкетъ* (у Кодамы *Баруджкетъ*) — 5 фарсаховъ (по Код. 4 ф.). Изъ *Бадухкета* въ *Тамъяджъ* — 4 ф. (у Код. 5 ф). Тамъяджъ лежитъ въ степи, но на большой рѣкѣ, и

---

[53] Géographie d'Edrisi, I, 489, 495.

[54] Тамъ же, I, 491

[55] Journ. Asiat. за 1865 годъ, t. V, p. 267.

окруженъ многочисленными селеніями». Изъ *Тамъяджа* до *Нарджи* — 4 ф. Нарджа — гора изъ которой вытекаетъ тысяча источниковъ, образующихъ рѣку текущую на востокъ по-имени *Иркутъ* (Барьбе-де-Менаръ читаетъ *Уюркубъ*). Отъ *Нарджи* до *Мерки*, станціи на р. Иркутѣ — 6 ф. По этой рѣкѣ много болотъ и озеръ, на которыхъ охотятся за горными куропатками. Здѣсь переправляются черезъ рѣку и ѣдутъ до *Есавагер*'а 3 фарсаха, а оттуда до *Хункет'а* (у Код. *Хавизкетъ*), въ невоздѣлываемой степи, 2 ф. Затѣмъ, черезъ 3 фарсаха пріѣзжаютъ въ Таразъ (*Атразъ*, *Атракъ*), гдѣ уже и сады, и пашни [56]. У Истахри читаемъ объ этой дорогѣ что «отъ Аспиджаба ѣдутъ на *Бадахкетъ*, а оттуда два дня до Тараза, по странѣ незаселенной и безъ постоялыхъ дворовъ» [57]. На-счетъ направленія этой дороги недоумѣвать мы не можемъ: мы имѣемъ на ней двѣ точки опоры, совершенно-достаточныя. Это — четвертая станція отъ Аспиджаба, о которой, подъ именемъ «тысячи ключей», упоминаетъ еще Сюань-цзанъ [58], и которая извѣстна донынѣ подъ тѣмъ же именемъ, *Минъ-Булакъ* по-тюркски; и, затѣмъ, пятая станція — *Мерки*, гдѣ, подъ этимъ же именемъ, существовало недавно еще коканское укрѣпленіе, взятое нами и разрушенное. Несомнѣнно что дорога отъ Аспиджаба шла тамъ же гдѣ пролегаетъ нынѣшняя почтовая дорога отъ Чимкента къ Авлія-Ата на р. Таласѣ, и оттуда вдоль сѣверной подошвы Александровскаго-Хребта, черезъ бывшія коканскія укрѣпленія *Мерке*, *Пишпекъ* и *Токмакъ*. *Таразъ*-же долженъ былъ лежать на р. Чу, гдѣ Сюань-цзанъ помѣщаетъ городъ *Суй-ѣ* (т. е. у западной оконечности Иссы-Куля) а не тамъ гдѣ помѣщаетъ онъ городъ *Та-ло-се* (т. е. на рѣкѣ Таласѣ, около нынѣшняго Авлія-Ата). Всего отъ

---

[56] У Sprenger'a, l. c. s. 22; Journ. Asiat. l. c. p. 265.

[57] Viae Regnorum, p. 337.

[58] Mémoires sur les contrées occidentales, I, 13—14.

переправы черезъ Шашскую-Рѣку (Сыръ-Дарью) до Тараза считалось, по Истахри—22, по Эдриси—23 дня пути [59].

Изъ *Тараза* далѣе на востокъ ѣхали до *Нижняго-Барсаджар*'а, городка окруженнаго жильемъ и воздѣланными полями, 3 фарсаха (по Эдриси—33 мили). Отсюда слѣдовали, одна за другою, слѣдующія станціи: *Касръ-башъ* (зимовье Турковъ называемыхъ Харлухами)—2 ф.; *Куль-судъ*—4 ф.; горы тянутся справа; *Джебель-судъ* (разстояніе, ни у Ибнъ-Хордадбега, ни у Кодамы, не означено; по Эдриси отъ *Касръ-Аянъ*, или *Касръ-Аясъ*, зимовья Харлуховъ, до уроч. *Кукъ-Шубъ* 12 миль, и столько же еще до *Джебель-Шубъ*, городка въ которомъ живутъ Турки); *Куланъ* (у Ибнъ-Хорд. *Кулабъ*, у Эдриси *Куланъ-Гая*), богатый городокъ — 4 ф. (по Кодамѣ, отъ Тараза до Кулана, степью называемою *Куланъ*, 14 фарс.); *Эберки*, богатое мѣстечко — 4 ф. (по Эдриси, *Беркъ*—въ 15 миляхъ отъ Куланъ-Гая; припутываетъ онъ къ этой мѣстности рѣку того же имени, текущую будто-бы отсюда въ Шашскую-Область, совершенно ошибочно); *Ашпарэ* (такъ читаемъ мы вмѣсто *Асирэ* у Ибнъ-Хордадбега и *Ашберэ* у Эдриси) — 4 ф. *Нункетъ* (у Код. *Нуркетъ*), большое селеніе — 8 ф. (у Эдриси *Гана-Буркетъ*, 24 мили отъ Ашпарэ); *Ахунджаранъ* (у Код. *Хукранъ*), большое селеніе — 4 ф.; *Джуль* (*Хуль*), большое селеніе — 4 ф.; *Меназихъ* (у Код. *Сари*), большое селеніе — 7 ф. (по Эдриси, отъ *Гана-Буркета* до городка *Джеркъ* 12 миль, а оттуда до городка *Саъ* 21 миля); столица хакана тюркскаго (т. е. хакана собственно Харлуховъ) — 4 ф.; *Навакетъ* (т. е. «Новгородъ») — 4 ф.; *Кунадъ* (у Эдр. *Кобабъ*) — 8 ф.; *Верхній-Барсаджаръ* — 15 ф. (такъ по Ибнъ-Хордадбегу и по Эдриси, который толкуетъ что отъ Кобаба до В. Барса-

---

[59] Не было-ли двухъ Таразовъ, какъ было два Барсаджара, два Сайрама, двѣ Турфани и т. д.: одинъ — около нынѣшняго Авлія-Ата, другой — около западной оконечности Иссы-Куля?

жара 10 дней караваннаго пути по странѣ обильной водою и пастбищами, и только 5 дней для тюркскаго гонца. У Кодамы, начиная отъ Навакета показываются мѣстности съ разными именами которыя трудно прочесть надлежащимъ образомъ) [60].

Описанная дорога направлялась отъ Тараза, полагаемъ мы, сначала на сѣверо-востокъ, оставляя вправо Кунги-Алатау'скій Хребетъ; потомъ огибала этотъ хребетъ съ сѣвера, проходя около Алматы; затѣмъ поворачивала на востокъ и выходила на рѣку Или, на которой, по всей вѣроятности, и находилась гдѣ-нибудь столица хакана харлухскаго. Отсюда на Верхній-Барсаджаръ, т. е. на Аксу, шла уже южная вѣтвь этой дороги — черезъ долину р. Текеса и Мусуръ-Дабанскій перевалъ.

Между двумя описанными дорогами пролегала и третья — изъ Ферганской-Долины, отъ Ахсикета, на востокъ до г. Каранитійэ. Сколько можно видѣть изъ маршрута по ней сообщаемаго Эдрисіемъ [61], пролегала она вверхъ по теченію р. Нарына, съ вершины его переходила, черезъ хребетъ Тхяньшаня окаймляющій южный берегъ о. Иссыкуля, на этотъ-послѣдній, а тамъ, черезъ Заукинскій-Перевалъ, выходила на р. Или, къ столицѣ харлухскаго хакана, о которой сказывается что «въ ней много зданій, большія укрѣпленія и храбрый гарнизонъ». Отсюда далѣе считалось 6 дней пути до *Атраканы*, «города значительнаго, сильно-укрѣпленнаго, снабженнаго водою изъ источниковъ, и тоже подчинявшагося власти хакана Харлуховъ». Далѣе, въ 10 дняхъ пути отъ Атраканы, лежала уже и *Каранитійэ*, до которой надо было добираться «черезъ пустыни кочевыхъ Турковъ гдѣ благоденствовали они со стадами своими и верблюдами». Каранитійэ описывается «большимъ горо-

---

[60] Journ. Asiat. на 1865 годъ, t. V, pp. 265 — 266; Sprenger: Post- und Reiserouten, s. 23; Géographie d'Edrisi, II, 217 — 218.

[61] Géographie, II, 214 — 215.

домъ, въ длину 9-ть, въ ширину 3 мили, расположеннымъ на берегу обширнаго озера по-имени *Гаганъ*, длиною на 6-ть, шириною на $1^1/_2$ дня пути». О владѣльцѣ-же Каранитійэ, подчинявшемся хакану тогузгурскому, сказывается (конечно со словъ какого-нибудь путешественника который видѣлъ его) что «онъ могуществен, храбръ и имѣетъ подъ начальствомъ своимъ многочисленныя войска изъ пѣхотинцевъ, конниковъ и стрѣлковъ».

По размѣрамъ какія приписываетъ Эдриси озеру Гаганъ, озеромъ этимъ можетъ быть лишь *Бостэнъ-норъ*. Да и по маршруту Эдриси отъ столицы хакана харлухскаго до Каранитійэ, ни къ какому другому большому озеру не придешь. Дорога про которую онъ говоритъ есть, явно, та самая которою слѣдовало, въ 1420 году, изъ Самарканда въ Китай, посольство Шахъ-руха (вып. перв. стр. 434—435), а оно изъ долины р. Или направилось въ долину Юлдузскую, стало-быть къ Бостэнъ-нору. Поэтому я нисколько не затрудняюсь признать о. Гаганъ за Бостэнъ-норъ, несмотря на то что Гаганъ помѣщается у Эдриси въ IV-мъ климатѣ, т. е. гораздо сѣвернѣе. Признавъ-же тождество Гагана съ Бостэнъ-норомъ, приходится и Каранитійэ принимать за *Харашаръ*, хотя послѣдній вовсе не лежитъ на Бостэнъ-норѣ. Но топографическія подробности у Эдриси вообще невѣрны, да и любитъ онъ сажать города на берега озеръ. Что касается до *Атраканы*, то, въ силу 6-дневнаго разстоянія ея отъ столицы харлухскаго хакана, и 10-дневнаго отъ Каранитійэ, должна была она находиться гдѣ-нибудь въ верховьяхъ р. Или, можетъ быть на Текесѣ, можетъ быть на Кунгесѣ.

Итакъ, маршруты изъ Мавераннагра въ В. Туркестанъ, въ томъ видѣ какъ находимъ ихъ у арабскихъ географовъ вообще и у Эдриси въ томъ числѣ, могутъ, кажется, быть соглашены съ извѣстною намъ дѣйствительностію безо всякихъ натяжекъ. Не то выходитъ если зададимся пріуроченіемъ въ той же дѣйствительности извѣ-

стій Эдриси о перечисленныхъ выше городахъ тогузгурскихъ. До того противорѣчатъ между собою эти извѣстія, что мы, по крайней мѣрѣ, не могли придумать никакой комбинаціи для примиренія ихъ. Принять самое вѣроятное— что подъ столицею Тогузгуровъ, *Таибіъ* по Эдриси, *Кушанъ* по Масуди, должно разумѣть *Гаочанъ*, а подъ *Бахваномъ — Кучу*, такъ *Машу* между ними показанную не къ чему пріурочить кромѣ Харашара, а Харашаръ отождествили мы сейчасъ съ *Каранитійэ*. Не поможетъ дѣлу если представимъ себѣ даже что дорога къ востоку отъ столицы харлухскаго хана шла съ р. Или не въ долину Юлдуза и не къ Бостэнъ-нору, а черезъ нынѣшніе Хуръ-хара-усу и Урумчи къ Баркюльскому озеру, и отождествимъ Каранитійэ съ г. Баркюлемъ: Машу можно будетъ тогда пріурочить къ Харашару, но какимъ образомъ объяснимъ въ такомъ случаѣ трехдневное разстояніе Бахвана (Кучи) отъ Атраканы (Хуръ-хара-усу), и семидневное отъ Каранитійэ (Баркюля)? Но пусть и этой путаницѣ нашлась-бы разгадка: гдѣ искать тогда города соотвѣтствующаго *Джермак*'у, т. е. такого который-бы находился въ 4-хъ дняхъ пути къ ЮЮЗ. отъ Бахвана (Кучи), и въ 10-ти дняхъ п. отъ Верхняго-Барсаджара (Аксу)? Ни Кашгаръ, ни Яркянь подъ эти условія не подходятъ. Не поможетъ дѣлу, равнымъ образомъ, если примемъ что столицею Тогузгуровъ былъ *Гань-чжеу*. Всего страннѣе то, что не могъ-же Эдриси пропустить такого города какъ Кашгаръ, а для Кашгара именно и не находимъ у него никакого соотвѣтствующаго пункта. Если-же не обращать вниманія на данныя Эдриси о взаимномъ разстояніи и расположеніи городовъ Тогузгурской-Земли, то самые города эти представляется возможнымъ пріурочить къ извѣстнымъ намъ изъ другихъ источниковъ, принявъ что озеро *Коваресъ* соотвѣтствуетъ *Лобъ-нору*, городъ *Надхва* на этомъ озерѣ — городу *Лобъ*, *Каранитійэ*—Харашару, *Маша—Корлѣ*, *Бахванъ*—Кучѣ, *Джер-*

макъ — Шаяру или *Паю*, столица тогузгурская *Танбіъ — Турфани*, *Хархаракетъ — Пичани*, *Нашранъ — Комулю*.

По сбивчивости извѣстій Эдриси о городахъ Тогузгуровъ, разрѣшеніе недоумѣній ими возбуждаемыхъ предоставляемъ мы, впрочемъ, будущимъ изслѣдователямъ предмета. Одно обстоятельство у Эдриси представляется намъ яснымъ по отношенію къ этимъ городамъ, это — слабая зависимость ихъ отъ тогузгурскаго хакана: и Бахванъ, и Каранитійэ, являются у Эдриси съ собственными владѣльцами во главѣ, находившимися къ хакану лишь въ вассальныхъ отношеніяхъ. Такъ, по всей вѣроятности, оно и дѣйствительно было. Кромѣ того, изъ общности извѣстій Эдриси о Восточномъ-Туркестанѣ вытекаетъ несомнѣнное заключеніе что страна эта находилась въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ мусульманскимъ міромъ, снабжая его не только естественными своими произведеніями, болѣе всего желѣзомъ, но и разнаго рода фабрикатами, производствомъ которыхъ, преимущественно плотныхъ шелковыхъ тканей и желѣзныхъ издѣлій, въ особенности оружія, славились его жители.

VIII

На сколько дѣйствительно, и можетъ служить источникомъ для исторической географіи по отношенію къ Восточному-Туркестану, путешествіе араба X вѣка, Абу-Долефа

Краткое *рисалэ*, «сказаніе», о странствованіяхъ Абу-Долефа, имъ самимъ составленное, дошло до насъ, какъ и нѣкоторыя другія «сказанія» древнѣйшихъ арабскихъ странствователей, лишь черезъ посредство позднѣйшихъ географическихъ писателей той же націи [1]. Принимая въ соображеніе что отдѣльныя статьи изъ коихъ слагается «сказаніе» Абу-Долефа, приводятся означенными писа-

---

[1] Сколько намъ извѣстно, «рисалэ» Абу-Долефа цитируется цѣликомъ въ сочиненіяхъ двухъ арабскихъ географовъ: у Якута — въ его Моъджемъ-эль-Бульданъ, и у Зекэрія Казвини — въ его Аджаибъ-эль-Махлукатъ. То и другое сочиненіе изданы въ арабскомъ текстѣ неутомимымъ нѣмецкимъ орьенталистомъ Ф. Вюстенфельдомъ: Аджаибъ-эль-Махлукатъ — въ 1849 году, въ Геттингенѣ, Моъджемъ-эль-Бульданъ — въ 1866—1869 годахъ, въ Лейпцигѣ. Въ послѣднемъ рисалэ Абу-Долефа помѣщено подъ статьею эс-Синъ (Китай), на стрн. 445 — 458 тома Ш-го. Въ Вюстенфельдово изданіе Абджаибъ-эль-Махлукатъ рисалэ это не вошло, но зато, въ видѣ отдѣльныхъ статей, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ и по системѣ климатовъ, находимъ его въ Вюстенфельдовомъ изданіи другаго сочиненія Зекэрія Казвини подъ заглавіемъ Асаръ-эль-Беладъ. Изъ европейскихъ ученыхъ, рисалэ обратило на себя до сихъ поръ только вниманіе Курдъ-фонъ-Шлёцера, который, въ 1845 году, напечаталъ его въ Берлинѣ, по двумъ рукописямъ Казвини, съ латинскимъ переводомъ и кое-какими примѣчаніями, подъ

телями въ одномъ и томъ же видѣ, въ одной и той же послѣдовательности, а нѣкоторые, незначительные, варіанты встрѣчаются лишь по отношенію къ языку, да заключаются въ опущеніи переписчиками, по невнимательности, той или другой фразы, должно полагать что сказаніе это имѣемъ мы, у означенныхъ писателей его цитирующихъ — въ подлинномъ видѣ, въ томъ самомъ видѣ въ какомъ вышло оно изъ рукъ автора, и что никто изъ тѣхъ писателей не передѣлывалъ его и не искажалъ. А если такъ, то непроходимая путаница какою отличается изложеніе Абу-Долефа должна быть отнесена на собственный его счетъ. Въ виду этой путаницы, приходится думать что Абу-Долефъ не посѣтилъ лично и половины странъ которыми, по словамъ его, проѣзжалъ онъ; приходится думать что многіе народы о которыхъ говоритъ онъ какъ очевидецъ, извѣстны были ему лишь изъ чужихъ разсказовъ, и что собственный его маршрутъ служилъ ему не болѣе какъ нитью, на которую, тамъ-и-сямъ, нанизывалъ онъ эти разсказы въ видѣ лично, на самомъ мѣстѣ, пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній, причемъ и не подозрѣвалъ даже что совершаетъ подлогъ. Чтобы матеріалъ заключающійся въ «сказаніи» могъ быть обращенъ на пользу исторической географіи, слѣдуетъ — при означенномъ предположеніи — поступить съ этимъ «сказаніемъ» такимъ же образомъ какъ поступлено уже по отношенію къ сказаніямъ китайца Сюань-цзана и венеціанца Марка Поло, далеко знаменитѣйшихъ Абу-Долефа, т. е. должно

заглавіемъ: Abu Dolef Misaris ben Mohalhal de itinere asiatico commentarius. Къ труду этому нельзя относиться требовательно, такъ-какъ со стороны 23-лѣтняго издателя былъ онъ лишь specimen eruditionis, представленный для полученія степени доктора философіи въ Берлинскомъ Университетѣ. Сверхъ того, имѣемъ мы и нѣмецкій переводъ «рисалэ», сдѣланный Ф. Вюстенфельдомъ (напечатанъ въ Zeitschrift für Vergleichende Erdkunde за 1842 годъ, B. II, ss. 205 — 218), но на скорую руку и безъ всякаго объясненія встрѣчающихся въ немъ нелѣпостей.

быть разобрано: какими изъ упоминаемыхъ имъ странъ могъ онъ проѣхать дѣйствительно, и о какихъ разсказываетъ съ чужихъ словъ, а затѣмъ указано гдѣ именно въ маршрутѣ своемъ дѣлаетъ онъ вставки такого рода. Но, вглядываясь въ «сказаніе» Абу-Долефа, можно притти и къ другому предположенію — что онъ вовсе не совершалъ того путешествія которое приписывается ему въ «сказаніи»; что «сказаніе» есть не иное что какъ сборникъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній какія можно было пріобрѣсть въ мусульманскомъ мірѣ, около половины X вѣка по Р. Х., объ Индіи и странахъ на сѣверъ и на востокъ отъ Мавераннагра, изъ разсказовъ магометанъ дѣйствительно забиравшихся туда по торговымъ видамъ, или разсказовъ уроженцевъ означенныхъ странъ по какимъ-либо поводамъ пріѣзжавшихъ въ мусульманскіе края; можно думать что сборникъ этотъ составленъ какимъ-либо грамотнымъ арабомъ, который нашелъ удобнымъ изложить собранныя имъ свѣдѣнія въ формѣ путешествія, и путешествіе это — чтобы дать бо́льшую извѣстность своему труду — приписалъ Абу-Долефу, разумѣется по кончинѣ его, какъ лицу славившемуся въ мусульманскомъ мірѣ многочисленностію своихъ странствованій. Словомъ сказать приходитъ въ голову что уже въ X-мъ или въ XI вѣкѣ осуществлена была таже самая мысль, тотъ же самый планъ, по которому, черезъ восемь слишкомъ вѣковъ, именно въ 1820-хъ годахъ текущаго столѣтія, совокупилъ извѣстія Арабовъ о при-кавказскихъ и другихъ странахъ, изложивъ ихъ въ видѣ путешествія по тѣмъ странамъ вымышленнаго имъ лица, которое назвалъ Абуль-Касимомъ — извѣстный основательностію трудовъ своихъ, орьенталистъ д'Охсонъ [2]. Которое изъ двухъ изложенныхъ

---

[2] Des peuples du Caucase et des pays au nord de la Mer Noire et de la Mer Caspienne, dans le X-e siècle, ou voyage d'Abou-el-Cassim. Par C. D'Ohsson. Paris, 1828.

предположеній ближе къ истинѣ, пусть судятъ сами читатели, на основаніи слѣдующихъ къ тому данныхъ.

«Сказаніе» свое, послѣ предисловія въ обще-мусульманскомъ вкусѣ, Абу-Долефъ начинаетъ съ того, что-во время нахожденія его на службѣ у саманидскаго государя Насра сына Ахмедова, внука Исмаилова, прибыло къ послѣднему отъ государя китайскаго (*маликъ-эс-синъ*) Калатина (или Калына) сына Шахирова (или Шахбарова) посольство съ порученіемъ высватать дочь Насра за сына этого Калатина; когда-же Насръ не изъявилъ на то согласія, затрудняясь выдать мусульманку за язычника, то послы предложили устроить родственную связь между двумя государями женитьбою одного изъ сыновей Насра на дочери тогоже Калатина, на что́ Насръ и далъ согласіе, и вслѣдствіе того отправилъ къ Калатину своихъ пословъ, къ которымъ онъ, Абу-Долефъ, и присоединился, пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ посѣтить страны тюркскія и китайскія. За этимъ введеніемъ говорится что по прослѣдованіи мусульманскими городами въ Хорасанѣ и Мавераннагрѣ, первымъ народомъ (*кабилэ*) въ землю котораго прибылъ онъ съ посольствомъ, оказался народъ обитающій въ странѣ *Харка*, которою и ѣхали цѣлый мѣсяцъ. Оттуда выбрались въ страну народа *Тахтахъ*, которою и ѣхали 20 дней. Затѣмъ прибыли въ страну народа *Наджа*, гдѣ провели мѣсяцъ. Оттуда вступили въ землю народа *Беджнакъ*, сосѣднюю со странами *Саклабовъ*; а проѣхавши ею 12 дней, прибыли въ землю народа *Джикиль*, которою и слѣдовали въ-теченіе 40 дней. Изъ этой-послѣдней вступили въ страну народа *Баграджъ*, и ѣхали ею мѣсяцъ, пока не прибыли въ землю народа *Тюббетъ*. Этою землею ѣхали 40 дней, послѣ чего вступили въ страну народа *Кимакъ*, и ѣхали ею 35 дней, пока не достигли страны народа *Гузъ*, гдѣ пробыли мѣсяцъ. Изъ этой земли вступили во владѣнія народа *Тогузгуръ*, которыми слѣдовали 20 дней. Отсюда направились въ страну народа *Хэрхизъ*, а черезъ мѣсяцъ,

переѣхали въ страну народа *Харлухъ*, которою слѣдовали въ-теченіе 25 дней, пока не достигли до земли народа *Хатлахъ*. Черезъ десять дней пути по послѣдней, прибыли въ страну народа *Хатаянъ*, и ѣхали ею 20 дней. Оттуда пріѣхали въ страну *Баги*, и слѣдовали ею 40 дней пока не достигли до мѣста именуемаго *Кулайбъ*. Землями отъ него зависящими ѣхали мѣсяцъ, послѣ чего достигли *Макамъ-эль-Бабъ*, песчаной страны гдѣ находился приставъ государя китайскаго, отъ котораго зависѣло разрѣшеніе на впускъ въ Китайскія Владѣнія для желающихъ вступить туда. Этою страною ѣхали 3 дня, имѣя угощеніе на счетъ государя (китайскаго), и получая свѣжій подъемный скотъ черезъ каждый фарсахъ пути. Добравшись такимъ образомъ до *Вадиль-Макамъ*, «попросили мы — пишетъ Абу-Долефъ — и получили позволеніе выѣхать въ дальнѣйшій путь ранѣе пословъ; но позволеніе это дано было намъ не прежде какъ провели мы тутъ, среди красивѣйшей и пріятнѣйшей мѣстности какія только есть въ божьемъ мірѣ, три дня, угощаемые все это время на государевъ счетъ. Затѣмъ переправились мы черезъ рѣку (*Вадиль-Макамъ* значитъ по-арабски «рѣка при которой останавливаются») и ѣхали цѣлый день пока не увидѣли издали города *Сендабиль*, столицы Китайскаго Государства. Ночевали мы въ разстояніи одного мерхелэ (перегона) отъ отъ нея, а вставши ѣхали съ ранняго утра и достигли до нея лишь къ закату солнца. Городъ это великій, цѣлый день надо чтобы проѣхать имъ. Шестьдесятъ улицъ въ немъ широкихъ, и всѣ приводятъ къ одному мѣсту, ко дворцу государеву. Подъѣхавъ къ однѣмъ изъ воротъ въ городской стѣнѣ, нашли мы что, какъ въ высоту, такъ и въ ширину, стѣна эта имѣетъ по 90 локтей. Поверхъ стѣны этой идетъ большой водопроводъ, изъ котораго, у каждыхъ изъ 60 воротъ города, спускается вода, трубою, внизъ до земли, и частію проходитъ подъ стѣною наружу и напаяетъ пригородные сады, частію, по проведеннымъ

канавамъ, бѣжитъ въ каждой улицѣ ко дворцу, а оттуда обратно за городъ, вслѣдствіе чего въ каждой улицѣ двѣ канавы: одною течетъ чистая вода, а по другой таже вода уноситъ всѣ бросаемыя нечистоты. Храмъ имѣется огромный: сказываютъ что больше мечети въ Бейтъ-эль-Мукаддасъ (Іерусалимѣ); а внутри его живопись и картины, и идолы, и громадный кумиръ Будды. Полицейскій порядокъ большой, и законы на все точные. Жители скота не убиваютъ и вовсе не ѣдятъ мяса. Кто убьетъ животину самъ подвергается смерти. Городъ этотъ служитъ столицею какъ Индѣйцамъ, такъ и Туркамъ. И отправились мы къ государю: оказался онъ мастеромъ своего, царскаго, дѣла, человѣкомъ высокаго разума. И стали послы вести переговоры съ нимъ на счетъ порученнаго имъ сватовства дочери его за Нуха сына Насрова. Соизволилъ онъ на это, и обласкалъ меня и пословъ. Оставались мы тамъ на государевомъ содержаніи пока устроено было все къ свадьбѣ невѣсты, и приготовлено все что пошло за нею въ приданое. Когда все это было кончено, передалъ онъ дочь на руки двухсотъ евнуховъ и трехсотъ дѣвицъ изъ самыхъ почетныхъ при Дворѣ. И повезли ее въ Хорасанъ къ Нуху сыну Насрову, и вступилъ онъ съ нею въ бракъ. Что-же до меня касается — продолжаетъ Абу-Долефъ — то оставался я въ Сендабилѣ, городѣ китайскомъ, довольно долго, являясь время отъ времени къ государю. И бѣсѣдовалъ онъ со мною о разныхъ предметахъ, и разспрашивалъ о томъ что дѣлается въ странахъ Ислама. Затѣмъ попросилъ я у него позволенія на отъѣздъ, и отпустилъ онъ меня, одаривъ и снабдивъ всѣмъ что только было мнѣ нужно» [3]. Изъ Сендабиля пробрался Абу-Долефъ въ *Келэ*, уже на берегу моря, «первый со стороны Китая индѣйскій городъ, въ разстояніи 300 фарсаховъ отъ китайскихъ пре-

---

[3] Jacut's Geographisches Wörterbuch, herausgegeben von F. Wüstenfeld. Leipzig, 1868, III-r Band, erste Hälfte, s. 446—458.

дѣловъ, городъ далѣе котораго не плаваютъ уже корабли, ибо гибнутъ въ морѣ. Государь въ *Келэ* подчиняется еще Китайскому». Изъ Келэ пробрался Абу-Долефъ въ «Перцовую-Землю», какъ называли Арабы Малабарскій-Берегъ, и странствовалъ ужъ все по Индіи, пока не возвратился въ мусульманскія страны черезъ Седжестанъ, въ то время когда властвовалъ тамъ Абу-Джафаръ Мухаммедъ сынъ Ахмедовъ, внукъ Лайсовъ.

Обозрѣвъ такимъ образомъ маршрутъ первой половины странствованій Абу-Долефа, посмотримъ теперь возможенъ-ли онъ.

Если подъ «государемъ китайскимъ» (*маликъ-эс-синъ*) посольство котораго пріѣзжало сватать дочь Насрову, разумѣть кого-либо изъ лицъ занимавшихъ въ Китаѣ императорскій престолъ, то «сказаніе» Абу-Долефа представляется лживымъ съ первыхъ же строкъ. Несомнѣнно что никакой китайскій императоръ никогда-бы не унизился до того чтобъ просить руки иностранной принцессы для своего сына, и тѣмъ болѣе навязывать свою дочь въ жены иноземному наслѣднику престола. Если могло пріѣзжать къ Насру посольство съ подобными предложеніями, то не отъ владыки Китая, а отъ кого-либо изъ вассальныхъ ему государей. Мы видѣли (выше стр. 184) что *маликъ-эс-синъ*, «государемъ китайскимъ», называютъ Мусульмане и того вассала или чиновника китайскаго который обязался платить дань Кутейбѣ. Тотъже титулъ *малик*'а даетъ купецъ Сулейманъ и правителямъ двухъсотъ главныхъ городовъ въ Китайскомъ Царствѣ [4]. Слѣдовательно, нѣтъ никакого препятствія допустить что сватовство шло со стороны какого-либо изъ вассальныхъ китайскихъ владѣтелей, и по этому отношенію «сказаніе» не утрачиваетъ достовѣрности. Гдѣ-же, однако,

---

[4] Relation des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Jnde et à la Chine dans le IX-e siècle de l'ère chrétienne (Paris, 1845), I, 32; II, 34.

помѣщались владѣнія этого вассала? По маршруту Абу-Долефа этого нельзя опредѣлить, можно только догадываться объ этомъ. Френъ, а за нимъ и Гильдемейстеръ съ Курдъфонъ-Шлёцеромъ, полагаютъ что Калатинъ властвовалъ гдѣ-нибудь на Загангскомъ-Полуостровѣ [5]. Но если такъ, то представляется-ли малѣйшая вѣроятность чтобы Калатинъ зналъ о существованіи Насра, и, тѣмъ болѣе, вздумалъ родниться съ нимъ? Допустить это стольже невозможно какъ и то чтобы въ наше время какому-нибудь Цицинъ-или Чжасакту-хану халхасскому пришло желаніе присвататься къ дочери султана Ашантіевъ въ Африкѣ. Все что̀ могло имѣть мѣсто въ родѣ сватовства о какомъ говоритъ Абу-Долефъ, это — со стороны какого-либо изъ владѣльцевъ Восточнаго-Туркестана или вассаловъ Китая въ западныхъ его предѣлахъ. Мы укажемъ ниже наши основанія полагать что только въ означенныхъ предѣлахъ и могла находиться столица Калатинова, городъ Сендабиль. Стало-быть и въ этомъ отношеніи «сказаніе» выдерживаетъ критику.

Не то находимъ при дальнѣйшемъ его разборѣ. Мы знаемъ изъ китайскихъ извѣстій какія владѣнія лежали между Мавераннагромъ и Китаемъ. Нѣкоторыми изъ этихъ владѣній Абу-Долефъ долженъ былъ проѣзжать необходимо, если путь его изъ Мавераннагра въ Китай или на Загангскій-Полуостровъ лежалъ не черезъ Индію. Между-тѣмъ въ сказаніи его не находимъ ничего похожаго на имена этихъ владѣній, за исключеніемъ *Харки*, что̀ можно принимать за *Яркянь*, имѣя въ виду что эту-послѣднюю Марко Поло называетъ Karkan, а Гоэсъ — Hiarhan. Нельзя не видѣть что это — весьма странное обстоятельство, какъ и то, съ другой стороны, что многіе изъ упоминаемыхъ имъ народовъ и областей не встрѣчаются ни

---

[5] Abu-Dolefi Commentarius, p. 30, annot. 3.

у какого другаго писателя. По именамъ трехъ первыхъ народовъ, владѣній или городовъ, проѣханныхъ Абу-Долефомъ по выступленіи изъ предѣловъ Мавераннагра (*Харха*, *Тахтахъ*, *Наджа*), нельзя вывести заключенія даже о направленіи по какому онъ выѣхалъ. Пусть діактрическія точки въ трехъ именахъ этихъ перевраны переписчиками; будемъ читать эти имена съ какими угодно точками (*Джарка*, *Таджтаджъ*, *Баха*, *Таха* и т. д.), и все-таки не выдетъ никакого имени напоминающаго извѣстныя изъ другихъ источниковъ имена народовъ и мѣстностей на пути изъ Мавераннагра въ Китай или на Загангскій-Полуостровъ. Но, вотъ, послѣ трехъ первыхъ загадочныхъ именъ, топографическихъ или этнографическихъ, говоритъ онъ о прибытіи въ землю народа имя котораго изображено одинаково во всѣхъ извѣстныхъ рукописяхъ, народа намъ знакомаго (*Беджнакъ* мусульманскихъ писателей несомнѣнно тождественны съ *Печенѣгами* русскихъ и *Пацинаками* византійскихъ писателей), и, въ прибавокъ, упоминаетъ что земля этого народа смежна съ землею другаго, тоже намъ извѣстнаго (*Сакалибъ* мусульманскихъ писателей не означаютъ ничего иного кромѣ *Славянъ*). И что-же оказывается? Оказывается, что на пути изъ Мавераннагра на востокъ никоимъ образомъ не могъ Абу-Долефъ проѣзжатъ землями этого народа, такъ-какъ изъ непрерѣкаемыхъ свидѣтельствъ византійскихъ, русскихъ и другихъ писателей извѣстно что Печенѣги, уже въ концѣ IX вѣка (около 890-хъ годовъ), вытѣснены были изъ обиталищъ своихъ между Ураломъ и Волгою, далѣе на западъ, въ нынѣшнія саратовскія степи, и вытѣснены были именно *Узами*, т. е. *Гузами* мусульманскихъ писателей, которые Гузы, по тѣмъ же писателямъ, и занимали уже къ началу X-го вѣка, какъ видѣли мы (выше, стр. 196), все пространство степей отъ Аспиджаба на западъ [6]. Что именно

---

[6] По Константину-Багрянородному, Печенѣги жили первоначально въ

этихъ, а не какихъ-либо другихъ Печенѣговъ имѣлъ въ виду Абу-Долефъ, утверждая что проѣзжалъ ихъ землею, видно изъ того что землю эту заставляетъ онъ сосѣдить съ Славянами, какъ и было это дѣйствительно въ X-мъ вѣкѣ [7]. Явно, такимъ образомъ, что не могъ Абу-Долефъ проѣзжать Землею-Печенѣговъ на пути своемъ изъ Маве-

---

странѣ между Яикомъ и Волгою, значитъ тамъ гдѣ теперь Внутренняя Киргизская Орда и Новоузенскій Уѣздъ Самарской Губерніи. Тутъ — говоритъ онъ — живутъ теперь Узы, которые вытѣснили Печенѣговъ при помощи Хазаръ. Это вытѣсненіе Печенѣговъ Узами въ страны на западъ отъ Волги произошло, по тому же писателю, лѣтъ за 50—55 передъ тѣмъ какъ писалъ онъ сочиненіе свое «Объ управленіи Имперіею», выходитъ — въ 890-хъ годахъ (De administrando imperio, cap. 37). По франкскимъ лѣтописцамъ (см. Шлёцеровъ Nestor, III, 40), въ 896 году Печенѣги выгнали уже Угровъ изъ Молдавіи. Въ нашихъ лѣтописяхъ о первомъ приходѣ Печенѣговъ на Русь упоминается подъ 915 годомъ (Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. I, 87, по изд. Эйнерлинга). По Масуди, въ союзѣ съ тремя другими, родственными имъ, тюрскими народами, вели они, въ 320-хъ годахъ гиджры (послѣ 932 по Р. Х.) войну съ императоромъ византійскимъ Романомъ, и, проникнувъ до Константинополя, около 40-а дней стояли подъ этою столицею (Les prairies d'or, II, 58—64). По тому же писателю, Гузы (то есть Узы Византійцевъ) около 300 года гиджры (912—913 по Р. Х.) имѣли уже зимовки свои около сближенія Дона съ Волгою, какъ видно это изъ его сказанія о рѣчномъ походѣ Руси изъ Чернаго и Азовскаго морей въ Каспійское (ibidem, II, 19). Истахри упоминаетъ о Печенѣгахъ какъ о тюркскомъ народѣ который отдѣлился отъ прочихъ единоплеменниковъ, оставилъ прежнія кочевья свои, и поселился въ земляхъ между Хазаріею и Румомъ, т. е. Византійскою Имперіею (Viae Regnorum, p. 9—10). Если географъ XI-го уже вѣка, эль-Бекри, все еще сѣверною границею печенѣжскихъ кочевій считаетъ Землю-Кипчаковъ, а южною — Землю-Хазаровъ, то, въ тоже время, западною ихъ границею является у него уже Земля-Славянъ (см. въ Journal Asiatique за 1849 годъ, t. XIII, pp. 461 et 467), а это показываетъ лишь то что у него смѣшаны старыя извѣстія о Печенѣгахъ, относящіяся ко времени пребыванія ихъ между Яикомъ и Волгою, съ извѣстіями новѣйшими, о поселеніи ихъ уже на пространствѣ «отъ Хазаріи до Рума», какъ говоритъ Истахри.

[7] Во время Константина-Багрянороднаго (944—955) Печенѣги, по показанію этого императора, жили на-половину къ востоку отъ Днѣпра, до предѣловъ земель Узовъ и Хазаровъ, а на-половину — къ западу отъ Днѣпра, сосѣдя съ Булгарами, Уграми, Русью и подвластными послѣдней славянскими родами (De administrando imperio, гл. 37, въ боннскомъ изданіи сочиненій Багрянороднаго consilio Niebuhrii, т. III, стрн. 166).

раннагра къ востоку. Припомнимъ къ тому что ѣхалъ онъ не одинъ, а съ послами Насровыми, которые, конечно, не стали-бы, для его удовольствія, сворачивать съ дороги своей въ Китай, и заѣзжать — куда? — въ придонскія степи! Выходитъ, по всѣмъ соображеніямъ этимъ (если принять предположеніе о вставочномъ характерѣ нѣкоторыхъ статей въ маршрутѣ Абу-Долефа), что разсказъ его о Печенѣгахъ — вставочный. Далѣе, такими же вставочными въ маршрутъ Абу-Долефа должны быть признаны и разсказы его о посѣщеніи имъ земель *Гузовъ*, *Кимаковъ*, *Хэрхизовъ*, *Хатаянъ*, такъ-какъ зѐмли этихъ народовъ находились далеко ото всякихъ линій сообщенія пролегавшихъ по Восточному-Туркестану [8], черезъ который должны были слѣдовать послы Насровы на пути въ китайскія или индо-китайскія страны. Проѣзжать зѐмлями означенныхъ народовъ было для нихъ столь же неестественно, какъ проѣзжать черезъ Варшаву, Вѣну, Флоренцію и Барцелону для направляющихся изъ Берлина прямо въ Парижъ. Кромѣ-того — пусть-бы Абу-Долефъ разъѣзжалъ одинъ, безъ пословъ, совершенно-свободно, дѣлая какіе угодно ему зигзаги и завороты — все не могъ-бы онъ, какъ читаемъ въ его «сказаніи», переѣзжать непосредственно: изъ *Тибета* въ землю *Кимаковъ*, или изъ земли

---

[8] Въ какомъ отношеніи одна къ другой располагались, по Истахри, земли Гузовъ, Кимаковъ и Хэрхизовъ, изложено выше (стрн. 196 и 201). О Джикиляхъ и Хатаянахъ онъ не упоминаетъ. Джикили Абу-Долефа, по всѣмъ соображеніямъ — тотъ же самый народъ который у Эдриси называется Халахъ или Хильхъ, а онъ помѣщаетъ этотъ народъ, по-видимому, къ сѣверу отъ Харлуховъ, къ западу отъ Кимаковъ (Géographie d'Edrisi, traduite par Jaubert, II, 214, 217, 218). Хатаянъ-же — несомнѣнно Кидани и затѣмъ обитатели Сѣвернаго-Китая вообще. Такимъ образомъ, всѣ поименованные народы (кромѣ Гузовъ) размѣщались въ странахъ къ сѣверу отъ Тхяньшаньскаго-Хребта, и притомъ сѣвернѣе Харлуховъ и Тогузгуровъ, стало-быть вовсе не на пути изъ Мавераннагра въ Западный-Китай и, тѣмъ болѣе, въ Загангскую-Индію.

Гузовъ — въ землю *Тогузгуровъ*, такъ-какъ означенныя земли непосредственно другъ къ другу не прилегали, а отдѣлялись другъ отъ друга огромными пространствами занятыми однимъ или нѣсколькими промежуточными народами. Этого обстоятельства въ «сказаніи» Абу-Долефа нельзя объяснить уже и вставочностію. Приходится думать что не только не проѣзжалъ онъ означенными сейчасъ странами, но не зналъ даже гдѣ именно и въ какомъ положеніи относительно другъ къ другу лежали онѣ.

Такъ гдѣ-же, въ какихъ странахъ Средней-Азіи былъ онъ дѣйствительно, и что̀ именно собственными глазами видѣлъ? По нашему мнѣнію, изъ «рисалэ» его можно выводить, съ нѣкоторою вѣроятностію, не болѣе того что, оставивъ Мавераннагръ, слѣдовалъ онъ на востокъ черезъ Яркянь, Землю-Харлуховъ, Землю-Тогузгуровъ, и добрался, наконецъ, до Сендабиля въ Западномъ-Китаѣ, проѣхавъ, лежавшими быть можетъ на этомъ пути, загадочными для насъ, владѣніями Тахтахъ и Баги. Свѣдѣнія о прочихъ странахъ и народахъ Средней-Азіи заключающіяся въ «сказаніи» — свѣдѣнія пріобрѣтенныя имъ изъ книгъ и черезъ разспросы. Амальгамировалъ онъ ихъ съ лично имъ пріобрѣтенными быть можетъ съ тою цѣлію чтобы «сказаніе» его представляло полный, для его времени, сводъ всего что извѣстно было тогда о тюркскихъ народахъ. Вслѣдствіе этого, «сказаніе» и получило тотъ компилятивный характеръ который выказывается въ немъ и отсутствіемъ личныхъ приключеній разскащика, и однообразіемъ плана въ изложеніи подробностей объ описываемыхъ странахъ и народахъ; о каждой сказывается: чѣмъ питаются ея жители, во что̀ одѣваются, какая у нихъ наружность, какіе нравы и обычаи, какъ управляются, какія замѣчательныя въ ней зданія и естественныя произведенія. Для того-же чтобы связать имѣвшіяся обо всемъ этомъ и лично пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія, не нашелъ онъ предосудительнымъ повѣдать единовѣрцамъ будто во всѣхъ странахъ,

о коихъ идетъ у него рѣчь, былъ онъ самъ, совокупно съ послами Насровыми. Уже одинъ этотъ пріемъ долженъ былъ сбить его съ толку въ изложеніи. Кромѣ того, не имѣя яснаго представленія (тогда, въ X-мъ вѣкѣ, не возможно было и составитъ его себѣ) о географическомъ размѣщеніи народовъ описаніемъ которыхъ задался, и о взаимномъ ихъ положеніи, не зналъ онъ куда пріурочить многіе изъ нихъ, вслѣдствіе чего совалъ ихъ куда-попало, и такимъ образомъ произвелъ образцовую путаницу.

Но если Абу-Долефъ умаляется для насъ въ значительной мѣрѣ какъ путешественникъ, остаются, тѣмъ-не-менѣе, собранныя имъ, или подъ именемъ его, любопытныя свѣдѣнія о разныхъ странахъ и народахъ Средней-Азіи, въ томъ числѣ и о Восточномъ-Туркестанѣ. И если даже цѣлую половину этихъ свѣдѣній слѣдуетъ признать невѣрною, баснословною, все-таки остается другая половина которою Исторія Географіи обязана воспользоваться на этомъ основаніи. Мы и приведемъ цѣликомъ тѣ статьи «сказанія» которыя относятся или могутъ относиться къ Восточному-Туркестану. При этомъ замѣтимъ предварительно что, во многихъ случаяхъ, характеристика населенія той или другой страны, встрѣчаемая въ «сказаніи», относится вовсе не къ тому тюркскому народу которому приписывается, а къ мѣстному населенію тѣмъ народомъ покоренному, или отъ того народа зависѣвшему. Этого не должно упускать изъ виду при оцѣнкѣ свѣдѣній сообщаемыхъ «сказаніемъ», авторъ котораго, должно быть чистый аравитянинъ, не хочетъ знать никакихъ территоріальныхъ дѣленій, и, съ кочевой точки зрѣнія, признаетъ одно этнографическое дѣленіе — на *кабаилъ*, «колѣна», вслѣдствіе чего «колѣно» приходится понимать у него иногда въ смыслѣ «народъ», иногда въ смыслѣ «страна», «владѣніе». Не должно забывать также что авторъ «сказанія» не могъ не раздѣлять общаго всѣмъ Арабамъ взгляда на этнографію Средней-Азіи, по которому, видѣли мы

(выше, стр. 200), всѣ разнообразные племена ея представлялись имъ одинаково — Турками.

Выписки наши изъ «сказанія» начнемъ со статьи о *Харкѣ*, такъ-какъ есть вѣроятность что подъ этимъ именемъ скрывается *Яркянъ*, а не то такъ *Харканъ* Эдрисія, городъ помѣщаемый послѣднимъ на пути отъ Вашгирда до Раста, гдѣ-то по-видимому на Памирѣ [9]. Извѣстія о ней ограничиваются въ «сказаніи» тѣмъ что «ѣхали мы этою страною цѣлый мѣсяцъ, питаясь пшеницею и ячменемъ».

Упоминаемую вслѣдъ за Харкою страну народа *Тахтахъ* полагаемъ мы возможнымъ пріурочивать къ Восточному-Туркестану на основаніи слѣдующихъ извѣстій сообщаемыхъ о ней «сказаніемъ»: «Проѣздомъ черезъ эту страну питались мы ячменемъ, просомъ, мясомъ разнаго рода и полевыми овощами. Ѣхали 20 дней, покойно и безопасно. Жители этой страны признаютъ надъ собою власть государя китайскаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, платятъ дань Харкѣ, по той причинѣ что жители Харки вошли уже въ лоно Ислама, а Тахтахцы близки къ тому. Тѣ и другіе соединяются нерѣдко чтобы воевать, для распространенія вѣры, съ живущими далѣе язычниками». Двоеданство Тахтахцевъ — явленіе весьма естественное и безпрестанно возникавшее въ Восточномъ-Туркестанѣ; но едва-ли вѣроятно чтобы владѣніе столь отдаленное отъ Китая, судя по близости его къ мусульманскимъ предѣламъ, сохраняло еще вассальныя отношенія къ Китаю, когда Китай, въ X-мъ вѣкѣ, не имѣлъ уже болѣе никакого политическаго значенія для странъ къ западу отъ него. Впрочемъ, если *Тахтахъ* соотвѣтствуетъ *Хотану*, то нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ подчиненности его Китаю, если не дѣйствительной, то хотя номинальной, такъ-какъ по китайскимъ извѣстіямъ (объ этомъ см. ниже) дань изъ Хотана присылалась въ Китай и въ-теченіе X столѣтія. Важно затѣмъ, если только нѣтъ

---

[9] Géographie d'Edrisi, trad. p. Jaubert, I, 482—483.

въ немъ преувеличенія, извѣстіе что Харкинцы, кто-бы они ни были, исповѣдывали уже Исламъ, а Тахтахцы, будь то Хотанцы или другой народъ въ западной части В. Туркестана, считались уже близкими къ обращенію въ вѣру «послѣдняяго пророка»: это — древнѣйшее имѣющееся извѣстіе о распространеніи Ислама къ востоку отъ Памира [10].

Судя по пищѣ которою заставляетъ «сказаніе» питаться проѣзжающихъ черезъ Харку и Тахтахъ, должно полагать, впрочемъ, что подъ этими именами идетъ рѣчь не о Яркяни и Хотанѣ, а скорѣе о горныхъ владѣніяхъ на Памирѣ и восточныхъ его скатахъ [11].

Южнѣе уже, или, по-крайней-мѣрѣ, низменнѣе, судя по ея естественнымъ произведеніямъ, должно помѣщать третью страну о которой говоритъ «сказаніе» — землю народа *Наджа*. Сообщается о ней слѣдующее: «Проѣздомъ черезъ эту страну питались мы ячменемъ, горохомъ и чечевицею. Ѣхали цѣлый мѣсяцъ, въ покоѣ и безопасности. Жители ея — язычники; платятъ дань Тахтаху, но имѣютъ своего владѣльца, передъ которымъ преклоняются до земли. Въ великомъ уваженіи имѣется у нихъ крупный рогатый скотъ, который, впрочемъ, въ землѣ ихъ не разводится. Обильна она смоквами, виноградомъ и чернымъ миспеломъ. Есть въ ней также родъ несгараемаго дерева, изъ котораго и вырѣзываютъ тамъ идоловъ». Относительно обилія въ В. Туркестанѣ «несгораемаго дерева», т. е.

---

[10] Якуби, видѣли мы (выше, стр. 199), разсказываетъ будто еще въ халифатство Омара сына Абдъ-эль-Азизова явились Тибетцы къ намѣстнику хорасанскому съ просьбою дать имъ наставника въ исламской вѣрѣ, но удовлетворена ли была эта просьба, если она дѣйствительно имѣла мѣсто, и какія были отъ того послѣдствія, неизвѣстно.

[11] К. ф. Шлёцеръ полагаетъ что Тахтахъ — народъ извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Татаръ; но такое отождествленіе не основывается ни на чемъ кромѣ присутствія въ обоихъ собственныхъ именахъ — двухъ *т* и двухъ *а*.

асбеста, будетъ ниже еще другое извѣстіе. Что-же касается до топографическаго пріуроченія земли Наджа, то, такъ-какъ, вмѣсто *Наджа* или *Баджа*, можно читать и *Яджа*, а этимъ-послѣднимъ именемъ называлось, при Старшихъ Ханяхъ, владѣньице на Памирѣ, иначе именовавшееся *Уто* (см. выше, стрн. 28 и 37), очень можетъ что *Яджа* Абу-Долефа — одно и тоже съ *Ячжею* или *Уто* Китайцевъ.

Опуская засимъ извѣстія о странахъ Беджнаковъ и Джикилей, какъ не относящіяся къ В. Туркестану, приводимъ статью «сказанія» о Землѣ-*Баграджей*, хотя тоже весьма мало увѣрены въ принадлежности ея къ бассейну Тарима. «Баграджи — читаемъ въ «сказаніи» — народъ безбородый. Государь ихъ — государь высокостепенный. Сказываютъ что онъ аліецъ по происхожденію, изъ потомства Яхьи сына Зейдова, и что есть у него коранъ позолоченный, со стихами на переплетѣ въ которыхъ оплакивается Зейдъ. Коранъ этотъ служитъ предметомъ поклоненія. Зейдъ, по ихъ понятіямъ, былъ государемъ Арабовъ, Али-же сынъ Абу-Талебовъ считается у нихъ богомъ Арабовъ. И никого не происходящаго изъ этой семьи Алидовъ, не возводятъ они на царство. На небо когда станутъ смотрѣть, рты разѣваютъ и глаза пучатъ: «оттуда-де нисшелъ богъ Арабовъ и туда онъ вознесется». Государи ихъ происходящіе изъ Зейдова рода отличаются чудною особенностію: борода у нихъ растетъ, носы прямые, глаза большіе. Войско держатъ и конное и пѣшее. Промыселъ ихъ въ томъ что оружіе выдѣлываютъ, и выдѣлываютъ отлично. Питаются ячменемъ и бараниной. Нѣтъ въ странѣ ни рогатаго скота, ни козъ. Одежду носятъ исключительно войлочную. Ѣхали мы землею этою мѣсяцъ, въ постоянномъ страхѣ и опасеніи, и уплатили въ пошлину десятую долю всего что съ нами имѣлось».

Судя по изложеннымъ особенностямъ Земли-Баграджей, ее можно принять скорѣе за тибетскую, нежели за восточно-туркестанскую. Зато, почти никакого тибетскаго ха-

рактера не видимъ мы въ слѣдующей статьѣ «сказанія», о народѣ «зовущемся *Тюббетъ*». «Ѣхали мы землею ихъ 40 дней, удобно и безопасно, питаясь пшеницею, ячменемъ, бобами, мясомъ, рыбой, овощами, плодами, виноградомъ. Одежду тамъ носятъ всякую. Городъ имѣютъ большой, построенъ изъ тростника; въ немъ храмъ изъ бычачьихъ кожъ пропитанныхъ масломъ (?), а въ храмѣ приношенія — рога мускусныхъ газелей. Населеніе города составляютъ Мусульмане, Евреи, Христіане, Огнепоклонники и Индѣйцы. Дань платятъ алиду баграджскому. Своихъ правителей имѣютъ избирательныхъ. Острогъ есть куда сажаютъ за преступленія. Молясь, обращаются къ нашей киблѣ» (т. е. въ туже сторону куда и мы).

За статьею о Тибетѣ идутъ статьи «сказанія» о Землѣ-Кимаковъ и Землѣ-Гузовъ; мы не приводимъ ихъ по жительству обоихъ народовъ этихъ внѣ предѣловъ В. Туркестана. О Тогузгурахъ-же, къ которымъ будто-бы выѣхалъ Абу-Долефъ изъ Земли-Гузовъ, сообщаются въ «сказаніи» слѣдующія подробности: «Ѣдятъ мясо, и вареное, и въ сыромъ видѣ. Одежду носятъ изъ бумажныхъ тканей и изъ войлока. Храмовъ для богомоленія не имѣютъ. Дорожатъ очень лошадьми и старательно ухаживаютъ за ними. Камень есть у нихъ останавливающій кровотеченіе, если повѣсить его на шею тому кто истекаетъ кровью. Когда радуга показывается на небѣ, начинаютъ праздничать. Молясь, обращаются къ западу. Государь у нихъ высокостепенный. На самой вершинѣ кремля стоитъ у него шатеръ золотой: девятьсотъ человѣкъ могутъ помѣститься, изъ-за пяти фарсаховъ видѣнъ издали. Знамена у нихъ черныя. Землею ихъ ѣхали 20 дней, въ страхѣ великомъ». — Въ текстѣ Абу-Долефа по Якуту нѣтъ сказанія о «золотомъ шатрѣ»: я думаю что у Казвини оно вставное, взятое изъ Ибнъ-Хордадбега, гдѣ о шатрѣ этомъ, видѣли мы (выше стрн. 202), говорится тоже самое. Подъ «одеждою изъ войлока» разумѣлись, вѣроятно, бурки. Объ употребленіи

войлока на одежду въ Шаньшани упоминаетъ (см. выше, стрн. 110) и китайскій путешественникъ Фа-сянь.

Изъ Земли-Тогузгуровъ Абу-Долефъ, по «сказанію», переѣзжаетъ въ Землю-Хэрхизовъ, а оттуда въ Страну-*Харлуковъ*. Пропуская Хэрхизовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ В. Туркестана, приводимъ слѣдующую статью о Харлухахъ, какъ народѣ, по другимъ извѣстіямъ (см. выше, стрн. 202 и 208), господствовавшемъ въ сѣверо-западномъ углу этой страны: «Питаются горохомъ и чечевицей. Пьютъ напитокъ приготовляемый изъ ячменя. Мяса не ѣдятъ иначе какъ посоленаго. Одежды носятъ шерстяныя. Храмъ у нихъ есть, на стѣнахъ котораго изображены прежніе ихъ государи. Домà строятъ изъ дерева несгараемаго, которое у нихъ въ обиліи. Другъ друга постоянно обижаютъ и притѣсняютъ, другъ другу завидуютъ. Прелюбодѣяніе между ними — дѣло позволительное. Игроки они страстные: играютъ на женъ, сыновей, дочерей, матерей. Пока играющіе остаются на игорномъ сборищѣ, проигравшему предоставляется выкупить проигранное; но если онъ, не сдѣлавъ этого, уйдетъ, то выигравшій считается владѣльцемъ проиграннаго, и продаетъ его купцамъ какъ полную свою собственность. Женщины ихъ славятся красотою и развратомъ, а мужчины не знаютъ чтó такое ревность. Когда приходятъ караваны въ эту страну, то жены, дочери, сестры знатныхъ и другихъ людей, отправляются имъ на встрѣчу; и если женщина понравится гостю, то ведетъ его въ жилище свое, помѣщаетъ тамъ, угождаетъ ему, а мужа своего, дѣтей, братьевъ, заставляетъ исполнять всѣ его надобности. И пока гость въ домѣ, мужъ не подходитъ къ женѣ, развѣ по какому дѣлу которое ему поручено. Затѣмъ жена и гость ѣдятъ, пьютъ и другимъ занимаются на глазахъ у мужа, а тотъ и не думаетъ ревновать или мѣшать. Праздникъ у нихъ бываетъ такой когда всѣ въ парчу наряжаются, а кто недостаточно богатъ для этого, тотъ хотя кусочикъ парчи нашиваетъ на платье. Есть у нихъ руд-

никъ серебряный: серебро добываютъ посредствомъ ртути. Есть дерево у нихъ высокорослое, замѣняющее имъ миробаланъ: помазать сокомъ его воспаленную опухоль, мигомъ ее разбиваетъ. Камень есть у нихъ огромный, пользующійся великимъ уваженіемъ: передъ камнемъ тѣмъ судъ творятъ, и во славу его жертвы закаляютъ. Камень этотъ зеленаго цвѣта. Землею-Харлуховъ ѣхали мы 25 дней».

Закончивъ этимъ выписки наши изъ «сказанія» — такъ какъ слѣдующія въ немъ далѣе статьи, о Землѣ-Хатлаховъ, Землѣ-Хатаянъ и странѣ Баги, къ предмету нашему не относятся, а разсказъ о пути черезъ Кулайбъ и далѣе до Сендабиля, привели мы уже выше — займемся теперь вопросомъ: въ какой мѣрѣ можно довѣрять свѣдѣніямъ собраннымъ въ «сказаніи», и не выдуманы ли тамъ не только нѣкоторыя извѣстія, а даже цѣлые страны и народы?

Трудно допустить чтобы авторъ «сказанія» рѣшился выдумывать несуществовавшія географическія и этнографическія имена, но нельзя не замѣтить что о нѣкоторыхъ изъ упоминаемыхъ имъ странъ и народовъ не встрѣчается никакихъ извѣстій, ни у предшествовавшихъ, ни у послѣдующихъ географовъ. Таковы *Харка*, *Баги*, *Кулайбъ*; таковы *Тахтахъ*, *Баграджъ*, *Хатлахъ*. Правда, у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ географовъ, на-примѣръ у Казвини и у Бакуви, находимъ и *Наджу* (въ видѣ *Баджа*), и *Баграджей* (въ видѣ *Фарахъ*), и *Хатлаховъ*, даже *Баги* (въ видѣ *Яга*) и *Кулайбъ* [12]; но все что говорится у Казвини и Бакуви объ этихъ странахъ и народахъ заимствовано ими, какъ видно по самымъ выраженіямъ, исключительно изъ нашего же «сказанія». *Баграджи*, подъ этимъ же самымъ

---

[12] Zakaria el-Cazwini's Kosmographie, herausgegeben von F. Wüstenfeld, II, 390, 393, 395 и 408; Бакуви, въ Notices et extraits des manuscrits, II, 530, 533.

именемъ, упоминаются еще ранѣе, у Ахмеда Туси [13], но и этотъ писатель, говоря о нихъ, только повторяетъ извѣстіе «сказанія». Самый *Сендабиль* — городъ весьма загадочный. Если не пріурочивать его къ Сѣверозападному-Китаю; если полагать что путь въ Сендабиль шелъ изъ Тибета черезъ *Баги* и *Кулайбъ*, гдѣ уже пальмы росли, принимая притомъ въ соображеніе что отъ морскаго берега, гдѣ *Келэ*, отстоялъ Сендабиль по «сказанію» на 300 фарсаховъ, или по меньшей мѣрѣ на 2000 верстъ, то трудно пріискать ему мѣсто гдѣ-либо кромѣ Юньнань'ской-Области въ Югозападномъ-Китаѣ. Но есть-ли какая-либо вѣроятность чтобы глухой край этотъ въ X-мъ вѣкѣ могъ находиться въ сношеніяхъ съ Мавераннагромъ, чтобы пролегала между обѣими странами какая-либо торная дорога? И почему «сказаніе» не даетъ никакихъ подробностей о странахъ между Сендабилемъ и Келэ на протяженіи цѣлыхъ 2000 верстъ, а заставляетъ Абу-Долефа перескакивать изъ Сендабиля прямо въ Келэ? То и другое служитъ доказательствомъ фиктивности Абу-Долефова путешествія изъ Сендабиля до Келэ. А при такой фиктивности весьма позволительно усомниться и въ самомъ существованіи города который-бы звали Сендабилемъ. Довольно странно, прежде всего, что ни единымъ словомъ не упоминаютъ объ этомъ городѣ два главные источника арабскихъ свѣдѣній о Китаѣ и Индіи — купецъ Сулейманъ и Абу-Зейдъ изъ Сирафа. Ни единымъ словомъ не проговаривается о немъ, въ «Золотыхъ-Розсыпяхъ» своихъ, и всезнающій Масуди. Позже, знаменитый компилаторъ Якутъ, упомянувъ о Сендабилѣ, ничего не находитъ прибавить о немъ къ словамъ Абу-Долефа [14]. Казвини, говоря о Сендабилѣ, тоже цитируетъ Абу-Долефа, а другія подробности объ этомъ городѣ заимствуетъ изъ арабскихъ сказаній о *Хум-*

---

[13] См. въ Хаммеровомъ сборникѣ Sur les origines russes, p. 33.

[14] Geographisches Wörterbuch, III, 2, p. 124.

данъ [15], какъ звалась на Западѣ столица Китая при Тханской-Династіи, т. е. *Си-ань-фу*. Не переименовалъ-ли *Сендабилемъ* авторъ «сказанія» приморскій въ Индіи городъ *Сендабуръ*, о которомъ, по словамъ Абуль-Феды, имѣются извѣстія у разныхъ арабскихъ писателей [16], и не помѣстилъ-ли его, вмѣсто Индіи, въ Китаѣ? Что̀ читаемъ въ «сказаніи» о *Макамъ-эль-Бабъ*, и *Вадиль-Макамъ* — очень похоже на разсказы позднѣйшихъ путешественниковъ (пословъ Шахруховыхъ и В. Гоеса — см. въ перв. выпускѣ, стр. 436 и 440) о вступленіи ихъ въ китайскіе предѣлы, черезъ Цзя-юй-гуань и Су-чжеу. *Су-чжеу* — достаточно-большой китайскій городъ чтобы показаться верхомъ великолѣпія для путника только что выбравшагося изъ Гобійской-Пустыни. Въ описаніи Сендабиля и должны мы, по всей вѣроятности, видѣть описаніе Су-чжеу, разумѣется съ прикрасами, какими не одинъ Абу-Долефъ дополнялъ дѣйствительность. Допустивъ что подъ Сендабилемъ въ «сказаніи» Абу-Долефа должно понимать не иное что какъ Су-чжеу, можно допустить и дѣйствительность путешествія его черезъ Восточный-Туркестанъ до этого пункта, и даже дѣйствительность посольства къ Насру въ Мавераннагръ отъ лица властвовавшаго въ Сендабилѣ, такъ-какъ между Су-чжеу и Бухарою или Самаркандомъ несомнѣнно существовали въ X-мъ вѣкѣ дѣятельныя торговыя сношенія, и Су-чжеу, кромѣ того, находился съ 850-хъ годовъ въ рукахъ уйгурскихъ владѣльцевъ, кому-либо изъ которыхъ и могла притти фантазія вступить въ родственныя связи съ сильнымъ государемъ каковъ былъ Насръ, владѣвшій, кромѣ Мавераннагра, Хорасаномъ, Седжестаномъ и т. д. На-оборотъ, если станемъ отыскивать Сендабиль въ Юньнан'и или Бирмѣ, окажется невозможнымъ, ни посольство отъ Калатина къ Насру, ни посѣще-

---

[15] Zakaria el-Cazwini's Kosmographie, II, 30—31.

[16] Géographie d'Aboulféda, texte arabe publié par Reinaud, p. 359.

ніе этого города Абу-Долефомъ, а потому и все «сказаніе» его — подложнымъ. Разбирать, путешествовалъ-ли Абу-Долефъ по Индіи, и, если путешествовалъ, то какія страны были посѣщены имъ дѣйствительно, и о какихъ говоритъ онъ съ чужихъ словъ, вставляя рѣчь о нихъ въ свой маршрутъ — не наше дѣло. Считаемъ позволительнымъ для себя утверждать только, что если Абу-Долефъ и былъ въ Индіи, то пробрался до Келэ не изъ того города который описываетъ подъ именемъ Сендабиля.

Что касается до внутренней достовѣрности свѣдѣній заключающихся въ приведенныхъ нами выпискахъ изъ «сказанія», то мы не видимъ основаній сомнѣваться въ правдивости ихъ, разумѣется, относительной. Самое дикое что встрѣчается въ нихъ — это разсказъ о существованіи въ Кулайбѣ древней колоніи ѣменскихъ Арабовъ, сохранившихъ языкъ свой и химьяритскія письмена. Но не одинъ Абу-Долефъ вѣрилъ въ эту сказку; вѣрилъ въ нее и разсудительный Масуди, помѣщая только колонію эту въ Тибетѣ [17]; вѣрили и другіе арабскіе писатели. Страннымъ представляется также извѣстіе объ Алидахъ властвовавшихъ у Баграджей; но почему-же какому либо семейству Алидовъ не проникнуть было въ страны между Китаемъ и Хорасаномъ, подобно тому какъ проникали въ Китай послѣдніе Сассаниды, какъ пробрались въ Грузію и Арменію, и утвердились тамъ въ качествѣ феодаловъ, Орбеліаны и Мамигоніане, считающіеся выходцами изъ Китая? [18]. Весьма важнымъ свидѣтельствомъ достовѣрности извѣстій «сказанія» представляется, на нашъ взглядъ, то, что не встрѣчаемъ въ немъ, между тюркскими народами, ни *Эдкешей*, изобрѣтенныхъ толмачомъ Селламомъ, ни *Теркешей*, придуманныхъ, какъ мы замѣтили уже, въ риѳму Эдкешамъ (см. выше, стр. 206). Одного отсутствія этихъ Эдкешей и Тер-

---

[17] Les prairies d'or, I, 352; II, 224.

[18] Saint-Martin: Mémoires sur l'Arménie, II, 45, 23—28.

кешей въ «сказаніи» достаточно для насъ чтобы вѣрить что другіе тюркскіе народы, единственно авторомъ «сказанія» описываемые, какъ *Тахтахи* и *Баграджи*, существовали дѣйствительно, хотя, быть можетъ, подъ другими именами и съ нѣсколько иною физіономіею, чѣмъ тѣ которыя даетъ оно имъ. Нѣтъ также причинъ полагать чтобы какъ *Баги*, такъ и *Кулайбъ*, были странами баснословными, въ родѣ Земли-*Тамгаджъ*, описаніе которой помѣщено у Казвини въ четвертомъ климатѣ [19]. Относительно ихъ можно думать что къ автору «сказанія» прилагается скорѣе всего наша пословица: «слышалъ звонъ, да не знаетъ гдѣ онъ». Сказывали ему обо всемъ этомъ разные достовѣрные люди, да не взялъ онъ въ толкъ ихъ разсказовъ, не сообразилъ и — напуталъ.

Но, какъ сказали мы выше, можетъ быть и то, что «сказаніе» вовсе не принадлежитъ Абу-Долефу, а есть компиляція кѣмъ-либо составленная, и только ему приписанная. Болѣе всего заставляетъ думать такъ заключеніе «сказанія», въ которомъ читаемъ что Абу-Долефъ возвратился изъ странствованій своихъ по Средней-Азіи и по Индіи черезъ Седжестанъ, когда властвовалъ тамъ соффаридъ Абу-Джафаръ Мухаммедъ, сынъ Ахмедовъ, внукъ Лайсовъ; между тѣмъ въ извѣстныхъ источникахъ для исторіи Соффаридовъ о такомъ лицѣ не упоминается. Мало того: изъ этихъ источниковъ можно заключить что лица́ по-имени Абу-Джафаръ Мухаммедъ, сынъ Ахмеда, внукъ Лайса, даже не существовало. Неизвѣстно также чтобы у Лайса былъ сынъ по-имени Ахмедъ. Извѣстно, напротивъ, что господство Соффаридовъ въ Седжестанѣ прекратилось еще до вступленія на престолъ саманида Насра сына Ахмедова, при которомъ поѣхалъ Абу-Долефъ въ Сендабиль [20].

---

[19] Kosmographie, herausgegeben von Wüstenfeld, II, 275.

[20] См. Histoire des Samanides par Mirkhond, texte persan, accompagné de notes critiques, historiques et géographiques par M. Defrémery (Paris, 1854), p. 129 et 235; а также у Вейля, въ его Geschichte der Chalifen, II, 625—627.

А если такъ, значитъ не былъ авторъ «сказанія» и въ Седжестанѣ; лживое-же показаніе такого рода со стороны Абу-Долефа, если-бы «сказаніе» дѣйствительно ему принадлежало, едва-ли мыслимо.

Да не знаемъ мы и того, когда именно выѣхалъ Абу-Долефъ изъ Мавераннагра, съ посольствомъ отъ Насра сына Ахмедова, ибо заключеніе Курдъ фонъ-Шлёцера что выѣхать изъ Бухары долженъ былъ онъ въ 331 или 330 году гиджры [21] основывается на вставкѣ въ «сказаніи», автору послѣдняго, кто-бы онъ ни былъ, не принадлежащей, и ему означеннымъ издателемъ «сказанія» приписанной ошибочно [22]. Съ возвращеніемъ-же означенной вставки неизвѣстнымъ авторамъ ея по-принадлежности, оказывается что время отъѣзда Абу-Долефа изъ Мавераннагра покрыто такимъ же туманомъ какъ и время возвращенія его въ мусульманскія страны черезъ Седжестанъ.

Въ заключеніе этой замѣтки о неизвѣстности времени отъѣзда Абу-Долефа изъ Мавераннагра въ «страны Турковъ», замѣтимъ относительно того обстоятельства которое выдается въ «рисалэ» поводомъ къ этому путешествію — сватовства дочери «царя китайскаго» за сына Насрова — что отправленіе пословъ отъ Насра съ означенною цѣлію могло имѣть мѣсто и безъ предварительнаго къ нему посольства отъ «китайскаго царя», по собственной Насра мысли, которая могла зародиться въ немъ вслѣдствіе какихъ-либо разсказовъ о красотѣ «китайской» царевны, до-

---

[21] Abu Dolefi Commentarius, p. 3.

[22] Почему означенная вставка не принадлежитъ автору «сказанія», разъяснено въ статьѣ нашей «О странствованіи Абу-Долефа по Средней-Азіи», напечатанной въ сентябрской книгѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1872 годъ, стрн. 17—18. Въ этой же статьѣ, написанной послѣ того какъ настоящая глава была уже мною окончена, выставлены и нѣкоторыя другія обстоятельства заставляющія думать что, или «сказаніе» не принадлежитъ Абу-Долефу, или что самъ онъ не ѣздилъ по тѣмъ странамъ которыя описываются въ «сказаніи».

шедшихъ до слуха Насрова отъ торговцевъ изъ Китая, караванъ которыхъ и возведенъ «сказаніемъ» въ посольство. Въ такомъ случаѣ ничто не мѣшало Насру обратиться съ предложеніемъ своимъ, не только къ кому-либо изъ вассальныхъ Китаю владѣльцевъ, но даже и къ кому-либо изъ лицъ носившихъ императорскій титулъ. Могло быть, въ такомъ случаѣ, даже и то, что «царь китайскій» согласился, съ своей стороны, удовлетворить желаніе Насра, и невѣста изъ Китая дѣйствительно прибыла въ Мавераннагръ. Только произошло это съ употребленіемъ подлога, къ какому, въ подобныхъ случаяхъ, весьма нерѣдко прибѣгали владыки Китая: подъ именемъ царевенъ, дочерей императорскихъ, отправлялись въ замужество за иноземныхъ владѣльцевъ дочери придворныхъ сановниковъ. И мало того что тоже самое могло случиться съ Насромъ, оно дѣйствительно случилось, по *Ляо-ши* (Исторія Киданьской-Династіи), съ владѣльцемъ даши'скимъ (мавераннагрскимъ) по-имени *Цѣ-гэ*, о которомъ исторія эта сказываетъ что онъ, въ 1021 году, присылалъ пословъ къ Киданьскому Двору съ просьбою о невѣстѣ для своего сына, и что по просьбѣ этой императоръ Шенъ-цзунъ выдалъ за даши'скаго князя, *Хе-лао* по-имени, дочь вельможи своего Хусулі'я, наградивъ ее, при этомъ, титуломъ *гунъ-чжу* [23]. Въ 1021 году, ни Насра, ни кого-либо изъ сыновей его, давно уже не было въ-живыхъ; не существовало даже и самой династіи Саманидовъ. Но обстоятельства о которыхъ говоритъ *Ляо-ши* такъ сходны съ заключающимися въ «сказаніи», что, невольно думается, въ обоихъ ихъ идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же событіи. Не ошиблись-ли въ хронологіи составители *Ляо-ши*, не отнесли-ли они какъ-нибудь къ правленію Шенъ-цзуна сватовства Цѣ-гэ имѣвшаго мѣсто при Тай-цзунѣ (926—947 по Р. Х.)? Это едва-ли вѣроятно. Скорѣе можно думать что эми-

[23] Сообщено мнѣ М. Н. Суровцевымъ, съ указаніемъ что извѣстіе это находится въ Ляо-ши, ц. 16, л. 6.

ру Насру приписано въ «сказаніи» то что сдѣлано было, 80-ю годами позже, кѣмъ-либо изъ потомковъ Гарунъ-Богра-хановыхъ сидѣвшихъ тогда въ Мавераннагрѣ. Наконецъ, можетъ быть и то что сватовство Цѣ-гэ — не единственный примѣръ подобнаго случая, и что въ неизвѣстныхъ намъ исторіяхъ китайскихъ династій современныхъ Саманидамъ находятся упоминанія и о другихъ сватовствахъ съ Запада [24].

---

[24] Выше, въ своемъ мѣстѣ, забыли мы упомянуть что небольшой комментарій на «рисалэ» Абу-Долефа (въ англійскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ латинскаго по К. ф. Шлёцеру) данъ и Генри Юл'емъ въ его превосходной книгѣ: Cathay and the way thither (London, 1866); I, preliminary essay, p. CLXXXVI — CXCIII. Къ-сожалѣнію, о комментаріѣ этомъ нельзя сказать чтобы почтенный ученый былъ въ немъ столь же счастливъ какъ во многихъ другихъ его работахъ такого же рода. Не выяснивъ ровно ничего, высказываетъ онъ въ-заключеніе что «On the whole the impression gathered is, that the author's work (like that of some more modern travellers) contained genuine matter in an arrangement that was not genuine; but that some at least of the perplexities found in it are due to the manner in which its fragments have been preserved and joined together».

IX

Восточный-Туркестанъ со времени паденія Тханской-Династіи до завоеванія его Монголами въ началѣ XIII вѣка.

Съ паденіемъ Тханской-Династіи начался въ Китаѣ періодъ междоусобій, продолжавшійся 53 года (907 — 960 по Р. Х.); въ-теченіе этого времени смѣнилось въ немъ пять главныхъ династій (Лянъ, Хэу-Тханъ, Хэу-Цзинь, Хэу-Хань и Чжеу), независимо отъ десяти менѣе значительныхъ, возникшихъ въ разныхъ частяхъ страны. Не прежде какъ по вступленіи на престолъ, въ 960 году, основателя Сун'ской-Династіи, сталъ Китай сплачиваться опять подъ рукою его въ одно политическое цѣлое; но сѣверная половина страны подпала между-тѣмъ подъ власть иноземцевъ и не могла уже быть возвращена. Усилившіеся въ Восточной-Монголіи владыки народа Кидань захватили и удержали за собою Пекинъ съ частію нынѣшнихъ губерній Чжили и Саньси, а позже, Чжурчжени, ниспровергшіе Царство Киданьское, распространили власть свою въ восточной части Сѣвернаго-Китая до самой рѣки Хуай. Сѣверо-западный уголъ Китая (нынѣшняя губернія Ганьсу съ Ордосомъ и за-Ордосомъ) сдѣлался тѣмъ временемъ добычею государей тангутскаго происхожденія, основавшихъ тамъ сильное государство, которое, какъ и имперія Чжурчженей, существовало до разрушенія обоихъ, въ XIII вѣкѣ, Монголами.

Таковы были, въ разсматриваемый періодъ, важнѣйшія политическія перемѣны на пространствѣ къ востоку отъ Таримскаго-Бассейна. Къ западу оттуда, за Памиромъ, въ бассейнахъ Аму и Сыра, владычество халифовъ утвердилось окончательно, но, ни при намѣстникахъ ихъ, ни при независимыхъ мусульманскихъ династіяхъ позже здѣсь властвовавшихъ, господство Мусульманъ не проникало на востокъ далѣе Бадахшана и Ферганской-Долины.

Какія-же политическія перемѣны имѣли мѣсто междутѣмъ въ предѣлахъ самого В. Туркестана? Знаемъ объ этомъ весьма мало и весьма сбивчиво. Китайскія извѣстія, лучшія какія имѣемъ изъ разсматриваемаго періода, относятся лишь до Хотанскаго и Гаочанскаго владѣній.

Вотъ въ чемъ заключаются извѣстія о сношеніяхъ Хотана съ Китаемъ [1]:

Въ-продолженіе краткаго владычеетва въ Западномъ-Китаѣ династіи Хэу-Цзинь, именно въ третьемъ году правленія императора Гао-цзу (938 по Р. Х.) прибыло — сказываютъ Китайцы — ко Двору его посольство съ данью отъ хотанскаго (Юйтхянь) государя Ли-шень-тхянь (Li-ching-thian); привезло оно въ дань красную соль, золото въ сыромъ видѣ, яковые хвосты, куски камня *юй* и сукно. Гао-цзу, должно полагать, былъ весьма польщенъ такимъ выраженіемъ безкорыстной преданности со стороны отдаленнаго владѣнія на которое не могъ онъ имѣть никакого вліянія, ибо, видимъ, тотчасъже пожаловалъ хотанскому государю почетный титулъ, и, для сообщенія ему этой почести, рѣшилъ отправить въ Хотанъ своего посла. Главою посольства назначенъ былъ важный сановникъ Чжанъ-хуанъ-ѣ съ приличною свитою, въ числѣ которой находился и Гао-

---

[1] Извѣстія эти извлекаемъ мы изъ Histoire de la ville de Khotan, Абель-Ремюзы (pp. 73—100), которая, какъ уже сказано, есть переводъ китайской компиляціи о Хотанѣ входящей въ составъ огромной энциклопедіи Гу-цзинь-тху-шу, изданной въ правленіе Кханъ-си (1661—1722).

цюй-хой (Kao-khiu-hoeï), представившій, по возвращеніи, описаніе пути которымъ слѣдовало посольство по своему назначенію. «Описаніе» это сохранилось до насъ, и составляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ документовъ по отношенію къ изучаемой нами странѣ. Посольство выступило въ путь изъ Линъ-чжеу зимою того же 938 года, и возвратилось въ отечество зимою же, лишь въ седьмомъ году правленію Гао-цзу. Описаніе пути которымъ слѣдовало посольство до Хотана, и свѣдѣнія сообщаемыя имъ объ этомъ владѣніи, приведены и комментированы Риттеромъ въ I-мъ томѣ его Asien (ss. 212 — 214), и затѣмъ въ V-мъ (ss. 375 — 377); первую половину Риттерова пересказа соотечественники наши имѣютъ въ русскомъ переводѣ П. П. Семенова («Землевѣдѣніе Азіи», I, 579 — 581), послѣднюю — въ моемъ (см. первый выпускъ, стр. 77 — 79). Послѣ этого лишнимъ-бы казалось вновь передавать реляцію Гао-цюй-хоя; но, въ виду тѣхъ ошибокъ которыя вкрались въ Риттерово изложеніе (см. въ первомъ выпускѣ прим. CCI) и тѣхъ объяснительныхъ вставокъ которыя вплелъ онъ въ китайскій разсказъ, безъ указанія, по своему обычаю, что это его, Риттера, вставки, — слѣдующій, точный, пересказъ означенной реляціи будетъ, полагаемъ мы, совершенно-умѣстенъ въ настоящемъ трудѣ.

«Выѣхавъ изъ *Линъ-чжеу* [2], переправились мы черезъ *Хуанъ-хэ*, и сдѣлавъ 30 ли, начали вступать въ пески которыми владѣютъ *Данъ-сян*'ы [3]. Страну эту называютъ *Си-яо-ша*, *Шинъ-шу-ша* и *Санъ-гунъ-ша*. Тутъ-то и имѣетъ

---

[2] Линъ-чжеу — городокъ на правомъ берегу Хуанъ-хэ (Желтой-Рѣки), въ 90 ли къ югу отъ Нинъ-ся-фу, областнаго города въ губерніи Гань-су.

[3] Данъ-сянъ (Thang-hiang) — отрасль Цяновъ, т. е. Восточныхъ-Тибетцевъ, жившая первоначально къ югу отъ Хухунора, на правомъ берегу Желтой-Рѣки, потомъ, въ VII вѣкѣ, выселившаяся въ области Ся-чжеу и Линъ-чжеу, а затѣмъ, въ концѣ VIII вѣка, бѣжавшая оттуда въ Хэ-си («Исторія Тибета и Хухунора», пер. съ китайскаго Іакинѳа Бичурина, I, 237—247).

мѣстопребываніе начальникъ *Юечжійскаго*-Округа [4]. Изъ этихъ песковъ, черезъ 400 ли пути, прибыли мы къ пескамъ «Черной-Дороги», чрезвычайно-обширнымъ. Отсюда взобрались на песчаную гору гдѣ находится ставка главы Дансяновъ, титулующаго себя императоромъ Нѣ-яй'скимъ (Nieï-yaï?). Затѣмъ переправились черезъ рѣку *Бэй-тхинъ* (Pe-thing) и прибыли въ *Лянъ-чжеу*. Изъ Лянъ-чжеу, черезъ 500 ли пути къ западу, пріѣзжаютъ въ *Гань-чжеу*. Въ Гань-чжеу пребываютъ *Хойху*. Горы лежащія отсюда къ югу въ разстояніи около 100 ли суть страна гдѣ, во времена Ханьской-Династіи, жилъ древній народъ по имени *Малые-Юечжи* [5]. Теперь тамъ народъ другаго племени, называемый *Шато*'сцами, и происходящій, сказываютъ, отъ *Чу-ѣ* [6]. Отъ Гань-чжеу къ западу начинается каменистая степь гдѣ нѣтъ воды, такъ-что путники должны везти ее съ собою. Жители Гань-чжеу научили посольство подко-

---

[4] Замѣчательно что въ Хэ-си память о томъ что тутъ жили Юечжи, выселившіеся отсюда во II-мъ вѣкѣ передъ Р. Х., сохранялась еще въ X вѣкѣ нашей эры. Впрочемъ, часть Юечжійцевъ, быть-можетъ, и оставалась тутъ послѣ того какъ большинство этого народа ушло, въ означенное время, частію въ Джунгарію, частію въ Тангутъ.

[5] По «Историческимъ Запискамъ» Сымацян'я и «Исторіи Старшаго Дома Хань», Малыми-Юечжи сосѣдніе имъ Цяны называли тѣхъ Юечжійцевъ которые, при общемъ движеніи этого народа, изъ жилищъ его между Дуньхуаномъ и Циляньшан'емъ, на западъ, не могли, по малосилію, слѣдовать туда и остались въ Южныхъ-Горахъ (Нань-шань). См. «Собр. свѣд. о народ. Средней-Азіи», III, 7 и 55.

[6] По-французски у Абель-Ремюза читаемъ: Il y a une race différente de ces peuples (petits Jouei-chi), qu'on nomme Cha-tho du mont du bois de cerf; on la dit issue de la famille de Tchuye. Мы оставили безъ перевода слова du mont du bois de cerf, которыя кажутся намъ не имѣющими смысла, и вставили, для ясности, слова «теперь тамъ», требуемыя по-видимому смысломъ, хотя и не знаемъ жили-ли еще въ 930-хъ годахъ къ югу отъ Гань-чжеу какіе-либо остатки тѣхъ Шатосцевъ которые дѣйствительно были переселены сюда, изъ Юговосточной Джунгаріи, Тибетцами, въ концѣ VIII вѣка, но вскорѣ послѣ того бѣжали въ Хэ-си, къ Линъ-чжеу. Родъ Чу-ѣ, отдѣленіе котораго составляли Шатосцы, принадлежалъ къ тюркскимъ и кочевалъ въ Джунгаріи, на западъ отъ Баркюля. См. «Собр. свѣд.» I (2), 452—455.

вать лошадей, чтобы они не скользили, на деревянныя подковы; въ подковахъ этихъ дѣлаютъ четыре дыры; четыре дыры просверливаютъ и въ копытѣ лошади: посредствомъ этихъ дыръ [7] и прикрѣпляютъ подкову къ копыту. Верблюдамъ, чтобы не портили ногъ, обвязываютъ ихъ бычачьею кожею. Черезъ 500 ли къ сѣверо-западу отъ Гань-чжеу пріѣзжаешь въ *Су-чжеу*. Затѣмъ переѣзжаютъ «Золотую-Рѣку», и, сдѣлавъ 100 ли къ западу, выходятъ [8] тѣсниною по-имени «Небесныя-Врата». Еще черезъ 100 ли къ западу выходятъ ущельемъ по-названію «Яшмовыя-Ворота» [9]. Дорога огибаетъ границу съ Тибетцами [10]. У послѣднихъ мужчины носятъ калпаки, какъ у Китайцевъ; женщины-же раздѣляютъ волоса̀ [11] и переплетаютъ ихъ съ жемчугомъ. О жемчугѣ этомъ сказываютъ что каждая жемчужина изъ лучшихъ промѣнивается на добраго коня. Далѣе на западъ пріѣзжаешь въ *Гуа-чжеу* и *Ша-чжеу* [12]. Въ обоихъ этихъ городахъ много Китайцевъ. Когда сдѣлалось извѣство что ѣдетъ посольство отъ дома Цзинь, правитель ихъ, Юанъ-чинъ, вмѣстѣ съ другими чиновниками, вышелъ къ намъ на встрѣчу, и освѣдомился о положеніи дѣлъ императора. Въ 10 ли къ югу отъ Гуа-чжеу лежатъ пѣвучіе пески. Увѣряютъ что и зимою, и лѣтомъ, слышатся тамъ голоса̀ подражающіе раскатамъ грома [13], и что это именно тѣ «сыпучіе пески» о коихъ упоминает-

---

[7] Не посредствомъ дыръ, а, должно быть, посредствомъ шиповъ запускаемыхъ въ эти дыры.

[8] «Выходятъ», т. е. выходятъ изъ китайскихъ предѣловъ.

[9] Гдѣ, надо думать, нынѣшній городокъ Юй-мынь-сянь (Yu-men-hian).

[10] Т. е. тибетскія зѐмли лежали къ югу отъ дороги.

[11] Т. е. дѣлаютъ проборъ на головѣ, и затѣмъ заплетаютъ волоса̀ въ косы, а не подымаютъ ихъ пучкомъ кверху.

[12] Гуа-чжеу — подъ 40° 15' С. Ш. и 92° 50' В. Д. (отъ Парижа); Ша-чжеу — подъ 39° 40' С. Ш. и 92° 30' В. Д. (по тому же меридіану). См. Біо: Dictionnaire des noms des villes et arrondissements dans l'empire Chinois, pp. 307 и 309.

[13] Т. е. звуки похожіе на раскаты грома.

ся въ Юй-гун'ѣ [14]. Въ 10 ли къ юго-востоку находится гора *Санъ-вэй*, куда, сказываютъ, удалились три *Мяо* [15]. Къ западу (отъ Гуа-чжеу) переѣзжаютъ черезъ рѣку *Дусянъ* (Tou-hiang) [16], за которою и начинаются пески *Янъгуань*'скіе. Къ западу отъ Ша-чжеу — страна *Чжунъ-юн*'ей кочующихъ въ пустынѣ *Ху-лю* (Hou-liu). Сказываютъ будто Чжунъ-юн'и происходятъ отъ *Малыхъ-Юечжи* [17]. Народъ это мужественный и воинственный. Жители Гуачжеу и Ша-чжеу весьма ихъ побаиваются. Минъ-ди, императоръ Ханьской-Династіи, побилъ нѣкогда Хунну'сцевъ въ странѣ Ву-лю [18]: эту Ву-лю и называютъ нынѣ *Ху-люй*'скою-Пустыней. Воды тамъ нѣтъ, и погода постоянно холодная; снѣгу-же выпадаетъ много, почему, при оттепели, онъ таетъ: этою снѣговою водою и довольствуются. Въ зѐмли этихъ Чжунъюн'ей и вступилъ Чжанъ-хуанъ-ѣ со свитою, слѣдуя на западъ, и прибылъ въ городъ *Датхунь* (Ta-thun) [19]. Чжунъюн'и выслали для встрѣчи его 4-хъ совѣтниковъ и 37 другихъ должностныхъ лицъ [20]. Когда

---

[14] Т. е. въ первой главѣ втораго отдѣла Конфуціевой книги Шу-цзинъ.

[15] По той же Шу-цзинъ; см. отдѣлъ первый, главу вторую.

[16] Надо полагать что это рѣка нынѣ называющаяся Ширголдзинъ-голъ.

[17] Извѣстіе весьма любопытное, свидѣтельствующее что потомство Юечжійцевъ, народа индоевропейской семьи, сохранялось въ исконныхъ мѣстахъ своего жительства еще въ X вѣкѣ по Р. Х. Къ-сожалѣнію я не могъ найти никакихъ другихъ извѣстій объ этихъ Чжунъ-юн'яхъ (Tchoung-yun).

[18] Вулю, или Ивулу, страна которою, при Минъ-ди, овладѣли Китайцы, отнявъ ее у Хунновъ, находилась отъ Ша-чжеу не къ западу, а къ сѣверу. См. «Собр. свѣд.» III, 102.

[19] Нѣтъ причинъ думать чтобы посольство, во главѣ котораго находился Чжанъ-хуанъ-ѣ, ѣхало изъ Ша-чжеу до Хотана иною дорогою чѣмъ та которою слѣдовали Сонъ-юнь и (въ обратный путь) Сюань-цзанъ, но мѣстности о которыхъ упоминается въ маршрутѣ этого посольства, начиная съ Да-тхун'я, совершенно-другія чѣмъ у означенныхъ путешественниковъ, и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, несходныя съ именами городовъ и владѣній какими пролегалъ путь до Хотана при обѣихъ Ханьскихъ династіяхъ.

[20] Quatre conseillers et trente-sept commandans, значится собственно въ переводѣ Абель-Ремюзы.

Чжанъ-хуанъ-ѣ предъявилъ имъ императорскіе указы, они приняли ихъ распростершись въ направленіи къ востоку. На западъ отъ чжунъюньскихъ предѣловъ вступаешь въ *Цянь*'скую-Пустыню [21]. Воды тамъ нѣтъ, и для утоленія жажды приходится рыть почву, и сырой песокъ изъ нея добываемый прикладывать къ груди. Еще далѣе къ западу переходятъ черезъ рѣку *Сянь* (Hian). Ледъ на ней былъ такъ скользокъ, что понадобилось нарубить ивовыхъ вѣтвей и настлать ихъ по льду чтобы можно было пройти не падая. Еще далѣе на западъ, и пріѣзжаешь въ *Ганьчжеу*. Городъ этотъ основанъ Хотанцами. Отъ Ша-чжеу лежитъ онъ къ юго-западу, а отъ столицы [22], какъ увѣряютъ, находится въ разстояніи 9500 ли. Черезъ два дня пути оттуда пріѣзжаютъ въ *Ань-цзюй-чжеу* ('An-klou-tcheou), и затѣмъ, наконецъ, въ *Хотанъ* (Юйтхянь). Ли-шинъ-тхянь носитъ одежду и шапку похожія на китайскія. Зданія дворца его обращены всѣ фасадомъ на востокъ. Дворецъ этотъ зовется Цзинь-цэ-дянь (Kin-thse-tian). Есть также особый павильонъ называемый павильономъ «Семи-Феникс-совъ». Изъ винограда въ этой странѣ выдѣлываютъ вино. Имѣется, кромѣ того, вино фіолетоваго, и вино голубаго цвѣта. Не знаю изъ чего ихъ приготовляютъ, а на вкусъ оба очень пріятны. Въ пищу употребляютъ Хотанцы рисъ приправленный медомъ, и просо вареное на молоко. Одежду носятъ какъ полотняную, такъ и шелковую. Имѣютъ сады въ которыхъ возращаютъ деревья съ цвѣтами. Поклоняются духамъ, но преимущественно Буддѣ. Ли-шинъ-тхяня во дворцѣ его постоянно окружаютъ до пятидесяти духовныхъ лицъ, одѣтыхъ въ платье фіолетоваго цвѣта. Время правленія его имѣетъ названіе Тхунъ-цзинъ (Thoung-

---

[21] Точное произношеніе китайскаго знака читаемаго Абель-Ремюзою за цянь (kian), по его же собственному замѣчанію, неизвѣстно.

[22] Т. е. отъ столичнаго города Хэу-цзиньскихъ владѣній, какимъ былъ вначалѣ Ло-янъ, а потомъ Гай-фынъ-фу.

king)[23]. Нынѣ (въ 940 году) идетъ 29-е лѣто этого правленія. Юго-восточная часть его владѣнія зовется *Янь-чжеу* (Jen-tcheou), *Лу-чжеу* (Lou-tcheou) и *Мэй-чжеу* (Meï-tcheou). Округъ гдѣ добываютъ камень *юй* находится въ 1300 ли къ югу. Утверждаютъ будто Хотанъ есть крайній предѣлъ до котораго доходилъ Чжанъ-цянь во времена Ханьской Династіи[24]. Въ этой землѣ и начало Хуанъ-хэ[25]; въ ея же горахъ находятся и богатѣйшія мѣсторожденія *юй*. Оттуда вытекаетъ рѣка, которая, достигнувъ Хотана, раздѣляется на три рукава: восточный зовется рѣкою бѣлаго *юй*, западный — рѣкою чернаго *юй*, а середній между ними — рѣкою зеленаго *юй*. Во всѣхъ трехъ находятъ *юй*, но въ каждой особаго цвѣта. Ежегодно, осенью, когда рѣка пересыхаетъ, отправляется добывать *юй* самъ государь, послѣ-же него дозволяется это и всѣмъ обывателямъ. Отъ Линъ-чжеу, гдѣ переправились мы черезъ Хуанъ-хэ, и до Хотана встрѣчали мы время отъ времени стойбища Тибетцевъ. Жители Хотана находятся въ постоянной съ ними войнѣ. Когда Чжанъ-хуанъ-ѣ съ товарищами прибыли въ Хотанъ, Ли-шинъ-тхянь встрѣтилъ ихъ сильными упреками, требуя чтобы съ нимъ заключенъ былъ договоръ; и только по заключеніи трактата отправились послы въ обратный путь».

Стало-быть, сколько можно понять, владѣлецъ хотанскій искалъ расположенія китайскаго императора присылкою дани — не безкорыстно, а имѣя въ виду склонить его къ союзу съ собою противу Тибетцевъ: значитъ въ это

---

[23] Значитъ, въ Хотанѣ усвоенъ былъ и китайскій обычай перемѣнять, при вступленіи на престолъ, прежнее имя и принимать новое, которымъ и называется царствующее лицо въ-продолженіе его правленія.

[24] Стало-быть уже въ самомъ Китаѣ возникали сомнѣнія на счетъ того, дѣйствительно-ли заходилъ Чжанъ-цянь въ тѣ далекія страны о которыхъ говорилъ и писалъ какъ очевидецъ, и сомнѣнія эти не въ его пользу разрѣшались.

[25] Почему такъ, разъяснено уже въ первомъ выпускѣ (стрн. 295).

время, въ 940-хъ годахъ, онъ или не зависѣлъ уже отъ Тибетцевъ, или старался освободиться отъ такой зависимости, слѣдовательно Тибетцы были еще опасны.

Не успѣли возвратиться домой китайскіе послы, какъ ко Двору въ Гай-фынъ-фу прибыло, въ 942 году, новое посольство изъ Хотана. Смѣнилась въ Гай-фынъ-фу Хэу-цзинская династія Хэу-ханьскою, и въ 947 и 948 годахъ Хотанцы являлись съ данью и къ этой эфемерной династіи. Въ 960 году вступилъ на престолъ въ Гай-фынъ-фу основатель Сунской-Династіи, Тхай-цзу, и на слѣдующій-же годъ Ли-шинъ-тхянь хотанскій уже привѣтствовалъ его съ воцареніемъ. Скоро, значитъ, узнавали въ Хотанѣ о происшествіяхъ въ Китаѣ, а это могло имѣть мѣсто лишь при постоянныхъ сношеніяхъ между обѣими странами. Замѣчательно что вмѣстѣ съ дарами отъ Ли-шинъ-тхяня присланы были изъ Хотана и особые дары отъ Мани, лица титуловавшаго себя «государственнымъ учителемъ». Этотъ же самый титулъ получилъ впослѣдствіи отъ Хубилая и лама поставленный имъ правителемъ Тибета. Можно думать, поэтому, что, при сильной преданности Буддизму, и народа, и государей страны, рано возникъ въ Хотанѣ высшій представитель духовной іерархіи, не остававшійся безъ вліянія и на государственное управленіе. Счастливо пошли затѣмъ дѣла́ Тхай-цзу, и въ 965 году послы хотанскіе представили въ дань ему 1000 лошадей, 500 верблюдовъ, 500 кусковъ камня *юй*, и 500 фунтовъ янтарю. Судя по количеству этой дани — если только была это дань, а не товаръ торговаго каравана подъ видомъ посольства — слава о могуществѣ Тхай-цзу на Западѣ была уже велика. Вслѣдъ за посольствомъ явились ко Двору Шень-мынь и Шень-фа, буддійскіе шамыни изъ Хотана, зачѣмъ — неизвѣстно, но были одарены по приказанію императора. На слѣдующій годъ дань изъ Хотана привезъ уже лично сынъ хотанскаго владѣльца, Дэ-цзунъ (Te-tsoung) по-имени. Явно что Хотанцы заискивали у китайскаго

императора, и между обѣими странами установились, съ водвореніемъ спокойствія въ Китаѣ, весьма живыя сношенія. Видимъ это изъ того также что въ 969 году, кромѣ посольства съ данью изъ Хотана, опять пріѣзжалъ ко Двору хотанскій буддистъ Шень-мынь и «привезъ въ дань» грузъ асса-фетиды. Въ 971 году другой буддійскій шамынь изъ Хотана привозилъ письмо отъ своего государя къ императору, съ предложеніемъ прислать въ даръ послѣднему слона, «обученнаго плясать», которымъ овладѣли Хотанцы воюя съ Кашгаромъ. Затѣмъ видимъ 30-лѣтній перерывъ въ сношеніяхъ. Новое посольство изъ Хотана съ данью пріѣзжаетъ уже въ 1009 году, и во главѣ посольства является не хотанецъ, а уйгурецъ (хой-ху), по-имени Ло-сы-вынь (Lo-sse-wen). На вопросъ императора Чжэнь-цзуна, сколько времени провелъ онъ въ пути, посолъ отвѣчалъ: «Цѣлый годъ; но прежде дорога подвергалась нападеніямъ отъ разбойниковъ, нынѣ-же отъ Гуа-чжеу и Ша-чжеу до самой Юйтяни она безопасна, и ѣдутъ по ней стольже покойно какъ вода течетъ». Посольство изъ Хотана въ 1025 году доставило, въ числѣ дани, одногорбыхъ верблюдовъ, ладанъ и нашатырь. Затѣмъ во главѣ посольства оттудаже, почти черезъ 40 лѣтъ, именно въ 1063 году, опять является лицо съ именемъ Ло-са-вынь (Lo-sa-wen), и государь хотанскій получаетъ отъ императора Жинь-цуна длиннѣйшее почетное прозвище, въ которомъ титулуется, между прочимъ, *хэулинь-хэхань*, «августѣйшимъ хаганомъ» [26]. Въ періодъ 1063 — 1077 годовъ посольства изъ Хотана пріѣзжали почти ежегодно, иногда даже по два раза въ годъ. Въ дань доставляли они *юй*,

---

[26] Хэу-линь: такъ звалась въ Хотанѣ, по объясненію хотанскаго посла, «птица съ золотыми крыльями», должно-быть что-нибудь въ родѣ гюма у Персовъ; почему титулъ хэу-линь долженъ соотвѣтствовать персидскому гумаюнъ и употребляться въ томъ же смыслѣ, т. е. «покровительствуемый птицею гюма» (предвѣстницею счастья), augustus.

жемчугъ, кораллы, слоновую кость, янтарь, ладанъ, благовонныя деревья, гагачій пухъ, узорныя полотна, ткани Западныхъ-Странъ, конскую сбрую украшенную *юй*'емъ, нашатырь, камфору, ртуть, гвоздику и другіе предметы [27]. Являлись посольства и безъ граматъ; тѣмъ-не-менѣе ихъ принимали, и за товары «которые брали у нихъ» отдаривали ихъ волнистыми шелковыми тканями, золотыми поясами, посудой и другими вещами, а государю посылали великолѣпныя одѣянія. Караваны приходившіе вмѣстѣ съ посольствами всего болѣе привозили ладану, «такъ-какъ это мѣстное произведеніе въ Хотанѣ». Безполезный ладанъ, находившій однако покупщиковъ въ Китаѣ, и эти безпаспортныя посольства надоѣли, наконецъ, до того что въ 1078 году императорскимъ указомъ повелѣно было впускать въ предѣлы Имперіи только посольства съ вѣрительными граматами которыя будутъ приводить лошадей и ословъ, ввозъ-же ладану воспретить. Въ 1081 году хотанскій государь прислалъ письмо императору, прося увѣдомить его объ участи трехъ посольствъ изъ Хотана въ Китай, которыя не возвратились домой. Письмо это начиналось такимъ образомъ: «Отъ Леу-ло Хотанскаго, счастливаго, сильнаго, искуснаго въ наукахъ и божественномъ ученіи, хагана и вана — великому царю Востока, откуда солнце начинаетъ ходъ свой, владыкѣ вселенной, полей и земли, повелителю Китая». Любопытенъ также отвѣтъ посла который привезъ это письмо, на вопросъ императора Шинъ-цуна: сколько времени нужно ему для возвратнаго пути въ свою землю, черезъ какія владѣнія надо туда ѣхать, и не представляетъ-ли этотъ путь какихъ-либо опасностей? Посолъ отвѣчалъ что «вотъ уже четыре года какъ оставилъ онъ родину, а между тѣмъ совершилъ только половину своего пути, такъ-какъ ему предстоитъ еще

---

[27] Въ томъ числѣ непонятные для насъ sel de dragon и pierre de Venus, по переводу Абель-Ремюзы.

проѣхать великою пустынею желтоголовыхъ-Хойху [28], но грабежей опасается онъ только отъ Киданей. Ради чего всѣ посланцы направляющіеся (изъ Хотана) въ различныя страны на окраинахъ Китая запасаются письмами къ Лисян'ю» [29]. Съ 1085 года посольства изъ Хотана съ данью являлись ежегодно. Въ 1093-мъ хотанскій государь просилъ у императора позволенія напасть на Тангутское-Государство [30], но согласія на это не послѣдовало. Тѣмъ-неменѣе, въ 1094 — 1097 годахъ войска хотанскія напали на Ша-чжеу, Су-чжеу и Гань-чжеу, «ибо — увѣдомлялъ императора государь хотанскій — преступленія дома Мянь-яо [31] не могли быть наказаны иначе». Преступленія эти, какъ видно изъ донесенія китайскаго военнаго начальника въ Цинь-чжеу (Thsin-tcheou), заключались въ томъ что владѣвшіе означенными городами Тангутцы задерживали «посольства съ данью которую исправно доставляли жители Хотана, Арабы, Римляне [32] и другіе народы». Вооруженная защита торговыхъ интересовъ своихъ Хотанцами, долж-

---

[28] Какіе это Уйгуры отличались прозваніемъ «желтоголовыхъ», и значитъ-ли этотъ эпитетъ что они носили шапки желтаго цвѣта, или волоса имѣли бѣлокурые — неизвѣстно, говоритъ Абель-Ремюза; по Клапроту-же (Ueber die Sprache und Schrift der Uiguren, Paris, 1820, s. 68) это, вѣроятно, тотъ самый народъ который упоминается позже, у Китайцевъ и Монголовъ, подъ именемъ «Желтыхъ Уйгуровъ». Прибавимъ къ этому отъ себя, что подъ именемъ Сарыгъ-Уйгуръ, «Желтая-Уйгурія», говорится въ Тарихи-Рашиди о краѣ, по-видимому, на сѣверъ и востокъ отъ Лобъ-нора.

[29] Ли-сянь (Li-hian) — фамильное прозвище государей властвовавшихъ въ Нинъ-ся (тангутскихъ).

[30] Т. е. на то государство которое, подъ именемъ Си-ся (Si-hia), существовало въ западныхъ предѣлахъ Китая, владѣя съ тѣмъ вмѣстѣ и странами около Хухунора (собственно Тангутомъ).

[31] Подъ «домомъ Мянь-яо» разумѣется здѣсь по-видимому таже династія о которой шла рѣчь въ предшествующемъ примѣчаніи, т. е. династія Сися'скихъ государей.

[32] Такъ въ переводѣ Абель-Ремюзы, который «Арабами» перевелъ, конечно Даши китайскаго текста, а «Римлянами» — китайское Фолинь, означавшее въ это время Византійскую-Имперію.

но полагать, сопровождалась успѣхомъ: до 1119 года, сказываютъ Китайцы, не было никакого перерыва въ сношеніяхъ. Но затѣмъ, по неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, о присылкѣ дани изъ Хотана упоминается лишь подъ 1124 годомъ, а затѣмъ свѣдѣнія о сношеніяхъ съ этою страною вовсе прекращаются въ «Исторіи Суновъ».

Мы видѣли сейчасъ какъ хотанскій посолъ объяснялъ сунскому императору что послы изъ Хотана отправляются не только къ его Двору, но и въ различныя страны по окраинамъ Китая. Другими словами, это значитъ что Хотанцы имѣли торговыя связи съ этими странами, тоже подъ видомъ посольствъ. Нѣтъ сомнѣнія что въ числѣ этихъ странъ было и государство Ся, но положительныхъ свѣдѣній объ этомъ, кромѣ вышеприведенныхъ словъ означеннаго посла, мы не имѣемъ. О томъ-же что находились они въ сношеніяхъ съ Киданьскимъ-Царствомъ, имѣются свидѣтельства въ «Исторіи Династіи Ляо» *(Ляо-ши)*, какъ звался царствующій Киданьскій Домъ. Именно упоминается тамъ о представленіи дани изъ Юйтхяни въ 989, 990 и 1015 годахъ. Кромѣ-того, въ этотъ же промежутокъ доставлена была Киданьскому Двору изъ Хотана какая-то книга, писанная киноварью [33].

Все это свидѣтельствуетъ что въ разсматриваемый періодъ торговыя дѣла Хотанскаго-Владѣнія шли весьма успѣшно, и что даже въ политическомъ отношеніи играло оно роль гораздо-значительнѣе чѣмъ когда-либо прежде или послѣ того. Сношенія его съ Китаемъ и владѣніями облегавшими Китай съ запада и сѣвера производились, по-видимому, по ближайшему пути отъ Хотана на Ша-чжеу и Гуа-чжеу, по той, значитъ, «южной дорогѣ» которую, еще въ половинѣ VII вѣка, описывалъ Сюань-цзанъ такими мрачными красками. Видно не была эта дорога такъ тру-

---

[33] По выпискамъ изъ «Исторіи Ляо», сообщеннымъ мнѣ г. Суровцевымъ.

дно-проходима какъ показалось это знаменитому путешественнику. Ею же ѣхалъ и Чжанъ-хуанъ-ѣ въ 939 году. Посольства и караваны изъ Хотана въ Китай слѣдовали ею, съ половины X-го по XII-й вѣкъ, за недолгими перерывами, какъ видѣли мы сейчасъ, почти ежегодно, иногда по нѣскольку разъ въ годъ. Но что́ все болѣе свидѣтельствуетъ въ пользу относительныхъ удобствъ «южной дороги», это — возможность провести ею нѣсколько тысячь человѣкъ войска, какъ это имѣло мѣсто: въ 756 году — когда хотанскій владѣлецъ отправился лично на помощь къ китайскому императору противу мятежника Аньлушаня, и въ 1094—1097 годахъ — когда хотанскія войска проникали до Су-чжеу и Гань-чжеу, дѣйствуя противу Тангутцевъ. Дорога эта, значитъ, вовсе не была заброшена, и опустѣвшіе города̀ и селенія которыми пролегала она прежде, замѣнились, быть можетъ, новыми.

Переходимъ къ Гаочанскому-Владѣнію, слѣдующія о немъ свѣдѣнія почерпая изъ Мадуаньлиня [34].

Владѣніе это, видѣли мы (выше, стрн. 173), покоренное, въ 640-хъ годахъ, Китайцами, и обращенное ими въ область, было вскорѣ затѣмъ возстановлено, только въ другой формѣ — съ прежнею властвовавшею въ немъ династіею, но не съ титуломъ «государя» для ея лицъ, а лишь «правителя». Послѣ государственнаго разстройства произведеннаго Аньлушанемъ, на владѣніе это не обращалось уже вниманія. На-ряду съ Гаочан'омъ, стало оно принимать также названіе «Земли-Уйгуровъ» (Хойху), «такъ-какъ число послѣднихъ было въ немъ значительно», замѣчаетъ Мадуаньлинь. Утвердилась на престолѣ Китая Сунская-Династія, и, уже въ 962 году, Хойхусцы изъ Сичжеу, т. е. Гаочанскіе Уйгуры, явились, въ числѣ 42-хъ человѣкъ, поклониться новому императору произведеніями

[34] См. въ Journal Asiatique за 1847 годъ, t. IX, pp. 209—210.

своей земли. Затѣмъ, въ 965-мъ, владѣлецъ Си-чжеу'скихъ Хойхусцевъ прислалъ томуже императору, съ буддійскимъ шамынемъ Фа-юань по-имени, зубъ Будды, вазу изъ лябисъ-лазули и чашку изъ амбры. Послѣ того, въ 981 году, прибыло посольство изъ той же страны, и императоръ Тхай-цунъ нашелъ нужнымъ отвѣчать на него отправкою посла въ Гаочанское-Владѣніе отъ себя. Править это посольство назначенъ былъ сановникъ Ванъ-янь-дэ (Wang-yen-té) со свитою, который и отправился по назначенію въ томъ же году.

Реляцію объ этомъ посольствѣ находимъ мы у Мадуаньлиня [35], какъ полагаетъ Ст. Жюльенъ, въ сокращенномъ видѣ, какъ думаемъ мы — цѣликомъ. Это важный историко-географическій памятникъ, и мы считаемъ обязанностію передать его нашимъ читателямъ съ самыми ничтожными выпусками и выкинувъ лишь подробности о пути китайскаго посла изъ Ся-чжеу (Hia-tcheou, нынѣ Нинъ-ся-фу) до гаочанскихъ предѣловъ, весьма-поучительныя впрочемъ по отношенію къ тогдашнему положенію пустынныхъ странъ черезъ которыя онъ проѣзжалъ, но до нашего предмета не относящіяся. Потому разсказъ его начнемъ съ прибытія посольства къ означеннымъ предѣламъ. Въ степи тянущейся на сѣверъ отъ Юй-мынь-гуан'я, первый городокъ встрѣченный посольствомъ былъ *На-чжи*. Послѣ 3-хъ дней пути отсюда, имѣли роздыхъ при входѣ въ «Долину-Бѣсовъ». Черезъ 8 дней прибыли къ монастырю *И-тхянь-сы* (J-thien-sse) [36]. Государь гаочанскій, узнавъ о прибытіи императорскаго посла, выслалъ встрѣтить его (сюда?) нѣсколькихъ человѣкъ. За-

---

[35] Въ французскомъ переводѣ Ст. Жюльена напечатана эта реляція въ Journal Asiatique за 1847 годъ, t. IX, pp. 52 — 66. Впервые сдѣлалась она извѣстною Европѣ по извлеченію напечатанному Видлу, въ его дополненіяхъ къ Bibliothèque Orientale д'Эрбло (Maestricht, 1776), p. 137—138.

[36] Не тотъ-ли же самый это монастырь въ которомъ останавливался и Сюань-цзанъ по вступленіи въ предѣлы владѣнія И-ву?